А. Тунъ.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча,
предисловіемъ Г. Плеханова,
статьями: „Восьмидесятые годы" Д. Кольцова,
„О соціальной демократіи въ Россіи" Г. Плеханова
и примѣчаніями П. Лаврова.

ИЗДАНІЕ
„БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ВСѢХЪ"
О. Н. Рутенбергъ.

А. Тунъ

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ **Л. Дейча**,
предисловіемъ **Г. Плеханова**,
статьями: „Восьмидесятые годы" **Д. Кольцова**,
„О соціальной демократіи въ Россіи" **Г. Плеханова**
и примѣчаніями **П. Лаврова**.

ИЗДАНІЕ

„БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ВСѢХЪ"

О. Н. Рутенбергъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Среди событій послѣдняго времени, все болѣе и болѣе приковывающихъ къ себѣ вниманіе нѣмецкой публики чудовищностью употребленныхъ средствъ и полною таинственностью своихъ явленій, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ революціонное движеніе въ Россіи. Хотя это послѣднее въ теченіе періода съ 1879 года до 1881 повело къ формальной войнѣ между правительствомъ и загадочнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ, но этотъ для Россіи въ высшей степени важный рядъ событій не находитъ до сихъ поръ удовлетворительнаго изображенія. Не считая множества поверхностныхъ брошюръ, которыя обыкновенно носятъ характеръ скорѣе назидательныхъ размышленій, нежели историческихъ работъ, во всей остальной извѣстной мнѣ литературѣ, за исключеніемъ самихъ русскихъ, лишь: „Введеніе въ исторію нигилизма“ Эрнеста Лавинь (E. Lavigne. Einleitung in die Geschichte des Nihilismus) и появившіяся анонимно „Russische Wandlungen“ содержатъ кое-какой полезный, хотя и не обработанный матеріалъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія за послѣдніе 10 лѣтъ. Что касается русскихъ, то Подолинскій, князь Крапоткинъ и пишущій подъ псевдонимомъ Степняка дали на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ краткіе очерки развитія

революціи, а Лавровъ и Аксельродъ сдѣлали на нѣмецкомъ языкѣ сообщенія о наиболѣе важныхъ событіяхъ 1878 и 1879 гг. Однако-жъ ни одна изъ указанныхъ работъ не отвѣчаетъ въ достаточной мѣрѣ потребности нѣмецкой публики ознакомиться съ вопросомъ во всѣхъ подробностяхъ. Впрочемъ, нельзя винить въ этомъ названныхъ авторовъ. Покрывало, скрывающее многія событія, пока еще не снято. Революціонеры остерегаются публиковать точныя свѣдѣнія о живыхъ личностяхъ и новыхъ предпріятіяхъ, такъ какъ это могло бы повредить арестованнымъ революціонерамъ. Что касается правительства, то оно хранитъ результаты дознанія въ архивѣ государственной полиціи, гдѣ они, конечно, долго будутъ еще оставаться неприкосновенными.

Почему въ настоящее время я берусь за исторію движенія, которая не можетъ быть удовлетворительно написана? Этотъ вопросъ читателя настолько законенъ, что я долженъ дать на него отвѣтъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что на эту работу я натолкнулся, токъ сказать, случайно. Весною прошлаго года я получилъ отъ одного знакомаго цѣлый тюкъ газетъ и брошюръ, до того времени для меня совершенно недоступныхъ: тюкъ русскихъ „подпольныхъ“ изданій. Сначала я просто просмотрѣлъ ихъ, потомъ прочелъ и нашелъ, что они совершенно неизвѣстны нѣмецкой публикѣ, а между тѣмъ вполнѣ заслуживаютъ ея вниманія. Въ концѣ лѣта я отправился въ Женеву и встрѣтилъ тамъ въ богатой библіотекѣ книгопродавца М. Эльпидина такое дружеское содѣйствіе и столь обширный матеріалъ, что, (какъ это можно видѣть изъ приложенной въ концѣ книги

библіографіи) едва ли отъ меня ускользнуло хоть одно изъ болѣе или менѣе важныхъ произведеній революціонной прессы, касающееся семидесятыхъ годовъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не пришлось добавлять къ ней ни одного сочиненія, когда я, по окончаніи набора настоящей книги, получилъ „Календарь Народной Воли“, содержащій перечень вышедшихъ изданій. Однако, располагая даже такимъ полнымъ матеріаломъ, я былъ бы не въ состояніи нарисовать живую картину русскаго движенія, если бы мнѣ не помогъ въ этомъ дѣлѣ одинъ русскій, который былъ хорошо знакомъ съ нимъ и объяснилъ мнѣ внутреннюю связь событій, сообщивъ въ то же время много фактовъ, не попадавшихъ ранѣе въ печать.

Могъ ли я оставить необработаннымъ собранный въ такомъ количествѣ матеріалъ? Надѣюсь, читатель оправдаетъ мою рѣшимость приступить къ изложенію. Но когда я осуществилъ мое намѣреніе и написалъ исторію семидесятыхъ годовъ, во мнѣ возникло сомнѣніе. Не могъ же я выпустить въ свѣтъ сочиненіе, начинающее разсказъ съ семидесятыхъ годовъ, безъ историческаго введенія, которое указывало бы развитіе революціонной мысли въ предыдущіе 10 лѣтъ и характеризовало бы соціальный порядокъ, вызвавшій революціонное движеніе. Далѣе, для семидесятыхъ годовъ я долженъ былъ бы обрисовать внутреннюю политику правительства и настроеніе общества, какъ причину движенія. Но въ этомъ отношеніи задача оказалась невыполненной, такъ какъ мнѣ пришлось ограничиться лишь бѣглыми очерками, которые были у меня подъ рукой, и въ этомъ состоитъ существеннѣйшій недостатокъ настоящей книги, который я былъ не въ си-

лахъ устранить до сихъ поръ. Основательное изученіе исторіи правленія Россіи требовало бы продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, невозможнаго для меня въ настоящее время. Психологическое же и этическое изображеніе революціонеровъ и всего русскаго общества предполагаетъ знаніе народнаго духа, котораго я не могъ пріобрѣсти. Въ виду этого читатели близко знакомые съ судьбой Россіи въ 60-хъ годахъ могутъ пропустить обѣ первыя главы. Онѣ однако будутъ полезны въ качествѣ краткаго введенія для значительнаго большинства, стоящаго далеко отъ русскихъ дѣлъ. Съ третьей главы мои собственныя изслѣдованія составляютъ основу изложенія, посвященнаго исключительно исторіи русской революціи, но совсѣмъ не исторіи соціальнаго и политическаго развитія въ Россіи вообще. Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, я надѣялся представить нѣмецкому читателю факты и идеи, которые въ предлагаемыхъ подробностяхъ и освѣщеніи совершенно не могутъ быть ему извѣстны. Русскіе читатели, заинтересовавшіеся настоящимъ трудомъ, много бы меня обязали, приславъ мнѣ исправленія и пополненія (въ особенности касательно періода отъ 1855 г. до 1863 г. и исторіи либерализма), въ которыхъ мое изложеніе несомнѣнно нуждается.

Профессоръ А. ТУНЪ.

БАЗЕЛЬ. Университетъ, Троица 1883 г.

Мое знакомство съ профессоромъ Альфонсомъ Туномъ.

Лѣтомъ 1882 г. я, вернувшись изъ экскурсіи по Швейцаріи въ Женеву, узналъ отъ моего хорошаго знакомаго, эмигранта Н. Л—на, что незадолго передъ тѣмъ туда же пріѣхалъ нѣмецкій профессоръ А. Тунъ, задавшійся цѣлью написать книгу о русскомъ революціонномъ движеніи.

По словамъ этого эмигранта Тунъ очень хорошо ознакомился съ нашей подпольной литературой и въ Женеву онъ пріѣзжалъ для того, чтобы достать тѣ источники, которыхъ ему невозможно было раздобыть раньше, а также чтобы лично познакомиться съ участниками нашего движенія, находившимися въ эмиграціи. Но вслѣдствіе каникулярнаго времени почти всѣ сколько-нибудь видные эмигранты разъѣхались, и Туну поэтому пришлось ограничиться лишь знакомствомъ съ старымъ эмигрантомъ Эльпидинымъ (по Казанскому дѣлу 1861 г.) и проф.—украйнофиломъ Драгомановымъ.

Къ этому сообщенію Н. Л—на, я отнесся довольно скептически по слѣдующимъ двумъ причинамъ: прежде всего Н. Л—ъ отличался свойствомъ неточно передавать дѣйствительные факты и происшествія, почему въ нашей средѣ и была присвоена ему кличка „беллетриста", съ каковой онъ дѣлалъ видъ, что мирится. Затѣмъ въ описываемое время, которое, какъ знаетъ

читатель, было вскорѣ послѣ убійства Императора Александра II, цѣлая масса иностранцевъ набросилась на революціонное движеніе въ Россіи, какъ на выгодный матеріалъ для эксплуатаціи интереса европейской публики къ совершавшимся въ Россіи террористическимъ актамъ. Но если не всѣ, то огромное большинство произведеній этихъ писателей представляли собой сплошной вымыселъ, и намъ русскимъ съ трудомъ можно было узнавать въ этихъ сообщеніяхъ и разсказахъ что-нибудь, напоминавшее нашу родину.

Въ виду этихъ причинъ я предполагалъ, что произведенія и нѣмецкаго профессора, если дѣйствительно онъ таковые задумалъ, по всей вѣроятности, мало чѣмъ будутъ отличаться отъ другихъ аналогичныхъ, и вскорѣ совершенно забылъ о сдѣланномъ мнѣ сообщеніи Н. Л—на.

Но случилось такъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вышеприведеннаго разговора съ Н. Л—мъ мнѣ самому пришлось поѣхать въ городъ Базель, гдѣ Тунъ состоялъ профессоромъ. По разнымъ личнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь распространяться не буду, я рѣшилъ поселиться въ Базелѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Тамъ же надумалъ я поступить въ мѣстный университетъ въ качествѣ вольнослушателя философскаго факультета.

* * *

Предъ отъѣздомъ изъ Женевы я получилъ рекомендацію къ Базельскому соціалъ-демократу, бывшему студенту мѣстнаго университета, Карлу Моору. Въ первый же вечеръ моего пріѣзда въ Базель я отправился къ нему, и послѣ непродолжительнаго общаго разговора онъ сообщилъ мнѣ, что въ мѣстномъ универ-

ситетѣ читаетъ интересныя лекціи о русскомъ революціонномъ движеніи проф. Тунъ. Какъ и Н. Л—нъ, Карлъ Мооръ также расхваливалъ проф. Туна, заявляя, что онъ вполнѣ ознакомился съ предметомъ и вообще интересный человѣкъ, съ которымъ слѣдуетъ мнѣ непремѣнно познакомиться. Но я продолжалъ еще относиться скептически къ этому иностранному ученому, выбравшему наше движеніе темой своихъ лекцій: я предполагалъ, что онъ эксплуатируетъ лишь популярную тему. Когда я высказалъ это соображеніе моему новому товарищу, онъ энергично сталъ защищать проф. Туна, говоря, что онъ рѣшительно не похожъ на газетныхъ писателей, трактующихъ о Россіи безъ всякихъ о ней знаній.

Мооръ утверждалъ, что Тунъ серьезный ученый, въ чемъ я легко могу убѣдиться, прочитавъ его прежнія сочиненія, что онъ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ и что онъ перечиталъ рѣшительно всю доступную литературу о нашемъ движеніи; онъ настаивалъ поэтому на томъ, чтобы я лично познакомился съ нимъ. Такъ какъ я уже ранѣе рѣшилъ слушать между прочимъ лекціи по политической экономіи и статистикѣ, каковыя читалъ Тунъ, и такъ какъ въ мѣстномъ университетѣ существовалъ еще старинный обычай посѣщать на дому того профессора, лекціи котораго собирался слушать студентъ, то я и рѣшилъ отправиться прежде всего къ проф. Туну. Карлъ Мооръ вызвался предупредить Туна о моемъ посѣщеніи и узнать отъ него, въ какое время ему будетъ удобнѣе меня принять.

Я былъ тогда нелегальнымъ и, даже живя заграницей, въ виду опасенія, подобно Нечаеву, быть выданнымъ русскому правительству, проживалъ подъ фаль-

шивымъ паспортомъ. Отправляясь въ Базель, я запасся документомъ на имя Николая Криднера, потомственнаго почетнаго гражданина какой-то изъ остзейскихъ губерній. Но Mooръ зналъ и мою настоящую фамилію. Соглашаясь, чтобы онъ предупредилъ Туна о моемъ посѣщеніи, я настоятельнымъ образомъ просилъ его не открывать Туну, да и вообще никому въ Базелѣ, кто я въ дѣйствительности, а рекомендовать меня какъ обыкновеннаго русскаго студента, учащагося заграницей. Mooръ далъ мнѣ слово, что будетъ хранить мой секретъ.

Спустя два, три дня я отправился къ проф. Туну въ назначенное имъ время. Онъ принялъ меня довольно любезно, разспрашивалъ, гдѣ я раньше учился, поинтересовался узнать, не нахожусь ли я въ какомъ-нибудь родствѣ съ знаменитой Криднеръ, другомъ императора Александра I и давалъ мнѣ совѣты и указанія какіе курсы стоитъ посѣщать въ мѣстномъ университетѣ.

Выше средняго роста, стройный блондинъ, Тунъ имѣлъ правильныя симпатичныя черты лица и въ обращеніи былъ простъ и привѣтливъ. Въ первое же мое посѣщеніе онъ поинтересовался узнать мое матеріальное положеніе, и когда я сообщилъ ему, что далеко не обезпеченъ, то заявилъ мнѣ что будетъ имѣть меня въ виду и постарается пріискать мнѣ какой-нибудь заработокъ. Какъ вскорѣ потомъ я узналъ, Тунъ былъ чрезвычайно отзывчивъ и охотно помогалъ нуждавшимся студентамъ не только совѣтами и указаніями относительно ихъ занятій, но также входилъ въ ихъ матеріальное положеніе, рекомендовалъ ихъ въ качествѣ репетиторовъ и переписчиковъ, указывалъ сочиненія для переводовъ, компиляцій и проч. Уже однимъ этимъ Тунъ очень выгодно выдѣлялся изъ среды мѣстныхъ профессоровъ.

При первомъ же моемъ посѣщеніи онъ сообщилъ мнѣ, что будучи уроженцемъ гор. Аахена въ Германіи, онъ, однако, кончилъ нашъ дерптскій университетъ; затѣмъ въ теченіи нѣкотораго времени проживалъ въ одной изъ внутреннихъ нашихъ губерній, въ качествѣ управляющаго крупнаго имѣнія. Среди его родственниковъ изъ остзейскихъ нѣмцевъ нѣкоторые занимали довольно высокіе посты въ высшей нашей администраціи, въ числѣ ихъ былъ, напримѣръ, Туркестанскій генералъ-губернаторъ Кауфманъ. Благодаря протекціи послѣдняго, Тунъ былъ одно время даже прикомандированъ въ качествѣ чиновника къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Но служба эта ему совершенно не понравилась, такъ какъ, по его словамъ, она сводилась лишь къ отвѣшиванію поклоновъ различныхъ степеней, сообразно значенію и важности появлявшихся въ министерствѣ лицъ—онъ безъ смѣха не могъ и въ дальнѣйшихъ разговорахъ вспоминать о столь странной службѣ. Тогда же онъ познакомился съ нѣкоторыми нашими либеральными профессорами, повидимому имѣвшими на него вліянія, въ смыслѣ возбужденія въ немъ интереса къ экономическому строю въ Россіи. Изучивъ достаточно хорошо нашъ языкъ, бросивъ службу, онъ, кажется, отправился въ Москву, гдѣ занялся ознакомленіемъ съ нашей кустарной промышленностью, а также и артелями. Результатомъ этихъ занятій была написанная имъ впослѣдствіи брошюра, появившаяся на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Германію, чтобы цѣликомъ отдаться наукѣ. Диссертація „Die Industri am Niederrein“ („Промышленность въ нижнемъ Рейнѣ“) обратила на себя вниманіе спеціалистовъ и до сихъ поръ считается довольно крупнымъ

вкладомъ въ экономическую науку. Послѣ этого онъ сдѣлался приватъ-доцентомъ Берлинскаго университета, а годъ спустя, въ 1881 году, будучи 26—27 лѣтъ, онъ уже былъ приглашенъ въ качествѣ ординарнаго профессора въ Базельскій университетъ; повидимому, Тунъ обладалъ крупными способностями: онъ свободно владѣлъ нѣсколькими языками, легко и быстро работалъ, и каждое дѣло, за которое онъ брался, какъ говорится, спорилось въ его рукахъ.

При первомъ же моемъ посѣщеніи я узналъ отъ проф. Туна, какимъ образомъ онъ напалъ на мысль, писать книгу о нашемъ революціонномъ движеніи.

„Проходя однажды мимо книжнаго магазина, сказалъ онъ, я увидѣлъ выставленныя въ витринѣ какія-то женевскія изданія—Тунъ ихъ мнѣ тогда перечислилъ, но теперь я ихъ не помню.—Заинтересовавшись заглавіями, я купилъ ихъ, а когда прочиталъ, то рѣшилъ перечитать все, что можно было достать въ Базелѣ о русскомъ революціонномъ движеніи. Это было въ прошломъ году, тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Базель, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства Царя. Вступая въ бесѣду съ коллегами-профессорами, я убѣдился, что не только у широкой иностранной публики, но даже у нашихъ ученыхъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія, какъ вообще о Россіи, такъ въ особенности о происходящемъ въ ней революціонномъ движеніи. Тогда я надумалъ прочитать въ мѣстномъ университетѣ публичныя лекціи о Россіи. Судя по огромному числу собиравшихся въ аудиторіи слушателей и по оказанному лекціямъ пріему, я видѣлъ, что тема эта интересуетъ публику. Поэтому я повторилъ ихъ еще для болѣе широкаго

круга слушателей. Въ самой обширной аудиторіи, имѣющейся въ нашемъ Университетѣ, не только все сплошь было переполнено въ самой аудиторіи, такъ что некуда было, какъ говорится, яблоку упасть, но даже толпилось много народа снаружи у оконъ и въ корридорѣ. Эти же лекціи убѣдили меня въ томъ, что мои свѣдѣнія, почерпнутыя изъ книгъ и брошюръ о Россіи, недостаточны, поэтому я рѣшилъ въ ближайшія каникулы отправиться въ Женеву—центръ русской эмиграціи, чтобы пополнить мои литературные матерьялы и лично познакомиться съ вашими революціонными дѣятелями. Но къ сожалѣнію, я засталъ тамъ лишь троихъ,—Тунъ перечислилъ вышеназванныхъ мною лицъ.

Такимъ образомъ оказывалось, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ въ сообщеніи Н. Л-а о Тунѣ, не было беллетристики.

Прощаясь со мною, проф. Тунъ поинтересовался моимъ адресомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не предложилъ мнѣ заходить къ нему. А такъ какъ онъ и ко мнѣ не являлся, то я встрѣчался съ нимъ лишь на его лекціяхъ, а иногда по окончаніи ихъ вмѣстѣ съ нимъ выходилъ изъ Университета.

Какъ профессоръ политической экономіи, онъ примыкалъ къ нѣмецкимъ катедеръ-соціалистамъ, и лекціи его живо и просто излагаемыя, конечно, не отличались большимъ интересомъ. Значительно болѣе содержательнымъ былъ его курсъ статистики, который онъ читалъ для широкой публики.

Спустя нѣкоторое время, встрѣтившись со мной послѣ лекціи, онъ сообщилъ, что его товарищъ, профессоръ сравнительнаго права Тайхманъ, желаетъ брать у меня уроки русскаго языка. Я отправился къ послѣд-

нему и дѣйствительно получилъ урокъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Тайхманъ оказался типичнымъ нѣмецкимъ ученымъ—филистеромъ, знавшимъ чуть ли не всѣ европейскіе языки, за исключеніемъ славянскихъ и турецкаго, которые, однако, надѣялся еще изучить. Помня мельчайшія детали уголовнаго права разныхъ странъ, онъ въ политическихъ вопросахъ являлся крайнимъ реакціонеромъ, поклонникомъ Бисмарка. Одинокій, неособенно общительный Тайхманъ, за исключеніемъ лекцій, остальное время проводилъ въ своемъ кабинетѣ, снизу до верху установленномъ полками съ книгами. Въ ученомъ мірѣ онъ имѣлъ довольно крупное имя.

* * *

Такъ проходили первые недѣли и мѣсяцы моего пребыванія въ Базелѣ. Но однажды въ праздничный день, незадолго до Рождества, я случайно встрѣтился съ проф. Туномъ въ мѣстномъ музеѣ. Обмѣнявшись обычными фразами, я собирался уходить, когда онъ предложилъ мнѣ прогуляться вмѣстѣ по набережной Рейна. На мой вопросъ о томъ, какъ идетъ его сочиненіе о Россіи онъ отвѣтилъ, что оно приближается къ концу, и у насъ завязался съ нимъ разговоръ по этому поводу. Между прочимъ, помню, онъ выразилъ не то удивленіе, не то иронически отнесся къ тому, что П. Лавровъ до выхода „Впередъ“ нѣсколько разъ мѣнялъ свою политическую программу, не будучи все въ состояніи попасть на надлежащую. Незамѣтно, увлекаемый замѣчаніями Туна, я сталъ высказываться по поводу тѣхъ или иныхъ эпизодовъ и обстоятельствъ изъ нашего революціоннаго прошлаго. До этой встрѣчи Тунъ, быть можетъ, видѣлъ во мнѣ лишь легальнаго русскаго студента, едва-ли очень посвященнаго въ

революціонное движеніе, а слѣдовательно, и неособенно освѣдомленнаго въ немъ. Но, замѣтивъ во время этого разговора, что я не чуждъ исторіи нашего движенія, онъ предложилъ мнѣ просмотрѣть написанную имъ рукопись и на поляхъ ея отмѣтить тѣ мѣста, которыя покажутся мнѣ неправильными. Я охотно согласился на это предложеніе, такъ какъ избранная имъ тема меня очень самого интересовала, къ тому же мнѣ казалось небезполезнымъ, чтобы появилось сочиненіе нѣмецкаго профессора о русскомъ революціонномъ движеніи, свободное отъ грубыхъ ошибокъ и промаховъ. Но, когда пришедши съ нимъ на его квартиру, я увидѣлъ его обширную рукопись, написанную мелкимъ неразборчивымъ почеркомъ, я нашелъ, что чтеніе ея должно отнять у меня чрезвычайно много времени, а потому предложилъ ему, чтобы онъ самъ прочиталъ ее мнѣ вслухъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и мы съ нимъ условились, когда приступимъ къ нашимъ занятіямъ. Такъ какъ въ теченіе недѣли мы оба были заняты своими университетскими курсами, то мы рѣшили посвящать его работѣ субботніе и воскресные дни.

Я являлся къ нему въ сумеркахъ, и мы тотчасъ же приступали къ нашему занятію въ его небольшой, но уютной квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ; мы усаживались въ той, которая служила одновременно его гостиной, столовой и рабочимъ кабинетомъ. Онъ принимался за чтеніе рукописи, я же долженъ былъ дѣлать замѣтки на бумагѣ о тѣхъ мѣстахъ, которыя требовали измѣненій, дополненій и проч. Часовъ въ 7—8 служанка приносила разнообразную закуску, а главное— нашъ русскій самоваръ, который заграницей является столь пріятнымъ для насъ сюрпризомъ. Слу-

шая его чтеніе, я исполнялъ обязанности хозяйки дома: разливалъ чай по чашкамъ и вино въ рюмки, а также накладывалъ закуски на тарелки. Такъ продолжались наши занятія до поздняго часу ночи. Когда же Тунъ на опредѣленномъ мѣстѣ заканчивалъ чтеніе, мы обсуждали тѣ пункты, которые я находилъ невѣрными или сомнительными. Въ большинствѣ случаевъ, мы скоро приходили съ нимъ къ соглашеніямъ, но иногда возникали у насъ горячіе споры. Въ подтвержденіе вѣрности своего мнѣнія, каждый ссылался на извѣстные ему источники по поводу даннаго спорнаго вопроса, и если необходимыя сочиненія находились въ его библіотекѣ, мы немедленно перечитывали соотвѣтствующія мѣста.

Когда же его не оказывалось, мы откладывали окончательное рѣшеніе нашего вопроса до полученія необходимаго источника. Наиболѣе ожесточенный споръ у насъ, помню, произошелъ по слѣдующему поводу.

Характеризируя террористическое направленіе. Тунъ въ своемъ сочиненіи заявлялъ, что чувство культурнаго цивилизованнаго европейца не можетъ не возмущаться тѣми жестокими отталкивающими пріемами насилія и убійства, къ которымъ прибѣгаетъ русскій революціонеръ.

Когда онъ закончилъ чтеніе главы, заключавшей вышеприведенный отзывъ его, я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, потому что фактическихъ неправильностей въ этомъ мѣстѣ не было. Видя, что я молчу, Тунъ спросилъ меня, какъ объяснить это. Я отвѣтилъ, что хотя могъ бы многое сказать по поводу даннаго мѣста, но считаю себя не вправѣ сдѣлать это, такъ какъ, согласившись прослушать чтеніе его рукописи, имѣлъ въ виду лишь фактическую сторону, что же касает-

ся его суждений, то это его личное право высказывать тѣ или иные взгляды, хотя и не согласные съ моими.

Когда появится ваше сочиненіе въ печати, сказалъ я, — я или кто-нибудь изъ моихъ товарищей сумѣемъ, вѣроятно, доказать читателямъ, насколько неправильны ваши сужденія.—Но Тунъ энергично сталъ уговаривать меня, чтобы я теперь же изложилъ свое мнѣніе, такъ какъ вовсе не считаетъ высказанные имъ взгляды безаппеляціонно вѣрными и заранѣе выражаетъ готовность измѣнить ихъ, если я докажу ихъ неосновательность. Я согласился съ этимъ заявленіемъ, и втеченіе нѣсколькихъ часовъ горячо доказывалъ ему, что безпристрастный человѣкъ, основательно ознакомившійся съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ и, слѣдовательно, убѣдившійся въ томъ, что только само русское правительство вынудило насъ прибѣгать къ насильственнымъ актамъ, противъ чего наши чувства сами долго возмущались,—не въ правѣ бросить намъ за то упрекъ. Я привелъ ему обширный мортирологъ жертвъ мирной борьбы за политическую свободу въ Россіи, напомнилъ ему о многочисленныхъ казняхъ и о лицахъ осужденныхъ на каторгу и проч.

Въ началѣ моего опроверженія проф. Тунъ дѣлалъ мнѣ кое-какія возраженія, но постепенно онъ, видимо, началъ сдаваться, и въ заключеніе нашей бесѣды замѣтилъ:

— Я подумаю и перечитаю указанные вами источники, быть можетъ, измѣню это мѣсто.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ засѣданій онъ, по прочтеніи дальнѣйшей главы, предложилъ мнѣ вновь прослушать то мѣсто изъ предшествовавшей, которое вызвало только что описанный мною горячій

споръ. На этотъ разъ оказалось, что Тунъ совершенно измѣнилъ свое рѣзкое сужденіе о террористахъ и высказывался уже въ такомъ родѣ, что если даже вѣрна лишь часть фактовъ о жестокихъ преслѣдованіяхъ ихъ, то мы не можемъ не понять, что само правительство вынудило соціалистовъ выступить на путь насилій, и мы не должны за это бросать имъ упрека. Приблизительно въ этихъ выраженіяхъ онъ и высказывается въ своей книгѣ.

* * *

По воскреснымъ днямъ мы послѣ обѣда отправлялись съ нимъ пѣшкомъ куда-нибудь далеко за городъ, ведя оживленныя бесѣды какъ по поводу его сочиненія, такъ и относително разныхъ другихъ вопросовъ. Помню однажды былъ такой случай. Мы отправились съ проф. Туномъ въ деревню, находившуюся уже въ Баденскомъ герцогствѣ. Тамъ мы зашли въ ресторанъ. Обыкновенно въ нашемъ съ нимъ разговорѣ мы перемѣшивали русскій языкъ съ нѣмецкимъ. Такъ было и въ описываемый день. Когда, усѣвшись за столикомъ, мы вели оживленную бесѣду на двухъ языкахъ, къ намъ подошелъ какой-то господинъ, сидѣвшій въ ресторанѣ и, обратившись къ Туну, спросилъ: „вы русскій?“ Тунъ замѣтно смутился и по-нѣмецки отвѣтилъ отрицательно. Незнакомый господинъ продолжалъ настаивать, что ему послышались русскія фразы. Тогда я заявилъ, что это я ихъ произнесъ, спросивъ его, кто онъ. Оказалось, что то былъ студентъ-сербъ Базельскаго университета.

Возвращаясь затѣмъ обратно, я спросилъ Туна, почему его смутило обращеніе къ нему этого студента.

— Не за себя я смутился, а за васъ: кто васъ знаетъ, легальный вы или нѣтъ, а мы вѣдь въ Германіи, гдѣ съ русскими не поцеремонятся. А въ этомъ незнакомцѣ я заподозрилъ полицейскаго агента.

Благодаря совмѣстнымъ занятіямъ и упомянутымъ прогулкамъ, мы сблизились, и между нами установились простыя отношенія: какъ онъ ко мнѣ, такъ и я къ нему заходили очень часто. Одно только обстоятельство вносило диссонансъ въ наши отношенія: хотя ко мнѣ, какъ къ Криднеру,—легальному или нелегальному, это было для него, очевидно, безразлично,— онъ относился хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ нѣсколько случаевъ убѣдиться что къ *Дейчу*, совершившему насиліе надъ извѣстнымъ лицомъ, онъ не чувствовалъ расположенія. По его убѣжденію такихъ лицъ европейскія правительства должны были бы выдавать другъ другу, какъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ для меня являлся слѣдующій случай.

Однажды пришедши ко мнѣ передъ вечеромъ, проф. Тунъ сообщилъ, что на слѣдующій день онъ прочитаетъ въ мѣстномъ обществѣ свободомыслящихъ рефератъ на тему изъ русскаго революціоннаго движенія. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ прослушать составленный имъ конспектъ. Оказалось, что онъ намѣревался разсказать о процессѣ 1-го марта и о чигиринскомъ дѣлѣ. Вполнѣ одобривъ его конспектъ, я обѣщалъ прійти на этотъ рефератъ.

Партеръ и галлерея обширнаго городского зданія были биткомъ набиты самой разнообразной публикой. Туну вполнѣ удалось возбудить вниманіе слушателей, съ напряженнымъ интересомъ слѣдившихъ за плав-

нымъ и живымъ его разсказомъ. Рефератъ свой онъ закончилъ блестящей политической параллелью между свободной маленькой Швейцаріей, изрѣзанной высокими со снѣжными вершинами горами, и той отдаленной и обширной равниной, называющейся Русскою Имперіею, значительную часть года также покрытою снѣгомъ, населеніе которой лишено малѣйшихъ признаковъ свободы.

Въ общемъ мнѣ чрезвычайно понравился этотъ рефератъ. Одно только мѣсто сильно рѣзнуло меня. Разсказавъ о чигиринскомъ дѣлѣ и сообщивъ, что три главные его участника—Стефановичъ, Бохановскій и Дейчъ—бѣжали изъ Кіевской тюрьмы, проф. Тунъ замѣтилъ: „и эти преступники до сихъ поръ, къ сожалѣнію (leider), не арестованы,—они скрываются заграницей".

Нагнавъ меня у выхода, проф. Тунъ спросилъ, какъ нашелъ я его рефератъ. Я откровенно изложилъ ему свое мнѣніе, замѣтивъ, что меня крайне удивило выраженное имъ сожалѣніе по поводу того, что вышеназванныя лица находятся на свободѣ:

— Что же вы хотѣли бы, чтобы ихъ арестовали?— спросилъ я.

— Но я вѣдь не революціонеръ, а какъ у васъ говорятъ „умѣренный либералъ"; по моему убѣжденію, лица, совершившія подобныя преступленія, какъ Стефановичъ и Дейчъ, должны быть подвергнуты суду.

Немного поспоривъ съ нимъ, идя рядомъ по улицѣ, я вскорѣ попрощался, подумавъ, помню, про себя: „значитъ, знай ты мою настоящую фамилію, ты пожелалъ бы, чтобы и меня арестовали".

Послѣ этого случая мы рѣже стали встрѣчаться. Къ тому же наши совмѣстныя занятія тогда уже закончились, а вскорѣ окончился также зимній семестръ, и я уѣхалъ изъ Базеля въ Женеву.

Впослѣдствіи профессоръ Тунъ прислалъ мнѣ съ авторскимъ посвященіемъ вышедшее въ Германіи сочиненіе его о русскомъ революціонным движеніи, въ предисловіи къ которому упомянулъ обо мнѣ, какъ объ одномъ русскомъ, помогавшемъ ему въ этомъ трудѣ. Затѣмъ мы обмѣнялись съ нимъ по поводу замѣченныхъ мною въ книгѣ нѣкоторыхъ сохранившихся въ ней неправильныхъ его сужденій двумя-тремя письмами, а съ лѣта 1883 года я потерялъ его изъ виду: какъ потомъ оказалось, онъ получилъ каѳедру во Фрейбургскомъ университетѣ. Но въ мартѣ мѣсяцѣ 1884 года я совершенно неожиданно вновь встрѣтился съ нимъ при крайне печальныхъ для меня обстоятельствахъ: то было во Фрейбургской тюрьмѣ.

Подробный разсказъ объ этомъ читатель найдетъ въ моей книгѣ „Шестнадцать лѣтъ въ Сибири“; здѣсь передамъ его лишь въ немногихъ словахъ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что проф. Тунъ, во время нашего знакомства въ Базелѣ, относился не совсѣмъ благосклонно къ „Дейчу“, и я даже допускалъ поэтому мысль, что онъ ничего не имѣлъ-бы противъ моего ареста.

Послѣ этого легко представить себѣ мой испугъ, когда, находясь въ тюрьмѣ подъ вымышленной фамиліей Булыгина и имѣя надежду, не будучи узнаннымъ, быть освобожденнымъ изъ нея, я вдругъ узналъ отъ проф. Туна, что ему извѣстна моя настоящая фамилія.

Но испугъ мой тотчасъ-же смѣнился чрезвычайнымъ изумленіемъ, такъ какъ оказалось, что проф. Тунъ не только не намѣренъ былъ повредить мнѣ, но, наоборотъ, проявивъ самое горячее ко мнѣ участіе, всячески старался помочь мнѣ скорѣй выбраться изъ тюрьмы, не останавливаясь для этого даже предъ опасностью скомпрометировать себя въ глазахъ властей.

Затѣмъ, въ теченіе моего пребыванія во Фрейбургской тюрьмѣ, длившагося около двухъ съ половиной мѣсяцевъ, онъ принималъ самое активное участіе въ планахъ моего побѣга изъ нея.

Такая, повидимому, непослѣдовательность между взглядами и поступками нѣмецкаго профессора объясняется, мнѣ кажется, не только личнымъ его отношеніемъ ко мнѣ, но, быть можетъ, еще въ большей степени тѣмъ, что, познакомившись съ условіями русской дѣйствительности и революціоннаго нашего движенія, онъ убѣдился въ несправедливости своихъ лойяльныхъ, либеральныхъ взглядовъ, особенно когда ему пришлось выбирать между ними и конкретнымъ фактомъ.

Только этимъ соображеніемъ можно, мнѣ кажется, объяснить двойственность его поведенія. Красной нитью проходитъ она и въ его сочиненіи о русскомъ революціонномъ движеніи, чѣмъ рѣзко отличается оно отъ сочиненія другого иностранца—американца Джорджа Кеннана. Какъ совершенно вѣрно указалъ мой другъ Г. Плехановъ въ печатающемся здѣсь-же предисловіи, „Тунъ былъ очень далекъ отъ безусловнаго сочувствія къ русскимъ революціонерамъ, которымъ проникнута знаменитая книга американца Кеннана“ (стр. 4.).

Это отличіе отношенія Туна къ русскимъ революціонерамъ отъ отношенія къ нимъ Кеннана, кромѣ

субъективныхъ свойствъ перваго автора, объясняется еще тѣмъ, что, въ то время какъ послѣдній познакомился съ жертвами преслѣдованія русскаго правительства, благодаря непосредственнымъ столкновеніямъ съ ними въ мѣстахъ ихъ кары—въ Сибири,—проф. Тунъ изучалъ факты и людей, которыхъ онъ описывалъ, лишь по сухимъ печатнымъ источникамъ: вѣдь изъ активныхъ дѣятелей онъ, въ теченіе всего своего знакомства съ революціоннымъ движеніемъ, зналъ, да и то при совсѣмъ иной, чѣмъ Кеннанъ, обстановкѣ только двоихъ, какъ я уже упоминалъ, „беллетриста“ Н. Л—а и меня,— Эльпидинъ и Драгомановъ, какъ старые эмигранты совсѣмъ иной эпохи и направленія не могутъ идти въ счетъ. Не слѣдуетъ также забывать, что въ то время, когда Тунъ писалъ свою книгу, размѣръ источниковъ о нашемъ движеніи,—разнаго рода статьи, біографіи и воспоминанія,—былъ неизмѣримо ограниченнѣе, чѣмъ каковъ онъ въ настоящее время.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, можно наоборотъ только удивляться объективному отношенію нашего историка къ избранному имъ сюжету, и уже однимъ этимъ объективизмомъ онъ выгодно отличается отъ всѣхъ другихъ иностранныхъ,—да иностранныхъ-ли только?—профессоровъ и ученыхъ.

Здѣсь мною вспоминается показанное мнѣ однажды проф. Туномъ письмо къ нему извѣстнаго ученаго Шмоллера, въ которомъ этотъ столпъ катедеръ-соціалистовъ выражалъ удивленіе по поводу того, что Тунъ выбралъ такую тему, какъ русское революціонное движеніе, и серьезнымъ тономъ трактуетъ о затѣяхъ и безпорядкахъ, устраиваемыхъ какими-то тамъ юношами и дѣвицами.

Вѣроятно, аналогично было отношеніе къ сочиненію Тупа во всемъ Европейскомъ „ученомъ“ мірѣ. Не этимъ-ли объясняется тотъ фактъ, что, несмотря на полный свой объективизмъ, книга нашего автора не имѣла на Западѣ никакого успѣха и прошла совсѣмъ почти незамѣченной: появившись въ 1883 г., если не ошибаюсь, въ количествѣ всего 1000 экземпляровъ, она, кажется, не была болѣе переиздана; а также не была переведена ни на какой другой изъ западно-европейскихъ языковъ.

Совсѣмъ иной пріемъ оказала ей наша революціонная среда: въ теченіе долгихъ лѣтъ господствовавшей у насъ тяжелой реакціи она циркулировала въ литографированномъ видѣ на русскомъ языкѣ, хотя и въ неудовлетворительномъ переводѣ, и была почти единственной книгой, которая напоминала новому поколѣнію о погибшихъ старыхъ борцахъ, объ ихъ взглядахъ и стремленіяхъ. Какъ мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ молодыхъ товарищей, на сочиненіи Тупа воспиталось у насъ не мало новыхъ борцовъ: знакомя съ прошлымъ нашего движенія, она будила въ представителяхъ новыхъ поколѣній лучшія чувства и вызывала въ нихъ готовность также отдать всѣ свои силы и способности на дѣло освобожденія эксплоатируемыхъ массъ.

Только въ 1901 году возникшая „заграничная лига русской революціонной соціалъ-демократіи“ рѣшила издать книгу Тупа съ предисловіемъ Г. Плеханова и дополненіемъ Д. Кольцова, а также приложеніемъ Я. Стефановича, перепечаткой каковаго изданія и является настоящая книга, за исключеніемъ разсказа о Чигиринскомъ дѣлѣ Я. Стефановича не пожелавшаго, по личнымъ соображеніямъ, чтобы и его разсказъ былъ по-

мѣщенъ здѣсь *). Несмотря на 20 съ чѣмъ-то лѣтъ, истекшіе со времени появленія этой книги, до сихъ поръ почти никѣмъ не были указаны въ ней крупные промахи или значительныя фактическія невѣрности, каковыя однако въ достаточномъ количествѣ нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ другихъ, въ томъ числѣ даже русскихъ, авторовъ. Одно лишь существенное указаніе сдѣлалъ въ своемъ предисловіи къ этой книгѣ тов. Г. Плехановъ, а именно по поводу изложенія проф. Туномъ взглядовъ лавристовъ на нашу общину; въ связи съ ихъ отношеніемъ къ марксизму тов. Плехановъ совершенно правильно объяснилъ указанное противорѣчіе недостаточно критическимъ отношеніемъ историка нашего движенія къ имѣвшимся у него въ рукахъ источникамъ. Вѣрно также и замѣчаніе Г. Плеханова, что я „не могъ вѣдь написать за него (за Туна) предпринятую имъ исторію“ и что я самъ переживалъ тогда (зимой 1882—83 г.) переходный моментъ революціоннаго своего развитія“ (стр. 72). Но какъ въ свое оправданіе, такъ отчасти и профессора Туна, могу еще сказать, что въ указываемую эпоху не только у насъ, тогда молодыхъ соціалъ-демократовъ, но и у великихъ учителей нашихъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса было довольно условное отношеніе къ вопросу о русской общинѣ. Напомню объ ихъ предисловіи къ первому заграничному изданію на русскомъ языкѣ Манифеста Коммунистической Партіи, вышедшемъ въ переводѣ Г. Плеханова лѣтомъ 1882 года въ Женевѣ, а также объ извѣстномъ, выз-

*) Объ этомъ отказѣ я, къ сожалѣнію, узнала, когда было уже напечатано предисловіе Г. Плеханова, въ которомъ сказано о перепечатываемомъ разсказѣ Я. Стефановича по поводу Чигиринскаго дѣла.
Примѣчаніе издателя.

навшемъ столько ложныхъ толковъ среди нашихъ народниковъ, письмѣ К. Маркса къ редактору „Отечественныхъ Записокъ".

Кромѣ указаннаго выше изданія, сочиненіе Туна появилось также и въ изданіи соціалистовъ-революціонеровъ подъ редакціей Л. Шишко, снабженное многочисленными дополненіями и примѣчаніями. Къ сожалѣнію, — не знаю вслѣдствіе чьей оплошности,—нѣкоторыя изъ этихъ дополненій помѣщены въ самомъ текстѣ безъ всякихъ вводныхъ знаковъ, такъ что читателю трудно рѣшить, принадлежатъ-ли они автору или переводчику *).

* * *

Несмотря на всѣ старанія и искреннюю готовность, проф. Туну не удалось помочь мнѣ выйти изъ Фрейбургской тюрьмы: лѣтомъ 1884 г. я былъ выданъ Россіи, а затѣмъ отправленъ на каторгу. Будучи въ Карійской тюрьмѣ, я зимой 1885—86 г. въ случайно попавшемъ мнѣ въ руки номерѣ нѣмецкой иллюстрированной газеты среди мелкихъ извѣстій прочелъ, что проф. Фрейбургскаго университета Альфонсъ Тунъ послѣ непродолжительной болѣзни, скончался 31 или 32 лѣтъ отъ роду.

Левъ Дейчъ.

---

*) Будемъ надѣяться, что въ готовящемся къ печати изданіи „Земли и Воли" будетъ исправленъ этотъ промахъ или недосмотръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагая читателю русскій переводъ книги покойнаго профессора А. Туна Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland", мы считаемъ себя обязанными прежде всего поставить ему на видъ, что она совсѣмъ не обладаетъ какими-нибудь первостепенными достоинствами. Въ ней нѣтъ оригинальной мысли, которая могла бы освѣтить яркимъ свѣтомъ исторію русскаго революціоннаго движенія. Не отличается она и особенно искусной группировкой фактовъ: съ помощью матеріала, находившагося въ распоряженіи Туна, болѣе талантливый изслѣдователь далъ бы гораздо болѣе яркую характеристику различныхъ теченій, смѣнявшихъ одно другое или существовавшихъ одно рядомъ съ другимъ въ нашей исторіи. Наконецъ, очень ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что Тунъ самъ стоялъ на революціонной точкѣ зрѣнія. На самомъ дѣлѣ отношеніе Туна къ русскимъ революціонерамъ напоминало собою отношеніе къ нимъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ, чтобы не видѣть дикой и постыдной нелѣпости нашего нынѣшняго политическаго порядка. Какъ человѣкъ, привыкшій цѣнить блага политической свободы, онъ не могъ относиться съ одобреніемъ къ тѣмъ произвольнымъ и жестокимъ мѣрамъ, которыя принимало русское правительство въ

своей борьбѣ съ „крамолой“. Въ то же время онъ питалъ невольное уваженіе къ мужеству, самоотверженности, а иногда, можетъ быть, и къ конспиративному искусству русскихъ революціонеровъ. Это невольное уваженіе весьма замѣтно обнаруживается во многихъ мѣстахъ его книги, несмотря на всю ту осторожность, съ которой онъ высказываетъ свои собственные взгляды, твердо памятуя, что въ Германіи, гдѣ онъ собирался жить и дѣйствовать, „наука и ея ученія свободны“... лишь въ довольно тѣсныхъ границахъ *). Но соціалистическіе идеалы русскихъ революціонеровъ казались ему несбыточными, а ихъ пріемы борьбы онъ нерѣдко находилъ преступными въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ результатѣ мы видимъ двойственность и попеременное преобладаніе симпатіи и антипатіи въ его историческомъ повѣствованіи. Тунъ былъ очень далекъ отъ того безусловнаго сочувствія къ русскимъ революціонерамъ, которымъ проникнута знаменитая книга американца Кеннана. Это обстоятельство, разумѣется, не осталось безъ вліянія на характеръ его сочиненія: отъ начала до конца этого сочиненія видно, что авторъ не сжился съ предметомъ своего изслѣдованія, что его мысль не возбуждалась, а его сердце не терзалось тѣми жгучими программными вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ бились русскіе революціонеры. Поэтому его „*исторія*“ и не могла способствовать разрѣшенію этихъ вопросовъ. Изслѣдователь, который отнесся бы къ нашему движенію съ болѣе сильнымъ и болѣе цѣльнымъ сочувствіемъ, вѣроятно, лучше

---

*) И это же уваженіе побудило его оказать одну немаловажную услугу нашему товарищу Дейчу, попавшему въ цѣпкія лапы баденской полиціи.

понялъ бы его „злобы дня“ и, навѣрное, далъ бы болѣе увлекательный, болѣе захватывающій очеркъ его исторіи. Но такого историка до сихъ поръ не появлялось, и нѣтъ никакой надежды на его скорое появленіе. Поэтому мы рѣшились издать книгу Тупа, которая при всѣхъ своихъ очевидныхъ недостаткахъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одно, не менѣе очевидное, достоинство: *достоинство добросовѣстности*. Тунъ прилежно собиралъ матеріалы и безпристрастно пользовался ими, не искажая доступной ему истины ради тѣхъ или другихъ предвзятыхъ взглядовъ. Это достоинство, вообще очень важное въ историческомъ,—да и во всякомъ другомъ,—изслѣдованіи, становится особенно важнымъ въ книгѣ Туна потому, что литературные источники, которыми онъ пользовался,—обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, и брошюры, сборники и журналы, газеты и воззванія,—отчасти были рѣдки уже и въ это время, а теперь почти цѣликомъ стали недоступны для публики. Читатель, желающій ознакомиться съ развитіемъ русской общественной мысли и увидѣвшій себя въ досадной невозможности добыть первые источники, искренно поблагодаритъ автора, который, по крайней мѣрѣ, прилежно и правильно излагалъ находившіеся у него въ распоряженіи историческіе документы.

Но правильно изложить тотъ или другой историческій документъ вовсе не значитъ устранить неправильности или недостатки, свойственные его содержанію. Если въ этомъ содержаніи есть, напримѣръ, *противорѣчія*, то авторъ, взявшійся за его изложеніе, не имѣетъ никакого права сообщать ему *стройный видъ*. Поступая такъ, онъ совершитъ непростительный грѣхъ

противъ исторической истины. Имѣя дѣло съ противорѣчивыми документами, изслѣдователь, конечно, поступитъ всего лучше, если такъ и скажетъ читателю: излагаемые мною источники несогласны между собою. Но если противорѣчіе ускользаетъ отъ взора изслѣдователя; если онъ не замѣчаетъ того, что одинъ изъ его источниковъ противорѣчитъ другому, то въ интересахъ точности остается пожелать, чтобы противорѣчіе цѣликомъ перешло въ его изложеніе: внимательный читатель самъ отмѣтитъ несообразности и самъ постарается объяснить ихъ происхожденіе. Правда, онъ рискуетъ при этомъ впасть въ ошибку. Если онъ лишенъ возможности сличить изложеніе съ источниками, а источники другъ съ другомъ, то онъ будетъ склоненъ отнести противорѣчіе на счетъ самого изслѣдователя, котораго онъ заподозритъ въ умышленномъ или неумышленномъ искаженіи истины, что будетъ несправедливо. Но читателю выгоднѣе совершить такую несправедливость, оставляющую широкое мѣсто для *сомнѣнія*, чѣмъ довѣрчиво слѣдовать за авторомъ, сознательно или безсознательно *поправляющимъ* свои источники и вносящимъ *послѣдовательность* туда, гдѣ она на самомъ дѣлѣ отсутствуетъ.

Тунъ, это—именно тотъ изслѣдователь, который, самъ того не замѣчая и не мудрствуя лукаво, переноситъ въ свое повѣствованіе всѣ противорѣчія, встрѣчающіяся въ его источникахъ; объяснить эти противорѣчія во всей ихъ совокупности могъ бы только тотъ, кто написалъ бы новую исторію революціонной мысли въ Россіи. Само собою разумѣется, что мы не задаемся такою цѣлью въ нашемъ предисловіи. Но мы находимъ

нужнымъ отмѣтить хоть тѣ противорѣчія, которыя относятся къ важнѣйшимъ эпохамъ нашего движенія.

Начнемъ съ такъ называемыхъ *лавристовъ*, т. е. съ послѣдователей П. Л. Лаврова. Въ книгѣ Туна (см. стр. 51—52) мы узнаемъ о нихъ, между прочимъ, вотъ что: „Лавристы... не видѣли въ крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи исходнаго пункта соціальнаго движенія въ Россіи, во-первыхъ, потому, что это учрежденіе падающее, неизбѣжно переходящее въ частное землевладѣніе, какъ показываетъ это западно-европейская исторія; во-вторыхъ, потому, что русская община есть учрежденіе реакціонное, основы котораго покоятся на привычкахъ и взглядахъ, находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ пріобрѣтеніями современной науки. Благодаря своему полному подчиненію въ экономической, политической и нравственной области патріархальнымъ обычаямъ, неразрывно связаннымъ съ общинными порядками, русскій крестьянинъ не въ состояніи усвоить себѣ новое соціалистическое міровоззрѣніе, развившееся на почвѣ капиталистическаго производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьянъ естественному ходу исторіи, а революціонную дѣятельность перенести въ среду промышленныхъ рабочихъ, какъ это дѣлаютъ западно-европейскіе соціалисты. На этой почвѣ дѣйствовали лавристы въ 1875—76 гг.. не сдѣлавши, впрочемъ, и здѣсь ничего значительнаго. Ихъ теорія внушала имъ расположеніе ждать, сложа руки, разложенія общины. Даже когда въ 1878 году среди рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ начались большія стачки. лавристы заявили, что это реакціонное движеніе и совѣтовали отказаться отъ подачи царю прошенія“.

Этой характеристикѣ рѣзко противорѣчитъ изложеніе программы того самаго журнала „Впередъ!“, который издавался Лавровымъ, по словамъ Тупа, на деньги кружка лавристовъ. „Въ существенныхъ вопросахъ, —говоритъ Тупъ,—„Впередъ!“ объявилъ себя солидарнымъ съ рѣшеніями интернаціональныхъ конгрессовъ, а относительно цѣлей и организаціи не дѣлаетъ *существенныхъ**) отступленій отъ бакунинской программы“. Но Бакунинъ и его послѣдователи смотрѣли на крестьянскую общину, именно какъ на исходный пунктъ соціальнаго движенія въ Россіи. Если программа „*Впередъ!*“ въ самомъ дѣлѣ не расходилась по существу съ программой Бакунина, то ясно, что журналъ Лаврова тоже долженъ былъ придавать общинѣ очень большое значеніе. Это соображеніе пріобрѣтаетъ очень большую убѣдительность, когда мы прочитываемъ слѣдующія строки: „Соціальная основа, на которой должно строиться будущее русскаго народа, есть общинное землевладѣніе; это исконное и пока патріархальное учрежденіе должно развиваться въ соціалистическомъ направленіи и перейти въ общинную обработку земли и равномѣрное распредѣленіе продуктовъ; въ то же время община должна быть базисомъ политической организаціи“. Эти строки уже совсѣмъ не позволяютъ сомнѣваться на счетъ отношенія журнала „Впередъ!“, — *органа лавристовъ*, — къ общинному землевладѣнію; *онъ видитъ въ немъ исходную точку развитія Россіи, въ направленіи къ соціализму*. Что же это значитъ? Неужели взглядъ лавристовъ на общину былъ *прямо-противоположенъ* тому

*) Курсивъ Тупа.

взгляду, который высказывался *ихъ собственнымъ органомъ?* Это совершенно невѣроятно, такъ какъ вѣдь никто же не обязывалъ ихъ поддерживать изданіе, программа котораго такъ рѣзко расходилась со свойственнымъ имъ воззрѣніемъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ объясняется это очевидное и странное противорѣчіе? Не должны ли мы предположить, что въ то время, когда лавристы приглашали своего учителя редактировать *„Впередъ!“*, они смотрѣли на русскую общину такъ же, какъ смотрѣлъ на нее самъ Лавровъ, а также и Бакунинъ со своими сторонниками, впослѣдствіи же они убѣдились въ несостоятельности такого взгляда на нее и стали относиться къ ней отрицательно? Это предположеніе кажется сначала самымъ естественнымъ; въ его защиту можно, кромѣ того, сослаться на тотъ фактъ, что въ концѣ 1876 г. Лавровъ сложилъ съ себя званіе редактора. Не былъ ли вызванъ этотъ шагъ именно его расхожденіемъ съ кружкомъ „лавристовъ“ во взглядѣ на общину? На этотъ вопросъ книга Туна не даетъ прямого отвѣта: но косвенно она отвѣчаетъ на него въ отрицательномъ смыслѣ: не забудемъ, что, по словамъ нашего автора, лавристы уже въ 1875—76 годахъ сосредоточили свои силы на дѣятельности въ средѣ промышленныхъ рабочихъ, будучи убѣждены въ томъ, что экономическій бытъ нашего крестьянина совершенно не располагаетъ его къ усвоенію соціалистическихъ идей. *А указанные годы были какъ разъ годами усиленной издательской дѣятельности Лаврова*, который, кромѣ непеіодическаго сборника *„Впередъ“!* редактировалъ тогда еще двухнедѣльную газету того же названія. Ясно, стало быть, что если мы хотимъ вѣрить Туну, то мы должны до-

пустить, что лавристы оказывали наиболѣе энергичную поддержку своему учителю именно въ то время, когда они *уже перестали раздѣлять его взглядъ на русскую общину.* А это опять приводитъ насъ къ первой гипотезѣ, т. е. къ тому предположенію, что лавристы поддерживали и признавали своимъ органъ, коренныемъ образомъ расходившійся съ ними по одному изъ самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ. А такъ какъ это предположеніе совершенно невѣроятно, то намъ не остается ничего другого, какъ обратиться къ критикѣ тѣхъ двухъ источниковъ, на основаніи которыхъ возникло противорѣчивое сообщеніе Туна. Первымъ изъ этихъ источниковъ является программа „*Впередъ!*"; вторымъ—свидѣтельство П. Б. Аксельрода въ цюрихскомъ „*Jahrbuch für Socialwissenschaft*". Программа „*Впередъ!*" придаетъ русской общинѣ огромное значеніе; П. Б. Аксельродъ утверждаетъ, что лавристы смотрѣли на нее, какъ на устарѣлую форму землевладѣнія, окончательно осужденную исторіей. Тунъ не замѣчаетъ, что его источники противорѣчатъ одинъ другому, и безъ всякихъ оговорокъ воспроизводитъ ихъ показанія, какъ будто одно изъ нихъ подтверждаетъ другое. Приглядимся же къ этому предмету нѣсколько ближе и внимательнѣе

Что такое была программа „*Впередъ!*"? Обладала-ли она хотя бы той долей стройности, которую приписываетъ ей нашъ авторъ? Насколько твердо и послѣдовательно держался П. Л. Лавровъ того взгляда на русскую общину, который приписывается ему Туномъ на основаніи его програмной статьи? Перечитайте передовыя статьи газеты „*Впередъ!*", и вы увидите, что ихъ авторъ *противорѣчилъ самъ себѣ,* то изображая соціа-

лизмъ, какъ „историческій фазисъ, фатально вырабатывающійся изъ капиталистическаго строя общества", и ссылаясь на Коммунистическій Манифестъ, который говоритъ, что создавая пролетаріатъ, буржуазія создаетъ своего собственнаго могильщика *), то указывая,—и иногда въ той же самой статьѣ,—на „традиціонныя народныя группы: сельскія общины и артели", какъ на естественную основу будущаго соціалистическаго общества **). Если бы мы захотѣли подвести итогъ всему тому, что говорилъ на этотъ счетъ П. Л. Лавровъ, то мы, вѣроятно, имѣли бы право сказать приблизительно такъ: Лавровъ надѣялся, что соціалистическая революція предупредитъ развитіе капитализма въ Россіи, и что, вслѣдствіе этого, исходными точками соціалистическаго развитія явятся у насъ *артель и община*; но не будучи твердо увѣренъ въ этомъ, онъ утѣшалъ себя и своихъ послѣдователей тою мыслью, что „неумѣлость русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ подготовить и организовать революцію, обрушившись тяжелыми страданіями на русскій народъ, все-таки не спасетъ хищнической буржуазіи отъ фатальнаго процесса" ***), т. е. отъ соціалистической революціи, которая явится въ этомъ случаѣ неизбѣжнымъ результатомъ *капиталистическаго* развитія. Если эта формулировка мысли П. Л. Лаврова справедлива, — а она представляется намъ наиболѣе справедливой изо всѣхъ возможныхъ,—то мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что изображеніе *капитализма*, какъ „фа-

*) См., напримѣръ, передовыя статьи №№ 27-го и 34-го.

**) См. передовую статью № 34.

***) Мы опять цитируемъ передовую статью № 34-го.

тальной" предпосылки *соціализма*, имѣетъ у него лишь очень условный характеръ, и что программа *„Впередъ!"* несравненно ближе къ *бакунизму и народничеству*, чѣмъ къ *марксизму*. Мы потому обращаемъ на это вниманіе читателя, что товарищъ Ю. Невзоровъ, въ брошюрѣ: *„Отказываемся ли мы отъ наслѣдства?"*, придалъ указанному изображенію слишкомъ преувеличенное и потому совершенно не соотвѣтствующее истинѣ значеніе, истолковавъ его въ томъ смыслѣ, что лавризмъ былъ „первоначальнымъ русскимъ марксизмомъ" (ст. 22). Отличіе русскаго марксизма отъ „русскаго соціализма" всевозможныхъ оттѣнковъ состоитъ въ томъ убѣжденіи, что Россія *не можетъ* перескочить черезъ капитализмъ, который уже сдѣлался въ ней господствующимъ способомъ производства. Но, именно, этого-то убѣжденія и не было у Лаврова до самаго конца его литературной дѣятельности. А кромѣ того, товарищъ Невзоровъ какъ будто упустилъ изъ виду, что *по своимъ историческимъ взглядамъ* Лавровъ былъ несравненно ближе къ *идеалистамъ*, чѣмъ къ матеріалистамъ, между тѣмъ какъ марксизмъ необходимо предполагаетъ *матеріалистическое объясненіе исторіи*. Правда, въ сочиненіяхъ Лаврова иногда можно встрѣтить рѣшительное признаніе *историческаго матеріализма*, но это признаніе находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто на просто тѣмъ, что въ своемъ взглядѣ на исторію, какъ и во всѣхъ прочихъ своихъ взглядахъ, Лавровъ былъ *эклектикомъ до конца ногтей*. Марксъ и Энгельсъ, хорошо знавшіе по русски и читавшіе *„Впередъ!"*, очень удивились бы, если бы имъ пришлось услышать, что про-

грамма *„Впередъ!“* была программой русскаго марксизма. Это имъ никогда и въ голову не приходило *).

Но на какомъ же основаніи П. Б. Аксельродъ изображаетъ дѣйствовавшихъ въ Россіи лавристовъ, какъ людей, связавшихъ всѣ свои соціалистическія упованія съ развитіемъ русскаго капитализма и пренебрегавшихъ старинными „устоями“ нашей экономической жизни? Имѣемъ ли мы какое-нибудь право заподозрить вѣрность или основательность его показанія? Нѣтъ, на это мы не имѣемъ ни малѣйшаго права уже по одному тому, что его показаніе точно соотвѣтствуетъ истинѣ: описанные имъ лавристы дѣйствительно существовали. Я самъ хорошо зналъ такихъ лавристовъ и думаю, что

---

*) Приведу здѣсь блестящую характеристику Лаврова, сдѣланную Энгельсомъ какъ разъ въ эпоху изданія *„Впередъ!“*: „Другъ Петръ, — лично въ высшей степени почтенный русскій ученый, — въ своей философіи является эклектикомъ, который изо всѣхъ различныхъ системъ и теорій старается выбрать то, что въ нихъ есть наилучшаго... Онъ знаетъ, что во всемъ есть своя дурная и своя хорошая сторона, и что хорошая сторона должна быть усвоена, а дурная удалена. А такъ какъ каждая вещь, каждая личность, каждая теорія имѣетъ эти двѣ стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теорія представляется въ этомъ отношеніи приблизительно на столько же дурной и настолько же хорошей, какъ и всякая другая. Съ этой точки зрѣнія было бы нелѣпо горячиться въ защиту или противъ той или другой изъ нихъ. И съ этой точки зрѣнія вся борьба и всѣ споры революціонеровъ и соціалистовъ между собою должны казаться чистыми пустяками, способными только радовать враговъ“. (Volksstaat, 6 октября 1874 года, № 117). Прибавлю отъ себя, что именно такими пустяками, и, именно, по указанной Энгельсомъ причинѣ, и казались П. Л. Лаврову споры между русскими революціонерами различныхъ направленій. Онъ никогда не могъ объяснить себѣ, напримѣръ, зачѣмъ русскіе соціаль-демократы спорили съ народниками и съ народовольцами.

Аксельродъ встрѣчался съ ними въ 1879—80 годахъ, во время своего вторичнаго „нелегальнаго“ пребыванія въ Россіи *). Но, во-первыхъ, они были *лавристами временъ упадка*, и ихъ взгляды вовсе не характерны для лавризма, какимъ онъ былъ въ лучшую пору своего существованія, т. е. между прочимъ и въ 1875—1876 годахъ. А во-вторыхъ, даже и эти *лавристы временъ упадка* были очень далеки отъ марксизма, и потому первоначальными русскими марксистами считаться никоимъ образомъ не могутъ. Они утверждали, что только капитализмъ создастъ въ Россіи почву для соціализма, но единственный выводъ, который они дѣлали отсюда, былъ тотъ, что соціалистамъ надо до поры до времени совсѣмъ сойти съ русской исторической сцены. Это была не *программа дѣйствія*, а самооправданіе людей, рѣшившихся *бездѣйствовать* и понимавшихъ, что подобное рѣшеніе не можетъ быть принято революціонной средой, какъ нѣчто естественное и само собою разумѣющееся. Необыкновенное положеніе требовало и необыкновенныхъ доводовъ, и эти необыкновенные доводы взяты были изъ арсенала марксизма. Но эти доводы мирно уживались въ головахъ тогдашнихъ лавристовъ съ ихъ старыми идеалистическими предразсудками, да къ тому же и сами переживали въ этихъ идеалистическихъ головахъ довольно странныя и неожиданныя превращенія. Какъ плохо поняли лавристы временъ упадка теоретическое значеніе своей новой аргументаціи, показываетъ уже тотъ фактъ, что они считали—или дѣлали видъ, что считали—себя прав-

*) Не слѣдуетъ забывать, что статья Аксельрода написана въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

ственно обязанными не вмѣшиваться въ событія во время той буржуазной революціи, которая предстояла Россіи, по ихъ тогдашнему мнѣнію. Марксъ и Энгельсъ разсуждали совсѣмъ иначе наканунѣ буржуазной революціи въ Германіи. Но въ томъ-то и дѣло, что на буржуазную революцію наши тогдашніе лавристы продолжали смотрѣть глазами Бакунина и бакунистовъ. Она попрежнему представлялась имъ великимъ общественнымъ зломъ, соціально-политическимъ обманомъ, въ которомъ соціалисты отнюдь не должны участвовать. Товарищъ Невзоровъ не откажется признать, что подобный „марксизмъ" очень своеобразенъ, если не вполнѣ сомнителенъ. Если уже на кого-нибудь походили наши лавристы, то развѣ на тѣхъ нѣмецкихъ „истинныхъ" или философскихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, о которыхъ съ такимъ раздраженіемъ говоритъ „*Манифестъ Коммунистической Партіи*".

„Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, — говоритъ товарищъ Невзоровъ,—что лавризмъ во всякомъ случаѣ популяризовалъ въ средѣ русскихъ революціонеровъ марксистскіе термины, онъ давалъ имъ форму, двигаясь въ которой, ихъ мышленіе легче подготовлялось къ воспріятію уроковъ жизни, онъ, наконецъ, заставлялъ русскихъ соціалистовъ интересоваться дѣятельностью нѣмецкой соціаль-демократіи, отъ которой ихъ рѣшительно отталкивалъ бакунинскій анархизмъ. И въ этомъ смыслѣ лавризмъ, пытавшійся обосновать народничество на ученіи марксовскаго интернаціонала, не остался безъ вліянія на подготовленіе русской соціаль-демократіи" *).

*) Тамъ же, стр. 23.

Что лавристы гораздо болѣе, чѣмъ бакунисты, содѣйствовали ознакомленію русскихъ революціонеровъ съ дѣятельностью нѣмецкой соціаль-демократіи, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и это составляетъ ихъ заслугу. Но происходило это не потому, что лавристы лучше бакунистовъ понимали теоретическую основу соціаль-демократической программы, а потому, что они видѣли въ соціаль-демократахъ естественныхъ своихъ союзниковъ въ борьбѣ противъ *„бунтарской“* тактики бакунистовъ. Отрицательное отношеніе къ этой тактикѣ было единственной точкой, въ которой лавризмъ безусловно сходился съ соціаль-демократіей. Но, едва сойдясь съ ней въ этой точкѣ, онъ сейчасъ же опять далеко расходился съ нею, *даже по вопросу* объ отношеніи къ тому же бакунизму. Какъ извѣстно, Лавровъ въ своемъ журналѣ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что марксисты вели ожесточенную борьбу съ бакунистами въ Международномъ Товариществѣ Рабочихъ. Это обстоятельство и подало Энгельсу поводъ объявить его эклектикомъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, — какъ на это указываетъ и Тунъ, — несмотря на тактическія разногласія, *программа Лаврова была по существу очень близка къ программѣ Бакунина.* Что же касается „марксистскихъ терминовъ“ и тѣхъ „формъ“, которыя лавризмъ, — по словамъ товарища Невзорова, — давалъ русскимъ революціонерамъ, и, которыя будто бы подготовляли „ихъ мышленіе къ воспріятію уроковъ жизни“, то насколько я понялъ, очень неясно выраженную здѣсь мысль этого товарища, она тоже кажется мнѣ ошибочной. Въ теоретическомъ отношеніи лавризмъ могъ быть для русскихъ революціонеровъ только *школой эклектизма на идеалистической подкладкѣ*, а такая школа во-

обще плохо подготовляютъ къ воспріятію уроковъ жизни и ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить подготовкой къ пониманію марксизма. Тѣ изъ нашихъ революціонеровъ, которые основательно прошли эту школу и сроднились съ употреблявшимся въ ней методомъ мышленія, навсегда лишились способности понять ученіе Маркса. Какъ ни рѣзко и какъ ни сильно расходился съ авторомъ „Капитала" Бакунинъ, онъ все-таки былъ гораздо ближе къ нему, чѣмъ авторъ „*Историческихъ Писемъ*", и потому его вліяніе все-таки болѣе подготовляло русскихъ революціонеровъ къ пониманію ученія Маркса, чѣмъ вліяніе Лаврова. Это можетъ быть принято за парадоксъ, но это неоспоримая истина.

Не говоря уже о томъ, что жизнь давала болѣе „уроковъ" той революціонной партіи, которая, стремясь агитировать на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій, вынуждена была внимательно относиться ко всѣмъ особенностямъ народнаго быта и народной психологіи, чѣмъ той, которая уповала преимущественно на силу отвлеченной истины, я попрошу товарища Невзорова обратить вниманіе на коренное различіе въ *историческихъ взглядахъ* Бакунина съ одной стороны и Лаврова съ другой. Всякій, кто знакомъ съ „*Историческими Письмами*", знаетъ, что въ своемъ объясненіи исторіи Лавровъ былъ *идеалистомъ*, поскольку этому не мѣшалъ *эклектическій* характеръ его ума. Историческаго идеализма придерживались и тѣ послѣдователи Лаврова, которые имѣли опредѣленные историческіе взгляды. Товарищъ Невзоровъ говоритъ: „теорія такъ-называемаго экономическаго матеріализма (правда, въ своеобразномъ толкованіи) пользовалась большой популярностью среди семидесятниковъ, не только среди

лавристовъ... но и среди бакунистовъ“ *). Но въ дѣйствительности *бакунисты гораздо болѣе склонны были признать эту теорію, чѣмъ лавристы*“. Самъ Бакунинъ не разъ печатно объявлялъ себя рѣшительнымъ ея сторонникомъ. Товарищъ Невзоровъ цитируетъ то мѣсто изъ книги „*Государственность и анархія*“, гдѣ Бакунинъ называетъ матеріалистическое объясненіе исторіи „одной изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса“. Если память не измѣняетъ мнѣ, на ту же заслугу Маркса и въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ указываетъ другое русское сочиненіе знаменитаго анархиста: брошюра „*Наука и насущное революціонное дѣло*“. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ высказывается Бакунинъ и въ своей полемикѣ съ Мадзини: „Всѣ религіи и всѣ системы нравственности, господствующія въ обществѣ,— говоритъ онъ здѣсь, — представляютъ собою идеальное выраженіе его реальнаго, матеріальнаго положенія, т. е. въ особенности его экономической организаціи, но также и его политическаго строя, который, впрочемъ, всегда является ни чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ и насильственнымъ освѣщеніемъ экономики“ **). Правда, Бакунинъ и бакунисты плохо понимали эту теорію, дѣлая изъ нея тотъ выводъ, что пролетаріату нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ „*политикѣ*“ въ борьбѣ за свое соціальное освобожденіе. Вся теоретическая аргументація Бакунина противъ программы Маркса опиралась на плохо понятыя и потому исковерканныя положенія марксова историческаго мате-

*) Тамъ же, стр. 57, примѣчаніе.

**) La Théologie politique de Madzzini et l'Internationale, 1871 г., p. 69. О Марксѣ см. стр. 78.

ріализма *). Но отъ искаженнаго, если хотите даже *каррикатурнаго*, марксизма Бакунина и его послѣдователей все-таки было ближе до научнаго соціализма, чѣмъ отъ эклектическаго идеализма Лаврова и лавристовъ. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что первыми послѣдовательными русскими соціаль-демократами явились люди, прошедшіе черезъ школу Бакунизма, а не бывшіе ученики Лаврова.

Когда редакція „*Чернаго Передѣла*" заявляла, что экономическія отношенія признаются ею „основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною причиною не только всѣхъ явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членовъ"; когда она повторяла, что „въ основѣ общества лежатъ главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальныя отношенія — государственныя, юридическія, нравственныя и пр." **), то она высказывала лишь тотъ взглядъ, который раньше ея выражалъ, *вслѣдъ за Марксомъ*,—Бакунинъ. Но она принимала этотъ взглядъ въ томъ же искаженномъ его видѣ, который придалъ ему авторъ „*Государственности и анархіи*". Она строила на немъ чисто анархическое отрицаніе „государственности". Поэтому товарищъ Невзоровъ ошибается, говоря, что черпопередѣльцы „опредѣленно стояли на марксистской точкѣ зрѣнія" ***). Ихъ марксистская точка зрѣнія на самомъ дѣлѣ была

---

*) Подробнѣе эта мысль развита мною въ брошюрѣ „*Anarchismus und Socialismus*", Berlin, 1894.

**) Эти ея заявленія цитируетъ тов. Невзоровъ на 57 стр. своей брошюры.

***) Тамъ же стр., 63.

не болѣе, какъ точкой зрѣнія Бакунина *). Я потому считаю нужнымъ указать на это, что товарищъ Невзоровъ, преувеличивая значеніе нашего тогдашняго „марксизма“, тѣмъ самымъ выставляетъ въ неправильномъ освѣщеніи то теоретическое *„наслѣдство“*, которое было получено нами, русскими соціаль-демократами, отъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. Это наслѣдство было очень важно, — и даже совершенно незамѣнимо, — въ смыслѣ *практическаго опыта*, частью пріобрѣтеннаго нами самими во время нашей *народнической дѣятельности*, частью завѣщаннаго намъ соціалистами первой половины того десятилѣтія. Этотъ опытъ легъ въ основу всей нашей критики старыхъ русскихъ программъ и теорій, и вотъ почему безусловно нелѣпъ тотъ, такъ часто выдвигаемый противъ насъ доводъ нашихъ противниковъ, который сводится къ ехидному напоминанію о томъ, что первая программа русскихъ соціаль-демократовъ была выработана заграницей. *Заграницей только были подведены итоги тому, что было сдѣлано и узнано нами въ Россіи.* И во всемъ нашемъ проектѣ программы русскихъ соціаль-демократовъ, написанномъ въ 1884 и напечатанномъ въ 1885 году, нѣтъ ни одной строчки, которая не имѣла бы въ виду того или другого „проклятаго вопроса“ нашей революціонной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указанія этой практики **). Но въ

*) Я имѣю право съ полною увѣренностью говорить о *тогдашнихъ* взглядахъ редакціи *„Чернаго Передѣла“*, такъ какъ самъ принадлежалъ къ ней, и такъ какъ статьи, цитируемыя товарищемъ Невзоровымъ, были написаны мною.

**) Нѣкоторые нѣмецкіе радикалы сороковыхъ годовъ самого Маркса упрекали въ томъ, что онъ придумалъ свою программу ... предѣлами германскаго фатерланда. Такимъ образомъ, мы ока... [illegible] ... хорошей компаніи.

теоретическомъ отношеніи семидесятые годы давали намъ чрезвычайно мало, такъ какъ „наслѣдство“, завѣщанное намъ ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отдѣляла *„русскій соціализмъ“* бакунинскаго или лавровскаго оттѣнка отъ *научнаго соціализма* западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революціонную мысль изъ тупого переулка. Объ этомъ полезно напомнить теперь, когда дѣлаются попытки реставрировать программы семидесятыхъ годовъ.

Но вернемся въ Туну. Длинное отступленіе, сдѣланное мною по поводу лавризма, показываетъ, какіе важные вопросы нашей революціонной исторіи скрываются за недомолвками и противорѣчіями, встрѣчающимися въ книгѣ нашего автора. А неправильное представленіе товарища Невзорова о значеніи лавризма и объ отношеніи историческихъ взглядовъ редакціи *„Чернаго Передѣла“* къ историческому матеріализму Маркса, лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ трудно современному русскому революціонеру составить себѣ вѣрное представленіе о тѣхъ періодахъ нашего движенія, которые не знакомы ему *по личному опыту*. Винить въ этомъ, разумѣется, надо только недостатокъ надежныхъ источниковъ.

Сдѣланная Туномъ характеристика народническаго періода не заключаетъ въ себѣ важныхъ промаховъ. Болѣе того: перечитавъ теперь эту характеристику, мы съ удивленіемъ видимъ, что нѣмецкій профессоръ лучше понялъ отличительныя черты и результаты этого періода, чѣмъ, напримѣръ, Е. А. Серебряковъ, написавшій цѣлую брошюру о самой крупной и вліятельной

организаціи того времени,—о тайномъ обществѣ „*Земля и Воля*“.

На первой страницѣ своей брошюры Е. А. Серебряковъ говоритъ: „Массовое движеніе русской соціалистической молодежи въ народъ съ цѣлью пропаганды окончилось весною 1874 года страшнымъ погромомъ. Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту“. Эти слова могутъ быть поняты только въ томъ смыслѣ, что „погромъ имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ „*въ деревнѣ*“, которая и стала вслѣдствіе этого недоступной для соціалистовъ, увидѣвшихъ себя вынужденными искать спасенія „*въ городахъ*“. Но это совсѣмъ не вѣрно. На самомъ дѣлѣ огромнѣйшее большинство арестовъ того времени произошло *именно въ городахъ* и вызвано было полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой конспиративной сноровки у тогдашнихъ революціонеровъ и совершенной неорганизованностью ихъ силъ. Строгости полицейскаго надзора въ деревнѣ,—тогда очень слабаго,—тутъ совсѣмъ не причемъ. Если многимъ соціалистамъ и приходилось бѣжать изъ деревни въ городъ, то происходило это опять таки вслѣдствіе безпрерывныхъ проваловъ въ городѣ, обнаруживавшихъ передъ жандармеріей всѣ планы и всѣ дѣйствія даже тѣхъ революціонеровъ, которые шли въ деревни. И это хорошо понимали тогдашніе дѣятели. Я хорошо помню, какъ на революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1876 года, многіе ораторы,—въ томъ числѣ покойный И. Ѳ. Ѳесенко,—доказывали намъ, студенческой молодежи того времени, что въ по-

лицейскомъ отношеніи серьезная революціонная работа въ деревнѣ гораздо безопаснѣе, чѣмъ шумная, но мало производительная жизнь въ средѣ революціонной интеллигенціи городовъ. Эти соображенія приводились, какъ одинъ изъ доводовъ въ пользу „хожденія въ народъ“. Такимъ образомъ, „*спасать*“ революціонеровъ должны были не города, а, именно, деревни. Это необходимо помнить всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ правильно судить объ исторіи нашего движенія.

Такъ же невѣрно описываетъ Е. А. Серебряковъ и положеніе дѣлъ въ 1878—1879 гг., т. е. *въ концѣ* того періода, *начало* котораго было подготовлено погромомъ 1874 года, и втеченіе котораго революціонеры старались заводить *поселенія въ народѣ*. „Устройство поселеній,—говоритъ онъ,— съ первыхъ же шаговъ встрѣтило массу препятствій. Начальство было насторожѣ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенныя мастерскія и оставлять занятыя должности, переѣзжать въ новыя мѣстности, подъ новыми фамиліями“ *). Все это, дѣйствительно, случалось нерѣдко, но препятствія, на которыя наталкивались селившіеся въ деревнѣ революціонеры, были далеко не такъ велики, какъ это думаетъ Е. А. Серебряковъ. У него выходитъ, что эти революціонеры нигдѣ не могли осѣсть сколько-нибудь прочно. Онъ такъ и говоритъ: „Преслѣдуемые революціонеры вынуждены постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищей, которыхъ захватывало правительство“ **). А въ доказательство онъ ссылается на неизданныя воспо-

---

*) *Общество „Земля и Воля“*, стр. 17—18.

**) Тамъ же, стр. 21.

дипакія одного землевольца, который приводить примѣры, повидимому, подтверждающіе слова Е. А. Серебрякова. „Такъ, — пишетъ землеволецъ, — къ концу 1877 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія: они всѣ рухнули, не просуществовавъ и одного года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны. Пропалъ годъ усиленныхъ трудовъ, порваны связи"... *) Здѣсь память измѣнила землевольцу. Въ концѣ 1877 г. произошелъ провалъ на Камышинской улицѣ въ Саратовѣ, заставившій бѣжать нѣкоторыхъ изъ землевольцевъ, жившихъ въ этомъ *городѣ* и занимавшихся тамъ пропагандой частью въ средѣ мѣстныхъ рабочихъ, а частью между семинаристами и гимназистами. Этотъ, *совершившійся въ городѣ*, провалъ неблагопріятно отразился и на нѣкоторыхъ землевольскихъ поселеніяхъ въ крестьянствѣ, вслѣдствіе уже знакомаго намъ смертнаго грѣха нашихъ революціонеровъ: *неосторожности*. Но эти поселенія рухнули *далеко не всѣ*, и потому землеволецъ неправъ, говоря, что цѣлый годъ усиленныхъ трудовъ пропалъ безъ пользы для дѣла. - „Но вѣра еще крѣпка, силы не надорваны, — продолжаетъ онъ. — И вотъ, весною 1878 года образовалось въ Саратовской же губерніи новое поселеніе" **). Весною 1878 года саратовская колонія землевольцевъ дѣйствительно пополнилась новыми силами, которыя замѣнили товарищей, выбывшихъ изъ строя, благодаря осеннему провалу предыдущаго года. Но такъ какъ старое саратовское поселеніе было очень далеко отъ полной гибели, то за-

---

*) Тамъ же, та же страница.

**) Тамъ же, та же страница.

водить *новое* не было надобности. „Одновременно почти съ этимъ, землевольцы основали въ Воронежской губ. другое поселеніе,—пишетъ дальше товарищъ, цитируемый Е. А. Серебряковымъ.—Оба эти поселенія по составу лицъ и организаціи не оставляли желать ничего лучшаго. Многіе члены этихъ поселеній впослѣдствіи показали свою способность, энергію и дѣятельность на террористическомъ пути. Но здѣсь, на почвѣ народа, злой рокъ по прежнему преслѣдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія вскорѣ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло вскорѣ послѣ 2-го апрѣля 1879 года“ *).—Здѣсь я замѣчу, что *„распалось“* не значитъ—*провалилось*. Воронежское поселеніе землевольцевъ, дѣйствительно, просуществовало очень недолго но и въ этомъ виноваты были не полицейскія условія, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что ни одинъ изъ его участниковъ не былъ арестованъ. Я не могу припомнить теперь, по какой именно причинѣ они такъ скоро покинули облюбованное ими мѣсто; но думаю, что причина эта была въ значительной степени *субъективнаго свойства:* въ числѣ основателей воронежскаго поселенія находилось нѣсколько членовъ бывшаго кружка такъ называемыхъ *централистовъ, т. е. послѣдователей П. Н. Ткачева.* Люди этого направленія могли быть очень способными, энергичными и дѣятельными на поприщѣ террора,—и такими въ самомъ дѣлѣ оказались нѣкоторые члены воронежскаго поселенія, напримѣръ, покойная М. П. Полонская,—но для работы въ *крестьянской* средѣ они годились очень мало уже по одному тому, что она плохо вязалась съ ихъ образомъ мыслей. Они примкнули

*) Тамъ же, та же страница.

къ воронежскому поселенію за неимѣніемъ болѣе подходящей для нихъ дѣятельности; а когда такая дѣятельность явилась вмѣстѣ съ началомъ *террористической* борьбы, тогда они уже не могли усидѣть въ деревнѣ и покинули ее при первомъ удобномъ случаѣ. О „новосаратовскомъ" поселеніи самъ землеволецъ, цитируемый Е. А. Серебряковымъ, говоритъ, что оно „погибло" *послѣ 2-го апрѣля, т. е. послѣ покушенія А. Соловьева на жизнь Александра II.* Ясно, что если бы оно и въ самомъ дѣлѣ погибло, то и тогда причину его гибели надо было искать не въ строгостяхъ деревенскаго полицейскаго надзора, а въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя создавались для дѣятельности революціонеровъ *новыми пріемами борьбы, которые стали практиковать въ городахъ.* Но на самомъ дѣлѣ, „новосаратовское" поселеніе только отчасти пострадало отъ выстрѣла А. Соловьева, а въ общемъ продолжало довольно благополучно существовать вплоть до воронежскаго съѣзда, на которомъ было довольно много его представителей. И вотъ почему Е. А. Серебряковъ очень ошибается, когда говоритъ, изображая положеніе дѣлъ въ промежуткѣ времени между выстрѣломъ 2-го апрѣля и воронежскимъ съѣздомъ: „послѣдніе остатки деревенщиковъ бѣгутъ въ города".*) *Это неправда.* И я удивляюсь, какимъ образомъ самъ Е. А. Серебряковъ не усомнился въ правильности своего изложенія. Мнѣ странно, какъ ему не пришло въ голову слѣдующее простое соображеніе: если дѣятельность въ деревнѣ встрѣчала такія непреодолимыя трудности, то ко времени воронежскаго съѣзда тамъ не осталось бы никого изъ землевольцевъ;

---

*) Тамъ же, стр 52—53.

а между тѣмъ мы видимъ, что на этомъ съѣздѣ было много „деревенщиковъ", и притомъ не такихъ деревенщиковъ, которые *только собирались бы* „идти въ народъ", а такихъ, *которые жили и дѣйствовали тамъ именно въ эпоху съѣзда.* Или Е. А. Серебряковъ не зналъ этого обстоятельства? Пожалуй, что и не зналъ. Описывая событія, послѣдовавшія за воронежскимъ съѣздомъ, онъ спрашиваетъ: „а что же дѣлали деревенщики?" На этотъ вопросъ онъ категорически отвѣчаетъ такъ: „въ деревню идти они не могли... И пришлось имъ остаться въ городахъ и здѣсь заниматься, подобно членамъ новой фракціи, проповѣдью и вербовкой послѣдователей... неизвѣстно, для чего".*) Эти слова даютъ поводъ думать, что и до съѣзда большинство „деревенщиковъ" *оставалось въ городахъ.* Но если Е. А. Серебряковъ думаетъ такъ, то ему полезно будетъ перечитать книгу нѣмца Туна, никогда не принимавшаго участія въ нашемъ движеніи, но все-таки лучше освѣдомленнаго на его счетъ. Тунъ говоритъ: „такъ какъ засѣдавшіе въ Липецкѣ террористы заставили прождать себя цѣлыхъ четыре дня, то многіе деревенщики разъѣхались изъ Воронежа, боясь потерять занятыя въ деревняхъ мѣста". Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но Е. А. Серебряковъ согласится, что если бы „деревенщики" *оставались въ городахъ*, то указанное Туномъ опасеніе не имѣло бы ни малѣйшаго смысла и, конечно, не возникло бы ни у кого изъ нихъ.

На эту ошибку Е. А. Серебрякова стоило обратить вниманіе читателя. У насъ многіе думаютъ теперь, что „хожденіе въ народъ" прекратилось главнымъ образомъ

---

*) Тамъ же, стр 63.

вслѣдствіе полицейскихъ строгостей. Распространенію такого взгляда очень способствовала устная и печатная пропаганда „народовольцевъ“, органъ которыхъ, *„Народная Воля“* уже осенью 1879 г. во всеуслышаніе объявилъ, что при нынѣшнихъ полицейскихъ условіяхъ *работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ.* Въ своей брошюрѣ Е. А. Серебряковъ повторяетъ это мнѣніе, совершенно не считая нужнымъ провѣрить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумѣнію критически отнестись къ своимъ источникамъ, вводитъ читателей въ глубокое заблужденіе. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революціонеровъ по полицейскимъ причинамъ, то въ этомъ прежде всѣхъ другихъ должны были бы убѣдиться именно „деревенщики“, послѣдніе остатки которыхъ уже въ серединѣ 1879 г. бѣжали, — по словамъ Е. А. Серебрякова,— изъ деревень въ города. Но деревенщики не только не убѣждены въ этомъ и не только не бѣжали въ города, а напротивъ съ величайшею горячностью доказываютъ необходимость оставаться въ народѣ и оспариваютъ своихъ *городскихъ* товарищей, всѣми силами старающихся увѣрить ихъ, что въ народѣ дѣйствовать невозможно. Удивительно, какимъ образомъ Е. А. Серебряковъ не остановился передъ этимъ безспорнымъ и всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, ясно показывающимъ, какъ произвольно и одностороннe ходячее у насъ представленіе о причинахъ, заставившихъ большинство нашихъ революціонеровъ конца 70-хъ годовъ покинуть мысль о дѣятельности въ крестьянствѣ, которую не далѣе, какъ за нѣсколько лѣтъ до того, они же считали безусловно необходимой и единственно цѣлесообразной.

Въ дѣйствительности дѣло было гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется Е. А. Серебрякову. Дѣятельность въ крестьянствѣ отнюдь не была невозможной: революціонеры справились бы съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ *настроеніе* продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъ-то и дѣло, что во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и „хожденіе въ народъ“ потеряло въ ихъ глазахъ почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народѣ не оправдала тѣхъ радужныхъ, можно сказать, *почти ребяческихъ* надеждъ, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что „*соціальную революцію*“ сдѣлать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надѣялись, что года *черезъ два — три*. Но извѣстно, что подобная легкомысленная „*вѣра*“ представляетъ собою нѣчто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. „Народъ“ пересталъ привлекать ихъ къ себѣ, потому что „хожденіе въ народъ“ перестало казаться имъ вѣрнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ. До какой степени это вѣрно, покажетъ слѣдующій примѣръ. Лѣтомъ 1878 г. волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ *земства*, которое было огромнымъ шагомъ *назадъ* сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. Вѣрные своей „бунтарской“ программѣ, землевольцы поспѣшили отправиться на Донъ и завязать сношенія съ недовольными. Я былъ однимъ изъ первыхъ побывавшихъ туда членовъ „Земли и Воли“. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и убѣдившись, что оно

благопріятно для агитаціи, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда немедленно двинулся ко мнѣ на помощь Александръ Михайловъ. Но такъ какъ я спѣшилъ отпечатать *„Воззваніе къ славному войску донскому“*, составленное нами, „интеллигентами“, при участіи „спропагандированныхъ“ нами казаковъ, то я выѣхалъ въ Петербургъ,—гдѣ у насъ была тогда тайная типографія, — не дождавшись пріѣзда Михайлова въ Ростовъ-на-Дону. Это было уже осенью и всего нѣсколько дней спустя послѣ большого „провала“, погубившаго Ольгу Натансонъ, Адріана Михайлова и многихъ другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на нашу бывшую „конспиративную“ квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія „провала“ были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: надо было прежде всего возстановить „центръ“, разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ, телеграммой Ал. Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услыхалъ отъ него то мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто „наказывать“ правительство за его свирѣпыя преслѣдованія: прежде онъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ „агитаціи на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій“ и самымъ рѣшительнымъ противникомъ „террора“, который назывался у насъ тогда

дезорганизаціей правительства, и о которомъ начали поговаривать уже лѣтомъ 1877 года. Я не согласился съ Ал. Михайловымъ, но такъ какъ о поѣздкѣ на Донъ членовъ нашей организаціи тогда, дѣйствительно, нельзя было и думать, то я сталъ искать охотниковъ въ средѣ „интеллигентной" революціонной молодежи, не принадлежавшей къ нашему обществу, но сочувствовавшей нашему направленію. Эта молодежъ, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои разсказы о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непремѣнно должны воспользоваться этими волненіями. Но, не смотря на это, на Донъ все-таки никто изъ Петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ. Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ нимъ отправилось нѣсколько молодыхъ товарищей изъ Харькова; но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ разсчитывать невозможно, и обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки, — которыхъ насчитывалось тогда уже человѣкъ до пятидесяти, — настойчиво уговаривали ихъ оставаться. Попытка агитаціи на Дону — чрезвычайно важная съ точки зрѣнія нашей тогдашней програмы, — окончилась ничѣмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помѣшала намъ связать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ, — эта полиція по своей неопытности въ такихъ дѣлахъ, ничему помѣшать не могла, и связи уже начали завязываться, — а просто потому, что мысль объ агитаціи въ массахъ совсѣмъ перестала тогда увлекать нашу революціонную интеллигенцію. И это чувствовали наши

„деревенщики", которые видѣли, что число лицъ, желающихъ идти „въ народъ", постоянно уменьшается, и что ихъ „поселенія" перестаютъ быть привлекательными для революціонной молодежи. А такъ какъ необходимымъ условіемъ широкаго народнаго возстанія была, въ глазахъ бунтаря, организація народныхъ силъ, а эта организація, въ свою очередь, предполагала безпрерывный и широкій притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи, то существовавшія тогда „поселенія" имѣли для „деревенщиковъ" цѣну только въ той мѣрѣ, въ какой можно было надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ такихъ поселеній явится не два-три десятка, а очень много: два—три десятка лицъ, уже поселившихся и дѣйствовавшихъ въ поволжьѣ, могли имѣть значеніе только какъ *авангардъ*, возвѣщавшій о приближеніи *большой арміи*; сами же по себѣ они были такъ слабы, что самый горячій сторонникъ агитаціи въ народѣ переставалъ дорожить ими, какъ только убѣждался, что на новый и гораздо болѣе значительный притокъ въ народъ силъ „интеллигентовъ" разсчитывать уже невозможно. Вотъ почему „деревенщики" такъ горячо возстали противъ террора, — которому сначала многіе изъ нихъ горячо сочувствовали, — когда убѣдились, что онъ отвлекаетъ симпатіи молодежи отъ агитаціи въ народѣ и направляетъ ихъ въ другую сторону. И вотъ почему послѣ воронежскаго съѣзда многіе „деревенщики", до того времени благополучно жившіе и болѣе или менѣе удачно дѣйствовавшіе въ крестьянствѣ, переѣхали въ города, чтобы звать оттуда молодежь на дѣятельность въ крестьянствѣ и бороться тамъ съ возростающимъ вліяніемъ террористовъ. Е. А. Серебряковъ обнаруживаетъ полное непониманіе дѣла, ко-

гда пускается въ иронію, замѣчая, что эти, переѣхавшіе въ города, деревенщики, вербовали послѣдователей „неизвѣстно для чего“; нѣтъ, послѣдователи вербовались для цѣли очень хорошо извѣстной, но неизлѣчимая слабость „бунтарей“, оставшихся вѣрными старой программѣ, заключалась въ томъ, что даже ихъ молодые послѣдователи, вполнѣ признававшіе необходимость новаго похода „въ народъ“ революціонной интеллигенціи, ни въ какой походъ отнюдь не собирались, а продолжали жить да поживать въ городахъ, т. е. тамъ, гдѣ имъ, по прямому смыслу ихъ программы, полагалось жить только въ видѣ исключенія*). Революціонное народничество погибало, но погибало не подъ ударами полиціи, будто бы загородившей революціонной интеллигенціи всѣ пути къ народу, а въ силу неблагопріятнаго для него настроенія тогдашнихъ революціонеровъ, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось „отомстить“ правительству за его преслѣдованія и вообще вступить съ нимъ въ „непосредственную борьбу“ т. е., собственно говоря, какъ можно скорѣе добиться конституціи.

Прочитавъ брошюру Е. А. Серебрякова, можно подумать, что отправлявшіеся въ народъ пропагандисты и агитаторы испытывали однѣ только неудачи **). Нѣмецъ Тунъ и здѣсь ближе къ истинѣ. Онъ говоритъ: „Справедливо то мнѣніе, что результаты далеко не соотвѣтствовали жертвамъ: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не слѣдуетъ думать, что пропаганда прошла безъ всякихъ

*) Эту черту очень хорошо подмѣтилъ и вѣрно изобразилъ въ своихъ „*Воспоминаніяхъ*“ В. К. Дебагорій-Мокріевичъ.

слѣдовъ. Во многихъ случаяхъ соціалистическія идеи запали въ головы крестьянъ... И мы видимъ, что многіе крестьяне и рабочіе на судѣ съ воодушевленіемъ исповѣдуютъ свои соціалистическія воззрѣнія... Въ соціалистическихъ кружкахъ было много членовъ изъ рабочихъ; существовали даже чисто рабочіе союзы, какъ напримѣръ, въ Одессѣ... Наконецъ, пропаганда имѣла еще и тотъ результатъ, что было пріобрѣтено нѣсколько точекъ опоры для дальнѣйшей дѣятельности въ деревнѣ. Пропагандистское движеніе пустило въ народѣ болѣе глубокіе корни, чѣмъ всѣ прежніе заговоры, и заложило основы для будущей революціонной партіи *)".

Въ этихъ строкахъ Тунъ подводитъ итоги дѣятельности соціалистовъ въ 1873—74 годахъ. Итоги эти, какъ я уже замѣтилъ,—ближе къ истинѣ, чѣмъ то, что сообщаетъ намъ Е. А. Серебряковъ. И приблизительно такіе же результаты дала дѣятельность собственно народническаго періода, т. е. 1875—78 годовъ. И тогда соціалистическія идеи продолжали западать въ головы крестьянъ, рабочее же движеніе своимъ быстрымъ развитіемъ *даже превзошло ожиданія „интеллигентныхъ" революціонеровъ, какъ въ этомъ сознавалась газета „Земля и Воля"*. Но нужно помнить, что между крестьянами именно только отдѣльныя головы—хотя бы и довольно „многія"—были и могли быть доступны соціалистической пропагандѣ. Взятое въ массѣ, крестьянство обнаруживало стремленія, не имѣвшія ничего общаго съ соціализмомъ. Эти стремленія не ускользнули отъ вниманія пропагандистовъ, но они были истолкованы ими очень неправильно. И именно это неправильное истол-

---

*) См. стр. 68—69

кованіе пропагандистами вѣрно схваченныхъ ими народныхъ стремленій положило основаніе нашему *революціонному народничеству.*

Дѣло въ томъ, что крестьянинъ, охотно и внимательно слушавшій разсказы и разсужденія пропагандиста на тему о малоземельѣ, о тяжести податей, о произволѣ администраціи, о безсердечіи помѣщиковъ, о жадности поповъ, о хищничествѣ кулаковъ и т. п., въ массѣ оказывался глухъ къ проповѣди соціализма. Соціалистическіе идеалы не только не влекли его къ себѣ, но прямо не укладывались въ его голову, потому что въ идеалахъ, подсказываемыхъ ему его собственными производственными отношеніями, было очень много *буржуазнаго индивидуализма.*

„Легче возстановить крестьянина противъ царя, чѣмъ убѣдить его въ томъ, что не надо частной собственности",—говорилъ на одной изъ революціонныхъ сходокъ, осенью 1876 года, Боголюбовъ, который былъ очень опытнымъ и умѣлымъ пропагандистомъ. Другой пропагандистъ на другой сходкѣ разсказывалъ, какъ одинъ крестьянинъ, убѣжденный имъ въ необходимости поголовнаго народнаго возстанія и отобранія земли у помѣщиковъ, воскликнулъ однажды съ нескрываемымъ удовольствіемъ: „Вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то мы подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работничковъ, да какъ заживу-то!"—Подобныхъ разсказовъ можно было тогда услышать отъ всякаго бывалаго пропагандиста великое множество *). Общій смыслъ ихъ былъ тотъ, что идеаломъ русскаго крестьянина, подавлен-

*) Въ легальной литературѣ тѣ же самыя черты крестьянскаго идеала сталъ указывать впослѣдствіи Г. И. Успенскій.

наго гнетомъ податей и закрѣпощеннаго государству, является крестьянинъ, избавленный отъ этого гнета и освобожденный отъ этого закрѣпощенія, но остающійся самостоятельнымъ производителемъ и даже отчасти предпринимателемъ,—словомъ: *мелкій буржуа земледѣлія.* Этого смысла революціонеры не поняли во всемъ его великомъ общественномъ значеніи. Они рѣшили, что если крестьянинъ теперь, вообще говоря, не интересуется соціализмомъ, то это происходитъ лишь отъ того, что община пока еще не достигла надлежащей высоты развитія, а впослѣдствіи, когда она поднимется на эту высоту, стремленіе къ соціализму выростетъ само собою изъ условій крестьянской жизни. А отсюда они сдѣлали тотъ выводъ, что задача революціоперовъ сводится теперь къ устраненію всего того, что препятствуетъ сохраненію и дальнѣйшему развитію общины и всѣхъ прочихъ старыхъ „устоевъ“ экономической жизни народа. Этотъ выводъ и легъ въ основу всей народнической программы. Возникновеніе народничества означало, что наши соціалисты *отступаютъ передъ трудностями соціалистической пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ* и, совершая свое отступленіе, *утѣшаютъ себя вѣрой въ будущее* „самопроизвольное“ *развитіе общины.* И чѣмъ больше давали себя чувствовать названныя трудности, чѣмъ рѣшительнѣе было указанное отступленіе соціалистовъ, тѣмъ болѣе подготовлялась почва для идеализаціи общины и вѣры въ ея будущій переходъ „въ высшую форму общежитія“. Наивысшей своей точки эта идеализація и эта вѣра достигли впослѣдствіи у нѣкоторой части народовольцевъ.

Обо всемъ этомъ Е. А. Серебряковъ не говоритъ ровно ничего. Правда, и у него есть страница, очень

хорошо подтверждающая то, что сказано здѣсь мною, но содержаніе этой страницы осталось для него непонятнымъ. Онъ приводитъ слѣдующую цитату изъ неизданныхъ воспоминаній землевольца: „Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось *) положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность, — а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру, при полной матеріальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности" и т. д. **). Что означаетъ то пренебрежительное отношеніе *крестьянина къ батраку* и то его почтеніе къ „*матеріальной личной самостоятельности*", о которыхъ говоритъ землеволецъ? Да именно то, что иное дѣло *пролетарій* (батракъ), а иное дѣло *крестьянинъ*, и что идеаломъ крестьянина является,—какъ уже сказано мною, — *мелкій буржуа земледѣлія*. Но Е. А. Серебряковъ обращаетъ на это такъ же мало вниманія, какъ наши нынѣшніе „*соціалисты-революціонеры*".

Еще два небольшихъ замѣчанія, чтобы покончить съ его неудачной брошюрой. Онъ утверждаетъ, что непремѣннымъ условіемъ начала Казанской демонстраціи 1876 года было поставлено присутствіе на площади не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ манифестантовъ,

---

*) Рѣчь идетъ здѣсь объ эпохѣ народничества.

**) Общество „Земля и Воля", стр. 17.

но что „вопреки принятому рѣшенію, хотя и собралось только 200—300 человѣкъ, нашелся ораторъ, который началъ говорить рѣчь *)“. *Это неправда.* На послѣднемъ своемъ собраніи организаторы демонстраціи рѣшили, наоборотъ, что *демонстрація должна состояться, хотя бы на нее пришло всего нѣсколько сотъ человѣкъ.* Это рѣшеніе было принято потому, что демонстрація уже не разъ назначалась и отсрочивалась, и новая отсрочка подѣйствовала бы на всю петербургскую революціонную среду самымъ деморализующимъ образомъ **) Е. А. Серебряковъ, очевидно, совсѣмъ не знаетъ обстоятельствъ дѣла, о которомъ взялся говорить.

„Дѣло кончилось, конечно, такъ, какъ многіе предвидѣли, — разсказываетъ дальше нашъ авторъ.—Въ виду малочисленности манифестантовъ, полиція натравила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе“. Это опять не такъ. Дворники, дѣйствительно, работали тогда не хуже, чѣмъ они работаютъ въ подобныхъ случаяхъ теперь. Но что до „поголовнаго избіенія“ было очень далеко, это доказывается тѣмъ, что ни одинъ изъ выдающихся землевольцевъ, бывшихъ на Казанской площади и отражавшихъ полицейское нападеніе, не былъ арестованъ. Далѣе Е. А. Серебряковъ сообщаетъ намъ, что хотя Казанская демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе, но что жестокій

---

*) Стр. 16.

**) См. объ этомъ въ моей брошюрѣ: *„Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“.* Чрезвычайно жаль, что Е. А. Серебряковъ въ разбираемомъ мною мѣстѣ не указываетъ своихъ источниковъ.

приговоръ суда надъ ея участниками вернулъ революціонерамъ симпатіи общества, доказавъ ему, что „демонстрація, очевидно, уже не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ*). Въ настоящее время, когда демонстраціи, подобныя Казанской, вошли, можно сказать, въ обычай, нѣтъ нужды доказывать, что онѣ не совсѣмъ *смѣшны* даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда полиціи удается натравить на демонстрантовъ „дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч.“

Программа, приводимая Е. А. Серебряковымъ въ качествѣ програмы того общества „Земля и Воля“, о которомъ говорится въ его брошюрѣ**), на самомъ дѣлѣ была написана гораздо позже и выражаетъ взгляды и намѣренія совсѣмъ другого общества, *возникшаго подъ тѣмъ же именемъ въ 1880 году*. Я хорошо знаю какъ эту программу, которую я читалъ въ ея рукописномъ проектѣ, присланномъ на просмотръ нашей группѣ весною указаннаго года, такъ и программу *„Земли и Воли“* семидесятыхъ годовъ, которая была формулирована мною весною 1878 года***). И я могу доказать Е. А. Серебрякову, что онъ ввелъ своихъ читателей въ *жестокую ошибку*,

Теперь довольно объ его неудачной брошюрѣ. Возвращаясь опять къ Туну, я замѣчу, что его характеристика такъ называемаго *народовольческаго* направленія тоже не свободна отъ нѣкоторыхъ противорѣчій, за которыя, однако, и здѣсь приходится винить не его, а

*) Тамъ же, та же страница.

**) См. стр. 9—12, этой брошюры.

***) Раньше этого времени она существовала лишь въ словесной формулировкѣ

источники, находившіеся въ его распоряженіи. Въ народовольческую организацію входили люди, довольно сильно расходившіеся между собою во взглядахъ на важнѣйшія задачи нашего революціоннаго движенія. Въ ней были *радикалы въ западно-европейскомъ смыслѣ*, но были и чистокровные *народники*, пришедшіе къ тому убѣжденію, что только низверженіе нынѣшняго нашего государственнаго порядка проложитъ свободный путь для развитія старинныхъ „устоевъ“ народной экономической жизни; были въ ней, наконецъ, и такіе люди,—и эти составляли, кажется, большинство,—которые одновременно склонялись и къ западно-европейскому радикализму, и къ россійскому народничеству, вслѣдствіе чего ихъ воззрѣнія дѣлались въ высшей степени запутанными. Какъ на самаго выдающагося представителя западно-европейскаго радикализма въ «*Партіи Народной Воли*» можно указать на А. И. Желябова. Въ его біографіи, написанной Тихомировымъ и одобренной къ печатанію Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Н. В., мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Политическій агитаторъ рано сказался въ немъ. Такъ, напримѣръ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи помощи славянамъ, разсчитывая, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, на дѣлѣ возрожденія славянъ помочь политическому воспитанію самого русскаго общества. Вообще надо сказать, что этотъ *мужикъ*, по своему происхожденію никогда не отвертывался отъ „общества“, какъ дѣлало большинство отправлявшихся въ народъ. Русская революція представлялась ему не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще. Его взгляды въ этомъ

случаѣ значительно расходились со взглядами большинства современной ему революціонной среды*)". Это чрезвычайно характерныя строки. Здѣсь *„русскій народъ вообще"* противопоставляется *„крестьянскому или даже рабочему сословію"*, т. е. болѣе или менѣе правильно опредѣленному *классу эксплуатируемыхъ*. Желябовъ смотрѣлъ на задачи русской революціи *не съ точки зрѣнія интересовъ этого класса, а съ точки зрѣнія „русскаго народа вообще" т. е. всей той совокупности классовъ, интересы которыхъ расходятся съ интересами самодержавія.* Авторъ его біографіи недурно объясняетъ намъ, какія именно соображенія располагали А. И. Желябова къ принятію именно той точки зрѣнія, которая,—по справедливому замѣчанію того же автора,—была чужда большинству тогдашнихъ нашихъ, революціонеровъ. Желябовъ разсуждалъ такъ: „Соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ „идейная борьба". Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ и стремле-

*) „Андрей Ивановичъ Желябовъ", стр. 14—15.

ніе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности" *). Кто думаетъ, что соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ, тотъ придержится взгляда стараго *утопическаго соціализма*, противополагавшаго себя *„политикѣ"*. Въ этомъ отношеніи А. И. Желябовъ сходился съ большинствомъ народниковъ, воспитанныхъ въ преданіяхъ бакунизма: но именно потому, что и онъ, подобно другимъ народникамъ противополагалъ *соціализмъ* („задачи соціально-революціонной партіи") *политикѣ*, онъ, убѣдившись въ неизбѣжности *политической* борьбы, увидѣлъ себя вынужденнымъ *отодвинуть на задній планъ соціалистическую задачу*. Онъ сталъ стремиться къ *объединенію всѣхъ противниковъ самодержавія*, вслѣдствіе чего *классовые интересы* „крестьянскаго или даже рабочаго сословія" потеряли въ его глазахъ всякое самостоятельное значеніе. Принципъ *борьбы классовъ* сдѣлался неудобнымъ для него принципомъ, потому что *могъ помѣшать указанному объединенію*. И вотъ мы видимъ, что А. И. Желябовъ,—съ послѣдовательностью, дѣлающею величайшую честь его логикѣ,—объявляетъ на воронежскомъ съѣздѣ, что, по его мнѣнію, *революціонеры должны оставить теперь всякую мысль о классовой борьбѣ*. Это вызвало противъ него цѣлую бурю; ему возражали, что въ такомъ случаѣ мы должны отказывать въ нашей поддержкѣ *стачечникамъ*, такъ какъ *стачка* несомнѣнно представляетъ собою одинъ изъ видовъ классовой борьбы **). И въ отвѣтъ на это онъ произ-

---

*) Тамъ же стр. 36

**) Въ высшей степени замѣчательно, *что народники*, дѣйствовавшие преимущественно въ *крестьянствѣ*, вспомнили прежде всего *рабочихъ* когда имъ пришлось разсуждать о *борьбѣ классовъ*.

несъ свою знаменитую фразу, которую теперь часто истолковываютъ такъ неправильно. „Стачечникъ ведетъ двоякую борьбу,—сказалъ А. И. Желябовъ,—онъ ведетъ классовою борьбу съ фабрикантами и политическую борьбу съ полиціей; и я буду поддерживать его именно потому, что онъ борется съ этой послѣдней". Сказать это могъ именно только *радикалъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Соціалистъ*, отбросившій предразсудки *утопическаго періода*, понимаетъ, что *политическая* борьба тоже можетъ стать *классовою* и даже должна стать классовою, чтобы имѣть шансы на успѣхъ.

Теперь, когда читатель уяснилъ себѣ точку зрѣнія А. И. Желябова на основаніи показаній г. Л. Тихомирова, я попрошу его обратить вниманіе на то, какъ представлялъ себѣ политическую задачу „соціально-революціонной партіи" самъ г. Л. Тихомировъ.

„Идея дѣйствительной равноправности политическаго и экономическаго элементовъ въ партійной программѣ нашла себѣ ясное и громкое признаніе только съ появленіемъ народовольства,—говоритъ онъ въ статьѣ: „Чего намъ ждать отъ революціи?" *) — Тѣсная связь этихъ обоихъ элементовъ въ общественной жизни сдѣлалась мало по малу очевидной съ тѣхъ поръ, какъ соціалисты перешли къ практической дѣятельности. Совершенно помимо желанія, и въ противность предвзятымъ теоретическимъ взглядамъ, они должны были убѣдиться при этомъ, какъ неизбѣжна политическая борьба, какъ она сама навязывается каждому общественному дѣятелю. Послѣ этого опыта соціалисты могли уже сознательно понять тотъ характеръ историческаго развитія, который они до сихъ поръ только смутно ощущали. Народовольская программа была первымъ гласныхъ проявленіемъ этого сознанія".

*) „*Вѣстникъ Народной Воли*", кн. 2-ая, стр. 232—233.

У Желябова *соціализмъ* противополагался *политикѣ*. У г. Тихомирова „эти оба элемента“ изображались какъ неразрывно связанные между собою. Желябовъ находилъ, что социально-революціонная партія должна прежде всего добиться „свободныхъ учрежденій и гарантій личныхъ правъ“, *т. е. политической свободы, т. е. конституціи*. Г. Тихомировъ думалъ, что этого слишкомъ мало. „Въ самомъ дѣлѣ,—спрашивалъ онъ,—для чего намъ нужна конституція? Вѣдь не для того же, чтобы дать буржуазіи новыя средства для организаціи и дисциплинированія рабочаго класса посредствомъ обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ. Такимъ образомъ бросаться прямо въ омутъ головой можетъ лишь человѣкъ, вполнѣ преклонившійся передъ неизбѣжностью и необходимостью капитализма въ Россіи“.*) Г. Л. Тихомировъ не преклонялся передъ этой необходимостью и, кромѣ того, онъ,—какъ видимъ,—былъ убѣжденъ, подобно всѣмъ народникамъ, что завоеваніе политической свободы, не сопровождающееся немедленной социальной революціей, принесетъ рабочему классу гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, утвердивъ власть буржуазіи. Поэтому Г. Л. Тихомировъ говорилъ, что за „таинственной чертой“ предстоящей революціи насъ ждетъ „начало социалистической организаціи Россіи“.**) Короче, *народоволецъ* Желябовъ смотрѣлъ на политическій вопросъ *совсѣмъ другими глазами, чѣмъ народоволецъ* Тихомировъ. Тутъ надо замѣтить, правда, что приведенный мною взглядъ Тихомирова окончательно сложился и былъ принятъ большинствомъ народовольцевъ уже значительно позже воронежскаго конгресса. Его выработкѣ и распространенію въ средѣ народовольцевъ

*) Тамъ же, стр. 237.

**) Тамъ же, стр. 248. Ср. также стр. 260.

очень значительно содѣйствовалъ ропотъ „широкой публики", т. е. революціонной интеллигенціи, сочувствовавшей народовольческой борьбѣ, но по старой (народнической) памяти опасавшейся, что „политическая революція" отдастъ народъ во власть буржуазіи. И все таки несомнѣнно то, что уже во время воронежскаго съѣзда политическіе взгляды А. И. Желябова не раздѣлялись большинствомъ его товарищей. Его біографъ, какъ мы видѣли, прямо говоритъ это. Г. Л. Тихомировъ и въ то время совсѣмъ иначе, чѣмъ Желябовъ, понималъ революціонную задачу своей партіи. Это доказывается его статьями въ *„Народной Волѣ"*, которая начала выходить въ Петербургѣ уже осенью 1879 года. Въ тогдашнихъ соціально-политическихъ взглядахъ г. Тихомирова были чрезвычайно сильны элементы *народничества*. А между тѣмъ этотъ народникъ, такъ сильно опасавшійся того, что конституція окончательно отдастъ народъ во власть буржуазіи, и утѣшавшій себя только той надеждой, что революціонерамъ удастся захватить политическую власть въ свои руки и, опираясь на нее, приступить къ „соціалистической организаціи Россіи", этотъ народникъ-якобинецъ, — говорю я, — проговаривался иногда такими мнѣніями, на основаніи которыхъ его можно было бы причислить уже не къ европейскимъ *радикаламъ*, къ какимъ принадлежалъ Желябовъ, а къ довольно *заурядньмъ русскимъ либераламъ*. Такъ, напримѣръ, во внутреннемъ обозрѣніи третьей книжки *„Вѣстника Нар. Воли"* г. Тихомировъ,—указавъ на то, что правительство, запретившее *„Отечественныя Записки"*, объявило направленіе этого журнала и вообще прессы „извѣстнаго оттѣнка", оди-

наковымъ съ направленіемъ „подпольной печати",— замѣчаетъ:

„Пресса извѣстнаго оттѣнка, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ ничто иное, какъ ту прессу, которая выражаетъ настроеніе, направленіе и желанія девяти десятыхъ всего того, что только есть въ Россіи развитого, знающаго и честнаго... короче говоря — это направленіе *русскаго общества*, и съ нимъ-то находятся въ основномъ противорѣчіи начала, поддерживаемыя существующимъ правительствомъ... Мы можемъ только поблагодарить правительство за откровенность, съ которой оно разоблачаетъ себя, свою программу, свой нестрой" *). Далѣе, оговорившись насчетъ того, что необходимо разграничить міросозерцанія, идеалы и стремленія съ одной стороны и способы ихъ достиженія съ другой, внутренній обозрѣватель „Вѣстника Нар. Воли" продолжаетъ: „Правительство вполнѣ право, когда не видитъ существенной разницы въ общемъ міросозерцаніи и идеалахъ революціонеровъ и — наиболѣе развитой, культурной части русскаго общества. Дѣйствительно, революціонеры добиваются того самаго, чего хочетъ эта часть общества: осуществленія правъ человѣка и гражданина, разумной политической организаціи государства, обезпеченія трудящагося, правильной организаціи національнаго производства, но въ какомъ отношеніи эти стремленія, — стремленія каждаго порядочнаго человѣка не одной Россіи, а всего цивилизованнаго міра,—въ какомъ отношеніи эти стремленія находятся къ политическимъ убійствамъ и возстаніямъ?" **).

*) Стр. 99—101.

**) Стр. 101.

Отказываясь отъ совмѣстнаго съ г. Тихомировымъ разсмотрѣнія этого послѣдняго вопроса, объ отношеніи убійствъ и возстаній къ идеаламъ, мы скажемъ, что здѣсь программа партіи Народ. Воли была выставлена имъ въ новомъ и неожиданномъ видѣ. Если эта партія, которая должна была въ скоромъ времени взяться за „соціалистическую организацію Россіи", выражала стремленія наиболѣе развитой и культурной части общества, то выходитъ, что эта часть общества тоже была пропитана соціалистическими идеалами и стремилась положить конецъ эксплуатаціи низшихъ классовъ высшими, къ которымъ она, мимоходомъ сказать, сама принадлежала. Но это совершенно невѣроятно. Поэтому остается только усумниться въ томъ, что программа, которую выставляли народовольцы и которая совпадала съ „направленіемъ русскаго общества" была программой *соціалистической революціи.* И это сомнѣніе становится еще болѣе законнымъ въ виду той неопредѣленной формулировки, которую здѣсь давалъ г. Тихомировъ этой программѣ. Въ самомъ дѣлѣ, необходимость „разумной политической организаціи государства", „обезпеченія трудящихся" и „правильной организаціи національнаго производства" въ такой же мѣрѣ признается *либералами,* какъ и *соціалистами.* Весь вопросъ въ томъ, какія *конкретныя требованія* скрываются подъ этими *общими фразами.* А этотъ-то неизбѣжный вопросъ и былъ оставленъ здѣсь г. Тихомировымъ безъ отвѣта. Г. Тихомировъ ограничился констатированіемъ того факта, что стремленія его партіи совпадаютъ съ „направленіемъ русскаго общества". И напрасно стали бы мы обвинять его въ желаніи обмануть „общество" на счетъ истинныхъ цѣлей партіи Народной Воли, нѣтъ онъ *не*

обманывалъ, а скорѣе былъ обманутъ. Марксъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о *„революціи и контръ-революціи въ Германіи“*, что въ этой странѣ „въ концѣ 1847 г. врядъ-ли былъ хоть одинъ выдающійся политическій дѣятель среди буржуазіи, который не провозгласилъ бы себя „соціалистомъ“ для обезпеченія симпатіи пролетарскаго класса“. Передовые представители мелкой буржуазіи въ Россіи, — „интеллигенты“ всякихъ названій и призваній,—тоже чуть не поголовно причисляли себя къ соціалистамъ. Дѣлалось это у насъ не затѣмъ, чтобы обманывать пролетаріатъ, самое существованіе котораго почти не признавалось тогда „интеллигенціей“, а просто потому, что передовая часть „общества“ привыкла отождествлять съ „соціализмомъ“ всякое стремленіе къ общественному благу и всякое сочувствіе народу. На самомъ дѣлѣ въ ея стремленіи къ общественному благу и въ ея сочувствіи народу было очень мало соціалистическаго. Но тутъ опять приходится вспомнить Маркса, который говоритъ: „Этикетки, наклеиваемыя на системы, тѣмъ отличаются отъ этикетокъ, наклеиваемыхъ на другіе товары, что онѣ обманываютъ не только покупателя, но и самого продавца“ *). Воображая себя сторонницей соціализма, наша мелко-буржуазная интеллигенція обманывала не только самое себя, но также и нашу „соціально-революціонную партію“. Когда наши революціонеры перестали возлагать свои надежды на революціонную самодѣятельность *„народа“*, они стали уповать на поддержку со стороны *„общества“*, передовая часть котораго казалась имъ преисполненной „соціалистическихъ идеаловъ“. Но такая ошибка не могла, ко-

*) „Das Kapital“, II Band, zweite Aufl., s. 333.

нечно, остаться безнаказанной: признавая себя солидарной съ „обществомъ", которое на самомъ дѣлѣ не имѣло, да и не могло имѣть никакого серьезнаго отношенія къ соціализму, партія Народной Воли тѣмъ самымъ показывала, что ея собственный соціализмъ былъ, *по меньшей мѣрѣ, недостаточно послѣдователенъ и продуманъ.*

Вотъ яркій примѣръ въ подтвержденіе сказаннаго. Когда, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ русской революціонной печати стали раздаваться голоса, приглашавшіе нашихъ революціонеровъ на время *отказаться отъ соціализма и превратиться въ либераловъ* *), тогда одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ хранителей стараго народовольческаго преданія, Г. Кашинцевъ, въ статьѣ „*По поводу одной програмы*", напечатанной въ первомъ и единственномъ номерѣ газеты „*Соціалистъ*", писалъ, что соціализмъ занималъ первое мѣсто въ революціонныхъ программахъ собственно только въ самомъ началѣ нашего движенія". Это было,—говорилъ онъ,—но было лишь въ исходные моменты юношескаго увлеченія, которое при первыхъ столкновеніяхъ съ жизнью и критической мыслью начало уступать и очень скоро уступило свое мѣсто иному, чисто реальному, пониманію общественныхъ отношеній, революціонному міросозерцанію, оставшемуся въ своихъ основахъ неизмѣннымъ и по сіе время. Даже въ первыхъ опытахъ нелегальной литературы вопросамъ чистаго соціализма, теоретическаго и практическаго, отво-

---

*) Громче всего эта проповѣдь раздавалась въ „*Свободной Россіи*", органѣ г. *Вл. Бурцева*, нынѣшняго союзника нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ".

дилось сравнительно немного мѣста (пожалуй столько, сколько было нужно въ интересахъ гуманитарной пропаганды для юношества...)“. Далѣе г. Кашинцевъ утверждаетъ, что уже въ періодъ хожденія въ народъ революціонная пропаганда опиралась главнымъ образомъ „на указанія народныхъ бѣдствій настоящаго, безобразія правительства, а не на соціализмъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ больше, пока, наконецъ, Народная Воля не рѣшила вопроса, и вполнѣ опредѣленно, въ смыслѣ борьбы съ абсолютизмомъ“. Это чрезвычайно замѣчательно. Если вѣрить г. Кашинцеву,—а не вѣрить ему мы не имѣемъ ни самомалѣйшаго основанія,—то выходитъ, что дѣятельность партіи Народной Воли имѣла съ соціализмомъ лишь очень мало общаго. А въ такомъ случаѣ не удивительно и то, что самый вліятельный изъ ея публицистовъ могъ сказать, что ея программа вполнѣ совпадаетъ съ „направленіемъ“ передовой части „общества“!.

А. П. Корба.—которую редакція *„Былого“* справедливо называетъ видной дѣятельницей партіи Народной Воли,—говорила въ своей рѣчи на судѣ (1883 г .):

„Г.г. сенаторы, вамъ хорошо извѣстны основные законы россійской имперіи: никто въ Россіи не имѣетъ права высказываться за измѣненіе государственнаго строя; никто не можетъ даже помышлять объ этомъ; въ Россіи запрещены даже коллективныя петиціи! Но страна растетъ и развивается; условія общественной жизни усложняются съ каждымъ годомъ; наступаетъ моментъ—страна задыхается въ узкихъ рамкахъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода.., Историческая задача партіи Народной Воли заключается въ томъ, чтобы расширить

эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ея находятся въ непосредственной зависимости отъ правительства. Партія не стоитъ непреоборимо упорно за терроръ; рука, поднятая для нанесенія удара, опустится немедленно, какъ только правительство заявитъ намѣреніе, измѣнить политическія условія жизни... но отъ чего она не можетъ отказаться, не совершивъ предательства, измѣны противъ народа,—это отъ завоеванія отъ него свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостоянія. Въ подтвержденіе того, что цѣли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ императору Александру III отъ Исполнительнаго Комитета, написанное вскорѣ послѣ 1-го марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ сверху, но реформъ искреннихъ, полныхъ жизненныхъ" *).

Эта рѣчь, съ ея требованіемъ жизненныхъ, полныхъ и искренныхъ *реформъ сверху*, выражаетъ взглядъ *очень умѣренный*, но всетаки гораздо болѣе близкій къ радикальнымъ взглядамъ Желябова, чѣмъ къ программѣ *якобинскиго народничества*, изложенной г. Тихомировымъ въ его статьѣ: „*Чего намъ ждать отъ революціи?*" Не надо было быть *соціалистомъ*, чтобы одобрить взглядъ А. П. Корба.

Наконецъ, приведу еще отрывокъ изъ письма народовольца Якубовича,—осужденнаго „по прессу 21-го",—слѣдующимъ образомъ характеризующій эволюцію руководящихъ идей Партіи Народной Воли.

„Чѣмъ мы становимся старше и болѣе зрѣлыми, тѣмъ минимальнѣе становятся наши требованія. По-

---

*) См. „*Былое*" № 3, стр. 172—173.

смотрите на то, что требовала „Партія Народной Воли“ въ самомъ началѣ своего существованія, къ чему она стремилась? Еще въ 8 и 9 №№ своего органа она заявляла, что цѣль ея — захватъ власти. И что же? Въ настоящее время иного народовольца такая задача заставляетъ улыбаться. Наша формула стала иная: призывъ народа съ высоты трона, поколебленнаго ударами революціонеровъ. Мы не можемъ съ полною увѣренностью нарисовать послѣдствіи такого призыва и представить себѣ эти послѣдствія во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мы не беремъ на себя пророчествъ. Но я вѣрю,… что русскій народъ — великій народъ, что моментъ созыва Земскаго Собора будетъ великій моментъ и не пройдетъ безслѣдно въ русской жизни и исторіи; страстный энтузіазмъ, который охватитъ народъ и общество, первоначально на почвѣ чисто политической, неизбѣжно повлечетъ за собой также и всю долю необходимыхъ и осуществимыхъ реформъ экономическихъ. Эта наша вѣра“ и т. д.*)

Эти строки были написаны г. Якубовичемъ очень немного времени спустя послѣ того, какъ появилась уже нѣсколько разъ цитированная мною статья г. Тихомирова „*Чего намъ ждать отъ революціи?*“ И въ этихъ строкахъ весь соціализмъ ограничивается „вѣрой“ въ величіе русскаго народа и момента созыва Земскаго Собора. Не беря на себя никакихъ пророчествъ, я съ увѣренностью говорю, однако, что эту „вѣру“ не откажутся раздѣлить *самые умѣренные русскіе либералы.*

Теперь многіе стремятся реставрировать народовольческіе взгляды, и въ нѣкоторыхъ органахъ нашей ре-

*) См. брошюру „*Процессъ 21-го*“, Женева, 1888 г., стр. 21-23.

волюціонной печати не рѣдко выражется теперь радость по поводу повота въ сторону идей Партіи Народной Воли, замѣчаемаго въ нѣкоторой части нашей интеллигенціи. Очень жаль, что публицисты, радующіеся такому повороту, не опредѣляютъ точнѣе, къ *какимъ именно* народовольческимъ идеямъ поворачиваемъ мы теперь: *къ идеямъ Желябова, или г. Тихомирова-автора статьи: „Чего намъ ждать отъ революціи?“, или г. Тихомирова-автора цитированнаго мной внутренняго обозрѣнія 3-ей княжки „В. Н. В.“, или г., Кашинцева, или г. Якубовича?* Вѣдь всякій видитъ, что нельзя „поворотить“ ко всѣмъ этимъ идеямъ одновременно, такъ какъ слишкомъ уже велико различіе между ними.

Товарищъ Невзоровъ говоритъ, заканчивая свою брошюру: „Народовольцы выставили положеніе, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себѣ) необходима именно для развитія соціалистической дѣятельности, что широкая пропаганда соціалистическихъ идей невозможна при абсолютномъ режимѣ, и что поэтому борьба съ самодержавіемъ и низвержаніе его составляютъ главную, первую задачу русскихъ соціалистовъ революціонеровъ“.*) Это и такъ, и не такъ. *Нѣкоторые* народовольцы, — скажу: народовольцы *желябовскаго толка,* — дѣйствительно выставляли это положеніе. Но за то другіе, — назовемъ ихъ народовольцами *тихомировскаго согласія,*—выставляли то положеніе, что если паденіе самодержавія не послужитъ сигналомъ для „соціалистической организаціи Россіи“, то отъ него выиграетъ одна только буржуазія. И при этомъ и тѣ, и другіе одинаково плохо понимали отно-

---

*) „Отказываемся ли мы отъ наслѣдства?“, стр. 73—74.

шеніе *соціализма къ политикѣ* *). Вотъ почему наслѣдство, доставшееся отъ нихъ намъ, *соціалъ-демократамъ*, было въ теоретическомъ отношеніи и съ этой стороны крайне бѣдно. Вотъ почему первой русской соціалъ-демократической группѣ,—группѣ *„Освобожденіе Труда“*—пришлось въ первомъ же своемъ изданіи разсматривать именно неразрѣшенный предшествовавшими направленіями вопросъ *объ отношеніи соціализма къ политикѣ* **). Въ брошюрѣ товарища Невзорова дѣло изображается такъ, какъ будто соціально-политическое міросозерцаніе соціалъ-демократовъ было сшито изъ искусно подобранныхъ клочковъ разныхъ другихъ міросозерцаній, существовавшихъ въ предшествовавшіе періоды. Пусть извинитъ меня товарищъ Невзоровъ, но когда я прочиталъ его брошюру, русская соціалъ-демократія на минуту явилась мнѣ въ образѣ гоголевской невѣсты, мысленно приставлявшей усы одного изъ своихъ многочисленныхъ жениховъ къ носу другого. Но въ дѣй-

---

*) Дж. Кеннанъ, описавъ свой разговоръ съ однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, замѣчаетъ: „Заклеймить такого человѣка кличкой „нигилистъ“ было глупо, а сослать его, какъ опаснаго члена общества, въ Сибирь низко и безчестно. На всемъ земномъ шарѣ человѣкъ такихъ убѣжденій слылъ бы за умѣреннаго либерала“ („Сибирь“, Берлинъ, 1891 г., стр. 124). А вѣдь этотъ ссыльный ужъ навѣрное принадлежалъ къ той части нашего „общества“, направленіе котораго совпадало, по словамъ г. Тихомирова, съ направленіемъ Партіи Народной Воли! Пока наши революціонеры не умѣли совершить теоретическое примиреніе соціализма съ политикой, до тѣхъ поръ они по необходимости выступали попеременно, то какъ *соціалисты-утописты*, то какъ *„либералы“*.

**) См. мою брошюру: *„Соціализмъ и политическая борьба“*, Женева, 1883 г.

ствительности она такой невѣстой *никогда рѣшительно никогда не была.* Мы не сшивали своихъ взглядовъ изъ кусочковъ чужихъ теорій, а послѣдовательно вывели ихъ изъ *своего революціоннаго опыта,* освѣщеннаго яркимъ свѣтомъ ученія Маркса. Непонимаю, какъ не замѣтилъ товарищъ Невзоровъ, что рѣшеніе политическаго вопроса, предложенное группой „Освобожденіе Труда“, *существенно* отличалось отъ всѣхъ многоразличныхъ рѣшеній, дававшихся народовольцами разныхъ оттѣнковъ. При томъ же надо помнить, что рѣшеніе этого вопроса, принимавшееся большинствомъ народовольцевъ,—т. е. рѣшеніе народническо-якобинское,—было предложено гораздо раньше *П. Н. Ткачевымъ* и вообще группой „Набата“. Слѣдовательно, если уже признавать, что это рѣшеніе носило въ себѣ зародышъ рѣшенія социалъ-демократическаго,—чего на самомъ дѣлѣ не могло быть,—то съ благодарностью за это мы должны обращаться именно къ группѣ „*Набата*“, а не къ народовольцамъ.

Авторъ брошюры „*Эволюція русской соціалистической мысли*“ обнаруживаетъ полное непониманіе исторіи этой мысли, утверждая, что „полемика между марксистами и хотя бы народовольцами была основана въ значительной степени на недоразумѣніи“ *). Вовсе нѣтъ! Съ самаго своего возникновенія и включительно до нашихъ дней эта полемика основана была не на недоразумѣніи, а на серьезнѣйшихъ принципіальныхъ разногласіяхъ. Эти разногласія были такъ велики, что между народовольцами и послѣдовательными соціалъ-демократами могло быть *соглашеніе* или, если хотите,

*) Стр. 4.

сближеніе по нѣкоторымъ отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ, но *объединеніе* было немыслимо, вслѣдствіе коренной разницы во взглядахъ. А полемика обусловливалась именно этой разницей. Возьмемъ хоть тотъ вопросъ, на примѣрѣ котораго поясняетъ свою мысль авторъ названной мною брошюры.

„Вспомнимъ, — говоритъ этотъ авторъ, — какъ наиболѣе выдающійся выразитель русскаго марксизма формулировалъ разницу соціалъ-демократической и народовольческой точекъ зрѣнія на отношеніе интеллигенціи къ пролетаріату: по мнѣнію, молъ, народовольца рабочій существуетъ для революціи, а не революція для рабочаго; по мнѣнію соціалъ-демократа, наоборотъ, революція существуетъ для рабочаго, а не рабочій для революціи. Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что въ то время, какъ Народная Воля смотритъ-де на пролетаріатъ лишь сверху внизъ и извнѣ, какъ на силу, могущую содѣйствовать желательному для интеллигенціи перевороту, соціалъ-демократія видитъ, наоборотъ, въ пролетаріатѣ, единственно самодавлѣющій соціальный классъ, который можетъ и долженъ совершить переворотъ исключительно въ своихъ интересахъ, совпадающихъ, впрочемъ, и съ интересами всего человѣчества. Спрашивается теперь, насколько современная соціалъ-демократія въ состояніи удовлетворится безъ оговорокъ лапидарной фразой „не рабочій для революціи, а революція для рабочихъ“ *).

Прежде, чѣмъ отвѣтить на то, что „спрашивается“ нашимъ авторомъ, я замѣчу, что приводимая имъ „лапидарная фраза“ при всей своей „лапидарности“

---

*) Тамъ же, стр. 4—5.

никогда не выдавалась русскими соціалъ-демократами за формулу, выражавшую ихъ разногласіе съ народовольцами по вопросу объ отношеніи интеллигенціи къ рабочимъ. Это было бы просто-на-просто *смѣшно*. Эта мнимая „формула" явилась такъ. Споря съ г. Тихомировымъ, я коснулся замѣчанія его о томъ, что вотъ, молъ, и народовольцы тоже признавали, что *рабочіе важны для революціи*. На это замѣчаніе я возразилъ, что по нашему, наоборотъ, революція важна для рабочихъ. Этимъ я хотѣлъ сказать, — и подробно сказалъ въ сочиненіи, посвященномъ этому самому спору, — что мы стоимъ на точкѣ зрѣнія *пролетаріата*, которая остается чуждой и непонятной народовольцамъ. Но я не ограничился этимъ возраженіемъ, — котораго я не думалъ выдавать ни за какую „формулу" — и развилъ свой взглядъ очень подробно. Мнѣ жаль, что разбираемый мною авторъ обратилъ вниманіе лишь на „формулу", которая, — повторяю, — въ дѣйствительности совсѣмъ даже и не формула, хотя она не только „фраза".

Какова была точка зрѣнія Народной Воли? Мнѣ скажутъ — *соціалистическая*. Я допускаю это, хотя выписки, приведенныя мною выше изъ рѣчей и статей народовольцевъ, показываютъ, что допускать это у меня *нѣтъ достаточнаго основанія*. Но дѣло не въ „этикеткѣ"! Во-первыхъ, извѣстно, что соціализмъ бываетъ разный: пролетарскій, мелкобуржуазный, буржуазный, феодальный и т. д. *). Во-вторыхъ, при сужденіи о всякой данной партіи необходимо принимать въ соображеніе не только тѣ программныя „фразы", которыя она признаетъ своими, но также и тотъ общественный слой, *на который она главнымъ образомъ опирается*. Самая безупречная

*) Объ этомъ см. въ „*Манифестѣ Коммун. Партіи*".

„фраза“ получаетъ неподходящее *содержаніе*, когда ея *осуществленіе* навязывается такому общественному *классу* или слою, который осуществить ее *не можетъ по объективнымъ условіямъ своей жизни*. „Спрашивается“ поэтому, на какой же общественный *слой* или *классъ* опиралась партія Народной Воли?

Мы уже знаемъ, какъ *народоволецъ* Е. А. Серебряковъ описываетъ въ своей брошюркѣ условія соціалистической дѣятельности въ Россіи наканунѣ возникновенія партіи Народной Воли: условія эти были, по его словамъ, такъ *неблагопріятны*, что „деревенщики“ оказались вынужденными *бѣжать въ города*. Это описаніе, не соотвѣтствующее дѣйствительности, вполнѣ соотвѣтствуетъ, однако, тому, что думали и говорили въ кружкахъ *„политиковъ“*, впослѣдствіи — *народовольцевъ*. Эти кружки объявляли дѣятельность въ крестьянствѣ совершенно невозможной при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ. И это мнѣніе стало оффиціальнымъ мнѣніемъ партіи Народной Воли. Его защищалъ органъ этой партіи, и его же мы находимъ, довольно долгое время спустя, въ *„Календарѣ Народной Воли“*. Ясно, стало быть, что народовольцы *не разсчитывали на крестьянъ*, какъ на такой классъ, который выступитъ носителемъ ихъ революціонной идеи *). *А рабочіе*? О рабочихъ вотъ что говоритъ главный публицистъ партіи: „Рабочій, способный къ классовой диктатурѣ, почти не существуетъ. Стало быть, политической власти ему не доставишь“ **). Очень хорошо. Но въ такомъ случаѣ,

*) Это недавно подтвердила и редакція *„Вѣстника Русской Революціи“* въ своей программной статьѣ.

**) Л. Тихомировъ, *„Чего намъ ждать отъ революціи?*, „В. Н. В.“, кн. 2, стр. 237.

кому же могли, по мнѣнію народовольческаго публициста, доставить политическую власть наши революціонеры? Очевидно, той передовой части общества, направленіе которой совпадало, какъ мы слышали отъ того же публициста, съ направленіемъ партіи Народной Воли. „Спрашивается", могла-ли бы эта часть общества сколько нибудь серьезно взяться за „соціалистическую организацію Россіи"? Теперь уже всякій смышленный школьникъ скажетъ, что—*нѣтъ*, и точно также всякій смышленный школьникъ понимаетъ теперь, что эта часть общества ни за что не пошла бы дальше нѣкоторыхъ мелко-буржуазныхъ „соціальныхъ" реформъ. А если это такъ, то ясно, что смертный грѣхъ партіи Народной Воли заключался не въ томъ, что она ошибалась въ построеніи той или другой „лапидарной фразы", а въ томъ, что вся совокупность ея теоретическихъ взглядовъ и ея практическихъ задачъ дѣлала изъ нея *невольную*,—говорю: невольную и прошу замѣтить это—*служительницу передового слоя нашей мелкой буржуазіи*. А совокупность взглядовъ и задачъ соціалъ-демократовъ дѣлала ихъ *сознательными служителями рабочаго класса*. Вотъ гдѣ—глубочайшая разница. Она много важнѣе всѣхъ возможныхъ различій въ „формулахъ" и „фразахъ"—лапидарныхъ и другихъ.

Но партія Народной Воли разсчитывала, что когда она повалитъ царизмъ, ей удастся возбудить самодѣятельность *крестьянства*, которое и примется тогда,—думала—она, осуществлять свои старые общинные идеалы. Положимъ, что ей удалось бы добиться обѣихъ этихъ цѣлей. Къ чему привело бы осуществленіе указанныхъ „идеаловъ"? Тотъ, кто понимаетъ, что такое соціализмъ, безъ колебаній отвѣтитъ, что оно привело

бы *не къ соціализму, а лишь къ ускоренію темпа того экономическаго движенія, которое уже надломило старые „устои" нашей народной жизни и вызвало очень значительное неравенство въ самой крестьянской средѣ.* И съ этимъ давно уже соглашались тѣ изъ теоритиковъ „передовой части нашего общества", которые не наобумъ толковали о народѣ и объ его „идеалахъ". „Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ А. Н. Энгельгардъ,—что, будь крестьяне надѣлены землей въ достаточномъ количествѣ, производительность громадно увеличится, государство станетъ очень богато. Но скажу все таки, что если крестьяне не перейдутъ къ артельному хозяйству, и будутъ хозяйничать каждый дворъ въ одиночку, то и при обиліи земли между земледѣльцами-крестьянами будутъ и безземельные и батраки. Скажу болѣе, полагаю, что разница въ состояніяхъ крестьянъ будетъ еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Несмотря на общинное владѣніе землей, рядомъ съ „богачами" будетъ много обезземельныхъ фактически батраковъ *) Я прибавлю, что само „артельное производство было бы *переходомъ не къ соціализму, а къ капитализму.* Но распространяться объ этомъ здѣсь нѣтъ надобности, такъ какъ на развитіе этого производства тогда нельзя было разсчитывать за полнѣйшимъ отсутствіемъ необходимыхъ для него предпосылокъ. Такимъ образомъ низверженіе абсолютизма и осуществленіе „общинныхъ идеаловъ" крестьянства,— т. е. полное торжество народовольства тихомировскаго согласія, — дали бы лишь новый толчекъ развитію того самаго капитализма, съ которымъ народовольцы наз-

*) Изъ деревни, стр. 423.

ваннаго согласія собирались бороться. На дѣлѣ борьба ихъ съ капитализмомъ была бы не *пролетарской*, а *мелко-буржуазной борьбою*, и ихъ партія ни въ какомъ случаѣ не вышла бы изъ предѣловъ *мелко-буржуазнаго соціализма* къ которому ее предрасполагало, какъ мы уже видѣли, еще и то обстоятельство, что она состояла главнымъ образомъ изъ представителей образованнаго слоя мелкой буржуазіи.*)

Съ своей стороны, соціалъ-демократы говорили. что *соціалистическая* революція можетъ быть совершена только силами *пролетаріата*, и что объективной опорой новаго порядка должны быть не обветшавшіе и расшатанные экономическіе „устои“ народной жизни, а *тѣ новыя экономическія отношенія, которыя создаются развитіемъ капитализма*. Взгляды соціалъ-демократовъ были *прямо-противоположны* взглядамъ народовольцевъ, и ихъ противоположности не охватитъ никакая лапидарная формула, кромѣ формулы: *одни представляли пролетаріатъ, другіе — мелкую буржуазію*. Но разъ признана неоспоримая правильность этой „лапидарной формулы“, то *основаннымъ на недоразумѣніи* оказывается не споръ соціалъ-демократовъ съ народовольцами, а разсужденія

*) Не могу не остановиться здѣсь на слѣдующемъ курьезѣ. Библіографъ № 3-го „*Былого*“ дѣлаетъ (стр. 206.) нѣсколько выписокъ изъ брошюры-циркуляра „*Объ изданіи русской соціально-революціонной библіотеки*“, такъ какъ эти выписки показываютъ, по его мнѣнію, „какъ широко и тогда смотрѣли народовольцы (sic!) на пропаганду среди народа (крестьянъ и рабочихъ) и на роль народныхъ массъ въ предстоящей борьбѣ за соціализмъ“. Но дѣло въ томъ, что эта брошюра-циркуляръ *написана мною*, а не кѣмъ-нибудь изъ народовольцевъ. Такимъ образомъ и комплименты библіографа на счетъ ширины относятся ко мнѣ. Я очень благодаренъ г. библіографу.

автора брошюры о спорѣ товарища Ленина съ товарищами такъ называемаго у насъ *экономическаго* направленія. Этотъ авторъ ровно ничего не понялъ въ томъ, о чемъ они спорили.

Предметъ ихъ спора не касался вопроса о томъ, можетъ или не можетъ интеллигенція совершить переворотъ собственными силами: обѣ стороны безусловно соглашались между собою въ томъ, что — *не можетъ*. Обѣ спорящія стороны одинаково хорошо понимали, что своими собственными силами интеллигенція никакой общественной задачи рѣшить не въ состояніи, и что ея возможное историческое значеніе всецѣло опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ она будетъ содѣйствовать развитію классоваго самосознанія рабочихъ. Разногласіе начиналось лишь тамъ, гдѣ заходила рѣчь *о путяхъ и способахъ такого содѣйствія*. „Экономисты" плохо выяснили себѣ *роль „революціонной бациллы"* въ процессѣ массоваго движенія пролетаріата *). Ихъ противникамъ эта роль представлялась съ гораздо большей ясностью. Полемика между этими двумя направленіями соціалъ-демократической мысли была неизбѣжна и плодотворна. Но даже въ самый сильный разгаръ этой полемики ни одна изъ сторонъ не помышляла *о воз-*

*) Говоря это, я имѣю въ виду собственно *теоритиковъ* „экономизма", которые договаривались до выводовъ, совершенно несогласимыхъ ни съ основными положеніями марксовой исторической теоріи, ни съ общепризнанными задачами международной соціалъ-демократіи. Но „экономисты", занимавшіеся *практическимъ дѣломъ*, не рѣдко играли ту самую роль „революціонной бациллы" которая осуждалась теоретиками, и потому имѣли благотворное вліяніе на ростъ нашего рабочаго движенія. Я думаю, что уже пора отдать имъ эту справедливость.

вратъ на старую точку зрѣнія Партіи Нар. Воли, такъ рѣшительно осужденную предыдущей исторіей нашего движенія. Товарищъ Ленинъ во всякомъ случаѣ стоитъ дальше отъ этой точки зрѣнія, чѣмъ кто бы то ни было. Вѣдь авторъ брошюры находитъ, что Ленинъ преувеличиваетъ значеніе сознанія въ революціонномъ процессѣ. Какой же смыслъ можетъ имѣть этотъ упрекъ въ примѣненіи къ Ленину, какъ къ соціалъ-демократу? О *чьемъ* сознаніи, о сознаніи *какого класса* можетъ говорить здѣсь Ленинъ, въ качествѣ члена *соціалъ-демократической* партіи? О сознаніи пролетаріата и *только* объ этомъ сознаніи. Чѣмъ большее значеніе придаетъ этотъ товарищъ *сознательности, тѣмъ болѣе* усиленнаго *воздѣйствія на умы рабочихъ требуетъ онъ отъ нашей партіи* и тѣмъ рѣзче расходится онъ съ народовольцами, которые, — какъ намъ уже извѣстно, — говорили устами г. Тихомирова, что *рабочій, способный къ классовой диктатурѣ, у насъ почти не существуетъ, и что, стало быть, политической власти ему не доставишь* *). Авторъ брошюры

*) Приведу здѣсь выписку изъ брошюры одного *народовольца* очень не двумысленно отвѣчающую на вопросъ о роли массъ въ революціи. Споря съ Драгомановымъ, который высказалъ ту мысль, что *открытое нападеніе* на правительство было бы желательнѣе „*террористическихъ*“ дѣйствій, этотъ народоволецъ говоритъ: „Что Вы хотите сказать своимъ „откытымъ нападеніемъ“? Если здѣсь нужно видѣть массовую революцію, то считаете ли Вы возможнымъ и резоннымъ (sic!) поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ-за политической свободы—при ихъ исторической оторванности отъ интелегенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода!—Но тогда неужели трудно понять, что всѣ ваши „гражданскіе и военные люди“, всѣ „народы“

и самъ чувствуетъ, что тов. Ленинъ ушелъ отъ народовольцевъ гораздо дальше, чѣмъ даже „экономисты“. Потому-то онъ и находитъ, что „общая точка зрѣнія“ экономистовъ болѣе правильна, чѣмъ точка зрѣнія тов. Ленина. А когда онъ прибавляетъ далѣе, что экономисты дѣлаютъ изъ своихъ, болѣе правильныхъ „основныхъ посылокъ половинчатые, а потому и невѣрные практическіе выводы“, то это лишь значитъ, что, по его мнѣнію, взглядъ экономистовъ всетаки можетъ при извѣстныхъ условіяхъ быть соглашенъ съ „народовольствомъ“, а взглядъ тов. Ленина — *никогда*. Съ какой же стати онъ вздумалъ приводить брошюру этого послѣдняго въ доказательство той странной мысли, что споры марксистовъ съ народовольцами основывались на „недоразумѣніи?“ Хорошо недоразумѣніе!

Вообще въ высшей степени странно разсматривать споръ сторонниковъ „Зари“ и „Искры“ съ „экономистами“ какъ признакъ, указывающій на приближеніе части русскихъ соціалъ-демократовъ къ народовольческому взгляду на политическую борьбу. Мы уже знаемъ, что въ самой народовольческой средѣ *существовало много очень различныхъ*,—и прямо таки несогласимыхъ между собою,—взглядовъ на отношеніе „*политики*“ къ *соціализму*. Знаемъ также, что при всемъ разнообразіи этихъ взглядовъ имъ свойственна была одна общая отрицательная черта: *ни одинъ изъ нихъ не устранялъ бакунинскаго противоположенія соціализма*

сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она эта интеллигенція, обязана—да „обязана“—вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіи, пользуясь терроромъ, какъ средствомъ“. Тарновскій, „*Терроризмъ и Рутина*“.)

политикѣ, унаслѣдованнаго отъ западно-европейскихъ утопистовъ. Но именно въ виду этой общей имъ всѣмъ отрицательной черты и немыслимо надѣяться на то, что соціаль-демократы могутъ,—*оставаясь соціаль-демократами*, — усвоить себѣ одну изъ разновидностей *народовольческаго* рѣшенія политическаго вопроса. Совершенно наоборотъ! Чѣмъ лучше будетъ сознавать наша соціаль демократія свою-историческую роль и свою ближайшую практическую задачу, тѣмъ дальше будетъ уходить она отъ политическихъ взглядовъ какъ народовольцевъ, такъ и всѣхъ вообще нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ, И смѣшно было бы высказывать какія-нибудь сантиментальныя сожалѣнія на этотъ счетъ. Соціальная революція девятнадцатаго столѣтія должна смотрѣть не назадъ, а впередъ, сказалъ Марксъ въ своей книгѣ: „*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*“. Неужели мы теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ станемъ думать иначе?

Очень грѣшатъ противъ исторической истины тѣ лѣтописцы нашего движенія,—къ ихъ числу принадлежитъ и авторъ разбираемой брошюры, — которые отмѣчая полемику „*Зари*“ и „*Искры*“ съ „экономистами“, восклицаютъ: наконецъ-то русскіе соціаль-демократы заговорили о политической борьбѣ. Въ дѣйствительности, наша соціаль-демократическая литература говоритъ объ этой борьбѣ съ самаго своего возникновенія: въ доказательство опять сошлюсь на *первую* русскую соціаль-демократичкую брошюру „*Соціализмъ и политическая борьба*“. Правда, теперь вошло въ моду говорить что брошюры, подобныя только что названной, писались *эмигрантами*, и что, поэтому, высказанныя въ нихъ взгляды нельзя признавать взглядами *дѣйствовавшихъ* въ

Россіи соціаль-демократовъ. Поэтому я сошлюсь еще на изданіе, выходившее въ Россіи. Во второмъ № *„Рабочаго“,—„газеты партіи русскихъ соціаль-демократовъ“, выходившей въ Петербургѣ въ 1885 г.*—одинъ изъ сотрудниковъ говорилъ, обращаясь къ русскимъ рабочимъ, „Вы должны бороться: во-первыхъ, ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ, отъ *экономической эксплуатаціи*, а во-вторыхъ ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя положатъ конецъ полицейскому произволу и сдѣлаютъ изъ васъ,—пока еще безправныхъ обывателей, — свободныхъ гражданъ свободной страны. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы* (курсивъ въ подлинникѣ). И не думайте, что эти двѣ задачи могутъ быть отдѣлены одна отъ другой; что онѣ могутъ быть рѣшены порознь и независимо другъ отъ друга.—Каждый изъ васъ одновременно является и эксплуатируемымъ рабочимъ, и безправнымъ обывателемъ. Поэтому, и всѣ вы въ совокупности, весь русскій рабочій классъ долженъ одновременно преслѣдовать какъ политическую, такъ и экономическую цѣль. Онъ долженъ одновременно стремиться низвергнуть какъ тѣхъ, которые являются его господами на фабрикѣ, такъ и тѣхъ, которые полновластно распоряжаются теперь въ русскомъ государствѣ“.

Эта послѣдняя фраза, будучи взята отдѣльно, можетъ пожалуй навести на ту мысль, что цитируемый мною сотрудникъ совѣтовалъ рабочимъ стремиться къ тому, чтобы моментъ *паденія абсолютизма* совпалъ у насъ съ моментомъ *соціалистической революціи*. Но это было бы совершенно не основательное предположеніе. Далѣе въ статьѣ прямо говорится, что политическая борьба поведетъ къ завоеванію *политической свободы*, ко-

торая въ свою очередь облегчитъ рабочему классу дѣло организаціи его силъ для *соціальной революціи.* Словомъ. и съ этой стороны взглядъ, высказываемый въ статьѣ, вполнѣ совпадаетъ какъ со взглядомъ, изложеннымъ въ брошюрѣ: „Соціализмъ и политическая борьба", такъ и съ нынѣшнимъ взглядомъ „*Зари*" и „*Искры*". Если читатель вспомнитъ, что эта статья была напечатана въ соціаль-демократическомъ органѣ, выходившемъ не заграницей, а именно въ Россіи, то онъ согласится, что мысль о политической борьбѣ не такъ нова дѣйствующимъ на родинѣ русскимъ соціаль-демократамъ, какъ это кажется нѣкоторымъ пристрастнымъ лѣтописцамъ нашего движенія. Цитируемая мною статья—„*Современныя задача русскихъ рабочихъ*", письмо къ петербургскимъ рабочимъ кружкамъ, подписана, правда: Г. Плехановъ, т. е. принадлежитъ человѣку, бывшему тогда уже *эмигрантомъ*. Но если этотъ эмигрантъ писалъ въ газету, выходившую въ Россіи, и если эта газета печатала его статьи, то значитъ, его дѣйствовавшіе на родинѣ товарищи были согласны съ его политическими взглядами и, слѣдовательно, были чужды „*экономизма*", а это и требовалось доказать.

„*Экономизмъ*" явился лишь впослѣдствіи. Онъ былъ вызванъ стремленіемъ поскорѣе пріобрѣсти широкое вліяніе на массу. Это стремленіе не сопровождалось, къ сожалѣнію, вѣрнымъ пониманіемъ роли революціоннаго меньшинства въ дѣлѣ выработки классового самосознанія пролетаріата. Но безусловная необходимость выработки этого самосознанія,—т. е. именно *классового* самосознанія рабочихъ,—вполнѣ признавалась экономистами. И это ставитъ ихъ безконечно выше всѣхъ

тѣхъ, будто бы соціалистическихъ, героевъ революціонной фразы, которымъ хотѣлось бы теперь перевести наше движеніе на *внѣклассовую точку.*

Чтобы говорить объ „эволюціи соціалистической мысли въ Россіи", надо знать факты, относящіеся къ ея исторіи лучше, чѣмъ знаетъ ихъ нашъ авторъ, а кромѣ того надо перестать смотрѣть на новѣйшій, *соціаль-демократическій* періодъ этой эволюціи сквозь очки народовольства: народовольство отжило свое время.

Да, время народовольства прошло! Но еще Герценъ справедливо замѣтилъ, что „идеи, пережившія свое время, могутъ долго ходить съ клюкой" и даже могутъ „какъ Христосъ, еще разъ, два показаться своимъ адептамъ"; идея народовольства показывается теперь и ходитъ съ клюкой на столбцахъ „*Революціонной Россіи*". Она принимаетъ тамъ пока видъ народовольства *тихомировскаго согласія.* *) Кто пожелаетъ узнать, откуда черпаетъ свою мудрость авторъ,—единоличный или коллективный—печатающихся въ этомъ органѣ статей *о програмныхъ вопросахъ*, тому я рекомендую прочитать статью Тихомирова „*Чего намъ ждать отъ революціи?* **) Эта статья убѣдитъ его въ томъ, что гг. „соціалисты-революціонеры", возставая противъ марксистской „догмы", умѣютъ лишь *рабски повторять „догму" народовольцевъ.* Въ статьѣ г. Тихомирова читатель найдетъ и разсужденія о нашемъ „крестьянско-рабочемъ классѣ" ***), которыя разогрѣваются теперь „*Революціонной Россіей*" подъ видомъ

---

*) Говорю *пока*, потому что не хочу поручиться за будущее.

**) Напоминаю, что она напечатана во второй книжкѣ „Вѣстника Народной Воли", вышедшей въ Женевѣ въ 1884 году. Отвѣтомъ на эту статью явилась моя книга „*Наши разногласія*".

***) „Вѣстникъ Нар. Воли", кн. 2 стр. 247.

той мысли, что крестьянство принадлежитъ къ одному классу съ пролетаріатомъ; онъ встрѣтитъ тамъ и чрезвычайно поучительныя размышленія о томъ, какія задачи предстоитъ взять на себя нашему будущему „правительству соціалистовъ-революціонеровъ". *) Онъ увидитъ тамъ тѣ же ссылки на сознаніе „народомъ" своего права на землю **) и тѣ же утопическія надежды на „*ассоціаціи*" ***). Наконецъ, его поразитъ тамъ то же самое отсутствіе всякой попытки серьезно анализировать экономическія отношенія Россіи, которое мы привыкли встрѣчать въ программныхъ статьяхъ органа „соц.-революціонеровъ". И тогда онъ убѣдится, что единственный выводъ, дѣлаемый „соц.-революціонерами" изъ исторіи нашей соціалистической мысли состоитъ въ томъ, *что эта мысль должна вернуться назадъ, къ тому, что уже было и быльемъ поросло*, т. е., другими словами, что въ идейномъ отношеніи люди этого направленія являются настоящими *реакціонерами*, вслѣдствіе чего кличка *соціалистовъ-реакціонеровъ* подходитъ къ нимъ гораздо больше, чѣмъ та, которую они себѣ почему-то присвоили.

Въ одномъ изъ приложеній къ книгѣ Туна печатается русскій оригиналъ моей статьи „*О соціальной демократіи въ Россіи*", написанной въ 1893 г. для польскаго изданія книги Туна. Въ этой статьѣ я высказывалъ твердую увѣренность въ томъ, что возвратъ нашей революціонной мысли на ея старыя теоретическія позиціи сталъ уже совсѣмъ невозможенъ. Наши соціа-

*) Тамъ же, стр. 255.
**) Тамъ же, стр. 251.
***) Тамъ же, стр. 253.

листы-реакціонеры, повидимому, показываютъ своимъ примѣромъ, что я ошибся: ихъ органъ именно старается воскресить наши старыя революціонныя теоріи, подпирая ихъ клюкой фальшивыхъ ссылокъ на разные западно-европейскіе авторитеты. Признаюсь откровенно, я не ожидалъ, что часть нашей революціонной читающей публики согласится когда-нибудь довольствоваться этими разогрѣтыми духовными яствами. Но моя ошибка на самомъ дѣлѣ не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Разогрѣтыя блюда *„Рев. Россіи“* охотно потребляются только тою частью нашей читающей публики, которая, по той или другой причинѣ, не умѣетъ или не хочетъ стать на *классовую точку зрѣнія*. А это—часть *отсталая*. И именно это обстоятельство наглядно показываетъ, что *дѣйствительно революціонные и дѣйствительно соціалистическіе элементы нашего движенія навсегда переросли дѣтскій костюмчикъ нашего „соціализма“ временъ Партіи Народной Воли.*

Кстати о моей статьѣ, печатаемой въ приложеніи и написанной еще въ 1893 году. Тамъ мнѣ пришлось высказать нѣсколько такихъ мыслей.—напр,. мысль о томъ, что *пропаганда* должна быть неразрывно связана съ *агитаціей*, о томъ, что мы, соціалъ-демократы, не имѣемъ никакого права забывать о крестьянахъ, о необходимости строгой организаціи революціонныхъ силъ и т. п.,—которыя впослѣдствіи подносились мнѣ и моимъ ближайшимъ товарищамъ,—и не только соціалистами-реакціонерами, но, къ сожалѣнію, также и нѣкоторыми соціалъ-демократами, какъ нѣчто для насъ совершенно новое и намъ неизвѣстное. Такъ пишутъ исторію.

Два слова объ остальныхъ приложеніяхъ къ нашему изданію. Разсказъ Я. Стефановича о Чигиринскомъ дѣлѣ, перепечатываемый изъ „*Чернаго Передѣла*“, представляетъ собою важный документъ, относящійся къ попыткѣ, которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ очень много интереснаго и поучительнаго для революціонера. Лично я никогда не допускалъ, что революціонеръ можетъ дѣйствовать отъ имени царя. Но справедливость заставляетъ меня сказать здѣсь, что въ „бунтарскомъ“ обществѣ „*Земля и Воля*“, къ которому я принадлежалъ въ эпоху Чигиринской попытки Стефановича и Дейча, мое отрицательное отношеніе къ пріему, ими употребляемому, *раздѣлялось далеко не всѣми. Я думаю даже, что значительное большинство землевольцевъ относилось къ нему вполнѣ одобрительно.*

О статьѣ товарища Д. Кольцова „*Восьмидесятые годы*“ распространяться нечего. Она кажется намъ полезнымъ вкладомъ въ характеристику той эпохи восьмидесятыхъ годовъ, съ идейнымъ „наслѣдствомъ“ которой русская „интеллигенція“ еще не совсѣмъ раздѣлалась даже и въ настоящее время.

Наконецъ, мы перевели нѣкоторыя примѣчанія П. Л. Лаврова къ польскому изданію книги Туна. Мы нашли нужнымъ сдѣлать это потому, что иныя изъ нихъ содержатъ въ себѣ заслуживающія вниманія фактическія поправки, а остальныя, — именно тѣ, въ которыхъ говорится объ исторіи программы „*Впередъ*“,— служатъ отвѣтомъ Туну, изложившему эту исторію не безъ значительной примѣси ироніи. Насъ не удовлетворяетъ этотъ отвѣтъ П. Л. Лаврова. Но мы все таки сочли себя обязанными довести его до свѣдѣнія нашихъ читателей. Audiatur et altera pars!

Мое предисловіе уже приняло очень большіе размѣры, а между тѣмъ я не сказалъ еще очень многаго изъ того, что слѣдовало бы сказать по поводу исторіи нашего движенія. Это показываетъ между прочимъ, что книга нѣмецкаго профессора оставляетъ неразрѣшенными не мало спорныхъ вопросовъ этого движенія. Русскій товарищъ, о которомъ Тунъ говоритъ въ своемъ предисловіи, помогъ ему, по его собственнымъ словамъ, понять внутреннюю связь событій. Но этотъ товарищъ не могъ написать за него же предпринятую имъ исторію. Да и самъ онъ переживалъ тогда переходный моментъ своего революціоннаго развитія, мѣшавшій ему съ полной ясностью опредѣлять значаніе революціонныхъ событій въ нашемъ отечествѣ.

Мартъ 1903 года.

Г. Плехановъ.

I.

Взглядъ на революціонное движеніе

до 1863 года.

Русское революціонное движеніе имѣетъ свой, если можно такъ выразиться, доисторическій періодъ, заканчивающійся 1855 годомъ, съ котораго начинается его исторія, длящаяся еще и въ настоящее время.

Первый періодъ съ своей стороны распадается на двѣ эпохи, которыя отдѣляются другъ отъ друга военнымъ возстаніемъ 14 декабря *) 1825 года.

Тайныя политическія общества существовали въ Россіи уже въ прошломъ столѣтіи; они прикрывались обыкновенно религіозными цѣлями и принимали таинственныя формы масонскихъ ложъ. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II на нихъ стали *посматривать* косо, подозрѣвая въ революціонныхъ замыслахъ. Начались преслѣдованія масоновъ, изъ которыхъ всѣхъ больше пострадалъ Новиковъ. Русскіе революціонеры чтятъ за это память своего предшест-

---

*) Должно замѣтить разъ навсегда, что всѣ указанія чиселъ сдѣланы по русскому старому стилю.

веника *). Вскорѣ затѣмъ наступило либеральное царствованіе Александра I, воспитанника якобинца Ла-Гарпа. Конституціонныя идеи потеряли на время противозаконный характеръ, такъ какъ самъ царь выразилъ имъ свое сочувствіе. Въ то же время поэзія Пушкина будила общественную совѣсть, подымала нравственный уровень общества и внушала надежды на лучшее будущее. Эта поэзія и запрещенныя стихотворенія Рылѣева, составлявшія рукописную литературу того времени, закончили популяризацію либеральныхъ идей 1789 г.

Заграничные походы заставили дворянскую молодежь ближе познакомиться съ тою культурою, которую до тѣхъ поръ она знала только по наслышкѣ. Среди этихъ чуждыхъ отношеній, такъ мало схожихъ съ родною дѣйствительностью, многіе русскіе офицеры стали обсуждать дѣла своей родины съ новой точки зрѣнія.

Наиболѣе здоровые элементы гвардіи жадно всасывали идеи гражданства, свободы и конституціонныхъ правъ и возвратились домой съ твердымъ намѣреніемъ „перенести Францію въ Россію“. Въ 1815 г. возникло литературное общество: „Арзамасъ“, въ слѣдующемъ—первое политическое, а въ 1817 г. подъ вліяніемъ Пестеля—первое тайное общество. Въ началѣ либералы надѣялись достигнуть своей цѣли въ согласіи съ императоромъ, но когда его политика приняла рѣзко реакціонное направленіе, и въ 1822 г. были закрыты всѣ массонскія ложи, среди офицеровъ начали сильно

---

*) Въ этой главѣ я слѣдую „Воспоминаніямъ русскаго декабриста“ (Розенъ) стр. 3—4, и изложенію „одного русскаго“ у Лавиня, стр 85 и слѣд.

распространяться тайныя общества, изъ которыхъ наиболѣе значительную роль играли: сѣверный и южный союзы и союзъ соединенныхъ славянъ *). По своимъ цѣлямъ движеніе было политическимъ; одни домогались учрежденія федеральной республики, другіе конституціонной монархіи.

Средствомъ является военный бунтъ; организація носила характеръ якобинскаго заговора. Внѣшнимъ поводомъ къ возстанію послужило 14 декаря 1825 г., день, когда Петербургскія войска, только что присягавшія императору Константину, должны были вновь присягать Николаю 1, вступившему на престолъ вмѣсто отрекшагося брата. Но въ рѣшительный моментъ выбраннаго диктаторомъ князя Трубецкаго нельзя было нигдѣ найти, не доставало систематическаго руководства; первые же залпы картечью разсѣяли возмутившихся солдатъ. Впрочемъ раньше или позже эта попытка либераловъ во всякомъ случаѣ закончилась бы неудачей, потому что движеніе распространялось исключительно среди небольшой части привиллегированныхъ классовъ, и политическія требованія заговорщиковъ не находили еще никакого отклика въ народѣ. Въ своемъ юношескомъ воодушевленіи декабристы были непоколебимо преданы своимъ предводителямъ—людямъ даровитымъ, но обращавшимъ мало вниманія на фактическія отношенія общественныхъ силъ. Пестель, Ры-

*) О сліяніяхъ двухъ послѣднихъ обществъ смотрите записки Горбачевскаго въ Русскомъ Архивѣ за 1882 г. Рецензія относительно этихъ записокъ помѣщена въ „Вольномъ Словѣ“ №№ 52 и 53.—„Соединенные Славяне“ первоначально имѣли въ виду лишь систематическую пропаганду въ войскѣ, но были увлечены болѣе пылкимъ Южнымъ союзомъ.

лѣевъ. С. Муравьевъ, М. Бестужевъ и Каховскій были повѣшены, 116 человѣкъ приговорены въ Сибирь, на каторгу или на поселеніе.

Отнынѣ тяжелая рука Николая налегла на всѣ проявленія русской жизни*). Въ началѣ Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, поддерживавшимъ надежду на лучшее будущее и обнаруживавшимъ мужество свободнаго гражданина. Но и онъ былъ побѣжденъ, благодаря съ одной стороны милостямъ императора, а съ другой—отвращенію къ окружавшимъ его современникамъ. Лермонтовъ далъ поэтическое выраженіе тому чувству отчаянія, которое охватило въ то время мыслящихъ русскихъ людей. Но возмущеный духъ націи не заглохъ, онъ искалъ и нашелъ свое выраженіе въ поэзіи и критикѣ.

Развилась та сатирическая струя, которая замѣтнѣе у русскихъ, чѣмъ у какого-либо другого народа. Въ формѣ сатирическаго романа и комедіи нравовъ „Мертвыя души" и „Ревизоръ" Гоголя, „Горе отъ ума" Грибоѣдова, нападали на самыя основы оффиціальной цивилизаціи въ Россіи. Осмѣивалось и бичевалось все подкупное чиновничество, продажное судейское сословіе, безчестная администрація. „Соціальная патологія русскаго общества" была написана. Лишь въ замаскированной формѣ могла пресса внушать читателямъ также и либеральныя идеи, развивъ до совершенства печальное искусство скрывать свои настоящія мысли между строчками. Въ концѣ 30-хъ годовъ проникло въ Россію вліяніе Гегеля; и гегелянецъ Станкевичъ съ необыкновенной проницательностью привлекъ въ свой

*) По „изложенію русскаго" у Лавиня, стр. 98 и слѣдующія.

гостепріимный московскій домъ молодыхъ людей, позднѣе сдѣлавшихся руководителями общественной жизни въ самыхъ различныхъ областяхъ. Здѣсь можно было встрѣтить превратившихся впослѣдствіи въ славянофиловъ Аксакова, Хомякова вмѣстѣ съ будущимъ консерваторомъ Катковымъ и будущими вождями соціалистической эмиграціи: Бакунинымъ, Герценомъ и Огаревымъ, увлекавшимися въ то время ученіемъ Сенъ-Симона и Фурье. Къ этому же распавшемуся въ 1840 году кружку принадлежали два дѣятеля, оказавшіе огромное вліяніе на развитіе освободительныхъ идей въ Россіи. Это были: Бѣлинскій, неоспоримый властелинъ въ области критики реалистическаго направленія, и Грановскій, дѣйствовавшій съ каѳедры на молодежь въ либеральномъ духѣ. Надо однако сказать, что выросшая въ 40-хъ годахъ оппозиція была исключительно пассивною; существовало молчаливое взаимное пониманіе, но никто не отваживался протестовать открыто*). При полной невозможности дѣйствовать, недовольнымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только разсуждать. Во многихъ городахъ Россіи: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ростовѣ на Дону, Тамбовѣ, Костромѣ, Ревелѣ, даже въ Сибири—въ кружкахъ единомышленниковъ шли бесѣды не только о литературѣ, но и о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ; говорятъ даже, что существовало одно женское литературное общество. Новѣйшая политическая и соціалистическая литература не оставалась для нихъ неизвѣстною. Сенъ-Симонъ, Фурье, Луи-Бланъ, Прудонъ, Оуэнъ, всевозможныя сочиненія

*) Хорошо и коротко изображаетъ литературныя теченія того времени Подолинскій въ „Réforme“ 15 сент. 1879 г.

и газеты выписывались, перечитывались и обсуждались въ этихъ кружкахъ, гдѣ теперь участвовали не одни гвардейскіе офицеры и чиновники министерствъ, а также воспитатели, учителя и т. д. Подъ вліяніемъ современной литературы, рядомъ съ либерализмомъ выступилъ уже соціализмъ; впрочемъ этотъ послѣдній составлялъ лишь отдаленную цѣль единичныхъ личностей; ближайшая же задача заключалась въ самообразованіи членовъ, связанныхъ между собою не формальной организаціей, а лишь дружбой и постояннымъ общеніемъ; все дѣло ограничивалось идеями и намѣреніями. Но это казалось опаснымъ, и въ мартѣ 1848 г. былъ сдѣланъ доносъ на чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскаго, у котораго каждую пятницу по вечерамъ собиралось общество. Въ теченіе цѣлаго года шпіонъ 3-го отдѣленія слѣдилъ за этимъ и подобными ему обществами и, наконецъ, 23 апрѣля 1849 г. были арестованы 33 человѣка, изъ которыхъ 21,—большею частью молодые офицеры и чиновники,—были приговорены къ смерти, но „помилованы“ на каторгу или отданы въ солдаты. Число сочувствующихъ ихъ идеямъ и намѣреніямъ въ С.-Петербургѣ доходило, какъ говорятъ, до 100 человѣкъ; но, къ счастью, они вели разговоры безъ участія шпіоновъ. Послѣ подобной драконовской кары идей и плановъ воцарилось полное безмолвіе, длившееся до конца Николаевскаго царствованія. Однакожъ въ послѣдніе годы управленія этого императора всѣ чувствовали, что долго такъ продолжаться не можетъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра II идеи политической свободы и соціалистическаго равенства получили сравнительно свободный доступъ въ русское царство, но встрѣтившись съ

неизбѣжными преслѣдованіями со стороны правительства, скоро перешли на революціонный путь. Исторію, къ изложенію которой мы приступаемъ теперь, удобнѣе всего раздѣлить на 4 эпохи. Первая, характеризуемая вліяніемъ публицистической дѣятельности Герцена и Чернышевскаго, начиная съ 1855 г. обнимаетъ время подготовительныхъ работъ къ упраздненію крѣпостного права и наступившаго затѣмъ разочарованія; она оканчивается польскимъ возстаніемъ 1863 года. За нею слѣдуетъ вторая эпоха, когда со стороны демократовъ и либераловъ была сдѣлана честная попытка идти вмѣстѣ съ реформаторскимъ правительствомъ, а въ области революціоннаго движенія было затишье, лишь отчасти нарушенное заговорами Ишутина и Нечаева и покушеніемъ Каракозова. Съ началомъ 70-хъ годовъ,—съ 1872 г. приблизительно—наступаетъ 3-й періодъ соціалистической пропаганды многочисленныхъ мелкихъ кружковъ сперва мирной, затѣмъ, съ 1875 г., перешедшей въ революціонную агитацію. Наконецъ съ 1878 г. совершается полный поворотъ въ движеніи: на первый планъ, вмѣсто соціализма, снова выступаетъ политика, децентрализованные мелкіе кружки вытѣсняются строго дисциплинированнымъ обществомъ съ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ и мѣсто мирныхъ средствъ занимаетъ терроръ, то есть систематическое цареубійство. Для подобнаго и самостоятельнаго изложенія двухъ первыхъ эпохъ, такъ называемаго нигилизма, мнѣ не достаетъ, какъ было замѣчено въ предисловіи, необходимой подготовки, и очеркъ ихъ я вынужденъ составить большею частью на основаніи второстепенныхъ источниковъ. Напротивъ того, 3-ю и 4-ю эпохи соціализма и терроризма (1872-78-82) я попытаюсь изобра-

зить по возможности подробнѣе на основаніи доступныхъ мнѣ сочиненій.

Еще во время Крымской войны Ал. Герценъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Огаревымъ основалъ въ Лондонѣ первую вольную русскую типографію *). Отсюда привѣтствовалъ онъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ вступившаго на престолъ Александра II. Онъ требовалъ искупленія за тѣ бѣдствія, какія отецъ императора причинилъ всему народу, полнаго разрыва съ безсмысленной системой рабства и безмолвія, требовалъ мира съ либеральными идеями, но прежде всего упраздненія крѣпостного права, какъ предварительнаго условія всякаго будущаго соглашенія между народомъ и царемъ. Благодаря газетѣ „Колоколъ" и журналу „Полярная звѣзда", Герценъ пріобрѣлъ надъ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи такое вліяніе, какимъ не обладалъ до того времени ни одинъ изъ писателей. Онъ нашелъ настоящія слова для выраженія мыслей, какъ кошмаръ давившихъ народную душу, которыхъ никто не отважился высказать съ такой свободой, какъ этотъ смѣлый эмигрантъ. Деспотизмъ Николая I не допускалъ никакихъ партій, никакого общественнаго мнѣнія, поэтому въ Россіи не оказалось ничего, что могло бы противодѣйствовать смѣлому слову Герцена или соперничать съ его газетой. Всѣ слѣпо вѣрили Герцену; самыя важныя государственныя тайны обсуждались

---

*) Сравн. Eckardt'a: „Jungrussisch und Altivländisch" главы о „Новой эрѣ въ Россіи" и объ „А. Герценѣ". Въ существенномъ я слѣдую этимъ статьямъ до конца настоящей главы.—Сверхъ того: „Лекціи по исторіи Россіи 1855—78, Прага, т. 3 и 4. — „Сытые и голодные".

открыто въ его листкѣ и имена агентовъ, посылаемыхъ въ Лондонъ слѣдить за Герценомъ, опубликовывались въ газетѣ раньше, чѣмъ тѣ успѣвали высадиться на англійскій берегъ. Дѣятельность Герцена была, главнымъ образомъ, обличительною и критическою; въ то время это было большой заслугой, и „русскій Вольтеръ“ сдѣлалъ очень много для нравственнаго осужденія существующей системы. По своимъ положительнымъ стремленіямъ онъ былъ соціалистомъ старой школы; старой Европѣ и своему собственному отечеству онъ рекомендовалъ русскую общину, открытую нѣмцемъ, Гакстгаузеномъ; подобно Руссо, единственно здоровымъ элементомъ онъ считалъ крестьянство; по его мнѣнію, крестьянство должно быть освобождено, его интересы должны получить преобладающее значеніе въ странѣ; остальное же относительно будущаго должно быть предоставлено счастливому инстинкту народа. Политическій идеалъ Герцена былъ тотъ же, что у декабристовъ—федеральная славянская республика съ независимою Польшею. Первоначально Герценъ писалъ въ „Колоколѣ“ въ умѣренномъ духѣ, онъ возлагалъ большія надежды на добрую волю молодого монарха и отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ земли. Лишь разочарованіе, наступившее вслѣдъ за обнародованіемъ положенія о крестьянахъ, и личное вліяніе его друга Бакунина, бѣжавшаго изъ Сибири и прибывшаго въ Лондонъ въ январѣ 1862 г. толкнули его на болѣе радикальный путь.

Между тѣмъ въ самой Россіи освобожденная до нѣкоторой степени пресса овладѣла накопившимся громаднымъ матеріаломъ и начала подвергать его обра-

боткѣ. Съ одной стороны, такъ называемая обличительная литература въ сатирическихъ произведеніяхъ направляла свои неотразимые удары противъ отживавшихъ порядковъ и разлагающихся привиллегированныхъ классовъ. Щедринъ и нѣкоторые другіе писатели достигли въ этомъ отношеніи истинной виртуозности. Въ то же время Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій и Некрасовъ изображали въ прозѣ и стихахъ бѣдственное положеніе народа. Образовалось то реалистическое и пессимистическое направленіе въ литературѣ, которое во многихъ случаяхъ совершенно жертвовало тенденціи красотою. Съ другой стороны, пресса старалась познакомить публику съ запрещенными до этого времени западно-европейскими идеями и научными завоеваніями, съ атеизмомъ и современнымъ естествознаніемъ.

Руководителемъ этого литературнаго движенія являлся „Современникъ“, главные сотрудники котораго, Чернышевскій и Добролюбовъ, проводили въ журналѣ демократическія и соціалистическія идеи, конечно, въ цензурной формѣ. Эти два писателя оказали могущественнѣйшее вліяніе на развитіе русской молодежи. Строго-послѣдовательный критикъ Добролюбовъ (умершій въ 1861 г. отъ чахотки, на 24 году) разрушалъ въ ея глазахъ всѣ старые кумиры. Чернышевскій (родился въ 1829 г.), писатель энциклопедически образованный, растолковывалъ своей невѣжественной публикѣ въ многочисленныхъ, очень популярныхъ и поэтому растянутыхъ статьяхъ результаты европейской науки, не развивая въ соціально-экономической области никакихъ оригинальныхъ идей. Онъ былъ демократомъ и соціалистомъ въ смыслѣ школы Сенъ-Симона и Фурье. Рѣшительное практическое значеніе имѣлъ написанный имъ

въ тюрьмѣ романъ; „Что дѣлать?“ Это изображеніе русской молодежи въ эстетическомъ отношеніи по истинѣ чудовищно, растянуто, скучно. Но написанный какъ бы въ противовѣсъ Герценовскому „Кто виноватъ?“ и Тургеневскимъ „Отцамъ и дѣтямъ“, романъ давалъ въ цензурной формѣ положительную программу молодого поколѣнія, указывалъ направленіе его развитія. Слѣдуетъ отмѣтить также громадное личное вліяніе, которое молодые писатели „Современника“ оказывали на окружавшую ихъ молодежь, несмотря на то, что Чернышевскій былъ больше кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ практическимъ революціонеромъ.

Всѣ „либералы“, какъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, такъ и чистые демократы, питали вначалѣ полнѣйшее довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха, который самъ взялъ на себя инициативу освобожденія крестьянъ и выступилъ такъ энергично въ Москвѣ противъ нерасположеннаго къ реформамъ дворянства. Всѣ либералы принимали участіе въ критикѣ существующихъ учрежденій и старались на свой манеръ содѣйствовать установленію новаго порядка. Соціалисты явились при эмансипаціи представителями исключительно крестьянскихъ интересовъ и добивались осуществленія главнымъ образомъ трехъ требованій: личной свободы крестьянъ, обязательнаго надѣленія ихъ, даромъ или за умѣренное вознагражденіе, всею землею, какою они пользовались до освобожденія, и наконецъ, сохраненія общиннаго землевладѣнія, въ которомъ соціалисты видѣли зерно будущаго соціалистическаго устройства. Чернышевскій принялъ лично живѣйшее участіе въ подготовительныхъ работахъ эмансипаціи, много вращался среди либеральныхъ и вліятельныхъ членовъ коммиссіи,

которымъ поручена была выработка положенія объ освобожденіи; онъ же поставилъ на обсужденіе вопросъ объ общинномъ владѣніи и написалъ рядъ статей о размѣрахъ надѣловъ и выкупныхъ платежей.

Рядомъ съ представителями прессы либеральные помѣщики старались оказывать вліяніе на ходъ законодательныхъ работъ. Между тѣмъ освобожденіе крестьянъ проходило вполнѣ бюрократическимъ путемъ до такой степени, что когда въ С.-Петербургъ были призваны представители дворянства, то отъ нихъ потребовали только письменныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы и даже не допустили устраивать публичныя собранія. Возмущенные этимъ дворяне задумали обсуждать вопросъ объ эмансипаціи на предстоящихъ дворянскихъ собраніяхъ, но это тоже было запрещено, а когда, вопреки запрещенію, тверское собраніе начало обсуждать вопросъ, то предводитель дворянства былъ высланъ за подобное попустительство. Эти мѣры увеличивали недовольство; стали говорить, что послѣ уничтоженія силы дворянства царскому деспотизму не останется никакого противовѣса, (котораго впрочемъ не было и при Николаѣ). Было произнесено слово: „конституція“, и нѣкоторыя дворянскія собранія дошли даже до маленькихъ демонстрацій; такъ, напримѣръ, владимірское собраніе въ адресѣ царю констатировало, что исполненіе законовъ по большей части зависитъ отъ произвола, между тѣмъ, какъ оно должно быть регулировано закономъ; такъ какъ въ виду предстоявшихъ собраній подобныхъ адресовъ можно было ожидать также и изъ другихъ губерній, а продолжать раздражать дворянство казалось неумѣстнымъ, то госу-

дарь удовольствовался тѣмъ, что приказалъ сдѣлать выговоръ предводителю дворянства*).

Между тѣмъ молодежь въ городахъ видѣла свою задачу въ образованіи народа, въ обученіи его разнымъ элементарнымъ предметамъ и естествознанію. По примѣру С.-Петербурга во всѣхъ значительныхъ городахъ Россіи образовались по частной инціативѣ воскресныя школы, въ которыхъ молодые учителя, студенты и гимназисты старшихъ классовъ съ воодушевленіемъ и усердіемъ взялись за преподаваніе. Основаніе воскресныхъ школъ сдѣлалось маніей молодыхъ людей. Однако у однихъ этотъ соціально-политическій энтузіазмъ скоро выдохся самъ собой, другимъ ихъ дѣятельность затрудняла администрація, обязавъ, напримѣръ, хозяевъ мастерскихъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы не иначе, какъ „хорошо одѣтыми", и черезъ три-четыре года школы покончили свое существованіе. Впрочемъ онѣ прошли не безслѣдно: въ Петербургѣ даже среди гвардейскихъ полковъ былъ констатированъ подъемъ образованія. Именно въ этомъ городѣ названное движеніе имѣло неоспоримое значеніе, такъ какъ во главѣ дѣла стали нѣкоторые радикальные писатели, рѣшившіеся вести въ школахъ пропаганду своихъ идей**).

Таковы были попытки „либеральной партіи", насколько я могъ коснуться ихъ въ этомъ бѣгломъ очеркѣ; идеи ея были революціонны, а ихъ выраженіе устное и печатное принимало подчасъ довольно буйный характеръ***). Но употребляемыя ею средства оставались

---

*) Лекціи по исторіи Россіи, 1. с.

**) Ecardt, 1. с.

***) Здѣсь у автора смѣшеніе „либераловъ съ радикалами". Идеи „либеральной партіи", къ которой слѣдуетъ отнести Кавелина, никогда не были „революціонны" и не носили „буйнаго характера". *Прим. редакціи.*

вполнѣ мирными. Въ средѣ либераловъ все еще жила надежда на исполненіе ихъ желаній самимъ царемъ. Но въ кругу наилучше освѣдомленныхъ лицъ начало возникать сомнѣніе въ доброй волѣ и способности царя провести крупныя реформы въ желательномъ направленіи, и это сомнѣніе нашло потвержденіе въ томъ фактѣ, что по смерти либерала Ростовцева предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи былъ назначенъ въ февралѣ 60 г. графъ Панинъ—реакціонеръ и представитель помѣщичьихъ интересовъ. Изъ носящаго автобіографическій характеръ произведенія Чернышевскаго *) ясно можно видѣть, какъ онъ постепенно терялъ вѣру въ удовлетворительное рѣшеніе стоявшаго на очереди вопроса, и изъ кружка его приближенныхъ, можетъ быть, отъ него самого (это еще не установлено) вышло то открытое письмо въ „Колоколѣ“ отъ 1-го марта 1860 г., которое упрекаетъ Герцена въ слишкомъ большомъ оптимизмѣ. Скоро Александръ II, говоритъ авторъ письма, покажетъ зубы Николая; въ политикѣ надежда имѣетъ значеніе золотой цѣпи, которая можетъ скоро превратиться въ оковы. Только топоръ и ничто иное можетъ помочь Россіи. „Колоколъ“ долженъ призывать не къ молитвѣ, а къ возстанію. Герценъ отказывается отъ такого рода дѣятельности. По его словамъ, царь далъ нѣкоторую свободу по сравненію съ прежнимъ временемъ, слѣдовало бы подождать, пока вопросы болѣе выяснятся. Не слѣдуетъ хвататься за топоръ, пока остается хоть какая-нибудь разумная надежда на мирное рѣшеніе. Іюньскіе дни, говорилъ Герценъ, оставили въ немъ отвращеніе къ кровавой революціи. Изъ этой переписки очевидна разница между Герценомъ и рвущей-

*) „Прологъ пролога“ 1877 г.

ся уже къ „дѣлу“ молодежью; съ этого времени его вліяніе на послѣднюю, при полной невозможности личнаго общенія, стало быстро падать.

19-е февраля 1861 г. принесло, наконецъ, рѣшеніе крестьянскаго вопроса, но рѣшеніе это было не то, какого требовали соціалисты. Крестьяне получили далеко не всю находившуюся въ ихъ пользованіи землю, во многихъ мѣстахъ она была значительно урѣзана въ пользу помѣщиковъ, и эти урѣзанные надѣлы не только не были безвозмездны, но оброки и выкупные платежи оказались такъ высоки, особенно въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, что далеко превосходили доходъ отъ земли. Правительство ссудило крестьянъ выкупной суммой и брало съ нихъ за это проценты на капиталъ и на погашеніе долга. Ради успѣха этой операціи крестьяне были лишены свободы передвиженія, такъ какъ иначе они могли бы побросать свои надѣлы и выселиться въ степи. Такимъ образомъ земледѣльческое населеніе Россіи осталось по прежнему прикрѣпленнымъ къ землѣ, и съ теченіемъ времени дѣйствительно появились въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ всѣ тѣ экономическія бѣдствія, которыя предвидѣли радикальные писатели, и отъ которыхъ они своевременно предостерегали. Не такой воли желали и ожидали и сами крестьяне; землю, находившуюся до сихъ поръ въ ихъ пользованіи, они считали собственностью общинъ и представляли себѣ волю, какъ простое освобожденіе отъ всѣхъ личныхъ денежныхъ повинностей помѣщикамъ. Вмѣсто этого количество ихъ общинной земли было уменьшено, а на нихъ самихъ наложены платежи, превосходящіе прежнія повинности. Поэтому было нетрудно подложными манифестами и вымышленными слухами увѣрить народъ, что царь от-

далъ ему всю землю даромъ, но помѣщики мѣшаютъ исполненію его законныхъ предписаній. Этимъ объясняется, что крестьянину Антону Петрову, въ деревнѣ Бездна Казанской губ., удалось выдать себя за самого царя, преслѣдуемаго боярами (традиціонная русская идея) и въ короткое время собрать вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ. Собравшаяся толпа была безоружна и не организована, — нужна была звѣрская жестокость генерала Апраксина, чтобы рѣшиться дать по ней нѣсколько залповъ, положившихъ на мѣстѣ множество крестьянъ убитыми и ранеными. Подобные же безпорядки происходили и въ другихъ губерніяхъ.

Положеніе 19 февраля 1861 года вырыло глубокую пропасть между радикальными *соціалистами* и правительствомъ. Въ томъ же году къ крайней оппозиціи примкнула значительная часть студенчества. Министръ народнаго просвѣщенія выработалъ и опубликовалъ лѣтомъ 1861 года уставъ, по которому у студентовъ отнимались всѣ тѣ вольности, которыми они фактически пользовались (право сходокъ, право имѣть кассы вспомоществованія, библіотеки и т. д.), и возвышалась плата за право слушанія лекцій съ цѣлью ослабить наплывъ студентовъ *). Едва въ сентябрѣ собралась университетская молодежь, какъ началось волненіе, и дѣло дошло сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетахъ до безпорядковъ, которые, благодаря безтактности и жестокости властей и возбужденному состоянію студентовъ, окончились усмиреніями, при которыхъ оказывались даже раненые, множествомъ арестовъ и строгими наказаніями. При такихъ усло-

*) Eckardt, l. c.

віяхъ М. Михайлову легко было вызвать своимъ пламеннымъ воззваніемъ энтузіазмъ „молодого поколѣнія“, склонить его къ своей радикально-политической и соціалистической программѣ и пріобрѣсти среди молодежи множество единомышленниковъ. Этотъ успѣхъ онъ искупилъ затѣмъ шестилѣтней каторгой и смертью въ Сибири.

Не сидѣли сложа руки также и либералы. Тайное общество изъ офицеровъ, чуждыхъ соціализму, но настроенныхъ въ пользу конституціи, устроило въ зданіи генеральнаго штаба тайную типографію, въ которой печаталось періодическое изданіе „Великороссъ“ (вышло три № съ августа до ноября 1861 г.). Въ послѣднемъ № 3 помѣщенъ адресъ къ государю со слѣдующими требованіями: надѣленіе крестьянъ всей землей, находившейся до сихъ поръ въ ихъ пользованіи, безъ выкупныхъ платежей; устраненіе злоупотребленій въ управленіи финансами, юстиціею и полиціей; созваніе учредительнаго собранія и освобожденіе Польши отъ русскаго господства. Еще болѣе оживилось движеніе, когда московское, тверское и смоленское дворянскія собранія высказались за конституцію и послали въ этомъ смыслѣ адресъ государю. Интересы самого дворянства вызывали въ немъ стремленіе къ конституціи, которая ограничила бы абсолютную власть правительства, сдѣлавшуюся, съ отмѣной крѣпостного права, совершенно безграничной. Такимъ образомъ въ началѣ 1862 года среди студенчества, среди соціалистовъ и конституціоналистовъ господствовало сильнѣйшее возбужденіе, поддерживаемое отечественной и эмигрантской *) прес-

*) Кромѣ Герцена, періодическія изданія выпускали въ 1862 году Л. Блюмнеръ въ Берлинѣ и кн. Долгорукій въ Брюсселѣ.

сой и передававшееся постепенно другимъ слоямъ населенія. Правительство не принимало еще никакихъ мѣръ, когда въ апрѣлѣ изъ глубины этого броженія на поверхности вздулся и прорвался новый пузырь, обнаружившій наиболѣе крайнія стремленія. Въ кровавой прокламаціи къ „Молодой Россіи" какой-то „Центральный Революціонный Комитетъ" объявлялъ, что „Колоколъ" Герцена не можетъ больше считаться выразителемъ надеждъ и стремленій „партіи", такъ какъ онъ возлагаетъ слишкомъ большія надежды на царя. Романовы, а въ случаѣ надобности и вся императорская партія должны своею кровью заплатить за несчастья народа *). Это воззваніе появилось совсѣмъ не во время: въ маѣ 1862 г. въ Петербургѣ произошли громадные пожары, обратившіе въ пепелъ Апраксинъ дворъ и многія общественныя зданія. Кто былъ виновникомъ ихъ, неизвѣстно, кажется, и до настоящаго времени. Эти происшествія дали правительству удобный поводъ начать преслѣдованіе радикаловъ. Оно запретило „шахматный клубъ" и „кабинетъ для чтенія", въ которомъ они собирались, закрыло воскресныя школы, пріостановило „Современникъ" и два другихъ оппозиціонныхъ органа, ограничило свободу книгопечатанія, а главное арестовало Чернышевскаго и многихъ другихъ радикаловъ. Эти правительственныя мѣры послужили сигналомъ къ повороту въ воззрѣніяхъ нѣкоторой части общества. Лишь теперь нашелся журналистъ, профессоръ М. Катковъ, который испросилъ отъ правительства позволеніе начать аттаку въ своихъ

*) Напечатано въ „Свободномъ Словѣ" Блюмнера, 1862 года, стр. 313 и далѣе.

„Московскихъ Вѣдомостяхъ“ противъ Герцена и его „Колокола“ *). Катковъ призналъ заслуги Герцена въ дѣлѣ возбужденія общественнаго мнѣнія, но объявилъ вредной утопіей его соціалистическія идеи. Правительственныя репрессіи имѣли однако и противоположные результаты. Тайныя общества, безымянно существовавшія до того времени въ Петербургѣ (одно даже съ 1857 года) теперь объединились и, выпустивъ весной 1863 г. брошюру подъ заглавіемъ: „Что нужно народу?— Земля и Воля“, назвали свое общество „Земля и Воля“. Общество это существовало въ Петербургѣ, а въ другихъ городахъ имѣло отдѣльныхъ членовъ. Какъ велика была его численность—осталась тайной; органомъ его считалась „Свобода“ (2 номера), на ряду съ которой появлялись отдѣльные летучіе листки, не имѣвшіе однако широкаго распространенія. Въ Казани **) среди офицеровъ и студентовъ существовала мѣстная организація. Прослѣженные полиціей ея члены были арестованы и пятеро за распространеніе воззваній и ложныхъ манифестовъ были подвергнуты смертной казни черезъ разстрѣляніе и повѣшеніе, четверо приговорены къ 15-лѣтней каторгѣ, а многіе другіе къ болѣе мягкимъ наказаніямъ.

Но вотъ въ 1863 г. совершилось событіе, оживившее русскій патріотизмъ и тѣмъ самымъ ослабившее на время соціалистическое движеніе, какъ это случилось потомъ въ Германіи въ 1870—71 гг. Этимъ событіемъ было польское возстаніе, которому сочувствовали русскіе либералы, воображая, что руководство движеніемъ

---

*) Eckardt, l. c. стр. 81.

**) „Подпольное Слово“ № 2, Сообщенія участника Элпидина.

находится въ рукахъ „красныхъ". Герценъ, осаждаемый своими друзьями и побуждаемый польскими адресами высказался въ „Колоколѣ" за возстаніе, а Бакунинъ, еще въ 1847 году агитировавшій въ пользу возстановленія польскаго государства, собралъ добровольцевъ, чтобы ворваться съ ними въ Литву черезъ Швецію. Петербургскіе студенты послѣ перваго выстрѣла въ Варшавѣ выразили свое сочувствіе Польшѣ пѣніемъ польскихъ гимновъ и панихидой по убитымъ. Общество „Земля и Воля" соединилось съ тайнымъ обществомъ, дѣйствовавшимъ среди квартировавшихъ въ Польшѣ войскъ и имѣвшимъ въ числѣ своихъ членовъ многихъ молодыхъ офицеровъ и чиновниковъ, между прочимъ Потебню *). Они не хотѣли участвовать въ борьбѣ противъ Польши, считая ея усмиреніе лишь введеніемъ къ порабощенію ихъ собственной родины и намѣревались даже, какъ только начнется возстаніе, обратиться противъ русскаго правительства. При переговорахъ русскаго комитета съ польскимъ, первый стремился обезпечить Украйну и Литву отъ польскаго владычества, предостерегалъ поляковъ отъ несбыточныхъ надеждъ на параллельное революціонное движеніе въ Россіи и выражалъ сомнѣніе въ успѣшности преждевременно начатаго возстанія. Предостереженіе оказалось вполнѣ справедливымъ. Какъ извѣстно, возстаніе было быстро подавлено. Потебня съ товарищами, которые были слишкомъ скомпрометированы, искали и нашли смерть, борясь подъ знаменемъ „Земли и Воли". Но не одни только соціалисты-радикалы сочувствовали Польшѣ, демократы и либералы тоже колебались въ

*) „Сытые и голодные", стр. 192.—Герценъ; посмертн. сочин.

началѣ движенія. Но въ рѣшительную минуту Катковъ сумѣлъ воспламенить патріотизмъ русскихъ. Какъ и годъ тому назадъ, онъ яростно напалъ на Герцена и его направленіе. Онъ не отрицалъ прошлыхъ заслугъ Герцена, но объявилъ его цѣли недостижимыми, а стремленіе поддерживать польское возстаніе и тѣмъ самымъ ослаблять Россію величайшимъ безумствомъ. Кто желаетъ федераціи всѣхъ славянскихъ племенъ, тотъ не долженъ подкапывать единственной силы, способной освободить родственныя племена. Русскій человѣкъ не можетъ быть заодно съ польскимъ возстаніемъ, разжигаемымъ врагами Россійской имперіи, Франціей и Англіей. Поляки къ тому же всегда угнетали русскихъ въ Украйнѣ и Литвѣ. Теперь руководство возстаніемъ перешло изъ рукъ красныхъ въ руки бѣлыхъ; Россія должна освободить народъ отъ этихъ аристократовъ и поддержать крестьянъ, которые уже возстали противъ своихъ польскихъ помѣщиковъ *).

Побѣда Каткова была полная; въ минуту опасности онъ сумѣлъ направить общественное мнѣніе въ пользу національнаго дѣла. Либералы начали ему вторить, и даже петербургскіе радикалы прервали сношенія съ поляками, когда руководство возстаніемъ дѣйствительно перешло изъ рукъ красныхъ въ руки бѣлыхъ. Вѣдь дѣло шло теперь объ освобожденіи крестьянъ западныхъ губерній отъ аристократовъ!

---

*) Eckardt, l. c. стр. 100.

II.

Затишье въ революціонномъ движеніи.

(1863 г.—1872 г.).

Итакъ, въ 1863 году радикальный соціализмъ и польская революція были побѣждены русскимъ патріотизмомъ. Герцену унаслѣдовалъ Катковъ*) Послѣ ареста наиболѣе энергичныхъ членовъ, общество „Земля и Воля“ распалось на нѣсколько меньшихъ кружковъ, которые, чтобы не компрометировать понапрасну людей, прекратили свою прокламаціонную дѣятельность; разносчики воззваній, составлявшіе цѣлую организацію, были распущены, и самые кружки умерли постепенно естественною смертью. Дѣйствуя въ духѣ Каткова, твердившаго, что „наши внутренніе предатели опаснѣе внѣшнихъ враговъ“, правительство продолжало до самаго конца 1864 г. хватать предводителей движенія въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ и ссылать ихъ въ Сибирь**). Внутреннее устройство тогдаш-

*) Eckardt, l. c. — Набатъ 1878 г.

**) Важнѣйшею была ссылка Чернышевскаго. Онъ былъ обвиненъ въ сочиненіи воззванія, которымъ помѣщичьи крестьяне призывались къ возстанію. Послѣ двухлѣтняго дознанія и слѣдствія онъ былъ присужденъ, повидимому, на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ къ 14 годамъ каторжныхъ работъ. Какъ великъ былъ страхъ русскаго правительства передъ его умственной силой, видно изъ того, что по истеченіи первой половины каторжнаго срока, согласно предложенію гр. Шувалова въ государственномъ совѣтѣ, Чернышевскій былъ лишенъ обычнаго облегченія участи. Этотъ человѣкъ, котораго русскіе соціалисты чтутъ какъ своего

нихъ, впрочемъ, немногочисленныхъ тайныхъ обществъ осталось, благодаря хорошей организаціи, нераскрытымъ, несмотря на всѣ разслѣдованія специальной слѣдственной коммиссіи.

Гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ этихъ насильственныхъ мѣръ были реформы, предпринятыя Александромъ II. Вскорѣ за упраздненіемъ крѣпостного права послѣдовало новое судоустройство, введеніе губернскаго и уѣзднаго земскаго самоуправленія, реорганизація войска и финансовъ и многое другое. Реформаторскія начинанія правительства во всѣхъ областяхъ общественной жизни встрѣчали искренюю готовность общества участвовать въ этой работѣ, не покладая рукъ. Это было время честной попытки со стороны либераловъ примириться со склоннымъ къ преобразованіямъ правительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ либеральная пресса получила болѣе простора, а прямымъ послѣдствіемъ этого была потеря *запрещенной эмигрантской* печатью ея прежняго обаянія. „Колоколъ", расходившійся раньше въ количествѣ 2000-2500 экземпляровъ, въ 1863 г. едва распространялся въ 500 и лишь отъ времени до времени цифра эта подымалась до 1000.

умственнаго отца и мученика, надломленный и больной до сихъ поръ содержится какъ заключенный въ Якутской области. Остальные предводители радикаловъ отдѣлались нѣсколькими, болѣе легкими карами. Показанію, будто бы „Земля и Воля" насчитывала въ Петербургѣ нѣсколько сотъ, а въ провинціи до 3000 членовъ, не вѣрили ни Герценъ, ни Огаревъ, ни Бакунинъ. Послѣдній однако прибавлялъ со свойственной ему восторженностью: „во всякомъ случаѣ ихъ современемъ можетъ быть столько". Герценъ, посмертныя сочиненія.

Изданіе могло продолжаться лишь съ постояннымъ денежнымъ убыткомъ. Перенесеніе редакціи въ Женеву въ 1865 году не могло помочь дѣлу, и въ 1868 г. Герценъ заявилъ, что молодое поколѣніе идетъ собственными путями и въ немъ болѣе не нуждается; признавая этотъ фактъ, онъ прекращаетъ свою дѣятельность. Въ январѣ 1870 г. Герценъ умеръ въ Парижѣ. Бакунинъ весь отдался анархическому соціализму и сдѣлался революціонеромъ космополитомъ, обращая вниманіе на русскія дѣла лишь при случаѣ. Не раньше 1869 и затѣмъ въ 1872—73 гг. онъ снова принимаетъ въ нихъ участіе. Быстрый переходъ съ вершины журнальнаго могущества къ тишинѣ чисто литературной работы отозвался въ сердцѣ Герцена большою горечью. Въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ онъ съ грустью задаетъ себѣ вопросъ, зачѣмъ былъ онъ такъ податливъ по отношенію къ тѣмъ ярымъ „крайнимъ", которые увлекли его на путь безвыходнаго радикализма и польскаго возстанія, путь, безплодность котораго была ему ясна, какъ день?.. Онъ признается, что размышленіе и наблюденіе всегда имѣли надъ нимъ безусловную власть въ области теоріи, но далеко не всегда на практикѣ: съ одной стороны, онъ былъ убѣжденъ, что нужно дѣйствовать такъ-то, а съ другой—въ немъ вѣчно жила готовность поступить совершенно иначе. Эта нерѣшительность, эти колебанія принесли ему въ жизни много зла; всѣ ошибки совершилъ онъ „contre coeur". Ложный стыдъ, чувство любви и дружбы брали въ немъ верхъ надъ логикой. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что во время энергичныхъ движеній, переходившихъ отъ слова къ дѣлу, Герценъ всегда шелъ на буксирѣ бушевавшихъ крайнихъ, тогда какъ Бакунинъ, этотъ несломленный

Сибирью всемірный бунтарь, становился предводителемъ. Дѣлается понятнымъ, почему между богатымъ, высокообразованнымъ аристократомъ Герценомъ и молодымъ поколѣніемъ должно было зародиться охлажденіе, пожалуй даже болѣе острое чувство антипатіи, тогда какъ энтузіастъ Бакунинъ, которому во всѣхъ концахъ земли уже мерещились огненные языки ожидаемаго имъ сошествія революціоннаго духа, могъ брататься со всякимъ оборванцемъ и чувствовать къ нему полнѣйшее довѣріе.

Отзывы Герцена о представителяхъ „молодого поколѣнія", посѣщавшихъ его послѣ неудачъ 1863 года, болѣе чѣмъ неблагопріятны. Но такъ какъ эти отзывы принадлежатъ перу человѣка, стоявшаго теоретически очень близко къ этому поколѣнію, съ ними во всякомъ случаѣ стоитъ познакомиться поближе *). Посѣтители Герцена были молодые люди съ готовыми взглядами, съ законченнымъ развитіемъ. Теоретическіе вопросы ихъ не занимали, частью потому, что они на нихъ не наталкивались, а частью потому, что для нихъ дѣло шло исключительно о практическомъ осуществленіи теоріи. Вслѣдствіе гибели своихъ тайныхъ обществъ они чувствовали себя разбитыми, но хотѣли спасти честь развернутаго ими знамени. Отсюда нетерпѣливое отвращеніе ко всякимъ долгимъ обсужденіямъ, ко всякой критикѣ и подчеркнутое пренебреженіе ко всякой духовной роскоши, въ особенности къ искусству. Въ иныхъ случаяхъ, отвлеченно говоря, они были правы, но живя внѣ будничной борьбы личныхъ интересовъ, они совершенно не считались съ необходимостью при-

---

*) Посмертныя сочиненія, 1874 г., стр. 177 и слѣд.

вести свои идеалы въ равновѣсіе съ дѣйствительностью. Въ первое время они заинтересовывали своими разсказами о Петербургскихъ происшествіяхъ, но тема быстро истощалась и разговоръ становился однообразнымъ и скучнымъ; гости умѣли только повторяться. Они не занимались ни наукой, ни какой либо практической дѣятельностью; даже читали мало. Живя цѣликомъ въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ и надеждами на будущее, эти люди не любили забираться ни въ какія иныя области. Имъ не хватало, какъ того общаго развитія, которое дается хорошимъ воспитаніемъ, такъ и содержательности, пріобрѣтаемой изученіемъ науки. Они поспѣшили въ первомъ упоеніи свободой откинуть всѣ обычныя формы общежитія и тѣмъ затруднили самыя простыя отношенія. Эти „enfants terribles" были отпрысками нездоровыхъ элементовъ петербургскаго общества. Вмѣсто атлетическихъ фигуръ и юношеской силы въ нихъ замѣчались печальныя послѣдствія наслѣдственной болѣзненности и худосочія. Лишь немногіе вышли изъ народа, колыбель большинства помѣщалась въ лакейской, въ казармѣ, въ семинаріи, въ мелкопомѣстной усадьбѣ. Реакція противъ узости подавлявшаго молодое поколѣніе мелкаго склада жизни поставила его въ противорѣчіе со всѣмъ человѣческимъ обществомъ. Всюду и во всемъ они отстаивали противоположность прошлому: „вы лицемѣры, мы будемъ циниками!" „Вы всего вѣжливѣе по отношенію къ стоящимъ выше васъ, —мы будемъ грубы со всѣми. Вы раскланиваетесь, не уважая, мы будемъ наступать на ноги, не извиняясь!" Эта внутренняя нагота показала однако, кто такіе, въ сущности, были эти молодые люди. Ихъ неотесанность не имѣла ничего общаго съ добродушною грубостью му-

жика,—это была грубость лакея или семинариста. Крестьяне также мало считали этихъ людей своими, какъ и славянофиловъ въ русскихъ поддевкахъ. При этомъ, гости Герцена знали, по его мнѣнію, лишь нѣкоторые слои петербургскаго общества, но Россіи не знали вовсе. Отношенія съ этими людьми еще больше затруднялись ихъ самолюбіемъ и безцеремонностью, не позволявшей имъ хоть сколько-нибудь скрывать свои претензіи и свою ненависть. Они на всѣхъ глядѣли сверху внизъ, даже и другъ на друга, почему дружба ихъ не длилась никогда болѣе мѣсяца. Они просили, правда, о выработкѣ программъ, но въ сущности требовали лишь изложенія ихъ собственныхъ воззрѣній. На Герцена и Огарева эти молодые люди смотрѣли какъ на почтенныхъ инвалидовъ, уже принадлежащихъ прошедшему. Въ виду всего этого новыя связи скоро должны были порваться, въ особенности, когда замѣшался денежный вопросъ, на которомъ всего чаще разбивается дружба*). Не зная, какими средствами можетъ Герценъ располагать и какія жертвы онъ уже принесъ, они предъявили къ нему совершенно невыполнимыя претензіи. Эти претензіи перешли въ требованія, когда они услыхали, что нѣкто Бахметьевъ довѣрилъ Герцену въ 1885 году 800 фунтовъ стерлинговъ для цѣлей революціонной пропаганды. Это былъ молодой дворянинъ, нелѣпый фантазеръ въ изображеніи Герцена**), отправившійся на Маркизскіе острова съ цѣлью основать тамъ соціалистическую колонію и пропавшій безъ

*) L. c. 180 стр.—Также „Свободное Слово" 1862 г. № 46.

**) Его же въ совершенно иномъ свѣтѣ изобразилъ Чернышевскій въ лицѣ Рахметова. *Прим. ред.*

вѣсти. Эти 800 фунтовъ стерлинговъ были истиннымъ яблокомъ раздора: всѣ хотѣли ихъ заполучить, шло ли дѣло о посылкѣ эмиссаровъ въ Одессу, на Волгу или еще куда-нибудь. Герценъ же денегъ не давалъ, выжидая возможнаго возвращенія Бахметьева. Его стали считать поэтому старымъ скупцомъ. Герценъ жалуется на угрозы, на распространяемыя на его счетъ клеветы, и заключаетъ характеристику своихъ юныхъ гостей восклицаніемъ на счетъ русскаго чернозема, требующаго усиленнаго дренажа.

Шестидесятые годы характеризуются, какъ время нигилизма *). Тургеневъ въ своихъ романахъ изобразилъ намъ послѣдовательный ходъ умственнаго развитія русскаго общества. Въ Рудинѣ, котораго живость ума и темперамента постоянно толкаетъ на дѣйствія, для которыхъ у него не хватаетъ характера, Тургеневъ изобразилъ, говорятъ, молодого Бакунина. Въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ (1862 г.) герой романа является нигилистомъ; но авторъ заставляетъ слишкомъ рано умереть своего Базарова; иначе онъ съ теченіемъ времени, вѣроятно, выработался бы въ то, чѣмъ являются герои „Нови“ (1877 г.)—въ соціалиста. Но что же такое—нигилистъ? Это не легко опредѣлить. Въ дѣйствительности нигилизмъ до того перемѣшанъ съ явленіями совершенно иного порядка, что выдѣлить его очень не легко; да и самому русскому уму недостаетъ точности въ опредѣленіяхъ. Нигилизмъ становится понятнымъ лишь при изученіи общаго хода развитія Россіи.

*) Смотрите превосходныя замѣчанія Подолинскаго „Le nihilisme en Russie“; также въ „Подпольной Россіи“ Степняка, предисловіе.

Въ моментъ крушенія николаевской системы прогрессъ не могъ являться ничѣмъ инымъ, какъ самой строгой критикой, абсолютнымъ отрицаніемъ и наконецъ уничтоженіемъ существующаго порядка. Нужно было упразднить наслѣдіе николаевщины, сперва въ религіозной и философской, затѣмъ въ общественной, и наконецъ въ политической и экономической областяхъ. Къ этому присоединилось то обстоятельство, что при господствѣ цензуры не было никакой возможности дать читателямъ понятіе о какой-нибудь положительной системѣ иначе, какъ критикуя ея противоположность. Такъ, напримѣръ, чтобъ доказать необходимость свободы въ Россіи, подвергали критикѣ абсолютизмъ въ Австріи. Такимъ образомъ, вся литература получала отрицательное направленіе. Точка зрѣнія, изъ которой исходила критика, была смѣшанная: соціализмъ и либерализмъ еще сражались рука объ руку противъ николаевщины; въ дѣлѣ отрицанія они были единодушны. „Современникъ" и его сотрудники тянули больше къ соціалистическому направленію, другіе органы были въ существѣ либеральны и индивидуалистичны. Польское возстаніе уничтожило болѣе слабое соціалистическое теченіе и привело въ 60-хъ годахъ къ господству индивидуалистическаго либерализма. Главнымъ поприщемъ нигилизма была религіозно-философская область; здѣсь побѣда досталась ему легко. Русскіе образованные люди не были религіозны, и попъ давно представлялъ изъ себя скорѣе комическую фигуру. Сочиненія Фейербаха, Бюхнера, Молешотта, Дарвина, Бокля, Спенсера и Конта были переведены и популяризуемы въ общественныхъ статьяхъ. Юношество вполнѣ

подпало вліянію атеизма и матеріализма. Второй областью, которою овладѣлъ нигилизмъ, была семья и положеніе женщины: дѣло шло о томъ, чтобы освободить дѣтей отъ произвола родительской власти, а женщину отъ ея тяжелой доли и обязательнаго невѣжества. Удалось и это. Молодежь добилась значительной самостоятельности, дѣвушки покидали родительскіе дома и шли въ университеты...

Отождествленіе нигилизма съ соціализмомъ и терроризмомъ мнѣ кажется грубѣйшей ошибкою. Это скорѣе такое же умственное движеніе, какое предшествовало во Франціи великой революціи и затѣмъ прошло черезъ всю Европу. Нигилизмъ ничто иное, какъ новѣйшій взрывъ матеріализма и демократизма съ сильнымъ пессимистическимъ оттѣнкомъ, при этомъ безъ всякой внутренней оригинальности, такъ какъ его ученіе было цѣликомъ почерпнуто изъ западно-европейскихъ литературъ. Нигилисты были философами-просвѣтителями и демократами Россіи. Это двойники германскихъ матеріалистовъ и прогрессистовъ, еще встрѣчавшихся въ 60-хъ годахъ, и ихъ изображеніе въ „Загадочныхъ натурахъ“ Шпильгагена было очень популярно въ средѣ нигилистовъ. Самыя ошибки нигилизма не оригинальны: онъ раздѣлилъ ихъ съ либерализмомъ и индивидуализмомъ всего міра; разница лишь въ томъ, что въ Россіи это движеніе началось въ самой рѣзкой крайней формѣ, такъ какъ было искусственно задержано императоромъ Николаемъ I, заковавшимъ всякую умственную жизнь въ желѣзные путы.

Нигилизмъ былъ революціоненъ исключительно въ умственной области; его оружіе—литературная критика

было наймирнѣйшимъ въ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе не было недостатка и въ „непримиримыхъ“, которые не могли мириться съ правительствомъ. Они утверждали, что всѣ произведенія реформы не болѣе, какъ дымъ, они не принесли народу никакой пользы, а крестьянству въ экономическомъ отношеніи даже повредили, и вотъ, примыкая къ тайнымъ обществамъ 1861—1863 гг., частью даже состоя изъ прежнихъ членовъ этихъ послѣднихъ, образуется въ 1865 году въ Москвѣ небольшой кружокъ вокругъ Ишутина, Юрасова, Ермолаева, Николаева, Страндена и др. Кружокъ этотъ при посредствѣ Худякова распространилъ свою дѣятельность и на Петербургъ. Это тайное общество, носившее названіе „Ада“, имѣло въ виду повести въ народѣ революціонную пропаганду, а также вызвать къ жизни народныя школы, потребительныя общества и производительныя ассоціаціи. Ермолаевъ отдавалъ на дѣло все свое состояніе, и на его счетъ въ Земледѣльческой Петровской академіи близъ Москвы нѣсколько товарищей готовились къ будущей пропагандѣ среди крестьянъ. Далѣе въ виды тайнаго общества входило: купивъ одну изъ мальцевскихъ фабрикъ обратить ее въ артельную. Наконецъ, въ болѣе тѣсномъ кружкѣ организаціи родилась мысль о покушеніи, хотя бы и не смертельномъ, на особу Государя, чтобы вызвать въ народѣ броженіе Чтобы покушеніе носило народный характеръ, его долженъ былъ совершить лишь человѣкъ, долго жившій среди народа. Судьба однако устроила иначе. Одинъ изъ членовъ организаціи, неизлѣчимо больной Каракозовъ вызвался выполнить дѣло. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ заговорщиковъ воспротивились этому самымъ рѣшительнымъ

образомъ, считая непригоднымъ Каракозова, который вовсе не былъ въ народѣ, но не смогли предотвратить покушенія. Каракозовъ былъ одной изъ тѣхъ недаровитыхъ, но полныхъ сосредоточеннаго жара натуръ, у которыхъ слово непосредственно переходитъ въ дѣло. 4 апрѣля 1866 г. онъ совершилъ покушеніе на цареубійство. Спасеніе царя отъ руки дворянина было приписано крестьянину (Комиссарову). Такимъ образомъ совершившееся покушеніе оказалось по внѣшности прямо противоположно задуманному. Арестованные члены организаціи попали въ руки Муравьева. Назначенный приговоръ былъ жестокъ *).

Это покушеніе послужило поворотнымъ пунктомъ во внутренней политикѣ Россіи: съ тѣхъ поръ начавшаяся реакція постоянно возрастала. Императорскій рескриптъ 23 мая 1866 года объявлялъ, что право, собственность и религія находятся въ серьезной опасности отъ революціонныхъ происковъ, а благія намѣренія правительства перетолковываются и искажаются**). Въ виду этого правительство объявляло, что, опираясь на свое вѣрное дворянство и всѣ консервативныя силы государства, оно будетъ энергично охранять священное право собственности и подавлять всѣ вредныя стремленія. Современникъ и Русское Слово были немедленно запрещены, послѣдніе остатки радикализма подавлены; находившіеся на службѣ сторонники демократическихъ тенденцій замѣщены ихъ ярыми противниками и, что всего важнѣе,

*) „Подпольное Слово“, № 1. — „Народное Дѣло“, №№ 2 и 3. — Автобіографія Худякова, l. c.

**) Eckardt, l. c. стр. 111.

министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ графъ Д. А. Толстой, который своими суровыми мѣрами по отношенію къ университетамъ не мало способствовалъ тому, что учащаяся молодежь бросилась въ объятія революціи. Въ одной только Польшѣ, съ цѣлью привлечь народъ на сторону правительства, была удержана система, благопріятная для крестьянъ.

Покушеніемъ, исходившимъ отъ крошечной горсти молодежи, правительство воспользовалось для того, чтобы направить всю свою внутреннюю политику противъ демократіи и либерализма. Въ средѣ либераловъ должно было начаться разложеніе; предъ ними возникъ, требовавшій разрѣшенія вопросъ, останутся ли они вмѣстѣ съ правительствомъ на почвѣ существующаго права и собственности, или подвинутся влѣво, въ сторону соціализма?

Между тѣмъ въ движеніи снова наступило затишье. Вмѣсто подавленной въ Россіи радикальной печати возникла заграничная. Въ 1866 году эмигрантъ Элпидинъ, бывшій студентъ Казанскаго университета издалъ два номера „Подпольнаго Слова“; въ одномъ изъ нихъ говорилось о покушеніи Каракозова и правительственной политикѣ, въ другомъ разсказана была исторія казанскихъ безпорядковъ 1862-63 гг. За этимъ послѣдовало въ 1868 г. изданіе газеты „Современность“ (съ апрѣля по сентябрь) — тощаго листка, революціоннаго, но не анархическаго содержанія, который вскорѣ былъ замѣненъ „Народнымъ Дѣломъ“ (съ сентября 1868 г. до сентября 1870 г.) Послѣднее также не имѣло особенно широкаго распространенія. Этотъ журналъ стоитъ уже цѣликомъ на почвѣ международнаго анархизма и пытается пропагандировать его въ Россіи. Онъ объявляетъ себя сторон-

никомъ атеизма и матеріализма, требуетъ упраздненія наслѣдственной собственности, уравненія правъ женщины, общественнаго воспитанія дѣтей, перехода земли къ общинамъ и орудій производства къ рабочимъ ассоціаціямъ. Будущее общество должно состоять изъ свободно федерирующихся между собой земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій, при полномъ упраздненіи всякой государственной организаціи. Бакунинъ одобрилъ эту, имъ же, впрочемъ, выпущенную программу.

Эта газета и ея программа находятся въ тѣсной связи съ нечаевскимъ заговоромъ, явившимся какъ бы введеніемъ въ широкое соціалистическое движеніе, захватившее слѣдующее десятилѣтіе. Несмотря на то, что нечаевская организація значительно отличилась отъ всѣхъ послѣдующихъ, а, можетъ, быть именно поэтому она не осталась безъ вліянія на новыя начинанія и заслуживаетъ нашего вниманія.

Сергѣй Нечаевъ*), учитель приходскаго училища въ Петербургѣ, неожиданно появился на сценѣ во время февральскихъ и мартовскихъ студенческихъ безпорядковъ**) 1869 года и старался придать студенческимъ требованіямъ кассъ и сходокъ политическую окраску. Онъ самъ, а потомъ и Бакунинъ обращались къ студентамъ съ прокламаціями, призывавшими ихъ твердо отстаивать свои требованія. Затѣмъ Нечаевъ вдругъ исчезъ,

---

*) Отчетъ о судебномъ засѣданіи съ іюля 1871 г.

**) Нечаевъ началъ агитировать среди студентовъ осенью 1868 г., а во время весеннихъ безпорядковъ былъ уже за границей и оттуда присылалъ свои прокламаціи.

Прим. редакціи.

распространивъ при этомъ ложный слухъ о своемъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, изъ которой ему удалось будто бы бѣжать. На самомъ же дѣлѣ онъ отправился за границу и увѣрилъ Бакунина и Огарева, что въ Россіи все организовано и готово къ возстанію. При ихъ посредствѣ ему удалось получить отъ больного Герцена, не пожелавшаго вступить съ Нечаевымъ въ личныя сношенія, 1000 фунтовъ стерлинговъ, составлявшихъ тотъ революціонный фондъ, на который было столько притязаній *). Кромѣ того Бакунинъ принялъ Нечаева въ Интернаціоналъ, снабдилъ членской картой за № 2771 и назначилъ организаторомъ русскаго отдѣла своего интернаціональнаго альянса.

Нечаевъ вернулся въ Россію въ высшей степени интересной личностью. Въ первыхъ числахъ сентября 1869 г. онъ появился въ Москвѣ, а впослѣдствіи посѣтилъ и Петербургъ. Здѣсь еще съ прошлаго года оставались единомышленники, но имъ не доставало надлежащей организаціи. Ее то и привезъ имъ Нечаевъ изъ-заграницы. Въ Москвѣ при помощи книгопродавца Успенскаго онъ познакомился съ учащеюся молодежью, преимущественно въ Петровской земледѣльческой академіи. Каждый изъ завербованныхъ имъ студентовъ долженъ былъ образовать вокругъ себя кружокъ второго разряда, не посвящаемый въ конечныя цѣли заговора; позади всего стоялъ таинственный и фиктивный комитетъ, агентомъ котораго называлъ себя Нечаевъ, усиливая мистификацію сообщеніемъ по секрету, что вся Россія уже покрыта сѣтью тайныхъ обществъ. Но

*) „Вольное слово“ № 46, гдѣ этотъ фактъ былъ наконецъ установленъ.

рядомъ со своими организаторскими талантами Нечаевъ обладалъ другимъ свойствомъ, доставлявшимъ ему огромное вліяніе на товарищей. Онъ былъ сыномъ ремесленника и только въ 16 лѣтъ выучился читать и писать. Ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ, любовь къ крестьянству и демократичность, которыя въ остальныхъ членахъ заговора (это сознавали они сами) были чѣмъ-то внѣшнимъ, являлись непосредственными живыми чувствами въ 23-хлѣтнемъ Нечаевѣ. При этомъ онъ обладалъ желѣзной энергіей и умѣлъ подчинять себѣ не только своихъ сверстниковъ, но и людей болѣе пожилыхъ, напримѣръ, писателя Прыжова, которому было 42 года.

Организація была довольно искусна. Скоро завязались сношенія между Москвой, Петербургомъ, Ярославлемъ и промышленнымъ селомъ Ивановымъ; сдѣлана была попытка основанія тайной типографіи; собирались деньги, немного, впрочемъ,—въ Москвѣ было собрано не болѣе 300 руб.,—поддѣлывались фальшивые паспорта и читались запрещенныя рукописи. Однако собранія кружковъ, судя по ихъ протоколамъ, прочитаннымъ на судѣ, были до смѣшного безсодержательны, и нѣкоторые изъ членовъ, по ихъ собственному сознанію, давали на собраніяхъ фальшивые отчеты (собственныя деньги выдавались за собранныя), чтобы казаться болѣе дѣйствительными, чѣмъ были въ дѣйствительности. Организація называлась „Обществомъ народной расправы или топора“; правила были весьма строги и подробны, члены обозначались номерами, съ цѣлью затруднить раскрытіе заговора.

Цѣли общества явствуютъ изъ его воззванія, напечатаннаго красными чернилами. Время мирной пропа-

ганды въ народѣ и литературной дѣятельности миновало; теперь необходимо дѣйствовать, чтобы осуществить программу анархическаго интернаціонала; не слѣдуетъ ни передъ чѣмъ останавливаться, царя не должно трогать до поры до времени. Еще хуже этого обширнаго воззванія были мелкія прокламаціи и въ особенности катехизисъ *) (Бакунина), требовавшій отъ революціонеровъ максимума безчеловѣчія и кровожадности. Въ заключеніе катехизисъ предлагаетъ примкнуть къ міру работниковъ, этому замѣчательнѣйшему явленію русской народной жизни. Стенька Разинъ и Пугачевъ, которые въ 17 и 18 столѣтіяхъ вызвали большія народныя возстанія въ низовьяхъ Волги, до сихъ поръ прославляются въ Россіи, какъ предшественники соціалистовъ, на что Энгельсъ справедливо замѣчаетъ, что нѣмецкіе рабочіе сдва-ли признали бы Шиндерганса отцомъ нѣмецкой соціальдемократіи **).

Но Нечаевскій заговоръ продержался недолго. Одинъ изъ облеченныхъ довѣріемъ членовъ студентъ Ивановъ оказался непокорнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ; дѣло дошло до столкновенія; опасались измѣны. Нечаевъ убѣдилъ Успенскаго, Прыжова, Кузнецова и Николаева въ необходимости исполнить приказъ комитета, отдѣлаться отъ опаснаго врага общаго дѣла, и 21 ноября 1869 г. было совершено въ гротѣ Петровской академіи ужасное убійство. Общество было вскорѣ открыто къ дознанію было привлечено около 300 человѣкъ, и 1-го іюля 1871 г. передъ судомъ предстало 87 обвиняемыхъ. Самъ Нечаевъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ велъ

*) Въ отчетахъ о судебныхъ засѣданіяхъ и у Алисова въ его Собраніи литературныхъ и политическихъ статей, стр. 79.

**) Фр. Энгельсъ о Россіи. *Прим. редакціи.*

нелегальное существованіе и наконецъ былъ выданъ Швейцаріей русскому правительству какъ обыкновенный преступникъ и осужденъ въ 1872 г.

Нечаевскій заговоръ представляетъ собою замѣчательную попытку энергичнаго агитатора раздуть въ широкое пламя, тлѣющую въ нѣдрахъ общества искру. Но попытка не удалась. Все предпріятіе имѣло характеръ эпизодическій. Къ революціонной дѣятельности молодежь была еще не готова. Но въ то же время она дѣятельно организовалась въ различнаго рода кружки. Большинство извѣстныхъ впослѣдствіи революціонеровъ во время своего студенчества основывали кассы взаимопомощи, покупали и распространяли по уменьшенной цѣнѣ дозволенныя книги, устраивали библіотеки, завѣдывали общественными кухмистерскими и проч. Молодые люди сходились также съ цѣлью обмѣна мыслей и саморазвитія; въ этихъ кружкахъ шли обыкновенно оживленные споры, касавшіеся нерѣдко политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ въ 1869—72 году мало по-малу мѣсто нигилизма сталъ занимать соціализмъ. Нарождалась новая эпоха „хожденія въ народъ“, съ цѣлью пропаганды соціалистической революціи.

III.

Литература соціалистической пропаганды.

Передъ глазами молодежи прошелъ Нечаевскій заговоръ. Правительство отнеслось съ ироніей къ кучкѣ молодыхъ людей, предпринявшихъ такую неравную борьбу; общество раздѣляло такое воззрѣніе правительства;

ему показались просто смѣшными юноши, которые могли воодушевляться фантастической программой „Народной Расправы“ и которые вздумали дѣйствовать, не имѣя подъ ногами твердой почвы.

Убійство Иванова и рядъ нелѣпыхъ мистификацій со стороны Нечаева, жертвами которыхъ были его товарищи, бросили тѣнь на революціонную молодежь. Правительство не преминуло воспользоваться этимъ. Оно рѣшило предать заговорщиковъ гласному суду, чтобы съ одной стороны доказать свой либерализмъ, а съ другой дискредитировать обвиняемыхъ въ общественномъ мнѣніи. Но удалось только первое; пресса громко прославляла правительственный либерализмъ. Что же касается второй цѣли, то здѣсь правительство потерпѣло полное фіаско: революціонная молодежь признала обвиненныхъ честными людьми, а основныя ихъ стремленія истинными.

Процессъ, длившійся въ теченіе всей второй половины 1871 года, послужилъ лишь къ пропагандѣ того дѣла, которое хотѣли подавить, и идея революціи пріобрѣла не мало приверженцевъ. Къ тому же студенты, арестованные за безпорядки, и привлеченные къ Нечаевскому дѣлу, теперь сошлись тѣснѣе другъ съ другомъ, а преслѣдованіе вызывало мстительное чувство по отношенію къ правительству.

Въ то же время молодежь вовсе не относилась съ безразборчивымъ одобреніемъ ко всему, что узнала изъ этого процесса. Ложь, мистификаціи Нечаева вызвали, наоборотъ, такое горячее отвращеніе, что въ молодежи надолго укоренилось глубокое недовѣріе къ диктаторскимъ пріемамъ отдѣльныхъ личностей и даже ко всѣмъ попыткамъ централистическихъ организацій.

Параллельно съ Нечаевской дѣятельностью возрождаются и робкія попытки революціонной литературы. Выходящее въ Женевѣ съ апрѣля до сентября 1870 г. „Народное Дѣло“ призываетъ къ пропагандѣ соціализма въ народѣ и къ сліянію съ Интернаціоналомъ. Даже и „Колоколъ“ воскресъ въ этомъ году на короткое время, но со слабыми признаками жизни.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, русская молодежь познакомилась съ Интернаціоналомъ, правда въ такое время, когда старый Интернаціоналъ Маркса послѣ раскола, внесеннаго въ него Бакунинымъ, уже клонился къ упадку. Не менѣе, чѣмъ идея Интернаціонала, воодушевляла молодежь героическая борьба рабочихъ, въ которой принимали участіе и женщины и дѣти, во время парижской коммуны. Эта борьба сдѣлалась идеаломъ грядущихъ возстаній въ Россіи. Кромѣ того успѣхи соціально-демократической пропаганды въ Германіи не давали спокойно спать русской молодежи, на совѣсти ея тяжелымъ бременемъ лежало сознаніе, что она сама ничего еще не сдѣлала для народа. Кромѣ европейскихъ событій на молодежь имѣла вліяніе и европейская литература. Сочиненія Прудона, „Капиталъ“ Маркса, агитаціонныя брошюры Лассаля были переведены на русскій языкъ, и, какъ кажется, даже невинная книжечка Бехера „Рабочій Вопросъ“ не мало содѣйствовала выясненію программы будущихъ революціонеровъ. Изъ этого видно, что въ это время заграничныя событія и заграничная литература опредѣляли главнымъ образомъ цѣли русской молодежи, жаждавшей революціи, вносили много путаницы въ ея понятія. Но международный анархизмъ оказался въ Россіи искусственно выращеннымъ экзо-

тическимъ растеніемъ (1872—1878 гг.), которое скоро захирѣло и завяло на чуждой почвѣ.

Всѣ эти чужестранныя вліянія проникали въ русскую молодежь частью черезъ литературу, частью при поѣздкахъ за границу, посредствомъ личнаго общенія съ выдающимися соціалистами. Здѣсь я долженъ просить читателя перенестись мысленно изъ Россіи въ отдаленный городъ, который былъ высшей школой соціалистической пропаганды—въ Цюрихъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ собралось въ Цюрихѣ много русскихъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ сюда изучать медицину, чего онѣ не могли дѣлать въ Россіи. Цюрихъ былъ также пунктомъ, куда стремились русскіе туристы, и здѣсь же поселились Петръ Лавровъ и Михаилъ Бакунинъ, чтобы вліять на земляковъ (1872—1873 г.) Они читали публичныя лекціи, послѣ которыхъ поднимались оживленные споры *). Среди проповѣдывавшихся тогда въ Швейцаріи революціонныхъ идей можно различить четыре направленія: 1) Бакунина, 2) близко стоящую къ нему группу „русскихъ анархистовъ" въ Женевѣ, которая въ 1875 году издавала „Работникъ" и въ 1878 году „Общину"; 3) Лаврова съ приверженцами журнала „Впередъ", 4) Ткачева и партизановъ „Набата". Самостоятельное значе-

---

*) Въ Цюрихѣ было студентовъ изъ Россіи зимой 1872—1873 г. 138, лѣтомъ 1873 г.—145, именно; юристовъ—1 м. и 1 ж., медиковъ 36 м. и 77 ж., естественниковъ—8 м. и 22 ж, всего 45 м. и 100 ж. Въ политехникумѣ зимой 1872—73 г. было 94 ч, изъ нихъ инженеровъ—25, механиковъ и химиковъ—24, учениковъ въ общемъ курсѣ—18; зимой 73—74 г. въ политехникумѣ насчитывается 91 русскихъ слушателей. Въ это число однако входили нѣмцы и поляки изъ Россіи.

ніе имѣли только Бакунинъ и Лавровъ, хотя въ научномъ отношеніи и ихъ взгляды не могутъ претендовать на оригинальность. Содержаніе ихъ устной проповѣди передъ цюрихскими студентами можно возстановить по ихъ печатнымъ произведеніямъ. Въ бакунинской прокламаціи, написанной съ цѣлью поддержать Нечаева, впервые встрѣчается ставшее потомъ лозунгомъ выраженіе „идти въ народъ". Въ его „Государственности и анархіи" (1873 г.) и въ книгѣ „Историческое развитіе Интернаціонала", идея этого лозунга развита подробнѣе. Особенно сильное впечатлѣніе должно было производить второе прибавленіе къ первому изъ вышеупомянутыхъ сочиненій: программа славянской секціи въ Цюрихѣ. По своимъ конечнымъ цѣлямъ Бакунинъ былъ, какъ извѣстно, соціалистъ—анархистъ. Прежде всего онъ считалъ нужнымъ низвергнуть государственный строй, держащійся посредствомъ правительственной организаціи и закона съ единственной цѣлью эксплуатаціи народнаго труда господствующими классами. Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи должно осуществиться путемъ организаціи снизу вверхъ, на основѣ коллективнаго труда и коллективной собственности; послѣднее же будетъ возможно только при условіи вполнѣ свободной федераціи отдѣльныхъ личностей въ ассоціаціи или независимыя общины, которыя, со своей стороны, общностью интересовъ и соціальныхъ теченій соединятся въ націю, а націи — въ человѣчество. Далѣе программа требуетъ устраненія религіи и проповѣдуетъ матеріализмъ и атеизмъ; народъ долженъ получить научное образованіе; женщины должны быть эмансипированы, пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковыя

обязанности съ мужчинами. Средствомъ осуществить анархическую организацію должна быть революціонная агитація. „Не трудно возмутить любую деревню“. Народъ, какъ утверждаетъ Бакунинъ, постоянно готовъ къ революціи и способенъ самостоятельно организоваться послѣ нея. Ему недостаетъ только сознанія своей силы, ненависти къ своимъ притѣснителямъ и бунтовской практики. Слѣдовательно, революціонерамъ нечего учиться и нѣтъ надобности чему-либо учить народъ, такъ какъ послѣдній сознаетъ свои страданія и знаетъ ихъ источникъ; они должны только раздуть ненависть къ привилегированнымъ классамъ, возбудить въ народѣ сознаніе своей силы и упражнять ее путемъ возстаній и вспышекъ, что очень важно для развитія революціонныхъ чувствъ. Наконецъ, заговоръ не долженъ быть организованъ централистически, какъ заговоры Каракозова и Нечаева; онъ долженъ быть веденъ самостоятельными группами, находящимися въ федеративныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ чтобы было уничтожено всякое господство отдѣльныхъ личностей и исключена возможность всякой мистификаціи. Эти бакунистскія возрѣнія нашли наибольшее распространеніе среди молодежи въ Цюрихѣ, а позднѣе въ Россіи—именно на югѣ и въ Москвѣ.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ главнымъ теченіемъ стоитъ направленіе той группы, которая выпустила въ свѣтъ въ Женевѣ книгу „Сытые и голодные“ и съ января 1875 г. до марта 1876 г. издавала въ Женевѣ газету „Работникъ“; статьи въ этой газетѣ писались народнымъ языкомъ и украшались даже рисунками; такъ напримѣръ, на первомъ планѣ одного изъ рисунковъ изображенъ мужикъ со знаменемъ „Земли и Воли“ въ

рукахъ, а въ глубинѣ толпа крестьянъ съ косами, идущая на солдатъ, окружившихъ домъ недоимщика. Эта группа, по своему анархическому направленію, примыкала къ Бакунину, но не раздѣляла исключительности его бунтарства, признавая необходимость также пропаганды и агитаціи, и объявляя себя солидарной съ Интернаціоналомъ.

Другою личностью, которая рядомъ съ Бакунинымъ пользовалась огромнымъ вліяніемъ среди русской молодежи, былъ Петръ Лавровъ. Послѣдній въ шестидесятыхъ годахъ былъ полковникомъ и профессоромъ военной академіи въ Петербургѣ; онъ близко стоялъ къ либеральной литературѣ; въ 1860 г. онъ прочелъ публичную лекцію въ соціалистическомъ духѣ объ анабаптистахъ, которая произвела фуроръ; затѣмъ за свои сношенія съ кружкомъ Каракозова онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Вологодскую губернію; въ 1869 году освобожденъ смѣлымъ революціонеромъ Германомъ Лопатинымъ, принималъ потомъ въ 1871 участіе въ возстаніи парижской коммуны и въ началѣ семидесятыхъ годовъ проживалъ въ Цюрихѣ. Онъ уже раньше былъ не безызвѣстенъ, какъ авторъ ряда философскихъ статей, а въ 1868 году появились его произведшія большое впечатлѣніе „Историческія письма". Когда началось революціонное движеніе и молодежь искала руководителя, кружокъ такъ называемыхъ пропагандистовъ, который я назову N. N., предложилъ ему взять на себя редакцію журнала. Лавровъ согласился на это; но, къ своему несчастью, онъ всегда былъ умѣреннымъ и никогда не могъ угадать духа времени, между тѣмъ, какъ Бакунинъ опережалъ движеніе и являлся его руководителемъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во време-

на Чернышевскаго, Лавровъ, солидный профессоръ, писалъ въ либеральныхъ журналахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, онъ является оппортюнистомъ и доктринеромъ; и лишь въ восьмидесятыхъ годахъ въ эпоху терроризма, дошелъ до признанія необходимости революціонной агитаціи и возстаній. Поэтому вліяніе его никогда не было преобладающимъ и рѣшительнымъ; своей извѣстностью онъ обязанъ своей усидчивой литературной дѣятельности. Когда въ 1872—73 годахъ молодежь потребовала, чтобы Лавровъ написалъ ей программу, онъ предложилъ въ первомъ своемъ литографированномъ проектѣ пропаганду въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ и дѣятельность въ пользу народа посредствомъ этихъ органовъ самоуправленія. Такая либеральная дѣятельность не могла удовлетворить революціонеровъ, и Лавровъ долженъ былъ еще и еще разъ передѣлать свою программу прежде, чѣмъ издать ее въ первомъ номерѣ „Впередъ" 1873 года *). Этотъ журналъ—самое выдающееся литературное явленіе въ жизни новой русской революціонной партіи. Въ 1873—77 годахъ вышло пять томовъ журнала, заключавшихъ въ первомъ отдѣлѣ руководящія статьи и очерки, во второмъ — обзоръ событій въ Россіи, составленный изъ корреспонденцій, а въ послѣднемъ—хронику событій рабочаго движенія и „хаоса буржуазнаго господства въ Западной Европѣ" Руководящія статьи довольно обширны и большею частью отличаются убійственной скукой, такъ что прочитывать ихъ отъ начала до конца могли только тѣ революціонеры, которые, живя зиму въ захолустьяхъ, не имѣли въ рукахъ ни-

*) См. четвертое приложеніе. *Прим. ред.*

какой другой книги. Это ежегодное изданіе въ 1875 и 1876 гг. стало дополняться газетой, выходившей разъ въ двѣ недѣли подъ тѣмъ же названіемъ и состоявшей изъ второго и третьяго отдѣла журнала и многочисленныхъ корреспонденцій. Въ концѣ 1876 г. Лавровъ сложилъ съ себя обязанности редактора. Главный сотрудникъ Смирновъ издалъ еще одинъ томъ, и въ 1877 г. это литературное предпріятіе окончило свое существованіе.

Въ программѣ „Впередъ" (1873 г.) говорится, что журналъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: онъ ведетъ борьбу противъ теологическихъ и религіозныхъ идей, которыя, впрочемъ, въ настоящее время могутъ считаться до извѣстной степени побѣжденными. Главное же вниманіе Лавровъ обѣщаетъ обратить на соціальные вопросы, онъ хочетъ бороться за гражданскія права и экономическое равенство, за права рабочихъ противъ нанимателей, за право свободныхъ ассоціацій и общинъ противъ централизаціи, а слѣдовательно и государственности. Почвой, на которой развивается борьба за новый соціальный порядокъ, должно служить настоящее общество. Въ существенныхъ вопросахъ „Впередъ" объявилъ себя солидарнымъ съ рѣшеніями интернаціональныхъ конгрессовъ, а относительно цѣлей и организаціи не дѣлаетъ *существенныхъ* отступленій отъ бакунинской программы. Замѣчательно, что политической свободѣ отводится вполнѣ подчиненное мѣсто въ сравненіи съ экономическимъ и соціальнымъ равенствомъ. Въ этомъ характерная черта начинающагося движенія: оно имѣетъ соціально-экономическій, соціалистическій, но ни въ какомъ случаѣ не политическій или либеральный характеръ. Политическая дѣятельность даже отри-

цается, такъ какъ она отвлекаетъ отъ главной задачи. Политическія учрежденія опираются на соціальные и экономическія силы, и поэтому надо измѣнить путемъ революціи соціальныя отношенія, чтобы потомъ прочнымъ образомъ перейти къ новому государственному устройству. Тогда, объясняетъ Лавровъ, исчезнетъ централизованное государство и выступятъ сами собою на сцену стремленія къ автономнымъ общинамъ и федераціямъ на почвѣ экономической солидарности. Всякая централистическая программа имѣетъ въ виду только замѣну буржуазной монархіи буржуазной республикой. Эти измѣненія нисколько не касаются общественныхъ и экономическихъ неурядицъ. Національные вопросы точно также исчезнутъ передъ соціальными, которые образуютъ собою общую почву для международнаго единенія. Но въ практической дѣятельности необходимо сообразоваться съ національными особенностями во избѣжаніе чрезмѣрной абстрактности.

Соціальная основа, на которой должно строиться будущее русскаго народа, есть общинное землевладѣніе; это исконное и пока патріархальное учрежденіе должно развиваться въ соціалистическомъ направленіи и перейти въ общинную обработку земли и равномѣрное распредѣленіе продуктовъ; въ то же время община должна быть базисомъ политической организаціи. Какимъ же образомъ будутъ достигнуты вышеупомянутыя цѣли? Прежде всего, уничтоженіемъ якобинскаго принципа, слѣдуя которому революціонеры, низвергнувъ прежнее правительство, сами становятся на его мѣсто, дѣлаются благодѣтелями народа и навязываютъ ему свои законы. Революція должна быть сдѣлана не только для народа, но и самимъ народомъ. Для возбужденія

этой революціи нужно только одно поколѣніе мужественныхъ людей, которые, пожертвовавъ своими личными интересами, отправились бы въ народъ и разъяснили ему его положеніе, его потребности и права, а также и пути къ достиженію намѣченной цѣли. Прежде всего, эти пропагандисты должны уяснить народу его силу, которой онъ не сознаетъ, что и служитъ главнымъ препятствіемъ къ устраненію его исконныхъ враговъ. Въ этомъ пунктѣ Лавровъ и Бакунинъ расходятся; послѣдній считаетъ такую мирную пропаганду словомъ недостаточной и требуетъ пропаганды фактами, вспышками. Лавровъ смотрѣлъ на вещи серьезнѣе: — онъ не думалъ, чтобы одиѣми громовыми рѣчами и отвагой можно было поднять народъ на возстаніе; онъ считалъ для этого необходимымъ продолжительное нравственное и умственное воспитаніе народа, которое должны взять въ свои руки образованные революціонеры.

Далѣе мы встрѣчаемся съ новымъ серьезнымъ пунктомъ несогласія Лаврова съ Бакунинымъ. Первый требовалъ, чтобы пропагандистъ, желающій поучать народъ, самъ пріобрѣлъ серьезныя знанія и опытность, и утверждалъ, что лишь при этомъ условіи онъ можетъ вести плодотворную дѣятельность; но и такую подготовку онъ считаетъ еще недостаточной, — пропагандистъ долженъ изучить народъ, среди котораго онъ намѣренъ дѣйствовать; онъ долженъ жить среди народа и уяснить себѣ основательно его потребности; лишь тогда онъ получитъ возможность правильно ставить экономическіе и общественные вопросы и, обладая знаніями, давать на нихъ правильные отвѣты. Уже послѣ этой основательной подготовки, соціалистъ дол-

жепъ идти въ народъ, сдѣлаться рабочимъ или крестьяниномъ и подготовлять своихъ товарищей по работѣ къ движенію. Другіе могли бы дѣйствовать на пользу народа на поприщѣ литературы, сельскаго хозяйства или судебной практики. Но Лавровъ считаетъ эти поприща сомнительными. Ими слѣдуетъ пользоваться съ крайней осторожностью, такъ какъ существуетъ постоянная опасность, что молодые люди съ теченіемъ времени, пріобрѣтя выгодное положеніе, откажутся отъ своихъ добрыхъ намѣреній ради матеріальныхъ выгодъ. Только послѣ продолжительной пропаганды, когда народъ сознаетъ свои права и свою силу, можно вести его въ дѣло. Когда ходъ историческихъ событій приблизитъ, укажетъ „минуту" переворота и готовность къ нему народа, тогда лишь можно призывать его къ осуществленію революціи. Здѣсь Лавровъ становится на умѣренную точку зрѣнія нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Своимъ требованіемъ долгаго и основательнаго предварительнаго образованія Лавровъ разворотилъ осиное гнѣздо. Какъ?! Мы должны ждать цѣлые годы, пока окончимъ изученіе наукъ и народа?! Должны до тридцати или тридцатипятилѣтняго возраста пользоваться всѣми выгодами своего привилегированнаго положенія, чтобы затѣмъ идти проповѣдывать равенство? Такъ мы вѣчно останемся при однихъ словахъ и разсужденіяхъ и никогда не перейдемъ къ дѣлу. Всѣ молодые люди какъ бакунисты, такъ и якобинцы, вышли изъ себя и стали искать другую литературную силу, которая бы лучше выражала ихъ взгляды. Тутъ выступилъ Петръ Ткачевъ. За участіе въ Нечаевскомъ заговорѣ онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ; въ 1873 году

онъ былъ освобожденъ нѣкоторыми членами организаціи чайковцевъ и явился въ Цюрихъ. Сначала онъ предложилъ свое сотрудничество журналу „Впередъ", но это было невозможно: Ткачевъ расходился съ Лавровымъ во всѣхъ пунктахъ; Лавровъ не могъ принять его статьи, — больше всего ему претила очерченная грубыми штрихами картина будущаго строя въ написанной Ткачевымъ народной брошюрѣ, которую Лавровъ не согласился напечатать. Въ этой брошюрѣ, между прочимъ, значилось: мужику тогда бы жилось привольно; не копѣйками, а червонцами набивалъ бы онъ тогда свою мошну; было бы у него и скота и всего много; ѣлъ бы онъ пряники, а работалъ сколько захочется. Однимъ словомъ, какъ хочешь: хошь ѣшь, хошь на печи лежи. Развеселое житье!

Ткачевъ былъ возмущенъ непринятіемъ его сотрудничества Лавровымъ и написалъ послѣднему въ апрѣлѣ 1874 года открытое письмо, начинавшееся обвиненіемъ Лаврова въ единомысліи съ третьимъ отдѣленіемъ и заключавшее самое безпощадное нападеніе на личность и программу Лаврова, написанное съ замѣчательнымъ искусствомъ и такимъ талантомъ, которому, кажется, не было равнаго въ русской революціонной прессѣ. Прежде всего онъ старался показать, что Лавровъ желаетъ не революціи, а мирнаго прогресса, въ нѣмецкомъ, лассалевскомъ смыслѣ, который даже и третьему отдѣленію не показался бы опаснымъ. Ожидать отъ исторіи, что она „укажетъ минуту начала революціи," — это самая филистерская изъ философій.

Если всѣ революціонеры сначала будутъ долго подготовляться къ пропагандѣ, то за это время распадет-

ся общинное землевладѣніе, разовьется капитализмъ, и революціонеръ явится слишкомъ поздно. Лавровъ, какъ упрекалъ его противникъ, вѣритъ слишкомъ мало въ народъ и молодежь; отвлекаетъ ее отъ насильственной революціи, чѣмъ подрываетъ ея вѣру въ самое себя и въ свои силы, слѣдовательно, „Впередъ" не выполняетъ своей задачи; надо не ждать, а дѣйствовать. „Мы хотимъ", восклицаетъ онъ, „посѣять въ обществѣ недовольство и раздраженіе и организовать молодежь! Мы хотимъ посредствомъ политическаго заговора, народной пропаганды и прямой агитаціи, вызвать возстаніе. Лозунгомъ должно быть: дѣлать революцію! Партія реформъ должна превратиться въ партію дѣйствія! Надо бороться противъ правительства, противъ существующаго порядка до послѣдней капли крови!" Главнымъ пунктомъ расхожденія во мнѣніяхъ были, слѣдовательно, средства борьбы. Вмѣсто мирной пропаганды Ткачевъ требовалъ немедленной агитаціи. Лавровъ не долго заставилъ ждать отвѣта и послалъ соціально-революціонной молодежи брошюру, написанную съ такой живостью, къ которой не привыкли его читатели.

Онъ считаетъ наивнымъ заблужденіемъ вѣру въ возможность въ каждую данную минуту произвести революцію и вѣру въ то, что каждая вспышка можетъ превратиться въ побѣдоносную революцію. Молодежь должна сначала подготовить какъ самое себя, такъ и народъ къ революціи; нѣсколько лѣтъ отсрочки не повредятъ;—и на западѣ ростъ капитализма не помѣшалъ соціальной борьбѣ. Естественно, пропаганда должна сопровождаться практической агитаціей, и необходима организація революціонеровъ. Одна политическая

революція не улучшила бы ничего въ соціальномъ положеніи. Ткачевъ—якобинецъ, который хочетъ настоящее правительство замѣнить другимъ;—черезъ это народъ попадетъ только въ руки другихъ честолюбцевъ и интригановъ.

Не одинъ Ткачевъ возсталъ противъ Лаврова. Въ первомъ и въ третьемъ томахъ „Впередъ" находимъ мы двѣ обширныхъ статьи „Знаніе и революція", въ которыхъ издатель тщательно старается защитить себя отъ многочисленныхъ нападокъ. Русскіе революціонеры которыхъ Лавровъ называетъ только школьниками революціи, вовсе не хотѣли учиться и заниматься, а стремились тотчасъ же посвятить дѣлу революціи свои драгоцѣнныя силы. Это была реакція противъ нигилистическаго принципа Писарева, призывавшаго индивидуумовъ къ самообразованію, которое въ самомъ дѣлѣ часто служило только ширмой для составленія себѣ карьеры и маскировало индифферентизмъ къ господствующимъ злоупотребленіямъ. Нигилистъ ищетъ личнаго счастья и является въ этомъ случаѣ реалистомъ. Соціалистъ ищетъ счастья народа и жертвуетъ своимъ собственнымъ. Его идеалъ—самоотверженная жизнь, посвященная благу народа. Одни находили, что каждое замедленіе пропаганды затрудняетъ побѣдоносное шествіе революціи. Другіе думали: гимназическое и семинарское образованіе достаточны для пропаганды въ народѣ и возбужденія въ немъ сознанія его страданій и его силы;—для этого нужнѣе увѣренность въ правотѣ дѣла, чѣмъ знанія. Во всякомъ случаѣ ихъ образованіе давало имъ возможность сообщать крестьянамъ болѣе, чѣмъ послѣдніе получали откуда то ни было. Третьи были того мнѣнія, что революціонеръ не дол-

женъ стремиться къ неравенству. Въ университетѣ, подъ вліяніемъ профессоровъ, онъ приспособляется къ существующему порядку вещей, у него является желаніе составить себѣ карьеру и онъ опошляется.—Кто знаетъ, какъ молодежь склонна къ крайнимъ рѣшеніямъ, тотъ пойметъ, что она, хотя и читала произведенія Лаврова, однакожъ клялась словами Бакунина. Она уже была на пути, оставила школьныя скамьи и отдалась на служеніе революціи. Напрасно Лавровъ постоянно выставлялъ противъ этого на видъ, что невѣжественный революціонеръ, въ случаѣ возстанія, будетъ имѣть значеніе только какъ лишній борецъ и къ тому же съ меньшей физической силой, чѣмъ крестьянинъ;—при новомъ устройствѣ общества, онъ не сможетъ дать лучшаго совѣта, чѣмъ первый попавшійся рабочій.

Я постарался охарактеризовать четыре различныхъ умственныхъ теченія, распространявшихся въ началѣ семидесятыхъ годовъ среди русской эмиграціи и выразившихся въ ея литературѣ. Если мы оставимъ въ сторонѣ Ткачева, который, какъ политическій революціонеръ, централистъ, бланкистъ и якобинецъ, въ то время, да и впослѣдствіи, не имѣлъ значенія,—то наиболѣе вліятельными представителями различныхъ революціонныхъ доктринъ отстанутся Лавровъ и Бакунинъ. Хотя относительно конечной цѣли анархическаго соціализма они были довольно солидарны, но за то расходились въ выборѣ средствъ и въ революціонной практикѣ. Осторожный философъ Лавровъ требовалъ умѣренной пропаганды; горячій агитаторъ Бакунинъ былъ представителемъ бунтарства. Одинъ видѣлъ революцію только въ далекомъ будущемъ; другому казалось, что она уже стучится въ дверь. Такая разница въ теоретическихъ

взглядахъ должна играть важную роль среди эмигрантовъ и вести къ нескончаемымъ расколамъ, тѣмъ болѣе что на практикѣ они не могли провѣрить справедливости своихъ воззрѣній: они жили слишкомъ далеко отъ поля битвы. Но въ 1873 году ихъ личное вліяніе въ Цюрихѣ прекратилось. Русское правительство запретило своимъ подданнымъ заниматься въ Цюрихскомъ университетѣ, и цѣлая толпа молодежи устремилась назадъ, въ свое отечество, гдѣ большинство и посвятило себя революціонной дѣятельности. Съ этого времени личное вліяніе замѣнилось литературнымъ: тогда начали появляться вышеупомянутыя соціалистическія газеты и брошюры.

Хотя въ началѣ 70-хъ годовъ личное вліяніе Бакунина, Лаврова и другихъ соціалистовъ и было очень велико, хотя сочиненія Маркса, Лассаля, Прудона имѣли громадное воздѣйствіе на образъ мыслей молодежи а Интернаціоналъ, нѣмецкая соціальдемократія и парижская коммуна указали ей путь, по которому слѣдовало идти, но тѣмъ не менѣе, въ результатѣ всѣхъ этихъ разнородныхъ вліяній, получилось лишь болѣе ясное теоретическое пониманіе цѣлей движенія и способовъ революціонной организаціи. Революціонную практику молодежи пришлось вырабатывать уже въ самой Россіи, и помощь эмиграціи въ этомъ дѣлѣ была слишкомъ незначительна. Чѣмъ болѣе развилась революціонная агитація въ Россіи, тѣмъ строже полиція охраняла границу и внимательнѣе слѣдила за корреспонденціей. Вслѣдствіе этого, практическія указанія изъ-заграницы приходили слишкомъ поздно, и вообще не могли имѣть значенія, такъ какъ эмигрантамъ недоставало знанія мѣстныхъ условій. Революціонныя из-

данія продолжали печататься заграницей—въ Цюрихѣ, Женевѣ и Лондонѣ. Въ Цюрихѣ, напримѣръ, въ 1873 г. были основаны двѣ русскихъ типографіи, въ которыхъ сочиненія Лаврова и Бакунина печатались самими студентами. Но въ 1878 г. и эта связь ослабѣла: революціонеры завели свои типографіи въ Россіи.

IV.

Практика и результаты пропаганды (1872—1875).

Оставимъ пока всѣ эти заграничныя вліянія и вернемся къ „честной и искренней“ русской молодежи, какъ называлъ ее Бакунинъ. Уже выше мы говорили о томъ гнетѣ, которому подвергалась эта молодежь, о нуждѣ, которую терпѣла она въ учебные годы — все это поддерживало ея симпатіи къ народу. Вспомнимъ затѣмъ, что русскіе очень впечатлительны, легко воодушевляются и доходятъ до энтузіазма, довольно легко смѣняющагося, впрочемъ, унылымъ разочарованіемъ. Къ тому же въ юной средѣ, о которой идетъ рѣчь, съ ея рѣшительной склонностью все критиковать и рѣшать на основаніи недавно усвоенныхъ общихъ идей, знакомство съ соціализмомъ должно было неизбѣжно имѣть серьезныя послѣдствія. Уже самая наука, преподаваемая въ духѣ свободнаго изслѣдованія, опасна для деспотизма, и русскій государственный строй совершенно не въ состояніи выдержать критики, черпающей свою силу въ наукѣ. Молодежь скоро замѣтила различіе между государственнымъ строемъ Россіи и общественно-политическими учрежденіями другихъ европейскихъ странъ, и поняла все противорѣчіе преподаваемой ей

науки съ окружающей ее практикой. Разладъ, существовавшій между образованными классами и правительствомъ, нашелъ въ этой молодежи своего яркаго выразителя *).

Къ тому же не существовало ничего такого, что могло бы отвлечь молодежь отъ радикализма и внушить ей болѣе умѣренный образъ мыслей. Если бы въ то время сами образованные классы, люди умудренные опытомъ осмѣлились выступить противъ правительства, то молодежь навѣрное согласилась бы подождать дѣйствовать и поучиться до болѣе зрѣлаго возраста. Но зрѣлые элементы общества постарались стушеваться и даже перестали принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. При всей своей склонности къ оппозиціи они чувствовали свое безсиліе и, отказываясь отъ самостоятельной роли! восторгались энергичной дѣятельностью молодежи, которой во всемъ потакали. Благодаря этому, экзальтированные и неразборчивые на средства агитаторы, какъ Бакунинъ съ товарищами, не встрѣтили никакихъ помѣхъ, когда, куря ѳиміамъ „честной революціонной молодежи", вовлекли ее въ движеніе, въ которомъ она безплодно растратила свои драгоцѣнныя силы. Въ Россіи произошло нѣчто подобное тому, что случилось въ Германіи въ 1815 — 20 гг., когда, благодаря пассивности филистера, политическую роль играли „буршеншафты", когда образовалась „черная банда" и все движеніе закончилось убійствомъ Коцебу и покушеніемъ на жизнь Ибеля. Не было также у студентовъ ни собственнаго опыта, ни знанія жизни съ ея трудностями, ко-

*) Слово, № 50; Драгоманова.

торые побуждали бы ихъ къ умѣренности. Молодежь идеализировала крестьянина, въ которомъ видѣла послѣднюю опору для всего добраго и благороднаго на Руси.

Уже въ 1869—1872 гг. образовались общества, ставившія себѣ цѣлію вліять на студенчество и городскихъ рабочихъ посредствомъ распространенія дозволенныхъ и запрещенныхъ книгъ. Но эта дѣятельность никого не удовлетворяла. Въ своей безпомощности молодежь ставила себѣ тотъ же вопросъ, который былъ поставленъ мученикомъ за ея идеи, Чернышевскимъ, въ его знаменитомъ романѣ: „Что дѣлать?“ Тутъ пришла ей на помощь Западная Европа и русская эмиграція, указавъ цѣль и научивъ организаціи. Прозвучалъ волшебный кличъ, звавшій „въ народъ“, и точно заколдованные этимъ кличемъ гимназисты, семинаристы, студенты кинулись въ народъ, чтобы тамъ вести пропаганду соціализма. Достаточно было появиться въ любомъ городѣ какому нибудь агитатору, чтобы мѣстная молодежь тотчасъ же приступила къ образованію тайнаго общества. Предсѣдатель Съѣзда мировыхъ судей черниговской губерніи, Сергѣй Ковалнкъ, объѣздилъ девять губерній и всюду его появленіе, раздача нѣсколькихъ прокламацій и два-три разговора возбуждали въ мѣстной молодежи рѣшимость „отправиться въ народъ“; Ковалнкъ успѣлъ такимъ образомъ образовать 13 обществъ. Мировой судья Войнаральскій объѣзжалъ мѣста, лежащія по Волгѣ, созывалъ крестьянъ на сходы и съ судейской цѣпью на шеѣ велъ тамъ пропаганду. Въ Петербургѣ въ 1873-74 году была распространена прокламація, приглашавшая русскую интеллигенцію идти въ народъ. Къ русскому народу об-

ралась брошюра религіознаго характера, требовавшая именемъ крестьянства слѣдующихъ реформъ: передѣла земли, уничтоженія наборовъ и постояннаго войска, устройства хорошихъ школъ, уничтоженія паспортной системы и учрежденія общественнаго контроля надъ финансами*). Призывъ къ русской молодежи не остался напраснымъ: ее не пугали ни потеря карьеры и личнаго счастья, ни строгія наказанія; съ энтузіазмомъ, напоминающимъ религіозный фанатизмъ, шла она навстрѣчу нуждѣ и смерти. „Фанатизмъ, говоритъ Гердеръ, заразительная болѣзнь,—быть можетъ наиболѣе заразительная изъ всѣхъ, какимъ только подвержены люди— и заразительна она по той простой причинѣ, что человѣкъ есть существо общественное, склонное къ сочувствію. Судорожныя движенія переходятъ изъ одной души въ другую. Могучая воля приказываетъ, воспріимчивыя натуры, движимыя чувствомъ, повинуются“**). Не мѣшаетъ также замѣтить, что эти молодые соціалисты, заявлявшіе, что все существующее достойно гибели, и не признававшіе никакихъ авторитетовъ, сами подчинялись вліянію догмъ и смотрѣли на нѣкоторыхъ изъ своихъ учителей, какъ на пророковъ. Этимъ они лучше всего доказали, что юность вообще и русская въ частности нуждается въ авторитетахъ.

Неподготовленная, мало знающая молодежь, видѣла конечную цѣль движенія въ проповѣдуемомъ ей анархическомъ соціализмѣ. Что же касается практическаго образа дѣйствій, то между тайными обществами существовали многочисленныя отклоненія, различные оттѣн-

*) Впередъ, II. стр. 77 и дал.

**) I. Schmidt въ Preussische Jahrbücher, т. 45, стр. 120.

ки радикализма. Болѣе или менѣе важное значеніе въ ту эпоху имѣли четыре группы: маликовцы, лавристы, (или общество N. N.), чайковцы и бунтари.

Около Маликова, еврея Клячко, Антонова и другихъ образовалась въ Петербургѣ группа энтузіастовъ, называвшихся богочеловѣками. Они утверждали, что добрыя качества, любовь къ ближнимъ, готовность къ самопожертвованію, свойственны всѣмъ людямъ, что эта „божественная искра“ присуща каждому, даже самому ничтожному человѣку. Надо только посредствомъ проповѣди раздуть ее въ пламя, и въ человѣкѣ проснется „божественное чувство“ равенства и братства. Соотвѣтственно своему ученію эта мистическая секта отказывалась отъ употребленія насилія, а ихъ вождь, будучи арестованъ, попытался раздуть въ пламя любви къ человѣчеству „божественную искру“, заключавшуюся въ прокурорѣ. Это удалось ему въ томъ отношеніи, что прокуроръ принялъ его за помѣшаннаго, и онъ вмѣстѣ съ товарищами могъ безпрепятственно выселиться въ Америку (1873—74 г.). Всѣ ихъ попытки устроить тамъ коммунистическія земледѣльческія колоніи кончились неудачей; члены стали терпѣть сильную нужду и спустя 2 — 3 года вернулись въ Европу. Они до сихъ поръ остались вѣрны своей мирной тенденціи.

Большимъ значеніемъ пользовалось въ Петербургѣ и значительными средствами обладало общество N. N., которое давало деньги на журналъ „Впередъ“, и по имени его редактора стало называться кружкомъ лавристовъ. У лавристовъ на первомъ мѣстѣ стояло образованіе народное и свое собственное; они не бросали университетовъ, стараясь воздѣйствовать на город-

скихъ рабочихъ, и лишь при случаѣ на крестьянъ. Они и донынѣ остались при этомъ самообразованіи, а ихъ вождь *) и по сію пору остается печальнымъ. Поэтому въ революціонной практикѣ эта группа играла лишь третьестепенную роль; ея члены были главнымъ образомъ культуръ-трегерами, и съ 1876 года потеряли всякое вліяніе. Лавристы—прибавляю это, чтобы ниже не возвращаться опять къ этой группѣ—не видѣли въ крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи исходнаго пункта соціальнаго движенія въ Россіи, во-первыхъ, потому, что это учрежденіе падающее, неизбѣжно переходящее въ частное землевладѣніе, какъ показываетъ это западно-европейская исторія; во-вторыхъ, потому, что русская община есть учрежденіе реакціонное, основы котораго покоятся на привычкахъ и взглядахъ, находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ пріобрѣтеніями современной науки **). Благодаря своему полному подчиненію въ экономической, политической и нравственной области патріархальнымъ обычаямъ, неразрывно связаннымъ съ общинными порядками, русскій крестьянинъ не въ состояніи усвоить себѣ новое соціалистическое міровоззрѣніе, развившееся на почвѣ капиталистическаго производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьянъ естественному ходу исторіи, а революціонную дѣятельность перенести въ среду промышленныхъ рабочихъ, какъ это дѣлаютъ западноевропейскіе соціалисты. На этой почвѣ и дѣйствовали лавристы въ 1875—76 гг., не сдѣлавши, впрочемъ, и здѣсь ничего значительнаго. Ихъ теорія внушала имъ расположеніе ждать, сложа руки, разложенія общества. Даже, когда въ 1878 году среди рабочихъ на петербург-

*) Въ самой Россіи. *Ред.*

**) Аксельродъ, въ Jahrbuch für Socialwissenschaft, II, стр. 12.

скихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ начались большія стачки, лавристы заявили, что это реакціонное движеніе и совѣтовали отказаться отъ подачи царю прошенія.

Бакунизмъ или бунтарство былъ распространенъ главнымъ образомъ на югѣ и въ Москвѣ, гдѣ Долгушинъ уже въ 1871 году образовалъ тайное общество. Но число такихъ кружковъ и ихъ членовъ было незначительно. При этомъ, хотя теоретически они стояли за бунты, за революціонное дѣло, но практически они до этого не доходили: ихъ призывъ не находилъ никакого отклика въ народѣ, и они оставались при словесной пропагандѣ. Такимъ образомъ, бакунизмъ, который игралъ такую большую роль въ теоріи, на практикѣ имѣлъ совершенно второстепенное значеніе и выступилъ на первый планъ только съ 1875 года. До этого времени большинство соціалистовъ даже въ Москвѣ и на югѣ принадлежало къ старѣйшему и наилучше организованному обществу такъ называемыхъ чайковцевъ *).

Этотъ кружокъ получилъ свое названіе отъ имени студента Николая Чайковскаго, который, благодаря своимъ способностямъ, энергіи и связямъ, оказался отличнымъ организаторомъ. По странному стеченію обстоятельствъ онъ уже въ 1873 году эмигрировалъ вмѣстѣ съ Маликовымъ и въ настоящее время живетъ въ Англіи. Въ первые годы своего существованія, съ 1869 по 1872 годъ, вышеназванное общество представляло изъ себя группу товарищей, желавшихъ влiять извѣстнымъ образомъ на студенчество; они брали отъ издателей на коммиссію разнаго рода дозволенныя книги и брошюры, предназначенныя

*) Софья Перовская, стр. 9 и 10.—Подпольная Россія, стр. 74.

для народа и образованныхъ классовъ (какъ „Капиталъ“ Маркса, „Положеніе рабочаго класса“ Флеровскаго, „Сила и матерія“ Бюхнера, „Объ ассоціаціяхъ“ Пфейфера и проч.), и продавали ихъ за полцѣны; почти во всѣхъ городахъ имѣлись у нихъ склады книгъ. Члены общества стремились также проникнуть въ народныя школы, чтобы давать народу элементарныя свѣдѣнія о законахъ природы и общества. Но когда правительство пронюхало объ этихъ стремленіяхъ, оно подняло противъ нихъ гоненія и сослало административнымъ путемъ на 5 лѣтъ Натансона, одного изъ вожаковъ общества. Молодежь, увидѣвши, что культурная дѣятельность наказывается такъ же строго, какъ и соціалистическая пропаганда, начала, рядомъ съ дозволенными, ввозить и распространять запрещенныя книги, посылать заграницу для напечатанія рукописи популярныхъ брошюръ и, наконецъ, завела въ самомъ Петербургѣ печатный станокъ. Въ 1871 и 1872 годахъ приступаютъ, по инціативѣ главнымъ образомъ Перовской, Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Корниловой и другихъ, къ пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ. Весною 1873 года общество значительно увеличилось, связи съ рабочими расширились; нѣкоторые члены поступили на фабрики, другіе завели у себя вольныя школы. Въ провинцію были посланы делегаты, которые должны были образовать тамъ филіальныя группы, снабжать ихъ книгами, деньгами, адресами, словомъ всѣмъ необходимымъ для пропаганды, и слѣдить за ихъ дѣятельностью. Такимъ делегатомъ былъ, напримѣръ, Кравчинскій; членами мѣстныхъ группъ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ Аксельрода, въ Одессѣ — Желя-

---

*) Въ Кіевѣ уже въ 1872 году нѣсколько молодыхъ людей, не

бова *). Общество чайковцевъ съ его отдѣленіями въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Орлѣ, Таганрогѣ и другихъ мѣстахъ насчитывало сотни членовъ; эта группа пропагандистовъ, въ противоположность другимъ группамъ имѣла, слѣдовательно, опредѣленную организацію. Нѣкоторые изъ членовъ отправились, наконецъ, въ народъ; богатый казакъ Обуховъ отправился на Донъ, офицеръ Шишко поступилъ ткачомъ на петербургскую фабрику, офицеры — Кравчинскій и Рогачевъ работали въ качествѣ дровосѣковъ въ Тверской губерніи, Дмитрій Клеменсъ—въ другомъ мѣстѣ и т. д. Такимъ образомъ, за періодомъ культурничества (1860 — 1872) послѣдовала эпоха соціалистической пропаганды (1872—1875). Софья Перовская съ самаго начала принадлежала къ обществу и принимала заботливое участіе во всѣхъ

имѣвшихъ никакого революціоннаго опыта ни по традиціи, ни по личному знакомству, образовали пропагандистскій кружокъ и набросали планъ организаціи, охватывающей всѣ центры. На первое время они рѣшили заняться пропагандой среди кіевскихъ рабочихъ и студентовъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда у нихъ будетъ что-нибудь опредѣленное, снестись съ Петербургомъ. Вскорѣ этотъ кружокъ получилъ изъ Одессы рукописную газету „Впередъ“ отъ кружка, преслѣдовавшаго тѣ же цѣли, но имѣвшаго лучшую организацію и считавшаго среди своихъ руководителей такихъ опытныхъ заговорщиковъ, какъ Волховскій. Кіевскій кружокъ рѣшилъ тогда войти въ соглашеніе и вступить въ федеративныя отношенія съ одесской группой, но письмо, адресованное по этому поводу Желябову, не попало къ нему въ руки, такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи. Между тѣмъ весною 1873 года въ Кіевѣ появился агентъ с.-петербургскихъ чайковцевъ съ литографированною программою будущаго лавровскаго „Впередъ“. Агентъ нашелъ въ Кіевѣ и Одессѣ организованныя уже общества съ разработанными программами и съ сознательнымъ стремленіемъ къ созданію одной общей организаціи. Чайковцамъ предстояло стать посредниками между названными группами и [illegible] про

отрасляхъ его дѣятельности: на ея квартирѣ происходили собранія кружка, она занималась съ рабочими, вела пропаганду въ разныхъ губерніяхъ и завязывала связи съ тюрьмами, что уже и въ то время было необходимо. Въ ноябрѣ 1873 г. въ Петербургѣ начались аресты. Тогда рѣшено было перенести центръ пропаганды въ провинцію, но прежде, чѣмъ это было приведено въ исполненіе, большинство чайковцевъ было арестовано.

Изъ всѣхъ членовъ этого кружка въ Западной Европѣ наибольшей извѣстностью пользуется князь Петръ Кропоткинъ *). Принадлежа къ одному изъ старѣйшихъ аристократическихъ родовъ Россіи, онъ часто въ шутку говорилъ своимъ товарищамъ, что имѣетъ больше правъ на россійскій престолъ, чѣмъ гольштинскій родъ нынѣшнихъ царей. Еще въ раннемъ возрастѣ зародились въ немъ симпатіи къ народу, и, какъ разсказываетъ онъ самъ, въ хижинѣ своей кормилицы онъ далъ клятву исправить всѣ несправедливости, совершенныя его предками по отношенію къ крѣпостнымъ. Воспитаніе свое онъ получилъ въ самомъ аристократическомъ заведеніи, въ пажескомъ корпусѣ, однако въ гвардію не вступилъ, а принялъ командировку въ Сибирь въ чинѣ адъютанта. Здѣсь пережилъ онъ медовый мѣсяцъ юнаго русскаго либерализма съ его одушевленіемъ, его надеждами и вѣрой въ царя. Но подавленіе польскаго возстанія разочаровало его: потерпѣвши еще года два, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ изучалъ геологію и геогра-

*) Подпольная Россія, стр. 52.—Заявленія самого князя передъ Ліонскимъ судомъ 15 января 1883 г.

фію. Онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Сибири и Китаю, сталъ сотрудникомъ извѣстнаго Элизе Реклю, нѣсколько позже сталъ членомъ императорскаго географическаго общества, даже камергеромъ императрицы и кавалеромъ многихъ орденовъ. Блестящая будущность ожидала его, но судьба распорядилась иначе. Въ 1871 или 1872 году онъ предпринялъ путешествіе за границу, гдѣ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, познакомился съ Интернаціоналомъ и соціалистами и вернулся на родину анархистомъ. Здѣсь онъ примкнулъ къ кружку чайковцевъ, написалъ брошюру о необходимости революціи и зимою 1872 года началъ, подъ фальшивымъ именемъ Бородина, читать рабочимъ на тайныхъ собраніяхъ рядъ лекцій по исторіи Интернаціонала, возбудившихъ величайшій интересъ. Въ слѣдующемъ году онъ хотѣлъ подъ видомъ маляра отправиться въ народъ, чтобы вести тамъ соціалистическую пропаганду, но при начавшихся преслѣдованіяхъ со стороны полиціи былъ выданъ однимъ рабочимъ и послѣ задержанъ. Арестъ столь высокопоставленнаго лица вызвалъ въ обществѣ большую сенсацію.

Лозунгомъ многочисленныхъ кружковъ, образовавшихся между 1872 и 1875 годами, былъ призывъ „въ народъ“. При этомъ одни еще только хотѣли изучить эту terram incognitam, этотъ народъ, для котораго они собирались жить и умереть. Другіе хотѣли поселиться среди народа въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ, съ цѣлью поднятія его умственнаго и нравственнаго уровня. Третьи намѣревались разбудить въ немъ сознаніе его бѣдственнаго положенія и выяснить ему противоположность его интересовъ съ интересами его

угнетателей, помѣщиковъ и фабрикантовъ, и такимъ образомъ, сорганизовать народную партію, которая была бы готова къ бою въ моментъ революціи. Многіе, наконецъ, предавались несбывшейся надеждѣ вызвать возстаніе въ ближайшемъ будущемъ. Всѣмъ этимъ кружкамъ было обще желаніе сблизиться съ народомъ,— желаніе, которое уже само по себѣ характерно для русскихъ условій, гдѣ существуетъ глубокая пропасть между низшими и высшими классами и совершенно отсутствуетъ средній классъ, который могъ бы служить связующимъ звеномъ между ними. Могучее воодушевленіе, охватившее въ 1872 и 1873 годахъ русскую образованную молодежь, принадлежавшую большею частью къ привиллегированнымъ классамъ, и побудившее ее перенести соціалистическую пропаганду изъ тайныхъ, но шумныхъ собраній студентовъ въ избы крестьянъ и на фабрики, — это воодушевленіе относилось къ незнакомому, идеализированному народу, источнику обновленія не только русскаго общества, но и всей европейской культуры. Пробуждающаяся молодая сила прорвала въ своемъ бурливомъ теченіи плотину, поставленную закономъ: такъ характеризуетъ передовая статья „Общины“ походъ соціалистической молодежи въ обѣтованную землю крестьянства. Живымъ упрекомъ стоялъ передъ русской соціалистической молодежью, съ одной стороны, ростъ рабочаго движенія на Западѣ съ его побѣдами и страданіями, а съ другой— нищета собственнаго народа у себя дома. Но гдѣ тотъ путь, который приведетъ ихъ къ народу? Вѣдь они чужды ему по своей культурѣ, по нравамъ, по традиціи! Имъ было не безизвѣстно также, что крестьянинъ питаетъ инстинктивное недовѣріе къ высшимъ

классамъ. Какъ же имъ съ ихъ бѣлыми руками и другими особенностями дворянской культуры идти туда, гдѣ до сихъ поръ хозяйничали ихъ отцы и братья при помощи кнута и поборовъ? Въ этотъ рѣшительный моментъ русскіе соціалисты не нашли ни у кого поддержки. Ихъ первыя попытки были наоборотъ (какъ и слѣдовало ожидать) встрѣчены недружелюбно. Даже доброжелательные люди находили для нихъ лишь такія напутствія: „Что хотите вы сдѣлать въ народѣ, вы, бѣлоручки и баричи? Вы хотите извратить народный умъ! Но крестьяне свяжутъ васъ по рукамъ и ногамъ, если вы хоть словомъ обмолвитесь противъ царя! Останьтесь лучше дома и научитесь чему нибудь вы, недоросли!“ Но на молодежь не дѣйствовали ни насмѣшки, ни угрозы. Она находила, что уже и то слишкомъ долго откладывалась пропаганда въ народѣ, и рѣшила пробить, во что бы то ни стало, широкую брешь въ стародѣдовскихъ крестьянскихъ воззрѣніяхъ. Движеніе, имѣвшее вначалѣ очень скромные размѣры, скоро получило эпидемическій характеръ, благодаря первымъ успѣхамъ. „Въ народъ!“ — таковъ сталъ лозунгъ свободомыслящей молодежи. Русскій соціалистъ рвалъ семейныя узы, отказывался отъ карьеры, старался отдѣлаться отъ внѣшнихъ признаковъ барства, дать загорѣть своему лицу, огрубѣть рукамъ *). Онъ одѣвался въ крестьянское платье, засовывалъ фальшивый паспортъ за голенище, перебрасывалъ черезъ плечи сумку съ книгами, бралъ посохъ въ руки и, отряхнувъ

*) Лицо они смазывали масломъ и ложились на солнцепекѣ; руки мазали дегтемъ.

прахъ гнилого міра отъ ногъ своихъ, „шелъ въ путь безъ дороги“ *).

Различаютъ пропаганду двухъ родовъ: летучую и осѣдлую. Нѣкоторые молодые люди отправились въ народъ просто затѣмъ, чтобы знакомиться съ его образомъ жизни и лишь при случаѣ говорить крестьянамъ рѣчи, оставшіяся въ большинствѣ случаевъ непонятыми, и всовывать книги тѣмъ изъ слушателей, которые казались воспріимчивѣе. Нечего прибавлять, что подобная дѣятельность оставила слабые слѣды, и насмѣшники называли путешествія подобныхъ соціалистовъ parties de plaisir. Другіе блуждали впродолженіе долгаго времени въ одной и той же мѣстности, занимаясь при этомъ практической дѣятельностью: такъ, напримѣръ, Перовская ходила по прикамскимъ селамъ въ качествѣ оспопрививательницы. Наиболѣе проницательные скоро отказались отъ подобныхъ безплодныхъ блужданій, бросили неорганизованную „летучую“ пропаганду, усѣлись на одномъ мѣстѣ и занялись какимъ-нибудь ремесломъ или торговлей или устраивали школу. Въ запискѣ графа Палена имѣется цѣлый списокъ соціалистическихъ мастерскихъ: больше всего было сапожниковъ и столяровъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ разные кружки устроили кузницы, слесарни и бондарни. Особенное вниманіе было обращено на школы, гдѣ, благодаря высшему образованію учителей, преподаваніе было лучше, чѣмъ въ обыкновенныхъ школахъ, и гдѣ надѣялись воспитать соціалистически мыслящее поколѣніе. Лавки и корчмы были важнымъ центромъ пропаганды: здѣсь хранились книги, адреса и ключи для

---

*) Община, № 1, передовая статья.

шифра; сюда обращались вновь прибывшіе агитаторы, узнавали пароль и получали необходимую помощь; сюда посылались извѣщенія о грозящей опасности, и здѣсь находили убѣжище тѣ, которые преслѣдовались властями. Было извѣстное число агентовъ, которые служили посредниками между кружками въ городахъ и поселеніями въ деревняхъ. Въ началѣ движеніе ограничивалось пропагандой среди болѣе близкихъ фабричныхъ рабочихъ въ городахъ, но скоро пришли къ убѣжденію, что центръ соціальнаго вопроса въ Россіи лежитъ въ крестьянствѣ, и по понятной реакціи вся работа сосредоточилась одностороннимъ образомъ въ деревнѣ. Но, такъ какъ непосредственное воздѣйствіе на крестьянство было очень затруднено, то пытались помочь дѣлу при посредствѣ промышленныхъ рабочихъ, привлекая въ свою среду наиболѣе интеллигентныхъ изъ нихъ, чтобы затѣмъ, снабдивъ ихъ деньгами и книгами, отправить въ родную деревню, гдѣ они могли бы вести пропаганду, подготовлять народъ къ возстанію и, когда дѣло приблизится къ нему, извѣщать объ этомъ своихъ учителей. Эти учителя могли, правда, наткнуться иной разъ на неожиданность вродѣ слѣдующей, приключившейся съ будущимъ цареубійцей Желябовымъ*). Послѣдній, поселившись въ Одессѣ вмѣстѣ съ группой рабочихъ въ ихъ сырой и грязной квартирѣ, положилъ массу труда на ознакомленіе своихъ слушателей съ содержаніемъ революціоныхъ брошюръ, но когда онъ обратился къ одному изъ лучшихъ своихъ учениковъ съ вопросомъ, что тотъ сдѣлалъ бы, если бы кто-нибудь далъ ему 500 рублей, то получилъ въ отвѣтъ—„я

*) Андрей Желябовъ. Біографія, стр. 47.

отправился бы домой въ деревню и снялъ бы тамъ лавку!"

Однако, не всѣ соціалисты впали въ односторонность большинства, не всѣ вели пропаганду среди крестьянъ. Желябовъ, напримѣръ, образовалъ въ Одессѣ союзъ изъ рабочихъ съ собственной кассой и библіотекой. Тотъ же Желябовъ никогда не порывалъ связей съ обществомъ, а старался привлечь послѣднее на свою сторону. Ему вообще русская революція представлялась не какъ исключительное освобожденіе крестьянъ и рабочаго класса, а какъ возрожденіе всего русскаго народа. Въ этомъ отношеніи его взгляды расходились со взглядами большинства тогдашнихъ революціонеровъ, именно со взглядами чайковцевъ.

Очень поучительны, хотя и не типичны, воспоминанія пропагандистки Брешковской, опубликованныя въ „Обзорѣ" *). Дочь уѣзднаго начальника, она вышла замужъ за мирового судью Черниговской губерніи и въ концѣ 60-хъ годовъ, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, занималась вмѣстѣ съ своимъ мужемъ чисто легальной дѣятельностью въ земствѣ. Въ 1870 году мужъ ея по доносу былъ лишенъ мѣста, отправился въ Петербургъ и здѣсь вмѣстѣ съ своей женой вступилъ въ общество чайковцевъ. Подъ видомъ и въ одеждѣ простой работницы Брешковская отправилась въ народъ. Пробыла она тамъ всего 2½ мѣсяца, но за это короткое время успѣла побывать въ трехъ малорусскихъ губерніяхъ и скоро пріобрѣла репутацію опытной женщины, умѣющей читать и писать, что значительно усиливало ея авторитетъ. Пожилые крестьяне съ удовольствіемъ слушали

*) Извлеченія у Лавиня, стр. 328.

ея рѣчи и считали доказаннымъ все, что она подтверждала ссылкой на печатныя книги. Крестьяне вообще охотно слушали все, что она говорила объ отрицательныхъ сторонахъ ихъ положенія. Впослѣдствіи ни одинъ изъ нихъ не соглашался давать показанія противъ нея, несмотря на всѣ угрозы полиціи. Распространился даже слухъ, что это была императрица, которая въ такой одеждѣ хотѣла сблизиться съ народомъ*).

Пропагандѣ служила какъ устная рѣчь, такъ и раздача прокламацій и брошюръ. Уже въ 1870 году Долгушинъ съ нѣкоторыми московскими товарищами завелъ тайную типографію въ деревнѣ Сараевѣ близъ Москвы и самъ напечаталъ нѣсколько воззваній къ народу и къ интеллигенціи. Позже правительственный стенографъ Мышкинъ содержалъ въ Москвѣ типографію, въ которой подъ присмотромъ канцелярскаго служителя Уткина печатались книги (между прочимъ переводъ произведеній Лассаля), а также и брошюры и доставлялись въ громадныхъ количествахъ въ поселенія соціалистовъ. Другія произведенія доставлялись изъ заграницы, преимущественно изъ Женевы. Многія изъ этихъ произве-

---

*) Другой пропагандистъ разсказываетъ, что имѣя 19 лѣтъ отъ роду, онъ занялся изученіемъ столярнаго ремесла, которое, какъ и сапожничество избиралось всего чаще, потому что ему легче научиться. Вскорѣ затѣмъ онъ поступилъ рабочимъ на желѣзнодорожную станцію, потомъ отправился въ деревню, работалъ въ потѣ, имѣя при себѣ за все это время только двѣ книги: Спенсера и Статистику Кольба. Но уже по истеченіи трехъ мѣсяцевъ онъ убѣдился, что секта молоканъ, на которую онъ пытался влiять, не представляетъ годнаго революціоннаго матеріала, и отправился въ Петербургъ. Въ деревнѣ крестьяне въ насмѣшку прозвали его звѣздочетомъ, потому что онъ объяснялъ имъ однажды карту созвѣздій. (Дейчъ).

денiй пытались, и вполнѣ удачно, подражать народному языку. Такъ въ разное время появились слѣдующiя брошюры и разсказы: „Дѣдушка Егоръ“, „Митюшка“, „Очерки степной и фабричной жизни“ Левитова и Голицынскаго, „Сила солому ломитъ“, „Сказка Говоруха“, „Внушителя поймали“, “Рабочiе разсказы для народа„ и т. д. Въ этихъ брошюрахъ изображается безнадежное положенiе народа, его эксплуатацiя капиталомъ и пагубныя послѣдствiя ростовщичества, а въ концѣ концовъ напоминаются протесты угнетенныхъ крестьянъ въ родѣ возстанiй Степьки Разина и Пугачева. Къ брошюрамъ, восхвалявшимъ возстанiя, принадлежитъ также разсказъ о разбойникѣ Степькѣ Разинѣ; его дѣянiя и его казнь прославляются какъ примѣры гражданскаго мужества въ защитѣ порабощеннаго народа. Эта же тема была обработана въ драматической формѣ однимъ прокуроромъ, и кромѣ того Разинъ былъ воспѣтъ въ многочисленныхъ пѣсняхъ. Кромѣ вышеперечисленныхъ произведенiй вышли еще: „Исторiя французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, Собранiе стихотворенiй и пѣсенъ, и цѣлая масса прокламацiй. Въ „Хитрой механикѣ“ Степанъ разсказываетъ другому крестьянину о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, о томъ, съ кого они взымаются и на что расходуются. Необходимо, чтобы народъ привлекъ на свою сторону солдатъ, пересталъ платить подати и возсталъ противъ кучки своихъ грабителей, какъ это сдѣлалъ Пугачевъ. Точно также въ брошюркѣ подъ заглавiемъ: „За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“ отставной солдатъ призываетъ возстать по примѣру Пугачева. Въ формѣ проповѣди появилось „Слово на Великiй пятокъ“ за подписью епископа Воронежскаго. Въ Женевѣ вышли: „Паровая Ма-

шина", „Правда", „Про богатство да бѣдность", „Хлѣбопашество" и „Какъ наша земля стала не нашей". Нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ были отпечатаны на малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи. Къ Украинцамъ обращалась великолѣпно отпечатанная золотыми буквами на большомъ листѣ съ красной каймой „Золотая грамота": Богъ создалъ землю для всѣхъ—говорилось тамъ; всѣ другъ другу равны; но царь и паны забрали землю въ свои руки, и отъ нихъ нельзя ждать ничего хорошаго, поэтому надо надѣяться только на самихъ себя, вооружиться ножами и отплатить врагамъ муками за муки. Немалую роль играли также пѣсни, которыя заучивались наизусть и распѣвались при случаѣ. Одинъ русскій соціалистъ насчитываетъ число розданныхъ брошюръ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Не слѣдуетъ, наконецъ, пренебрегать той интересной группой пропагандистовъ, которая отправилась въ среду сектантовъ съ евангеліемъ въ рукахъ, желая на основаніи библіи доказать испорченность современнаго общественнаго экономическаго порядка и необходимость замѣны его новымъ общественнымъ порядкомъ. Съ этой книгой въ рукахъ они имѣли большой успѣхъ.

Однако, не всѣ соціалисты оставались при вышеописанной дѣятельности. Въ своей Запискѣ министръ юстиціи графъ Паленъ бросаетъ имъ упрекъ, что нѣкоторые соціалисты пытались совершать кражи изъ частнаго и общественнаго имущества съ цѣлью обогатить революціонную кассу (съ хорошею цѣлью, которая, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства). Пропагандисты протестовали противъ министерскихъ обвиненій, которыя дѣйствительно не всегда соотвѣтствовали истинѣ. Они утверждали, что министръ взводитъ на нихъ

такую напраслину лишь для того, чтобы заставить русское общество выдавать или во всякомъ случаѣ перестать поддерживать людей, замѣшанныхъ въ уголовныя преступленія. Но не лишено вѣроятія, что соціалисты вели, когда представлялась возможность, пропаганду среди уголовныхъ преступниковъ и оказывали содѣйствіе ихъ бѣгству. Въ біографіи цареубійцы Кибальчича разсказывается въ похвалу ему, что даже въ тюрьмѣ (1874 — 1877) онъ не потерялъ времени и сумѣлъ привлечь на сторону соціализма уголовныхъ преступниковъ, изъ которыхъ двое оказали впослѣдствіи важную услугу революціонному дѣлу (освободивши одного заключеннаго въ Харьковѣ). „Намъ нужны такіе люди, которые были бы готовы на все, и такихъ людей скорѣе найдешь между арестантами, чѣмъ между гуляющими на волѣ",—такъ говорилъ одинъ изъ пропагандистовъ. По сообщенію графа Палена, у разныхъ агитаторовъ были найдены адреса воровъ, конокрадовъ и всякихъ мошенниковъ. Въ рукахъ такихъ горячихъ головъ, руководившихся принципомъ Кампанеллы и употреблявшихъ такія крайнія средства, пропаганда теряла, во всякомъ случаѣ, свой мирный характеръ. Пропагандисты становились агитаторами, сторонниками пропаганды фактами. Они вѣрили въ возможность близкаго возстанія и думали даже сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, въ томъ случаѣ, если-бы вспыхнула война съ Германіей и войска двинулись-бы къ границѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что пропагандистское движеніе 1872—1875 годовъ не представляло изъ себя чего-то цѣльнаго и однороднаго.

Рядомъ съ главнымъ мирно-соціалистическимъ на-

правленіемъ существовали группы, значительно отклонявшіяся какъ вправо, такъ и влѣво. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что пропагандисты съ большимъ рвеніемъ проникали повсюду и не останавливались ни передъ какими трудностями, поддерживая постоянную связь между различными группами и поселеніями. Въ 1874—75 гг. не было почти ни одной великорусской или малорусской губерніи, гдѣ не было бы соціалистическихъ группъ или кружковъ, находившихся подъ вліяніемъ центральныхъ группъ большихъ городовъ. Больше всего соціалистовъ было въ университетскихъ городахъ, откуда они главнымъ образомъ и черпали свои силы. Пропаганда направилась преимущественно на нижнее теченіе Волги, гдѣ дѣйствовали когда-то Пугачевъ и Разинъ, и на Днѣпръ, гдѣ сохранились традиціи старой козацкой свободы, и такимъ образомъ предполагалась почва для революціоннаго движенія. Уже было заложено прочное основаніе для агитаціи; во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣлись связи и послѣдователи. Активную роль въ движеніи играли главнымъ образомъ воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, хотя были среди нихъ и люди болѣе пожилые, состоятельные и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, какимъ былъ, напримѣръ, мировой судья Войнаральскій, пожертвовавшій на пропаганду свое состояніе, достигавшее 40 тысячъ рублей *). Всѣ эти лица могли заниматься своей дѣятельностью только потому, что на ихъ сторонѣ были симпатіи общества. Въ Оренбургѣ, напримѣръ, жена жандармскаго полковника помогала совѣтами своему сыну-соціалисту, — а въ Яро-

*) Записки графа Палена.

славлѣ профессоръ ввелъ извѣстнаго агитатора въ кругъ мѣстнаго студенчества. Въ одномъ мѣстѣ старая богатая помѣщица ведетъ пропаганду среди своихъ крестьянъ и посылаетъ своихъ дочерей учиться въ Цюрихъ; въ другомъ бывшій казначей прямо заявляетъ, что онъ готовитъ своего сына „для народа“, а въ Вяткѣ предсѣдатель земской управы при замѣщеніи должностей совѣтуется съ скомпрометированнымъ студентомъ. Богатые помѣщики и мировые судьи, земскіе врачи, почтенныя московскія семьи не разъ давали у себя убѣжище извѣстнымъ агитаторамъ, скрывали ихъ отъ полиціи и поддерживали совѣтами и деньгами. Спросятъ, откуда эта огромная симпатія общества? Почему буржуа помогали соціалистамъ, желавшимъ подкопать основы ихъ соціальнаго существованія? Очевидно потому, что общество было до такой степени озлоблено противъ правительства, что оно поддерживало враговъ послѣдняго, гдѣ бы они ни находились, только для того, чтобы дать исходъ своему оппозиціонному настроенію. При такихъ обстоятельствахъ почти невозможно провести границы между простымъ сочувствіемъ движенію и дѣятельнымъ въ немъ участіемъ; поэтому опредѣлить съ достаточной точностью число активныхъ дѣятелей движенія нѣтъ никакой возможности. Предполагаютъ, что пошедшихъ въ народъ было отъ двухъ до трехъ тысячъ.

Сильное участіе въ немъ женщинъ составляетъ отличительную особенность русскаго революціоннаго движенія. Многія дѣвушки, молодыя и пожилыя, некрасивыя, а подчасъ и очень красивыя покидали родительскій кровъ, чтобы идти въ народъ и тамъ переносить всѣ тягости народной жизни. Семьи Натальи

Армфельдъ, Варвары Батюшковой, Софьи Перовской, ея подруги Софьи Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и другихъ принадлежали къ сливкамъ общества. Отцы этихъ дѣвушекъ были дѣйствительными статскими совѣтниками, губернаторами, генералами. Но это не помѣшало ихъ дочерямъ работать въ поляхъ и на фабрикахъ, жить вмѣстѣ съ товарищами по работѣ и при этомъ не встрѣчать упрековъ со стороны своихъ родственниковъ, а иногда даже находить у нихъ сочувствіе и одобреніе. Среди привлеченныхъ къ отвѣтственности съ 1870 года до 1875 года было 612 мужчинъ и 158 женщинъ (слѣдовательно пятая часть). Наконецъ, достойно вниманія еще то, что среди дѣятелей движенія первое мѣсто занимаетъ уже не дворянство, какъ было во время возстанія 1825 года, а также и въ сороковыхъ годахъ, а „интеллигентная молодежь“, и что уже появляются на сцену лица изъ народа, настоящіе рабочіе, какъ напримѣръ, слесарь Малиновскій, и крестьяне, какъ Петръ Алексѣевъ и другіе, представляющіе продуктъ пропаганды этихъ лѣтъ.

Но скоро мирный ходъ пропаганды былъ нарушенъ. Уже въ срединѣ 1873 года произошли аресты, а въ 1874 году Долгушинъ съ товарищами былъ преданъ суду за устройство тайной типографіи и за распространеніе революціонныхъ брошюръ; пятеро изъ участниковъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ. Но это было еще не такъ важно. 31-го мая 1874 года въ Саратовѣ былъ полученъ доносъ, указывавшій на распространеніе въ народѣ брошюръ революціоннаго содержанія. Перепугавшееся правительство недолго раздумывало. Начальникъ третьяго отдѣленія, графъ Шуваловъ, былъ замѣненъ Потаповымъ, въ іюлѣ

былъ обнародованъ болѣе строгій законъ противъ запрещенныхъ сообществъ, а царь обратился къ дворянству, приглашая его стать на сторону самодержавія и взять въ свои руки руководство народнымъ образованіемъ. По всей имперіи пошли сильнѣйшія преслѣдованія; за короткій срокъ было забрано и привлечено къ слѣдствію до 770 человѣкъ, изъ которыхъ 265 были оставлены подъ арестомъ, 452 — освобождены до суда, а 53 — остались не разысканными *), кромѣ того еще многія сотни были арестованы и наказаны административнымъ путемъ **).

Въ 1875 году соціалистическая пропаганда, начавшаяся въ 1872 и достигшая своего апогея въ 1873 — 1877 годахъ, была окончательно разстроена полицейскими преслѣдованіями. Большинство соціалистовъ пробыло въ народѣ только одинъ-два года. Сильное отчаяніе и полное уныніе отражается въ ихъ письмахъ, печатавшихся во „Впередъ“. Пропагандѣ не удалось

*) Въ маѣ 1875 года министръ юстиціи графъ Паленъ отпечаталъ свою Записку объ успѣхахъ революціонной пропаганды и разослалъ многимъ лицамъ. Записка была тотчасъ же отпечатана въ Женевѣ и переиздана затѣмъ нѣсколько разъ.

**) Въ пятомъ томѣ „Впередъ“ опубликованы тайные полицейскіе списки подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ: привлекавшихся къ слѣдствіямъ, сосланныхъ административнымъ порядкомъ, арестованныхъ тѣмъ же порядкомъ безъ привлеченія къ суду и наконецъ лицъ, находящихся подъ гласнымъ и тайнымъ надзоромъ полиціи. Рядомъ со студентами, акушерками, мѣщанами мы встрѣчаемъ здѣсь имена оберъ-инженера, художника, лейбъ-гвардіи штабъ-ротмистра, профессора, золотопромышленника. Одинъ списокъ отъ 1877 года содержитъ свыше 464 именъ, другой отъ 1877 — свыше 375. Другіе списки болѣе спеціальные и содержатъ 150, 200 — 300 именъ.

обратить крестьянъ къ анархическому соціализму; еще менѣе удалось ей вызвать дѣйствительное возстаніе. Но какъ только прошли первыя мгновенія разочарованія, начался анализъ причинъ неудачи пропаганды и изученіе ея результатовъ. Какъ безнадежно относились теперь многіе революціонеры къ движенію, начатому съ такимъ воодушевленіемъ *)! Нѣкоторые отрицали даже какой-бы то ни было успѣхъ. Такая низкая оцѣнка достигнутыхъ результатовъ объясняется тѣми преувеличенными ожиданіями, которыми всѣ жили раньше. Во всякомъ случаѣ справедливо то мнѣніе, что результаты далеко не соотвѣтствовали жертвамъ: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не слѣдуетъ думать, что пропаганда прошла безъ всякихъ слѣдовъ. Во многихъ случаяхъ соціалистическія идеи запали въ головы крестьянъ, подтверждая ихъ собственныя желанія, порожденныя въ нихъ всѣмъ ходомъ жизни.

И мы видимъ, что многіе крестьяне и рабочіе на судѣ съ воодушевленіемъ исповѣдуютъ свои соціалистическія воззрѣнія. Уже въ 1874 году слесарь Малиновскій объясняетъ со скамьи подсудимыхъ, что онъ не имѣлъ намѣренія убить царя, такъ какъ не одинъ только царь виновенъ въ страданіяхъ народа, а также купцы и помѣщики; поэтому, надо идти на фабрики и въ деревни, чтобы воспламенить народъ во имя общаго дѣла. Точно также въ 1877 году на процессѣ 50-ти въ Москвѣ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ громилъ эксплуатацію. Въ соціалистическихъ кружкахъ было много членовъ изъ рабочихъ; существовали даже чисто

*) Напримѣръ „Впередъ", т. II, стр. 122 и дал. — „Община" № 8—9, ст. Я. Стефановича, и № 1, стр. 5.

рабочіе союзы, какъ напримѣръ, въ Одессѣ. Эти рабочіе могли затѣмъ идти въ качествѣ агитаторовъ въ народъ и тамъ разсчитывать на большій успѣхъ, чѣмъ ихъ учителя. Наконецъ, пропаганда имѣла еще и тотъ результатъ, что было пріобрѣтено нѣсколько точекъ опоры для дальнѣйшей дѣятельности въ деревнѣ. Пропагандистское движеніе пустило въ народѣ болѣе глубокіе корни, чѣмъ всѣ прежніе заговоры, и заложило основы для будущей революціонной партіи. Не исполнилось, конечно, лишь ребячески нетерпѣливое желаніе создать тотчасъ же соціалистическую народную партію.

Каковы же причины относительной неудачи пропаганды?

Прежде всего, соціалисты были черезчуръ молоды и черезчуръ большіе энтузіасты. Цѣлый потокъ неподготовленной молодежи обоего пола, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста, хлынулъ въ народъ. Всѣ они переоцѣнивали свои собственныя силы и идеализировали крестьянъ. Словомъ истины думали они обратить послѣднихъ и воспламенить ихъ для революціи; они уже по пальцамъ высчитывали, черезъ сколько лѣтъ имъ удастся ее совершить. Въ своемъ воображеніи они видѣли быстрые и блестящіе результаты, совершенно забывая, что для всего этого необходима работа цѣлыхъ поколѣній. Ихъ энтузіазмъ придалъ движенію массовый характеръ, но тѣмъ сильнѣе было разочарованіе. Обладая, затѣмъ, очень мелкими знаніями, эта молодежь естественно должна была обращать главное вниманіе на благородныя чувства и добрую волю. Поэтому пропагандистъ оцѣнивался не по той суммѣ пользы, которую онъ приносилъ дѣлу, а по степени своей субъективной

ему преданности *). Дѣйствительная же польза была незначительна. И чего въ самомъ дѣлѣ можно было требовать отъ юнцовъ, хотя бы и воодушевленныхъ самыми благородными стремленіями? Иные довольно скоро уставали „двигать революцію"; появлялись на сцену всякія личныя сантиментальности; въ другихъ просыпалось честолюбіе, стремленіе играть главную роль, которое, наталкивая на соперничество, вело къ раздорамъ и расколамъ **). Отдѣльныя лица и цѣлыя группы враждовали между собою какъ лавочники, изъ которыхъ каждый расхваливаетъ достоинства товаровъ только изъ собственной лавочки. Послѣдній упрекъ дѣлали въ особенности женщинамъ.

Затѣмъ, молодежь была очень неосторожна: передъ ней еще не было того горькаго опыта, который предстоялъ ей въ будущемъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ. Какъ истыя дѣти русскаго народа, они предоставляли дѣло случаю; они мало скрывали свои приготовленія, вели переписку, посылали деньги, какъ будто у нихъ не было никакихъ тайнъ и имъ нечего было скрывать; большею частью они сами были виноваты въ своемъ арестѣ. „Отправляться въ путь, не зная дороги", — оказалось труднымъ. Часто пропагандисты попадали прямо въ руки полиціи или ростовщика ***); иногда изъ-подъ крестьянскаго зипуна выглядывала рубаха изъ голландскаго полотна, и въ такихъ случаяхъ фальшивый паспортъ переставалъ служить защитой и превращался въ corpus delicti. Далѣе. Чѣмъ

*) Община, № 18—19 стр. Аксельрода. „Переходный моментъ нашей партіи".

**) Впередъ, т. II, стр. 122 и далѣе.

***) Община, № 1, стр. 4.

больше росло движеніе, тѣмъ чаще въ кружки попадали люди, не имѣвшіе никакого непосредственнаго отношенія къ пропагандѣ, или совершенно къ ней неподготовленные. Новые товарищи принимались безъ необходимыхъ предосторожностей, изъ-за пустого стремленія какъ можно скорѣе расширить кругъ движенія, но такимъ образомъ увеличивалось число жертвъ. Это обнаружилось ясно при процессѣ южно-русскаго рабочаго союза: пока всѣ были осторожны, все шло хорошо, но потомъ стали быстро пополнять союзъ мало знакомыми людьми и тѣмъ облегчили доступъ недостойнымъ членамъ, которые впослѣдствіи все выдали. Напримѣръ, Трудницкій, народный учитель Черниговской губерніи, выдалъ свыше ста товарищей, за что получилъ мѣсто прокурора на Кавказѣ.

Другая причина неудачи, по словамъ противниковъ пропаганды, писавшихъ въ „Набатѣ“ (1878), лежала въ недостаточно централизованной организаціи и въ отсутствіи дисциплины среди дѣятелей. Этотъ упрекъ примѣнимъ вполнѣ къ южнымъ бунтарямъ и къ позднѣйшей московской группѣ, и въ меньшей мѣрѣ къ чайковцамъ, у которыхъ существовала довольно правильная организація. И если число арестованныхъ было все-таки гораздо больше, чѣмъ при заговорахъ 1825, 1849 и 1860 годовъ, то вѣдь и участниковъ было много больше, и соціалистическій характеръ движенія былъ совершенно другой, чѣмъ при прежнихъ заговорахъ. Теперь не хотѣли ограничиться узкимъ кругомъ заговорщиковъ и двинулись въ широкую массу крестьянства и рабочихъ, чтобы создать соціалистическую народную партію. Предусмотрительность требовала, чтобы при этой пропагандѣ было проведено соотвѣтствующее

раздѣленіе труда между отдѣльными членами кружковъ, но это не было приведено въ исполненіе *). Всѣ дѣлали приблизительно одно и тоже, при этомъ разбрасывались во всѣ стороны, не могли усѣсться на мѣстѣ и приняться за какую-нибудь правильную дѣятельность. Позднѣйшій опытъ показалъ, что постоянныя перекочевыванія не дали большинству основательнаго знакомства съ народной жизнью и не создали твердой опоры для будущей дѣятельности. При этомъ самымъ одностороннимъ образомъ настоящей пропагандой считалась только дѣятельность среди крестьянъ, и не обращалось вниманія на городскихъ рабочихъ, интеллигенцію и другіе классы общества. Только тотъ считался дѣйствительнымъ революціонеромъ, кто надѣвалъ на себя крестьянское платье.

Интересно, поэтому, прослѣдить, какъ относились къ этой пропагандѣ крестьяне. Въ этомъ отношеніи опытъ пропагандистовъ былъ довольно печаленъ. Страницы „Впередъ“ полны жалобами на тѣхъ, которые доносли и измѣнили своимъ доброжелателямъ и учителямъ; указывались даже случаи побоевъ и выдачи связанныхъ пропагандистовъ полиціи. Послѣдняя пользовалась этимъ довольно ловко, выдавая соціалистовъ за барскихъ сынковъ, которые дѣйствуютъ въ интересахъ дворянства и хотятъ натравить крестьянъ на царя. Нѣкоторые крестьяне вѣрили этому, но далеко не всѣ, какъ угодно было утверждать правительственнымъ органамъ. Нерѣдко крестьяне внимательно прислушивались къ горячимъ, хотя и не всегда понятнымъ, рѣчамъ объ отмѣнѣ налоговъ, о свободѣ общины, о

---

*) Я. Стефановичъ. Злоба дня.

новомъ мужицкомъ царствѣ, и въ нихъ душѣ зарождалась вѣра въ новое ученіе *). Бывали даже случаи, что ученикъ оказывался радикальнѣе учителя, желавшаго эмансипировать его только отъ вѣры въ губернатора и попа, и самостоятельно дѣлалъ соотвѣтствующій выводъ на счетъ царя и Николая чудотворца. Ничуть не соглашаясь выдать пропагандиста, онъ пряталъ его въ укромное мѣстечко и ночью, лѣсными дорожками, приводилъ въ тайное убѣжище. И если среди крестьянъ не было недостатка въ шпіонахъ и доносчикахъ, то вѣдь ихъ было не мало и въ собственныхъ рядахъ пропагандистовъ!

Можно вообще усумниться въ основательности упрековъ, по адресу крестьянъ за то, что они отнеслись къ стремленіямъ пропагандистовъ безъ должнаго пониманія. Развѣ крестьянамъ были извѣстны ихъ мотивы **)? Когда ко мнѣ приходитъ чужой человѣкъ, мотивы котораго мнѣ неизвѣстны и увѣряетъ меня въ своей любви и дружбѣ, то это возбуждаетъ во мнѣ естественное недовѣріе. Такъ крестьяне опасались нѣкоторое время, какъ бы „господа" ихъ не перехитрили. Къ тому же кругъ идей крестьянъ былъ совершенно различенъ съ идеями „современныхъ перипатетиковъ". Послѣдніе выросли большею частью въ городахъ, въ состоятельной средѣ, были, вѣроятно, знакомы съ произведеніями иностранныхъ политико-экономовъ, философовъ и естествоиспытателей, но фактическія отношенія на ихъ родинѣ, взгляды, потребности и жалобы крестьянъ были имъ неизвѣстны; они даже не умѣли объясняться съ ними на народ-

*) Община, № 1. Передовая статья.

**) Свободное Слово № 37 и 38.

номъ діалектѣ. Степень научнаго образованія этихъ, рано покинувшихъ школьную скамью гимназистовъ, семинаристовъ и студентовъ была очень ничтожна, а ихъ вожди были лишены почти всякой научной оригинальности. При этой неспособности къ идейному творчеству русская молодежь усвоила простѣйшія формулы, преподнесенныя ей въ догматической формѣ ея вождями. Эти формулы были заимствованы изъ оппозиціонной жизни Запада, спеціально-же по вопросу о соціальной революціи у анархическаго интернаціонализма и у нѣмецкой соціальдемократіи. Русскіе пропагандисты находились подъ вліяніемъ этихъ двухъ теченій; передъ ихъ воображеніемъ мелькали западно-европейскія отношенія; идеи западноевропейскаго соціализма были ихъ идеями. Но эти идеи были недостаточно ими обдуманы (вѣдь даже Шефле призналъ, что ему потребовались годы для того, чтобы ясно понять всѣ слѣдствія соціализма), и все таки они хотѣли проповѣдывать ихъ народу, какъ непогрѣшимое цѣлебное средство. Понятно, что эти идеи въ примѣненіи къ русскимъ крестьянамъ оказались черезъ-чуръ абстрактными. Многіе пропагандисты говорили земледѣльцамъ объ ихъ нуждѣ въ черезъ—чуръ общихъ словахъ, не касавшихся сути дѣла.

Всѣмъ предлагалось одинаковое леченіе безъ всякого вниманія къ разнообразію условій, въ которыхъ находились паціенты. Рекомендуя великорусскую общину козакамъ, малоруссамъ и бѣлоруссамъ, у которыхъ преобладаетъ подворное владѣніе, нельзя было никоимъ образомъ привлечь ихъ на сторону соціализма. Точно также и книги часто писались безъ достаточнаго знакомства съ мѣстностью и мѣстными условіями: для

средняго, типичнаго читателя, котораго воображали себѣ авторы *). Такъ напримѣръ, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ понятна только для великорусса, дѣянія Пугачева могли оживить революціонную традицію только на Волгѣ, тогда какъ Малороссія имѣла своихъ собственныхъ народныхъ героевъ и свои собственныя народныя движенія. Точно также въ прокламаціяхъ почти исключительно употреблялась великорусская рѣчь, мало понятная другимъ русскимъ племенамъ, не говоря уже о другихъ народностяхъ, населяющихъ Россію. При безграмотности крестьянъ пропагандиста могла постигнуть еще большая бѣда: получившій книжку мужикъ обращался иной разъ къ попу или къ чиновнику, прося разъяснить ея содержаніе. Но даже и помимо всѣхъ этихъ трудностей, у крестьянъ просто не было времени читать раздаваемыя книги. Такимъ образомъ, невѣжество и бѣдность крестьянъ оказывались главными препятствіями для пропаганды.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что „хожденіе въ народъ“ было скорѣе паломничествомъ вѣрующихъ, даже слишкомъ легко вѣрующихъ массъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, къ святымъ мѣстамъ народной жизни, чѣмъ серьезно задуманнымъ дѣломъ сознательной и организованной революціонной партіи **). Анархическій соціализмъ былъ столь же чуждъ крестьянамъ, какъ и многимъ изъ самихъ соціалистовъ; онъ отскакивалъ отъ сознанія народной массы, потому что онъ не находился ни въ какой связи съ историческимъ развитіемъ страны.

*) Объ изданіи русской соціально-революціонной библіотеки (Циркуляръ).

**) Община, (№ 8—9). Мнѣніе соціалиста Аксельрода. Смотри выше цитированную статью.

V.

Революціонная агитація. (1875—1877).

Въ 1875 году соціалистическая пропаганда, благодаря полицейскимъ преслѣдованіямъ, была въ полномъ разстройствѣ: большинство пропагандистовъ было арестовано, а ихъ организація разбита. Оставшіеся на свободѣ соціалисты перебрались въ города, преимущественно въ Петербургъ. Здѣсь въ студенческихъ кружкахъ началась жесточайшая самокритика и оживленнѣйшіе споры о причинахъ неудачи движенія и о необходимости измѣнить его направленіе. Эти споры продолжались въ теченіе зимы 1875 и всего слѣдующаго года и привели къ раздорамъ и нетерпимости: каждая группа претендовала на обладаніе талисманомъ, обезпечивающимъ успѣшный ходъ революціи. Въ результатѣ, однако, миролюбивые лавристы, пытавшіеся тогда начать пропаганду среди городскихъ рабочихъ, отошли окончательно на задній планъ, а во главѣ движенія стали революціонные агитаторы, до тѣхъ поръ дѣйствовавшіе разрозненно на югѣ и въ Москвѣ, а теперь начинавшіе давать тонъ всему движенію и проникать съ своими идеями въ петербургскіе кружки. Мѣсто космополитическаго соціализма заняло народничество, цѣль котораго состояла въ осуществленіи народныхъ желаній; вмѣсто словесной пропаганды появилась агитація дѣйствіемъ (бунтарство), вмѣсто летучей пропаганды—поселеніе въ народѣ, вмѣсто простого возбужденія народа—организація его въ боевые отряды.

Представители этого достигшаго господства направленія называли себя народниками-бунтарями.

Появленіе этого новаго направленія было естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ оказались русскіе соціалисты*). Съ одной стороны, изъ соприкосновенія съ крестьянами они узнали, что деревня совсѣмъ не такъ идеальна, какъ они себѣ представляли, что она отличается не одной только бѣдностью и отсутствіемъ знаній, а также и тьмой предразсудковъ, что къ царю крестьянство относится съ почтеніемъ и ненавидитъ только чиновниковъ и помѣщиковъ. А съ другой стороны, у того же крестьянства оказались свои опредѣленные идеалы: оно было привязано къ общинному землевладѣнію, съ его принципомъ равенства, по которому даже женщина можетъ получить участокъ земли; затѣмъ крестьяне желали увеличенія своихъ надѣловъ и относились отрицательно ко всякимъ падающимъ на землю платежамъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, плату можно брать лишь за то, что сдѣлано руками человѣческими, а не за созданную Богомъ землю. Таковы были положительныя требованія крестьянъ, имъ понятныя и ими самими выставленныя, тогда какъ теоріи анархическаго соціализма не оказывали никакого вліянія на народное сознаніе. Понятно поэтому, что соціалисты скоро выбросили за бортъ чужестранныя идеи, что эмигрантская литература потеряла руководящую роль въ движеніи и уменьшился интересъ къ европейскимъ событіямъ, которыя не могли найти широкаго отголоска въ Россіи. Цѣлью движенія

*) Срав. Аксельродъ, Entwicklung d. soc.-rev. Bew. Стр. 11.— Община, № 8 и 9, стр. 33 и дал., ст. Стефановича

ставятъ теперь осуществленіе всѣхъ желаній и требованій, заявляемыхъ самимъ русскимъ народомъ. Вся земля должна перейти къ крестьянамъ, всѣ налоги должны быть уничтожены, и освобожденная отъ всякаго стѣсненія община будетъ развивать присущій ей принципъ общаго владѣнія. Для массы революціонеровъ, для всѣхъ такъ называемыхъ широкихъ натуръ въ удовлетвореніи этихъ требованій и состояла конечная цѣль соціализма; соціалисты же, болѣе требовательные въ теоретическомъ отношеніи, сохранили свои анархическіе взгляды, замѣнивъ лишь прежнюю космополитическую безцвѣтность опредѣленной русской окраской.

Рѣзче всего сказался переворотъ въ выборѣ революціонныхъ средствъ. Массовые аресты, длящееся тюремное заключеніе множества товарищей безъ суда и безъ разбора степени вины каждаго — произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на соціалистовъ. Жестокость преслѣдованій толкала оставшихся на волѣ спѣшить, пока не попались, сдѣлать все возможное для ускореннаго ниспроверженія стараго общественнаго порядка. Они пришли къ убѣжденію, что пропаганда соціализма и раздача брошюръ не въ состояніи поднять народъ и укрѣпить его вѣру въ собственную силу. Нужны не слова, а факты; мѣсто пропаганды должна занять революціонная иниціатива. Народъ — говорилось тогда нерѣдко — оказываетъ сопротивленіе церковнымъ и государственнымъ властямъ, но это сопротивленіе имѣетъ пассивный характеръ. Народныя возстанія гораздо многочисленнѣе, чѣмъ возстанія имущихъ классовъ, но они всегда носятъ мѣстный характеръ, и народному движенію недостаетъ организаціи и общаго направленія. И вотъ тутъ-то необходимо вмѣшательство интеллигент-

ной молодежи: она должна устраивать заговоры и вызывать бунты; разъ пролитая кровь будетъ требовать мести, и такимъ образомъ ускорится приближеніе революціи. Бунтъ, начатый горстью людей въ качествѣ практическаго примѣра, гораздо важнѣе, чѣмъ распространеніе брошюръ и произнесеніе рѣчей. Это усиленное настаиваніе на революціонной агитаціи часто обусловливалось темпераментомъ: флегматики считали возможнымъ ждать десятки лѣтъ, пока народный духъ будетъ революціонизированъ рѣчами и книгами, а сангвиники стремились къ быстрому натиску. Существовали и смѣшанныя группы. Но всего громче раздавался призывъ къ созданію боевыхъ дружинъ, съ цѣлью вызвать возстанія въ народѣ. Что такія организаціи могутъ быть созданы только продолжительной и послѣдовательной агитаціей, было всѣмъ ясно, а отсюда само собою вытекало требованіе устройства поселеній въ народѣ. Предполагалось, что бунтари станутъ селиться по деревнямъ, организовывать тамъ заговоры, вызывать возстанія и руководить ими; осѣдлость должна была дать возможность основательно повліять на деревню. Особенной разборчивости въ средствахъ, при помощи которыхъ слѣдовало вызывать бунты въ народѣ, не было. Такъ въ 1875 году одинъ делегатъ южно-русскихъ группъ привезъ въ Женеву рукопись, въ которой агитаторамъ рекомендовалось пользоваться въ своихъ цѣляхъ царскимъ именемъ *): такіе, молъ, примѣры бывали, такъ какъ Пугачевъ, а въ новѣйшее время Антонъ Петровъ (1861) были самозванцами и вызвали крупныя народныя движенія, во время кото-

*) Аксельродъ, стр. 12.

рыхъ представляется масса случаевъ для удачной агитаціи. Редакція „Работника“ отказалась напечатать эту рукопись.

При своемъ стремленіи къ самокритикѣ революціонеры не могли не замѣтить также, какъ сильно мѣшала раздробленность организацій успѣху дѣятельности, и съ этихъ поръ начинаютъ складываться болѣе сплоченныя организаціи съ лучшимъ раздѣленіемъ труда. Въ то же время революціонеры начинаютъ обращать больше вниманія на дѣятельность среди городскихъ рабочихъ и интеллигенціи.

Объ этихъ и подобныхъ имъ вопросахъ въ теченіе зимы 1875 и всего 1876 года велись безконечные споры, не допускавшіе, казалось, никакого объединенія. Но въ это время остатки петербургскихъ чайковцевъ соединились съ такъ называемой донской группой въ одну организацію, къ которой присоединилось также нѣсколько отдѣльно стоявшихъ личностей, среди которыхъ былъ между прочимъ и Плехановъ. Въ 1876—78 гг. эта организація бунтарей-народниковъ была извѣстна подъ данной въ шутку кличкой троглодитовъ, а впослѣдствіи стала называться обществомъ „Земли и Воли“ по имени своей газеты, издававшейся въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 гг. Программа этого общества заключала въ себѣ всѣ существенныя народническія требованія и была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Какъ это всегда бываетъ при революціонныхъ движеніяхъ, масса революціонеровъ стала примыкать къ „троглодитамъ“, и въ 1876—79 гг. ихъ общество пользовалось въ революціонной средѣ наибольшей популярностью, а вслѣдствіе этого располагало лучшими силами и наибольшими денежными средствами. Душою общества былъ сначала Маркъ

Натансонъ, а послѣ его ареста съ 1877 года Александръ Михайловъ. Члены этой организаціи селились въ народѣ съ тѣмъ, чтобы, пользуясь мѣстными нуждами и отношеніями, организовать боевыя дружины и вызывать бунты, вести „пропаганду фактами". Но даже въ этомъ вполнѣ солидарномъ обществѣ существовало пока еще скрытое различіе между людьми, для которыхъ выполненіе народныхъ желаній представлялось конечной цѣлью ихъ дѣятельности, и тѣми, которые въ агитаціи на этой почвѣ видѣли только средство, ведущее къ народной революціи*). Среди сѣверянъ преобладало первое направленіе, среди южанъ второе. Практическая дѣятельность на сѣверѣ сводилась къ агитаціи на почвѣ крестьянской нужды, къ борьбѣ съ помѣщиками, чиновниками и кулаками; хотя въ теоріи сѣверяне не чуждались нелегальныхъ средствъ борьбы, но на практикѣ они по преимуществу оставались на легальной почвѣ. На югѣ напротивъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, пускается въ ходъ самозванство, обманъ и убійство, и дѣлаются также попытки организовать боевые отряды. Южнымъ революціонерамъ возстаніе казалось гораздо болѣе близкимъ, чѣмъ сѣвернымъ, въ представленіи которыхъ оно отодвигалось въ далекое будущее. Югъ оказался легче воспламенимымъ, болѣе склоннымъ къ насилію, здѣсь же и противо-еврейскіе безпорядки приняли наиболѣе грозную форму. Кромѣ того въ юго-западной Россіи сохранились еще воспоминанія о республиканской волѣ въ 17-омъ столѣтіи.

Переворотъ во взглядахъ революціонной молодежи отозвался и на ея заграничной прессѣ. Это особенно

*) Біографія Желябова, стр. 15.

обнаружилось въ появившейся въ 1876 году книгѣ П. Лаврова о „государственномъ элементѣ въ будущемъ обществѣ“ и въ программѣ, набросанной имъ въ концѣ того же года при сложеніи съ себя обязанностей редактора журнала „Впередъ“. Въ этихъ произведеніяхъ Лавровъ отвелъ вліянію государственнаго элемента настолько значительное мѣсто, что вызвалъ нападки последовательныхъ анархистовъ. Хотя Лавровъ и признаетъ, что государство съ теченіемъ времени изъ органа всеобщей безопасности превратилось въ заговоръ немногихъ эксплуататоровъ противъ массы эксплуатируемыхъ, что оно уничтожило всякую общественную безопасность и потому въ современномъ своемъ видѣ подлежитъ уничтоженію путемъ революціи, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что во всѣ періоды народной жизни сохраняются слѣдующія три естественныя потребности—потребность въ личной и общественной безопасности, въ экономическомъ благосостояніи и въ сложной многообразной техникѣ; въ виду этого принудительная власть государства должна сохраниться и въ будущемъ, насколько мы можемъ предвидѣть его. Затѣмъ Лавровъ набрасываетъ фантастическую картину тѣхъ учрежденій, которыя должны быть введены на другой день послѣ революціи, совершенной народомъ, но подготовленной союзомъ соціалистовъ—революціонеровъ, принужденныхъ прибѣгнуть къ заговору въ виду полной невозможности дѣйствовать открыто при русскихъ условіяхъ. Такимъ образомъ Лавровъ совершенно покидаетъ свою прежнюю точку зрѣнія мирной пропаганды и соглашается даже на захватъ принудительной власти рѣшительнымъ меньшинствомъ заговорщиковъ. Возможность успѣха онъ ставитъ при этомъ въ прямую

зависимость отъ способности революціонеровъ противупоставить организованной силѣ государства свою организованную силу и возлагаетъ поэтому на интеллигентную молодежь обязанность создать организаціи въ народѣ и въ войскѣ и установить болѣе тѣсный союзъ всѣхъ революціонныхъ силъ. Такимъ образомъ, въ главныхъ чертахъ измѣнившіеся взгляды Лаврова приближались къ взглядамъ активной молодежи. Тѣмъ не менѣе онъ въ концѣ 1876 года сложилъ съ себя редакторство журнала „Впередъ“, являвшагося наиболѣе выдающимся органомъ русской соціалистической публицистики того періода. Въ своемъ элегическомъ прощальномъ словѣ къ читателямъ Лавровъ могъ справедливо сказать что его журналъ съ самаго начала былъ встрѣченъ не дружелюбно и вскорѣ подвергся нападкамъ и клеветѣ со стороны другихъ органовъ. Появившійся въ 1877 году пятый томъ журнала „Впередъ“, изданный подъ редакціей Смирнова, совѣтовалъ вернуться къ пропагандѣ и заняться болѣе тихой и практической работой; это приглашеніе не встрѣтило уже ровно никакого сочувствія, и изданіе было окончательно прекращено. Еще раньше, въ мартѣ 1876 года прекратилась газета „Работникъ“, издававшаяся въ Женевѣ съ января 1875 года русскими анархистами; причиной ея прекращенія было наступившее въ то время затишье въ пропагандѣ. Такимъ образомъ въ 1876 и 1877 гг. бунтарство въ литературѣ не было вовсе представлено. 1-го іюля 1876 года умеръ въ Бернѣ Михаилъ Бакунинъ, у котораго въ послѣдніе три года быстро развилась его болѣзнь сердца и печени.

Въ эту-то эпоху (въ ноябрѣ 1875) возникъ „Набатъ“ подъ редакціей Ткачева. Революціонеръ 60-хъ годовъ,

этотъ талантливый писатель и критикъ расходился со всѣми направленіями, начиная съ Бакунина и кончая Лавровымъ; всѣ они были для него софистами или мечтателями и утопистами; ихъ произведенія критикуются имъ въ самой рѣзкой формѣ въ статьѣ „Анархія мысли“, причемъ онъ не останавливается ни передъ ругательствами, ни передъ клеветой. Вмѣсто соціализма онъ выдвигаетъ на первый планъ политическую революцію, которую совершитъ энергичное меньшинство, овладѣвъ государственной властью и издавъ рядъ законовъ экономическаго характера. Это возможно только при существованіи группы заговорщиковъ іерархически организованныхъ, связанныхъ строгой дисциплиной, причемъ большинству остаются неизвѣстными частности заговора; федералистически-централизованная организація группъ отвергается. Вмѣсто мирной пропаганды и агитаціи онъ бьетъ въ набатъ, проповѣдуетъ всѣ виды террора: убійство шпіоновъ, измѣнниковъ и угнетателей, а впослѣдствіи также и всѣхъ тирановъ безъ различія степени. Ткачевъ и группировавшійся вокругъ него небольшой кружокъ съ Турскимъ (Амари) во главѣ слыли русскими якобинцами, бланкистами. Этимъ, а также и другими особенностями „Набата“ объясняется то обстоятельство, что ни даровитый Ткачевъ, ни его журналъ не имѣли никакого вліянія на русское революціонное движеніе, и еще 20 октября 1878 года пять извѣстныхъ соціалистовъ печатно высказали свое отвращеніе къ рекомендуемымъ „Набатомъ“ средствамъ и ко всему его направленію (Община № 8-9), а профессоръ Драгомановъ написалъ противъ него (въ „Громадѣ“) рѣзкую статью.

Возвращаясь отъ литературныхъ споровъ этого пе-

реходящаго времени къ практической дѣятельности революціонеровъ, мы прежде всего наталкиваемся на большой московскій *) кружокъ 1875 года. Большинство членовъ этого кружка (къ которому принадлежали Здановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, а также молодыя дѣвушки, какъ напр. Бардина, Фигнеръ, Топоркова, Александрова, три сестры Субботины, двѣ Любатовичъ и многія другія) училось въ Цюрихѣ, а послѣ объявленія этого университета опальнымъ вернулось въ Россію и отправилось въ народъ. Нѣкоторыя изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ вступили въ фиктивные браки со своими товарищами, называя въ перехваченныхъ письмахъ всю церемонію простой комедіей, которая имъ понадобилась для того, чтобы стать самостоятельными и получить паспорта. Эта цѣль вполнѣ освящала средство. На квартирѣ одного крестьянина, содержавшаго ночлежный пріютъ для фабричныхъ рабочихъ, пропагандисты собирали по воскреснымъ днямъ своихъ товарищей по работѣ и читали имъ соціалистическія книжки. Напуганные арестомъ нѣкоторыхъ членовъ весною 1875 года, они направились въ провинцію: Фигнеръ и Александрова дѣйствовали въ центрѣ хлопчатобумажнаго производства Иваново-Вознесенскѣ, Ольга Любатовичъ—въ Одессѣ и Тулѣ, княгиня Циціанова—въ Кіевѣ, а Вѣра Любатовичъ—въ Москвѣ. Пропагандисты работали на фабрикахъ, знакомились съ крестьянами, говорили объ ихъ тяжеломъ положеніи, о низкой заработной платѣ, объ эксплуатаціи работодателями и о невозможности улучшить ихъ положеніе. Затѣмъ развивали соціалистическіе идеалы,

*) Процессъ 50-ти.

и къ устной пропагандѣ присоединялась книжная. Но, повидимому, результаты были не велики. По крайней мѣрѣ Здановичъ писалъ 9 Іюля 1875 года слѣдующее: „Съ юга извѣстія неудовлетворительныя; двое изъ членовъ не хотятъ оставаться въ Одессѣ тульчане ведутъ себя непростительно; завели много знакомствъ съ рабочими, но еще не прочитали ни одной книжки. Больше нечего сообщить. Посылаемъ вамъ книги и револьверы съ патронами. Убивайте! Стрѣляйте! Работайте! Дѣлайте возстаніе!“ Въ припискѣ говорится, что вездѣ слишкомъ мало народу; всѣ собрались въ Иваново; слѣдовало бы, чтобы кто-нибудь отправился въ Тулу. Другое письмо упрекаетъ товарищей въ неосторожности. Денегъ и книгъ, какъ видно, было достаточно. У Гамкрелидзе нашли 8545 рублей наличными и билетъ на 1100 рублей и сверхъ того 300 запрещенныхъ книгъ; въ другихъ мѣстахъ—2450 запрещенныхъ сочиненій. Когда послѣ первыхъ арестовъ въ мартѣ 1875 г. члены общества отправились въ провинцію, въ Москвѣ было устроено центральное правленіе, въ которое поочередно вступали всѣ члены. На его обязанности лежала доставка и сохраненіе книгъ, денегъ, адресовъ и фальшивыхъ паспортовъ, веденіе корреспонденціи (шифрованной), предупрежденіе о грозящихъ опасностяхъ, сообщеніе объ арестахъ товарищей и сношенія съ арестованными. Пропаганда и агитація должны были идти рука объ руку: первая должна была давать понятіе о соціальной революціи, а вторая—побуждать лицъ и группы начать непосредственную активную революціонную дѣятельность, образовывая рабочія кассы и библіотеки или же основывая союзы, съ прямой цѣлью навести страхъ на правительство и привиле-

гированные классы. Это московское общество было открыто въ августѣ 1875 года и цѣликомъ уничтожено.

Въ другихъ городахъ, въ особенности въ С.-Петербургѣ остатки разсѣянныхъ революціонеровъ начали оказывать вліяніе на городскихъ рабочихъ, на которыхъ лавристы и безъ того обратили вниманіе какъ на особый, подлежащій революціонизированію объектъ. И дѣйствительно, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ возникли союзы рабочихъ, выставившіе соціалистическія цѣли и самостоятельно организовавшіе кассы и библіотеки; союзъ одесскихъ рабочихъ даже праздновалъ въ 1878 году годовщину парижской коммуны, а оставшимся въ живыхъ участникамъ ея былъ посланъ адресъ. Распропагандированные рабочіе должны были отправиться въ качествѣ агитаторовъ въ деревню, гдѣ они могли работать съ большей ловкостью и менѣе обращая на себя вниманія, чѣмъ „господскіе сынки“. Органомъ агитаторовъ и рабочихъ служила выходившая въ Женевѣ газета „Работникъ“.

30-го марта 1876 года была устроена демонстрація на похоронахъ студента Чернышева, умершаго во время предварительнаго слѣдствія. За гробомъ шло до тысячи человѣкъ; передъ зданіемъ суда была пропѣта вѣчная память, а на могилѣ говорились рѣчи. Удачу этой демонстраціи слѣдуетъ приписать не организаторскимъ способностямъ соціалистовъ, а полной неподготовленности полиціи. Поэтому вторая демонстрація въ Петербургѣ, назначенная на 6-ое декабря передъ Казанскимъ соборомъ совершенно не удалась*); правда, Пле-

*) Община, № 8–9; Полемика Стефановича противъ Драгоманова.—П. Лавровъ въ Iahrbuch der Socialwissenschaft 1879. Стр. 279.

хановымъ была сказана рѣчь и было развернуто красное знамя съ надписью „Земля и Воля", но малочисленнымъ участникамъ демонстраціи не удалось даже выйти въ стройномъ порядкѣ на близлежащій Невскій проспектъ*). Причину неудачи видѣли въ томъ, что демонстрація уже два раза отлагалась изъ-за ограниченнаго числа участниковъ; по той же причинѣ устроители и на этотъ разъ хотѣли отказаться отъ нея, но тутъ иниціатива перешла въ руки людей неподготовленныхъ, обнаружившихъ этой демонстраціей безсиліе революціонеровъ. Это повело къ пререканіямъ между различными группами, изъ которыхъ однѣ защищали, а другія осуждали инициаторовъ. Тѣмъ не менѣе 24 февраля 1877 года опять состоялась на похоронахъ студента Подлевскаго маленькая, но удачная демонстрація. Толпа ворвалась въ часовню, овладѣла гробомъ, отстояла его въ борьбѣ съ появившейся полиціей, остановилась передъ зданіемъ суда и донесла гробъ до кладбища.

Въ то же время возобновилось и хожденіе въ народъ съ измѣнившимися взглядами, правда, и съ уменьшившимся воодушевленіемъ**). Дѣятельность стала труднѣе, какъ вслѣдствіе усиленія бдительности полиціи, такъ и потому, что агитаторы ставили себѣ теперь болѣе серьезныя требованія. Имъ не полагалось больше странствовать, а приходилось селиться въ одномъ мѣстѣ и отдаться всецѣло кропотливой и трудной работѣ созданія въ народѣ организаціи, которыя въ случаѣ необходимости могла бы начать войну противъ суще-

*) По этому дѣлу 5 человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ на 10—15 лѣтъ и 10 человѣкъ — къ ссылкѣ въ Сибирь. Какой жестокій и въ то же время беззаконный приговоръ!

**) Я. Стефановичъ, Злоба дня, стр. 3.

ствующаго порядка. Этотъ родъ агитаціи требовалъ много личныхъ жертвъ, а въ крестьянствѣ соціалисты мало находили подходящихъ элементовъ. Съ самаго начала агитація велась вяло, а поселенія жили больше интересами города, чѣмъ собственными силами. Они, правда, смѣялись надъ тѣми товарищами, которые, желая служить народу, оставались въ городѣ, но и ихъ собственная работа была не очень продуктивна.

Нельзя, однако, сказать, чтобы вовсе не было сдѣлано попытокъ создать заговоръ въ народѣ и вызвать возстаніе; наибольшую энергію въ этомъ отношеніи обнаружилъ югъ. Вся кіевская группа бунтарей около 25 человѣкъ, распредѣлила между собою отдѣльныя области: въ одномъ мѣстѣ арендовалась деревенская лавочка, въ другомъ другая пара торговала картинками или открывала трактиръ; у революціонеровъ имѣлся запасъ оружія и патроновъ, а кое-кто торговалъ лошадьми для того, чтобы имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ въ случаѣ возстанія. Дебагорій-Мокріевичъ, Фроленко, Дробязгинъ и другіе отправились въ Каневскій уѣздъ (Кіевской губ.). Здѣсь крестьянство мечтало о независимой Украйнѣ и о гайдамачинѣ и распѣвало пѣсни Шевченка. Революціонеры принесли этимъ крестьянамъ книги по ихъ вкусу и затѣмъ приступили къ агитаціи. Совершенно неожиданно пожилые крестьяне однажды задали имъ вопросъ: „Чего собственно вы хотите?“—„Мы хотимъ вызвать среди васъ возстаніе!“—„Мы готовы! Другія деревни также подготовляются, приходите опять на будущей недѣлѣ!“—Такъ и сдѣлали. Въ назначенный день въ одной хижинѣ собралось свыше ста крестьянъ, которые принялись обсуждать вопросъ, какимъ путемъ они

могли бы заполучить свою землю. Рѣшили организоваться въ группы и поручили присутствовавшимъ на сходкѣ агитаторамъ добыть имъ ружья и револьверы. Затѣмъ приступили къ выбору вожаковъ. На собраніи присутствовалъ деревенскій піита, бывшій волостной писарь; онъ былъ очень обиженъ, что не его выбрали въ руководители и въ пьяномъ видѣ разболталъ обо всемъ заговорѣ. Организація не просуществовала и полугода, какъ уже правительство знало о ней. Крестьяне, заранѣе предупрежденные, успѣли однако уничтожить всѣ бумаги, и полиція не нашла у нихъ ничего компрометирующаго *).

Также и въ другомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, въ Чигиринѣ, Якову Стефановичу **), самому талантливому организатору среди бунтарей, удалось воспользоваться мѣстнымъ недовольствомъ и создать боевую организацію, которая просуществовала также не болѣе полугода. Эта попытка революціонной агитаціи, подробно

*) Съ тѣмъ же Дебагоріемъ случилось еще другое приключеніе До правительства дошло извѣстіе о мѣстѣ его поселенія, но онъ успѣлъ вмѣстѣ съ товарищами заблаговременно упаковать все запретное и скрыться. По дорогѣ имъ пришлось переночевать въ корчмѣ, причемъ они весь свой багажъ имѣли при себѣ. Въ той же деревнѣ къ тому времени случилось убійство, и когда хозяева корчмы услышали, что ихъ гости перешептываются между собой, они приняли ихъ за убійцъ и послали за полиціей. Соціалистамъ и на этотъ разъ удалось спрятать свои запрещенныя книжки, а присутствіе у нихъ револьверовъ они объяснили тѣмъ, что это предметъ ихъ торговли. Это навело на ихъ слѣдъ и на заговоръ въ Каневскомъ уѣздѣ. Дебагорій былъ арестованъ въ 1879 году послѣ вооруженнаго сопротивленія и сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ черезъ полтора года.

**) Яковъ Стефановичъ—малороссъ, сынъ сельскаго священника, съ которымъ никогда не порывалъ сношеній, какъ бы ни былъ

описанная имъ и его товарищами, очень поучительна, и на ней стоитъ подробнѣе остановиться.

Уже вскорѣ послѣ освобожденія и размежеванія крестьянской земли среди крестьянъ многихъ волостей Чигиринскаго уѣзда возникло недовольство, увеличивавшееся благодаря спорамъ о формѣ землевладѣнія. Семьи съ малымъ числомъ душъ хотѣли сохранить прежнее подворное владѣніе, а большія семьи требовали обычнаго въ Великороссіи передѣла земли по душамъ. Впослѣдствіи они, благодаря различнымъ слухамъ, пошли еще далѣе и стали требовать передачи крестьянамъ всей помѣщичьей земли. Ходоки, посланные къ царю семью волостями, были захвачены полиціей и отправлены обратно, что еще болѣе укрѣпило убѣжденіе крестьянъ, что чиновники обманываютъ царя. Царь—такъ разсказывалось среди крестьянъ—спорилъ съ министромъ о томъ, какую форму землевладѣнія предпочитаютъ крестьяне; оба бились объ закладъ, причемъ царь былъ за душевое, а министръ за подворное владѣнія. Чтобы доказать справедливость своего утвержденія, министръ собираетъ свѣдѣнія, какую форму землевладѣнія предпочитаютъ крестьяне, но ведетъ онъ это разслѣдованіе въ интересахъ подворнаго владѣнія. Мы же—говорили крестьяне—хотимъ остаться царскими, а не стать министерскими.

поглощенъ революціонной дѣятельностью. Онъ организаторъ съ ногъ до головы, отличный знатокъ людей и человѣкъ дѣла. Говоритъ онъ мало и при обсужденіи теоретическихъ программъ засыпаетъ. Въ 1873 году онъ посѣщалъ кіевскій университетъ, который онъ принужденъ былъ покинуть изъ-за политическаго проступка. Его лучшимъ другомъ и товарищемъ былъ Левъ Дейчъ. Подпольная Россія, стр. 30.

Различныя атмосферныя явленія подтверждали имъ справедливость ихъ дѣла. Когда они послѣ этого отказались также отъ уплаты податей, то въ маѣ 1875 года дѣло дошло до экзекуціи; не принимавшіе подворнаго владѣнія тутъ же опрокидывались на земь и на глазахъ у губернатора подвергались наказанію; двое тутъ же испустили духъ; все ихъ имущество было продано на покрытіе недоимокъ. Въ январѣ 1876 года въ непокорное село Шабельники былъ назначенъ постой, что окончательно его раззорило; сто крестьянъ было заключено въ тюрьму *), но это не могло заставить ихъ принять подворное владѣніе. Несмотря на всѣ гоненія, крестьяне не теряли бодрости и вѣрили распространявшемуся слуху, что къ нимъ пріѣдетъ самъ царь.

Въ эту среду пассивнаго протеста Яковъ Стефановичъ внесъ революціонный элементъ. Назвавшись херсонскимъ крестьяниномъ, онъ сдружился съ нѣкоторыми содержавшимися въ кіевской тюрьмѣ крестьянами, между прочимъ съ бывшимъ волостнымъ судьей, и предложилъ имъ воспользоваться его услугами въ качествѣ ходока, чтобы доставить царю въ Петербургъ прошеніе. Съ большимъ трудомъ преодолѣлъ онъ ихъ недовѣрчивость, получилъ ихъ согласіе и, сопровождаемый безконечными благословеніями и молитвами, въ февралѣ 1876 года отправился въ путь. Вернулся онъ только въ ноябрѣ, принесши съ собою два (конечно поддѣльныхъ) документа. Великолѣпно отпечатанная Высочайшая Грамота содержала приказъ крестьянамъ соединиться въ тайное общество съ цѣлью воору-

*) Въ Сквирѣ смотритель тюрьмы пользовался крестьянами какъ рабочимъ скотомъ, запрягая ихъ въ плугъ и заставляя пахать.

женнаго сопротивленія дворянамъ, чиновникамъ, попамъ и великимъ князьямъ, которые съ 1861 года мѣшаютъ царю дать своимъ вѣрнымъ крестьянамъ не только свободу, но и всю землю. Тутъ же былъ набросанъ уставъ тайнаго общества: члены должны были давать клятву въ вѣрности и вносить ежемѣсячно въ кассу по 5 копѣекъ; 25 членовъ выбирали старшину, 20 старшинъ — гетмана, который долженъ былъ вступить въ сношенія съ царскимъ комиссаромъ, за котораго выдавалъ себя самъ Стефановичъ, получившій якобы порученіе руководить союзомъ и въ случаѣ смерти царя довести до конца освобожденіе крестьянъ.

Когда заключенные въ кіевской тюрьмѣ чигиринцы выслушали все это, они сначала были очень поражены: имъ не вѣрилось, что царь такъ безсиленъ. На первыхъ порахъ имъ пришло на мысль, не поставлена ли имъ ловушка какимъ-нибудь шпіономъ. Только мало-по-малу Стефановичу удалось убѣдить ихъ дать требуемую полиціей подписку о принятіи подворнаго владѣнія, вслѣдствіе чего они были освобождены изъ тюрьмы и въ февралѣ 1877 года отправились домой въ Шабельники. Скоро ихъ деревенскіе единомышленники узнали, что вернувшійся изъ тюрьмы членъ волостного суда привезъ утѣшительное извѣстіе; въ числѣ 300 собрались они ночью въ степи у кургана, чтобы при свѣтѣ фонаря выслушать содержаніе Грамоты и Устава и принести присягу въ вѣрности. Обѣщаніе Стефановича лично явиться къ нимъ содѣйствовало оживленію движенія: общество насчитывало до 600 членовъ, надѣявшихся на полученіе земли и воли отъ царя. Въ концѣ апрѣля произошло свиданіе царскаго комиссара съ 28 старшинами (среди которыхъ было нѣсколько

грамотныхъ) и съ гетманомъ — отставнымъ унтеръ-офицеромъ. Оказалось, что старшины вполнѣ освоились уже со смысломъ устава и позаботились о пріобрѣтеніи пикъ и другого рода оружія. Они имѣли своихъ агентовъ въ волостномъ правленіи и могли заблаговременно узнавать обо всемъ, что противъ нихъ замышляется. Такъ какъ дѣло происходило весною и у нихъ чувствовался недостатокъ въ деньгахъ, то Стефановичъ передалъ имъ тысячу рублей, якобы по порученію сосѣдняго союза крестьянъ: онъ не хотѣлъ воспользоваться именемъ царя, чтобы не пріучить ихъ къ надеждѣ на его помощь. Затѣмъ Стефановичъ по требованію старшинъ принесъ предписанную присягу.

Тайный союзъ сталъ теперь рости: были привлечены надежные элементы изъ домохозяевъ, движеніе стало распространяться и на другія деревни, и скоро число участниковъ возросло до тысячи. Но чѣмъ обширнѣе становилось общество, тѣмъ больше можно было бояться измѣны. Уже въ маѣ стали возникать довольно опредѣленные слухи, что въ руки полиціи попали списки членовъ, нѣкоторые крестьяне были арестованы, и даже прибыла въ деревню спеціальная коммиссія съ генераломъ во главѣ. Но тайна была сохранена и правительство пришло къ убѣжденію, что уѣздная полиція сдѣлала изъ мухи слона. Большую роль играли жены членовъ: онѣ были посвящены въ тайну и наравнѣ съ мужчинами приведены къ присягѣ, но это не помѣшало имъ болтать, а мѣстный попъ пустилъ въ ходъ водку и даже сталъ любезничать съ молодыми крестьянками, чтобы выманить у нихъ тайну. За то были и такія женщины, которыя заслуживали полнаго уваженія: одна крестьянка, у которой былъ спрятанъ уставъ

и списокъ членовъ, просидѣла полгода въ тюрьмѣ, отказавшись указать мѣстопребываніе своего мужа, несмотря на то, что изъ-за этого все ея хозяйство пошло прахомъ. Выдали тайну въ концѣ-концовъ все-таки мужчины, благодаря пьянству и безсовѣстности. Случилось это такъ: гетманъ растратилъ часть общественныхъ денегъ, Стефановичъ послалъ двухъ человѣкъ, чтобы сообщить объ этомъ старшинамъ; послы на пути напились и выдали всю организацію одному солдату, котораго они хотѣли привлечь къ союзу. Въ августѣ 900 членовъ союза было арестовано, а 4 сентября 1877 года взятъ и Яковъ Стефановичъ со своими двумя помощниками. Всѣ трое успѣли потомъ бѣжать изъ тюрьмы, такъ что передъ судомъ предстали одни крестьяне, къ которымъ судъ отнесся снисходительно въ виду того, что они были обмануты.

Говорятъ, что мистификація „царскаго комиссара" привела въ ярость крестьянъ. Особенно возмущала ихъ присяга, которую онъ заставилъ ихъ принести и клятвопреступленіе, которое совершилъ онъ самъ. Характерно, что Стефановичъ не могъ не злоупотребить именемъ царя; только благодаря авторитету царя онъ могъ создать тайный союзъ среди крестьянъ; агенту соціалистическаго комитета это, навѣрное, не удалось бы. Редакція „Чернаго Передѣла" не считаетъ нужнымъ высказать порицаніе за обманъ и клятвопреступничество; она указываетъ только на неудобство обращенія къ авторитету царя, но находитъ этому извиненіе въ томъ, что въ концѣ-то концовъ имѣлось въ виду ослабленіе этого авторитета. Во всякомъ случаѣ, опытъ Стефановича представляетъ организаторскій подвигъ, небывалый среди крестьянскаго населенія и потому

обратившій на себя вниманіе агитаторовъ, хотя и оставшійся (поскольку мнѣ извѣстно) безъ подражанія. Объясняется это тѣмъ, что въ послѣднее время среди русскихъ соціалистовъ все болѣе и болѣе распространяется отрицательное отношеніе къ безнравственнымъ средствамъ, которыя употреблялъ Стефановичъ.

Такимъ образомъ кіевская група избрала поприщемъ своихъ опытовъ область, лежащую по обѣ стороны Днѣпра. Петербургскіе троглодиты (народники) и ихъ союзники послали своихъ эмиссаровъ на низовья Волги, вообще на юго-востокъ до Урала и Кавказа. Здѣсь лучшимъ организаторомъ считался Александръ Михайловъ *), ставшій впослѣдствіи однимъ изъ руководителей террористическаго исполнительнаго комитета и инціаторомъ покушеній. Въ своей автобіографіи онъ описалъ свои странствованія по Россіи. Сначала онъ попалъ въ Кіевъ (зимою 1876 года) и здѣсь онъ познакомился съ пропагандистами, бунтарями и якобинцами. Онъ нашелъ, что въ этой средѣ много разговаривали о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, но мало дѣлали. Нѣкоторые работали, но эти держались вдали отъ мало

*) Александръ Михайловъ, сынъ землемѣра, родился въ 1855 или 1856 году въ Путивлѣ (Курской губ.). Онъ посѣщалъ тамошнюю гимназію и уже въ раннемъ возрастѣ обнаружилъ страсть организовать что-нибудь. Прежде всего основалъ онъ газету, первый номеръ которой появился рукописнымъ, затѣмъ онъ устроилъ общество самообразованія и тайную библіотеку среди гимназистовъ. Въ седьмомъ классѣ онъ являлся организаторомъ протестовъ противъ „идіотовъ“-учителей, основавъ въ то же время общество распространенія популярныхъ сочиненій въ народѣ, на что было израсходовано нѣсколько сотъ рублей. Въ планы общества входила также денежная поддержка пропагандистовъ, но это не удалось; впрочемъ гимназисты имѣли о пропагандистахъ такое же

знакомыхъ лицъ. Михайлову, правда, удалось познакомиться со Стефановичемъ и его товарищами, онъ даже пряталъ у себя весь ихъ запасъ револьверовъ и сѣделъ, но вполнѣ пріобрѣсти ихъ довѣріе онъ не могъ. Они больше всѣхъ ему нравились, но они черезчуръ ударились въ крайность. Михайловъ замѣтилъ, что въ Кіевѣ недостаетъ энергичной дѣятельности и солидной организаціи: тутъ были только генералы и адъютанты, но не было солдатъ. Онъ понялъ, что здѣсь ему не удастся осуществить свою мысль о созданіи крѣпкой организаціи, которая охватила бы всю Россію. Лѣтомъ 1876 года онъ вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ сталъ усерднымъ посѣтителемъ студенческихъ „коммунъ“, гдѣ познакомился съ членами возникавшаго тогда общества троглодитовъ (позднѣе „Земли и Воли“) и примкнулъ къ нимъ. Тотчасъ же онъ вмѣстѣ съ Оболешинымъ началъ борьбу противъ широкой русской натуры, противъ неосторожности и недостатка энергіи; онъ требовалъ усиленія дисциплины и нѣкоторой централизаціи, — вещи, о которыхъ въ то время никто не смѣлъ говорить, рискуя быть обозваннымъ якобинцемъ.

представленіе, какъ о любой заграничной партіи. Въ 8-мъ классѣ читались запрещенныя книги, присланныя изъ Москвы, и такъ какъ Михайловъ изъ-за этого забросилъ свой латинскій языкъ, то онъ долженъ былъ перевестись въ другой городъ, гдѣ поступилъ въ реальное училище. Наконецъ, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ и здѣсь опять занялся устройствомъ кружка самообразованія и помощи пропагандистамъ. При помощи нѣсколькихъ другихъ лицъ устроилъ онъ студенческій союзъ, имѣвшій свою кассу и развѣтвленія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но 3½ мѣсяца спустя Михайловъ былъ высланъ на родину за непосѣщеніе репетицій, и тутъ, т. е. съ зимы 1875—76 года, начинается его Одиссея.—На Родинѣ № 3 стр. 1—51.

генераломъ или диктаторомъ. Только постепенно сама практика, показывая всю пользу исполненія требованій Михайлова, доставила имъ полное торжество въ организаціи.

Весною 1877 года все общество народниковъ, подкрѣпленное нѣсколькими десятками единомышленниковъ, отправилось въ народъ, устроивъ поселенія по низовьямъ Волги и дальше на востокъ до горъ. Каждая мѣстная група имѣла свой „центръ" въ губернскомъ городѣ. Астраханская и Саратовская групы имѣли непосредственныя сношенія съ групой, работавшей въ землѣ Войска Донского. Надъ всѣми ими стояло петербургское общество, управлявшее дѣлами всей партіи. Важнымъ центромъ былъ Саратовъ, куда попали Михайловъ, Ольга Натансонъ и еще 5—6 человѣкъ изъ Петербургскаго центра и около десятка изъ другихъ мѣстъ. Они могли разсчитывать на 5,000 руб. въ годъ. Тѣмъ не менѣе прошло довольно много времени, пока различные элементы сплотились въ одну групу. Одни устроили кузницы, другіе сдѣлались лавочниками, а третьи устраивались въ качествѣ волостныхъ писарей. Михайловъ нанялъ себѣ квартиру у сектанта-безпоповца и принялся за изученіе священнаго писанія и весьма своеобразныхъ сектантскихъ обычаевъ; онъ участвовалъ даже въ публичномъ диспутѣ съ православнымъ попомъ. Въ его планы входило полученіе мѣста учителя у сектантовъ; тогда большая часть русскихъ революціонеровъ была того мнѣнія, что сектанты представляютъ прекрасный матеріалъ для ихъ цѣлей, находясь въ длящейся цѣлыя столѣтія оппозиціи къ правительству. Но намѣренія Михайлова не осуществились. Уже въ концѣ 1877 года саратовскія

поселенія обратили на себя вниманіе полиціи. Одна мѣстная группа, правда, сохранилась до лѣта 1879 года и при поддержкѣ со стороны центра могла бы очень много сдѣлать, но въ Петербургѣ дѣла шли не блестяще: организація росла очень медленно, денежной поддержки не было, такъ что саратовской группѣ пришлось жить впроголодь. Сверхъ того петербургскія событія начала 1878 года пробудили надежду на близость революціи. Михайловъ уѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и здѣсь, увлеченный бурнымъ ходомъ событій сначала фактически, а потомъ и принципіально отказался отъ работы въ народѣ, взявъ въ свои руки послѣ ареста Натансона руководство обществомъ.

Вообще говоря, не было недостатка въ попыткахъ устраивать заговоры и бунты, но успѣхъ былъ всегда непродолжителенъ. А тамъ, гдѣ народъ дѣйствительно приходилъ въ возбужденіе, обыкновенно чувствовался недостатокъ въ агитаторахъ. Не мало было такого недовольства и такихъ движеній, при которыхъ агитаторы могли бы внести соціалистическій, даже революціонный элементъ въ пассивное сопротивленіе массы. Я не буду говорить о многочисленныхъ стачкахъ фабричныхъ рабочихъ въ Серпуховѣ, въ селѣ Тейковѣ (Костромской губ.), въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Не буду также останавливаться на броженіи среди кубанскихъ, уральскихъ и донскихъ казаковъ, такъ какъ здѣсь не мѣсто перечислять всѣ тѣ случаи, при которыхъ крестьяне оказывали пассивное сопротивленіе. Я передамъ только напечатанное въ № 2 „Общины“ сообщеніе изъ Красноуфимска (Пермской губ.) объ одной экономически-религіозной сектѣ къ

которой революціонеры, повидимому, еще не проникли.

Въ означенной мѣстности, на Уралѣ, во времена крѣпостного права, горные рабочіе послѣ десятилѣтней службы получали въ безвозмездное пользованіе дворъ и участокъ земли, а послѣ пятнадцати лѣтъ—пенсію. При уничтоженіи крѣпостной зависимости имъ было предоставлено на выборъ: или служить до конца на прежнихъ условіяхъ или сейчасъ же получить землю и вносить за нее выкупные платежи въ теченіе 49 лѣтъ. По понятнымъ причинамъ рабочіе предпочитали первое предложеніе, а предприниматели второе. Воля послѣднихъ восторжествовала: крестьянамъ была выдѣлена земля, и на нихъ наложены платежи. Крестьяне протестовали противъ этого и рѣшили не платить никакихъ налоговъ. Дошло до экзекуціи; крестьяне подвергнуты тѣлесному наказанію и на нихъ были наложены принудительныя работы въ копяхъ. Когда и это не помогло, то десять человѣкъ крестьянъ были подвергнуты аресту, въ нетопленномъ помѣщеніи, гдѣ двое изъ нихъ умерли а третій лишился разсудка. Чтобы сломить ихъ сопротивленіе, у нихъ отняли первое изданіе свода законовъ и снабдили другимъ, такъ называемымъ Анисимовскимъ. (Уральцы ссылались на законъ). Такъ какъ это изданіе было отпечатано мелкими буквами и не содержало тѣхъ мѣстъ, на которыя ссылались крестьяне, то они считали его подложнымъ и отнынѣ перестали вѣрить всякому закону. Этотъ протестъ повелъ къ образованію секты. Поводъ къ этому подали сами священники, которые, по побужденію чиновниковъ, пытались цитатами изъ евангелія доказывать справедливость требованій начальства. Такъ какъ попы стояли

за чиновниковъ, то крестьяне бросили церковь. На непорченности церкви основывали они свой главный догматъ о близкомъ концѣ міра. Признаки этой близости они видѣли между прочимъ въ томъ, что на обратной сторонѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ находились изображенія прежнихъ русскихъ царей: по ихъ мнѣнію этимъ оправдывалось пророчество апокалипсиса о возстаніи мертвецовъ. Умершіе цари, говорили сектанты, ходятъ по рукамъ и въ формѣ денегъ господствуютъ надъ людьми также, какъ и живой царь. Впрочемъ подъ концомъ міра они подразумѣваютъ не совершенное его исчезновеніе, а уничтоженіе существующаго порядка и замѣну его другимъ, гдѣ не будетъ ни баръ, ни мужиковъ. На Уралѣ есть много подобныхъ экономически-религіозныхъ сектъ, не желающихъ платить никакихъ повинностей, ни ставить рекрутовъ.

Несмотря на нѣсколько демонстрацій въ городахъ и на попытки заговоровъ въ деревняхъ, въ движеніи замѣчается сравнительное затишье, которое можно приписать двумъ причинамъ: войнѣ и аресту революціонеровъ. Военное возбужденіе 1876—78 годовъ отвлекло вниманіе части молодежи въ другую сторону, ея энергія нашла достижимую цѣль. Съ воодушевленіемъ отправились многіе соціалисты на борьбу за освобожденіе славянскихъ братьевъ въ Сербіи и Болгаріи; одни хотѣли показать, что не одинъ царь и славянофилы готовы на жертвы за ихъ освобожденіе; другіе надѣялись, что война дастъ имъ опытъ, нужный революціоннымъ организаторамъ. Большинство соціалистовъ было однако противъ войны, отвлекающей вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Но ихъ голоса

были заглушены громомъ событій. Кромѣ того, ослабленію революціоннаго движенія содѣйствовали еще многочисленные аресты, разрушившіе существовавшія общества и лишившіе ихъ руководителей, а война мѣшала притоку свѣжихъ силъ и созданію новыхъ организацій. Было уже упомянуто, что четыреста человѣкъ были преданы суду за соціалистическую пропаганду; число арестованныхъ и подвергнутыхъ наказанію административнымъ путемъ было гораздо больше. Образовавшееся въ 1876 году общество троглодитовъ не успѣло еще развить всѣхъ своихъ силъ. Но уже и тогда *) семеро изъ членовъ состояли волостными писарями, трое—сельскими фельдшерами и еще многіе—сельскими учителями въ Саратовской, Самарской и Тамбовской губерніяхъ. Кромѣ того общество имѣло полную возможность и впредь занимать эти должности своими людьми, имѣя основательныя связи въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло назначеніе.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что многіе соціалисты были заняты доставкой денегъ, одежды и книгъ своимъ заключеннымъ въ тюрьмѣ или сосланнымъ товарищамъ, а также устройствомъ побѣговъ. Послѣдніе не всегда удавались: такъ неудачей кончилась попытка Ковалика и Войнаральскаго — двухъ выдающихся организаторовъ изъ пропагандистской эпохи, — хотя имъ удалось взобраться на тюремную стѣну; зато нѣкто Тельсіевъ былъ освобожденъ благодаря необыкновенной смѣлости Дмитрія Клеменса, явившагося въ Петрозаводскъ подъ именемъ инженера Штурма, якобы посланнаго для геологическихъ изслѣ-

*) Стефановичъ. Злоба дня.—Перовская, стр. 13.

дованій въ Финляндію, очаровавшаго всѣхъ своей любезностью и подъ конецъ забравшаго съ собою арестанта для того, чтобы не подвергать его опасности одинокаго путешествія. Еще спустя годъ мѣстный исправникъ справлялся у одного проѣзжаго о инженерѣ Штурмѣ: „Вотъ былъ отличный человѣкъ! Онъ обѣщалъ заглянуть къ намъ на обратномъ пути!“ Счастливо кончилось также бѣгство князя Кропоткина 29-го іюня 1876 года *). Благодаря своему слабому здоровью онъ былъ переведенъ изъ тюрьмы въ госпиталь и употреблялъ всѣ усилія, чтобы казаться умирающимъ. На своихъ прогулкахъ по двору онъ скоро замѣтилъ, что при возкѣ дровъ (госпиталь запасался ими на зиму) у отпертыхъ воротъ не ставили часового. На этомъ онъ построилъ планъ бѣгства: кто-нибудь изъ друзей долженъ былъ ждать его у воротъ въ экипажѣ и везти, когда онъ выбѣжитъ. Самое трудное былъ выборъ момента: въ узкой улицѣ обозъ съ дровами могъ загородить дорогу, верховой казакъ могъ задержать экипажъ. Съ этой цѣлью въ четырехъ различныхъ пунктахъ были поставлены часовые, а пятый часовой долженъ былъ, при наступленіи удобнаго момента, пустить красный воздушный шаръ. По странной случайности во всемъ Петербургѣ не могли найти красный шаръ, а сфабрикованный домашнимъ способомъ еле поднялся до крышъ. Такъ первая попытка кончилась неудачей. Затѣмъ условились, что сигналомъ будетъ служить скрипка. Въ назначенный день Кропоткинъ вышелъ на прогулку; игра скрипки продолжалась пять минутъ, но онъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ,

*) Подпольная Россія, стр. 103 и дал.

такъ какъ инстинктивно вначалѣ надзоръ солдата всегда внимательнѣе. Но вотъ скрипка замолкла: спустя нѣсколько минутъ тяжело нагруженный возъ съ дровами въѣхалъ во дворъ. Скрипка заиграла снова. Кропоткинъ взглянулъ на часового, оглядывавшаго свое ружье, и сталъ считать про себя: разъ!.. Но вдругъ скрипка опять замолкла: по одному изъ переулковъ прошелъ полицейскій обходъ. Черезъ минуту скрипка заиграла снова. Тремя заранѣе изученными движеніями онъ сбросилъ съ себя длинный больничный халатъ и стрѣлой бросился къ воротамъ; здѣсь его посадили въ дрожки, надѣли на него офицерскую фуражку и военную шинель, и скоро онъ былъ на свободѣ. Солдату пришлось сдѣлать большое разстояніе, чтобы добѣжать до воротъ, а для преслѣдованія бѣглецовъ не было на мѣстѣ лошадей.

Еще болѣе отважнымъ было бѣгство изъ кіевской тюрьмы Якова Стефановича и его товарищей—Дейча и Бохановскаго. Одному изъ членовъ партіи удалось подъ фальшивымъ именемъ—Ѳоменко поступить на службу въ тюрьму и въ короткое время пройти всю служебную лѣстницу отъ дровосѣка до надзирателя сначала надъ уголовными, а потомъ и политическими преступниками. Приходилось спѣшить, такъ какъ мнимый Ѳоменко могъ быть узнанъ кѣмъ-нибудь изъ многочисленныхъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ революціонеровъ и по неосторожности скомпрометированъ. Рѣшено было, что двое переодѣнутся часовыми, а двое останутся въ чемъ были и ночью постараются выйти изъ тюрьмы. Наступила полночь. Но тутъ оказалось препятствіе: дежурный сторожъ стоялъ въ коридорѣ, не показывая ни малѣйшаго желанія уходить. Тогда Сте-

фановичъ выронилъ, какъ будто нечаянно, книгу во дворъ, а Фоменко приказалъ дежурному розыскать книгу и передать ее въ контору. Теперь бѣглецы стали безъ шума пробираться по коррядору, но такъ какъ тамъ царила глубокая темнота, то одинъ изъ нихъ поскользнулся и, чтобы не упасть, инстинктивно схватился за что-то... Вдругъ громкій звонъ огласилъ тюрьму: поскользнувшійся схватился за веревку сигнальнаго колокола. На этотъ звонъ въ коррпдоръ долженъ былъ явиться караулъ. Казалось—все потеряно. Но Ѳоменко не растерялся; онъ побѣжалъ въ кордегардію сказать, что нечаянно зацѣпилъ за веревку. Опять все стихло. Фоменко собралъ спрятанныхъ по угламъ товарищей и отправился съ ними прямо къ воротамъ. Сторожъ далъ ключъ, а часовой не обратилъ никакого вниманія на необыкновенное шествіе. Скоро бѣглецы были на свободѣ, гдѣ какъ изъ-подъ земли выросла передъ ними фигура Валеріана Осинскаго, радостно протягивавшаго имъ руки. Цѣлую недѣлю (дѣло происходило въ маѣ 1878 года) провели они на Днѣпрѣ въ лодкѣ, гребя по очереди до Кременчуга, гдѣ Осинскій снабдилъ ихъ паспортами и деньгами. Въ тюрьмѣ только поздно утромъ было замѣчено ихъ бѣгство; и такъ велико было довѣріе смотрителя къ мнимому Ѳоменко, что онъ былъ увѣренъ, что бѣглецы убили надзирателя. Въ сентябрѣ 1881 года Стефановичъ вернулся въ Россію, былъ въ февралѣ 1882 г. взятъ въ Москвѣ и въ послѣднемъ большомъ процессѣ приговоренъ къ каторгѣ.

Въ теченіе всего этого времени, начиная съ іюня 1874 года (дѣло Долгушина и товарищей), тянется рядъ процессовъ противъ арестованныхъ пропагандистовъ*),

*) Въ шести большихъ процессахъ передъ судомъ предстало

заканчивающійся грандіозными процессами*) 50-ти (въ Москвѣ въ февралѣ и мартѣ 1877 года) и 193-хъ (въ Петербургѣ съ октября 1877 по январь 1878 года). Революціонеры, не имѣвшіе до сихъ поръ возможности ни въ прессѣ, ни на собраніяхъ открыто провозглашать свои цѣли и убѣжденія, рѣшили превратить скамью подсудимыхъ въ трибуну, и попытались въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ выяснить бѣдственное положеніе народа, неудачу всѣхъ реформъ, невозможность легальной агитаціи и, какъ слѣдствіе всего этого, необходимость революціоннаго пути, на который они вступили, чтобы подготовить побѣду соціализма. Публика была изумлена: до сихъ поръ она мало знала о соціалистахъ и мало ими интересовалась, а тутъ она услыхала въ Москвѣ спокойную рѣчь Здановича, пламенныя слова Бардиной и страстную обвинительную рѣчь крестьянина Петра Алексѣева. Публика негодовала на нарушеніе гласности судопроизводства и чувствовала, что ораторы, такъ часто прерываемые предсѣдателемъ, представляютъ нарождающуюся силу. Уже въ Москвѣ дѣло дошло до скандала въ залѣ судебныхъ засѣданій, и предсѣдателю пришлось обратиться къ жандармамъ, чтобы вывести двухъ ораторовъ. Еще болѣе страстными оказались про-

298, въ десяти меньшихъ — 20, всего 318 пропагандистовъ. Кромѣ того правительству стали извѣстны имена еще [illegible] человѣкъ, которыхъ не удалось разыскать, а 20 человѣкъ умерли до суда на свободѣ или въ тюрьмѣ, такъ что [illegible] должны были около 450 соціалистовъ, среди которыхъ были также крестьяне, рабочіе и солдаты. Въ это число не [illegible] еще всѣ тѣ, которые были арестованы, отданы подъ полицейскій надзоръ и сосланы административно [illegible]. ([illegible] 1877).

*) Община, № 1. — [illegible], стр. 352 — Лавровъ, Jahrbuch. стр. 270. — Также [illegible].

ція во время петербургскаго процесса 193-хъ. Начался онъ съ того, что большинство обвиняемыхъ оспаривало компетенцію суда; другіе, между прочимъ Мышкинъ, протестовали противъ отсутствія гласности: на судѣ могли присутствовать только немногія оффиціальныя лица, да и ихъ временами удаляли изъ залы суда, а представители прессы вовсе не были допущены. Часто прерывавшаяся рѣчь Мышкина вызвала восторгъ всѣхъ сочувствующихъ, какъ геройскій поступокъ. Послѣ многократныхъ препирательствъ съ председателемъ за право говорить свою рѣчь, Мышкинъ закончилъ ее слѣдующими словами: „Это не судъ, а гнусная комедія, нѣчто болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости. Тамъ женщины изъ нужды торгуютъ собственнымъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ низкопоклонства, ради чиновъ и наградъ, торгуютъ жизнью другихъ, торгуютъ истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что только есть дорогого для человѣчества!“ За этимъ последовалъ оглушительный шумъ и борьба между обвиняемыми и жандармами, женщины падали въ обморокъ, и публика была удалена силою. Послѣ этой отповѣди обвиняемые отказались участвовать въ судѣ и болѣе не пытались говорить, но сцены въ залѣ суда стали извѣстны большой публикѣ и пріобрѣли соціалистамъ много симпатій. 23-го января 1878 года приговоръ былъ представленъ на утвержденіе царя. Число всѣхъ лицъ, втянутыхъ въ процессъ, включая сюда и свидѣтелей, доходило до 3800, число обвиняемыхъ—до 770, число лицъ, представшихъ передъ петербургскимъ судомъ—193*).

*) При процессѣ южно-русскаго рабочаго союза (въ іюнѣ 1877 года) было арестовано 60 чел., а отдано подъ судъ—15.

Изъ нихъ 94 были оправданы, остальные отдѣлались сравнительно легкимъ наказаніемъ, но все-таки 36 человѣкъ приговорены были къ ссылкѣ въ Сибирь, а Мышкинъ—къ 10 годамъ каторжныхъ работъ. Говорятъ, что въ предварительномъ заключеніи во время слѣдствія, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, умерло до 70 человѣкъ. Будущій цареубійца Кибальчичъ, случайно давшій брошюру одному крестьянину и за это просидѣвшій подъ слѣдствіемъ три года, отдѣлался двумя мѣсяцами тюремнаго заключенія. Но царь не утвердилъ приговора, такъ какъ на другой день послѣ его постановленія Вѣра Засуличъ стрѣляла въ Трепова. Окончательный приговоръ не былъ опубликованъ, но говорятъ, что 13 человѣкъ было отправлено на каторгу. Не воспользовались своей свободой и лица оправданныя судомъ; они вскорѣ послѣ того подверглись административной карѣ; очень многіе вовсе не видали никакого суда, а были втихомолку „заботливо удалены“ третьимъ отдѣленіемъ канцеляріи Его Императорскаго Величества. Съ самаго начала преслѣдованій противъ соціалистовъ предписанія судебныхъ уставовъ нарушались на каждомъ шагу, и всѣ подозрительныя лица были предоставлены произволу полиціи. Съ начала и до конца въ этой области царило возмутительное безправіе.

VI.

Переходъ къ террору.

(1878 и 1879).

Въ 1878 году русское движеніе пережило рядъ глубокихъ измѣненій, повелшихъ въ слѣдующемъ 1879 году къ открытому разрыву въ революціонной партіи.

Соціалистическая цѣль отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто политической борьбѣ, причемъ мирныя средства замѣняются терроромъ, а на мѣсто прежней, довольно расплывчатой организаціи, состоявшей изъ почти независимыхъ другъ отъ друга тайныхъ обществъ, создается централистическая организація, основанная на строгой дисциплинѣ и конспиративности. Подобныя стремленія проявлялись и раньше, но они тогда не оказывали еще никакого вліянія на ходъ событій. Только теперь наступило время ихъ господства, хотя и не исключительнаго, такъ какъ прежнія направленія, хотя и ослабленныя, сохранили свою самостоятельность. Беря движеніе въ его цѣломъ и оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя побочныя теченія, мы съ самаго начала семидесятыхъ годовъ можемъ отмѣтить въ немъ одновременно существованіе трехъ направленій, изъ которыхъ вначалѣ преобладающей является децентрализованная мирная пропаганда соціализма, затѣмъ столь же децентрализованная революціонно-соціалистическая агитація, наконецъ господство переходитъ къ политическому централизованному терроризму. Зародыши послѣдняго направленія существовали съ самаго начала, но теперь въ пылу борьбы они достигли преждевременной зрѣлости. Съ головокружительной быстротой прошло, впрочемъ, русское движеніе и всѣ стадіи своего развитія, причемъ ходъ этого развитія вытекъ изъ конкретныхъ отношеній и вначалѣ вовсе не входилъ въ намѣренія большинства соціалистовъ: централизованный терроризмъ былъ естественнымъ продуктомъ безпощадной борьбы деспотическаго правительства съ доведенной до отчаянія революціонной молодежью, причемъ обѣ стороны не отступали ни передъ какими средствами.

Неудивительно, что зимою 1877—78 года политика выступила на первый планъ. Турецкая война обнаружила безконечную испорченность бюрократіи; извѣстія о пораженіяхъ при Плевнѣ привели общество въ отчаяніе, а впечатлѣніе отъ берлинскаго трактата, заключеннаго въ іюлѣ 1878 года, было нисколько не благопріятнѣй. При такихъ обстоятельствахъ въ обширныхъ кругахъ общества назрѣвала мысль о необходимости подвергнуть государственное управленіе контролю общества. Рядомъ съ патріотическимъ теченіемъ шло и чисто либеральное, причемъ какъ либералы, такъ и славянофилы открыто заговорили о конституціи. Но въ средѣ революціонеровъ это теченіе затронуло тогда очень немногихъ. Большинство оставалось строго соціалистическимъ, считало политическую борьбу дѣломъ второстепеннымъ и даже опасалось, какъ бы такая борьба не отвлекла ихъ отъ главной цѣли—соціальной и экономической революціи. Они, какъ уже было сказано, продолжали заниматься своими демонстраціями и попытками организацій въ городахъ и деревняхъ; нѣкоторые сражались на поляхъ Болгаріи, или устраивали освобожденія изъ тюремъ своихъ товарищей, которые въ то время еще изнывали въ заточеніи, ожидая рѣшенія своей участи. Тѣмъ временемъ не прекращались ни преслѣдованія, ни аресты; напротивъ, и тѣ и другіе продолжались съ особенной рьяностью: система шпіонства совершенствовалась, и число этихъ агентовъ дошло до огромныхъ размѣровъ, хотя послѣ конфиденціальнаго циркуляра министра юстиціи графа Палена, опубликованнаго въ мартѣ 1876 года *), они пере-

*) Община, № 1.

стали появляться на судѣ, чтобы не компрометировать ни себя, ни безпартійности суда. Одинъ шпіонъ, которому удавалось вкрасться въ довѣріе какого-нибудь кружка, могъ выдать десятки своихъ товарищей. Поэтому революціонеры должны были въ интересахъ самозащиты прибѣгнуть къ убійствамъ. Такъ, уже 6-го сентября 1876 года въ Одессѣ былъ тяжело раненъ Л. Дейчемъ шпіонъ Гориновичъ, бывшій пропагандистъ, выдавшій въ 1874 году своихъ товарищей и послѣ освобожденія нашедшій возможность снова проникнуть въ одинъ кіевскій кружокъ. Лицо раненаго шпіона было обожжено сѣрной кислотой, а прикрѣпленная къ нему записка гласила: „такова судьба всѣхъ шпіоновъ“ *). Въ сентябрѣ 1876 года убитъ шпіонъ Тавлѣевъ, а въ іюлѣ 1877 года—Финогеновъ въ С.-Петербургѣ. Къ самозащитѣ вскорѣ прибавился второй могучій мотивъ убійства — месть.

24-го января 1878 года, на другой день послѣ объявленія приговора по дѣлу 193-хъ, раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ Петербургскаго оберъ-полиціймейстера генерала Трепова, имѣвшій рѣшающее значеніе сигнала къ аттакѣ. Явившись къ нему въ качествѣ просительницы, она выстрѣломъ изъ револьвера тяжело ранитъ генерала, бросаетъ на полъ оружіе и спокойно даетъ себя арестовать. Причиной покушенія, по ея словамъ, послужило оскорбленіе, нанесенное въ тюрьмѣ лично ей незнакомому студенту Боголюбову *). Дѣло въ томъ, что Треповъ, явившись 13-го іюля 1877 года въ петербургскую тюрьму, набросился съ ругательствами на встрѣтившагося ему политическаго преступ-

---

*) Община, № 8—9, письмо Дейча.

ника Боголюбова, велѣлъ отвести его въ карцеръ и тамъ подвергнуть тѣлесному наказанію. За этимъ послѣдовалъ страшный шумъ: многіе изъ арестантовъ были насильно схвачены, избиты и посажены въ карцеръ, нѣкоторые изъ нихъ въ такія ямы, откуда никогда не выносились экскременты, и гдѣ температура достигала 30°. Извѣстіе объ этомъ событіи проникло даже въ русскія газеты, хотя и въ очень скромной формѣ. Женевская пресса громко и открыто требовала мести. Треповъ въ своей секретной запискѣ сознается, что приказалъ высѣчь Боголюбова, который былъ весьма дерзокъ и упрямъ. Впрочемъ, прибавляетъ Треповъ, тѣлесное наказаніе нисколько не противорѣчило закону, такъ какъ приговоръ надъ Боголюбовымъ уже вошелъ въ законную силу, да кромѣ того Боголюбовъ былъ сыномъ дьячка, слѣдовательно, не былъ дворянскаго происхожденія *). Въ то же время Треповъ призналъ существованіе полицейскаго произвола: юстиція можетъ исполнять свои функціи лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ желаніямъ и ожиданіямъ администраціи; въ противномъ случаѣ ея приговоры подлежатъ исправленію. Провозглашенная съ такой торжественностью независимость и самостоятельность суда оказались фарсомъ, и когда, напримѣръ, послѣ исторіи съ Боголюбовымъ, потребовали уголовнаго преслѣдованія тюремной администраціи, то въ этомъ было отказано.

1-го апрѣля 1878 года начался процессъ Засуличъ. Она была предана суду присяжныхъ, такъ какъ графъ

---

*) С.-Петербургскіе баши-бузуки. — Впередъ, т. V. — Russische Wandlungen: Denkschrift von Trepow, стр. 250, 256 и дал. — Лавровъ въ Iahrbuch für Socialwissenschaft, 1879, стр. 251.

Паленъ лично поручился царю, что присяжные вынесутъ соотвѣтствующій приговоръ. Но общественное мнѣніе было настолько благопріятно Засуличъ, что ему поддался самъ прокуроръ, начавшій оправдываться въ томъ, что не смотритъ на генерала Трепова какъ на „обвиняемаго“, „вполнѣ вѣря“, впрочемъ, въ правдивость объяснявшей свои мотивы молодой дѣвушки. Защитникъ Александровъ назвалъ эту рѣчь „благородной и умѣренной“, и затѣмъ въ своей блестящей защитѣ требовалъ для обвиняемой смягченія наказанія. Семнадцатилѣтней дѣвушкой Вѣра Засуличъ, по словамъ защитника, познакомилась съ Нечаевымъ, который тогда еще не былъ революціонеромъ, и позволила ему получать письма на свой адресъ. Арестованная по этому поводу, она два года просидѣла въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ. Затѣмъ была освобождена, но отправлена административнымъ путемъ въ ссылку въ Крестцы, оттуда въ Тверь, затѣмъ въ Солигаличъ, въ Харьковъ, по временамъ опять попадая въ тюрьму, и наконецъ была предоставлена самой себѣ. Изъ Харькова она, не обращая на себя ничьего вниманія, отправилась въ Петербургъ, здѣсь узнала исторію съ Боголюбовымъ и, не будучи лично знакома ни съ нимъ, ни съ Треповымъ, рѣшила отомстить за возмутительное обращеніе съ заключенными, испытанное ею на себѣ самой. Противъ этой набросанной защитникомъ біографіи Засуличъ Треповъ не могъ ничего возразить. Онъ только утверждалъ, что ея сношенія съ Нечаевымъ были революціоннаго характера, что она была нигилисткой и лицемѣркой, что она стригла волосы и носила кожанный поясъ, что она служила въ Серпуховѣ письмоводительницей, а ея сестра была даже замужемъ за завѣдомымъ нигилистомъ, находившим-

ся въ ссылкѣ—цѣлый рядъ фактовъ, ничуть не оправдывающихъ, однако, вышеописаннаго обращенія съ 17-тилѣтней дѣвушкой. Когда присяжнымъ былъ затѣмъ поставленъ вопросъ, виновата ли Вѣра Засуличъ въ нанесеніи раны генералу Трепову, произошло нѣчто неожиданное: присяжные отвѣтили отрицательно, и обвиняемая была оправдана. Ликованіе было всеобщее; говорятъ, что даже чиновники министерства юстиціи и другія высокопоставленныя лица апплодировали приговору. По приказанію предсѣдателя Засуличъ была освобождена, но на ближайшей улицѣ ея карета была остановлена жандармами. Толпа не хотѣла отдать снова въ руки полицейскаго произвола ту, которая только что была оправдана судомъ. Послѣдовала всеобщая свалка, во время которой Засуличъ удалось скрыться, а потомъ пробраться въ Швейцарію.

Дворъ и высшая бюрократія были возмущены исходомъ процесса. Графъ Паленъ получилъ отставку, а Набоковъ занялся въ 1878 году „очисткой" судебнаго вѣдомства. Та страстность, обыкновенно свойственная лишь оппозиціонной прессѣ, съ какою Треповъ нападаетъ въ своей запискѣ на судей и прокуроровъ, какъ нельзя лучше доказываетъ, до какой степени долженъ онъ былъ раздражать судебное вѣдомство произвольнымъ полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣятельность юстиціи.

Совершенно другое впечатлѣніе произвелъ процессъ на общественное мнѣніе. Всеобщая симпатія была на сторонѣ молодой дѣвушки*). Ея судьба ясно показывала, до какого напряженнаго настроенія доводятъ мо-

*) Лавровъ, l. c.

лодежь произвольныя преслѣдованія; дѣятельность „нигилистовъ“ начинаетъ становиться понятной. Уваженіе къ нимъ возросло, когда стало извѣстнымъ, что Засуличъ не преслѣдовала никакихъ личныхъ интересовъ, и ею не руководила личная месть; въ то же время она не дѣйствовала также и по порученію какой—либо партіи, а единственно по своей личной инниціативѣ выступила въ качествѣ мстительницы за актъ произвола, который въ противномъ случаѣ, при испорченности русскихъ порядковъ, остался бы безнаказаннымъ. Выстрѣлъ совпалъ съ періодомъ, когда публика и безъ того была возбуждена и сильно раздражена противъ правительства. Онъ нашелъ такой громкій откликъ въ обществѣ и имѣлъ такой огромный успѣхъ, потому что въ немъ увидѣли протестъ человѣческаго достоинства противъ жестокостей и угнетенія. Не Вѣра Засуличъ стояла передъ судомъ въ качествѣ обвиняемой, говоритъ въ своей Запискѣ Треповъ, а самъ онъ, генералъ Треповъ. Можно къ этому прибавить, что обвиненіе было направлено противъ Трепова не какъ частнаго лица, а какъ олицетвореніе принципа административнаго произвола, подъ которымъ стонала вся Россія. Въ этотъ-то принципъ и былъ направленъ выстрѣлъ,—такъ разсуждала пресса и общество Этимъ объясняется ликованіе по поводу оправданія, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока Управленіе по дѣламъ печати не положило ему конецъ, запретивъ публичное обсужденіе этого процесса*).

Въ средѣ революціонеровъ процессъ долженъ былъ

---

*) Сообщено въ Общинѣ и затѣмъ вкратцѣ изложено Лавровымъ въ Iahrbuch, стр. 288 и дал.

дѣйствовать опьяняюще. Для нихъ Вѣра Засуличъ была героиней, „современной Шарлотой Кордэ“. Одобреніе, которымъ былъ встрѣченъ ея поступокъ, повело къ исчезновенію многихъ сомнѣній на счетъ пригодности этого средства, къ устраненію многихъ устарѣлыхъ „предразсудковъ“ противъ убійства и къ цѣлому ряду преступленій. Но всѣ послѣдовавшія за этимъ убійства еще не являются выраженіемъ систематическаго террора; это только послѣдствія самозащиты или мести, предвѣстники политическаго терроризма. Прежде всего нужно было „расправиться“ съ нѣсколькими шпіонами, чтобы защититься отъ ихъ доносовъ. Такъ 1-го февраля 1878 года въ Ростовѣ на Дону былъ убитъ Никоновъ, въ Одессѣ—Фетисовъ, въ Москвѣ—Розенцвейгъ, а впослѣдствіи Рейнштейнъ, погубившій многихъ революціонеровъ. Нѣкоторые шпіоны, какъ предатель Сембрандскій въ Кіевѣ, носили панцыри, отъ которыхъ отскакивали пули. Покушавшійся на его жизнь революціонеръ Поликарповъ послѣ такой неудачи застрѣлился (24-го марта 1879 г.). Стремленіе къ мести привело 25 февраля 1878 года къ покушенію (неудавшемуся) на товарища прокурора Котляревскаго, котораго революціонеры упрекали въ желаніи выслужиться, вслѣдствіе чего онъ раздувалъ всякую мелочь, возводилъ обвиненія на совершенно невинныхъ людей и никогда не освобождалъ арестованныхъ даже на поруки. Говорили также, что онъ приказалъ жандармамъ раздѣть до нага двухъ дѣвушекъ и что онъ выпытывалъ у арестованныхъ показанія, угрожая смертной казнью. Послѣ покушенія на Котляревскаго былъ заколотъ кинжаломъ на улицѣ кіевскій жандармскій полковникъ баронъ Гейкингъ, о виновности котораго сами революціонеры бы-

ли различнаго мнѣнія. Собственно говоря, онъ былъ убитъ только за то, что былъ жандармомъ, хотя никакихъ особенныхъ жестокостей за нимъ не числилось.

По поводу покушенія на Котляревскаго былъ арестованъ студентъ, товарищи котораго стали требовать его освобожденія на поруки. Слѣдствіемъ этого были безпорядки, за которые 150 студентовъ было уволено, а 30 сосланы въ сѣверныя губерніи. При ихъ отъѣздѣ изъ Кіева и при проѣздѣ черезъ Харьковъ и Москву имъ были устроены студенчествомъ оваціи, причемъ въ Москвѣ дѣло дошло до крупнаго побоища между студентами или, вѣрнѣе, между всѣми лицами одѣтыми въ нѣмецкое платье съ одной стороны, и вѣрноподанными охотнорядцами съ другой. При этомъ нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью.

На югѣ начало 1878 года было богато всякаго рода демонстраціями. Въ Одессѣ Ковальскій (выдающійся знатокъ сектанства) и Виташевскій съ товарищами оказали вооруженное сопротивленіе проникшимъ къ нимъ ночью жандармамъ, не впустивъ ихъ до тѣхъ поръ пока не были сожжены компрометирующія бумаги, и не выброшенъ за окно шрифтъ. Въ Одессѣ и Харьковѣ были сдѣланы попытки освобожденія арестованныхъ (Фомина и Ковальскаго) при перевозѣ ихъ съ одного мѣста въ другое. Когда 24 іюля въ Одессѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ Ковальскимъ, въ толпѣ произошло сильное смятеніе, раздались даже выстрѣлы.

Возбужденное настроеніе русскихъ революціонеровъ отражается также на литературной дѣятельности, въ которой въ это время начинается сильное оживленіе. Въ 1877 году вышелъ послѣдній томъ „Впередъ“, не

встрѣтившій никакого сочувствія. Оно и понятно; въ эпоху сильнаго возбужденія и страстнаго стремленія къ революціонной дѣятельности безплодны всякія увѣщеванія заняться тихой, спеціальной, невидной работой, и невыполнимо стремленіе исключить изъ среды соціалистовъ всѣхъ тѣхъ, кто недостаточно подготовленъ для пропаганды соціализма. Поэтому руководящая роль въ періодической прессѣ перешла къ женевской группѣ анархистовъ, издававшихъ въ 1875-76 гг. „Работникъ" и выпустившихъ съ января по декабрь 1878 года девять номеровъ „Общины", которая, благодаря своимъ содержательнымъ статьямъ, представляетъ богатый источникъ для знакомства съ революціоннымъ движеніемъ. Программѣ былъ намѣренно приданъ болѣе широкій характеръ, чтобы привлечь большее число выдающихся сотрудниковъ. Она требовала подготовленія бунтовъ и устройства демонстрацій, но допускала въ то же время пропаганду и агитацію, принимая также въ соображеніе и національные интересы, напримѣръ, малороссовъ; вообще журналъ открывалъ свои страницы всѣмъ тѣмъ, кто былъ вполнѣ преданъ дѣлу освобожденія рабочихъ и могъ оказать какую-нибудь услугу этому дѣлу *). И въ журналѣ дѣйствительно работали представители разнообразнѣйшихъ взглядовъ, какъ малороссъ Драгомановъ, революціонеръ-агитаторъ Стефановичъ, соціалистъ въ западно-европейскомъ смыслѣ Аксельродъ и многіе другіе. Какъ ни превосходенъ былъ этотъ журналъ съ литературной стороны—а въ этомъ отношеніи онъ былъ, вѣроятно, лучшимъ произведеніемъ русской революціонной печати,—но его нельзя считать партій-

*) Лавровъ. Jahrbuch, l. c., стр. 274.

нымъ органомъ. Въ послѣднемъ номерѣ дѣло дошло до горячей полемики между профессоромъ Драгомановымъ и Яковомъ Стефановичемъ, причемъ первый подчеркивалъ необходимость политической, а второй требовалъ соціальной революціи; такимъ образомъ это литературное предпріятіе, къ сожалѣнію, погибло въ первый же годъ своего возникновенія.

Еще раньше „Общины“ съ 9 мая 1877 года въ Женевѣ начало выходить „Общее Дѣло“, выпускавшееся правильно разъ въ мѣсяцъ вплоть до 1889 года. Эта газета хотѣла стать органомъ политическихъ и конституціонныхъ стремленій въ Россіи. Ея редакторомъ былъ Христофоровъ, а въ числѣ ея сотрудниковъ мы видимъ Алисова и умершаго въ 1882 году Зайцева, очень талантливаго писателя, бывшаго сотрудникомъ Писарева въ „Русскомъ Словѣ“. Тѣмъ не менѣе „Общее Дѣло“ не имѣло ни тѣни вліянія на революціонное движеніе.

Вообще, начиная съ 1876 года вліяніе эмигрантской литературы по очень понятной причинѣ падаетъ. Пока движеніе было болѣе теоретическимъ и носило чисто соціалистическій характеръ, пока практическая дѣятельность не требовала быстрыхъ рѣшеній, заграничная пресса могла еще служить отраженіемъ движенія на родинѣ, занимаясь въ то же время теоретическимъ обсужденіемъ его цѣлей. Теперь же, когда начинала разгораться открытая война между правительствомъ и революціонерами, когда каждый день приносилъ новыя вѣсти о столкновеніяхъ и убійствахъ, необходимо стало, чтобы зарождающіяся идеи и мѣняющіяся настроенія нашли болѣе быстрое и болѣе непосредственное выраженіе. Съ 1878 года въ Россіи возникаетъ самостоя-

тельная пресса, а продолжавшіе выходить въ Женевѣ „Общее Дѣло“ и „Набатъ“ теряютъ всякое значеніе. Прежде всего появляется рядъ прокламацій въ С.-Петербургѣ. Такъ одна прокламація, распространенная въ апрѣлѣ, требуетъ конституціи и народнаго представительства; завѣдываніе общественными дѣлами должно перейти въ руки общества; если это не произойдетъ законнымъ путемъ, то въ странѣ возникнетъ тайный Комитетъ Общественной Безопасности. Затѣмъ были изданы прокламаціи русской учащейся молодежи, протестовавшей противъ обращенія съ арестованными и высказывавшей свои симпатіи соціалистамъ. Появились летучіе листки, называвшіе себя органами русской соціалистической партіи. Въ этихъ листкахъ отражается отсутствіе всякой организаціи, когда каждая группа революціонеровъ объявляетъ себя представительницей партіи. Наконецъ, съ марта по май 1878 года вышло три номера настоящей газеты, носившей названіе „Начало“. Это молодое и недолговѣчное предпріятіе имѣло уже свою исторію. Еще въ 1876 году нѣсколько либеральныхъ писателей вызвалось основать газету съ политически-конституціонными цѣлями, но ихъ предложеніе было тогда отвергнуто соціалистами, такъ какъ программа ихъ газеты была не народной, а буржуазной. И вотъ тѣ же литераторы создали весною 1878 года „Начало“, но ихъ конституціонныя требованія не встрѣтили большого сочувствія. Такъ газета и прекратила свое существованіе, хотя не была открыта полиціей.

Большинство народниковъ, въ особенности петербургскіе троглодиты стояли еще на старой точкѣ зрѣнія. Въ апрѣлѣ и маѣ 1878 года въ С.-Петербургѣ состоялось обычное ежегодное обсужденіе ихъ програм-

мы. При этомъ пересмотрѣ та часть программы, въ которой рѣчь идетъ о цѣляхъ, не подверглась почти никакому измѣненію*). Напротивъ, въ вопросѣ объ организаціи Александръ Михайловъ настаивалъ на необходимости коренныхъ перемѣнъ въ смыслѣ болѣе строгой централизаціи и подчиненія мѣстныхъ группъ центру. Въ набросанной Михайловымъ программѣ на наибольшее сопротивленіе натолкнулся параграфъ требовавшій, чтобы каждый членъ Общества обязался исполнять постановленія большинства даже въ томъ случаѣ, когда они расходятся съ его личными взглядами. Доводы Михайлова были приблизительно таковы: принадлежность къ Обществу предполагаетъ согласіе съ его главными требованіями, а во второстепенныхъ вопросахъ каждый обязанъ уступать. Въ концѣ концовъ и этотъ параграфъ былъ принятъ съ тѣмъ только добавленіемъ, что организація должна по возможности сообразоваться съ личными наклонностями своихъ членовъ.

Такъ подготовлялся въ Петербургѣ переходъ къ централизаціи, а въ то же время на югѣ (въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ) вырабатывалась практика терроризма, явившагося скорѣе созданіемъ юга, чѣмъ сѣвера. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣшительное вліяніе имѣлъ Валеріанъ Осинскій**) (Аполлонъ революціи, какъ его назвалъ Степнякъ). Сынъ генерала, землевладѣльца, Осинскій родился въ 1850 году въ Ростовѣ на Дону и вынесъ изъ дому лоскъ свѣтскаго воспитанія. Окончивши курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, онъ полу-

*) На Родинѣ, № 3, стр. 25 и 44.

**) Процессъ соціалистовъ 5 мая 1879 года. — Біографія Желябова, стр. 16.

чилъ мѣсто секретаря ростовскаго городского управленія, отсюда ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ былъ арестованъ за посѣщеніе одного судебнаго процесса безъ надлежащаго разрѣшенія. Послѣ своего освобожденія онъ вступилъ въ общество троглодитовъ (1877) и зимою 1877-78 г. отправился въ Кіевъ съ цѣлью освободить изъ тюрьмы Стефановича. Явившись въ Кіевъ, онъ поднялъ духъ тамошнихъ революціонеровъ, совершенно дезорганизованныхъ многочисленными арестами. Всюду привлекая общія симпатіи, Осинскій быстро сгруппировалъ вокругъ себя кіевскую молодежь и завелъ связи также въ другихъ городахъ. Скоро безъ его участія не обходилось уже ни одно крупное событіе, ни одно покушеніе. Его можно считать эмпирическимъ основателемъ терроризма. Въ его кружкѣ прежде всего выработалось то направленіе, которое видѣло въ терроризмѣ не только актъ мести, но и средство борьбы. Такія отчаянныя головы, какъ, напримѣръ, Ивичевичъ, не могли понять, почему нельзя было бы терроризировать правительство и заставить его дать политическую свободу и политическія права населенію. Но большинство соціалистовъ не хотѣло въ то время ничего знать ни о систематическомъ террорѣ, ни о чисто политическихъ стремленіяхъ: „конституціоналисты и политики“ были ругательными словами! Такимъ образомъ террористическое направленіе развилось на югѣ и отсюда распространилось по всей Россіи.

Этотъ способъ борьбы явился естественнымъ продуктомъ русскихъ условій*). Въ большинствѣ другихъ странъ соціалисты прибѣгаютъ къ тѣмъ же средствамъ

*) П. Лавровъ, Iahrbuch. I. c.

борьбы, какъ и другія партіи: они организуются въ союзы, устраиваютъ собранія, создаютъ свою прессу и этимъ законнымъ путемъ стремятся повліять на народное мнѣніе. Въ Россіи же всѣ легальные пути для нихъ закрыты; тамъ, слѣдовательно, всѣ союзы, собранія, всѣ произведенія печати уже сами по себѣ противузаконны и подлежатъ преслѣдованію. И чѣмъ строже преслѣдовало и наказывало за все это правительство, чѣмъ чаще за распространеніе прокламацій соціалистовъ приговаривали къ многолѣтней каторгѣ, а за вооруженное сопротивленіе при арестахъ—къ смертной казни, тѣмъ ожесточеннѣе становились гонимые. Отчасти въ цѣляхъ самозащиты, отчасти изъ мести они начинаютъ убивать шпіоновъ и жестокихъ чиновниковъ, оказывать сопротивленіе при арестахъ, освобождать арестованныхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, жестокость правительственныхъ мѣропріятій возрастаетъ и опять повышаетъ склонность къ насилію со стороны революціонеровъ; страсти разгораются съ обѣихъ сторонъ. Наиболѣе впечатлительные люди объединяются въ общества мстителей или на собственный страхъ практикуютъ судъ Линча за проступки, которые при безконечномъ произволѣ администраціи остались бы безнаказанными. О соціализмѣ, нравственности, справедливости нѣтъ больше рѣчи: началась ожесточенная война между двумя смертельными врагами, и какъ при всякой войнѣ, руководящимъ принципомъ осталась одна лишь цѣлесообразность. Въ описываемое время эта борьба велась еще неорганизованными отрядами анархистически мыслящихъ и трудно поддававшихся дисциплинѣ южно-русскихъ революціонеровъ, а потому имѣла мало успѣха.

Тѣмъ временемъ произошло одно новое важное событіе. Политическіе заключенные въ Петербургѣ, содержавшіеся въ Петропавловской крѣпости—подслѣдственные, а въ Харьковской центральной тюрьмѣ — приговоренные, рѣшили при помощи такъ называемыхъ „голодныхъ бунтовъ", т. е. продолжительнаго отказа отъ принятія пищи, добиться лучшаго обращенія со стороны тюремнаго начальства, хотя бы такого же, какому подвергались въ Харьковѣ уголовные. Нѣкоторыхъ удалось обращеніями склонить къ прекращенію голодовки; другимъ по приказанію харьковскаго губернатора Кропоткина насильственно вводили пищу посредствомъ впрыскиваній, третьи, бывшіе еще въ силахъ воспротивиться этому, умерли. Слухи объ этихъ ужасахъ дошли до революціонеровъ. Предъ легко воспламеняющимся воображеніемъ молодежи встали блѣдныя, страдальческія лица товарищей, и первой ея мыслью была —месть! Въ Петербургѣ виновникомъ этихъ страданій былъ начальникъ третьяго отдѣленія генералъ Мезенцевъ, и вотъ 4-го августа 1878 года онъ среди бѣлаго дня на людной улицѣ былъ заколотъ кинжаломъ, причемъ виновникамъ удалось скрыться *). Въ объясненіе этого убійства была выпущена брошюра „Смерть за смерть", въ которой, согласно съ мнѣніями Осинскаго,

---

*) Морозовъ, Терроръ.—Вольное Слово, № 33, Лондн.—П. Лавровъ, Iahrbuch I. c.—Впослѣдствіи обнаружилось, что Адріанъ Михайловъ раздобылъ лошадь и экипажъ, а врачъ Веймаръ—револьверъ. Убійца живетъ за границей. Это даровитый писатель, въ качествѣ такового часто упоминаемый въ нѣмецкой прессѣ.

Прим. ред. Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій (Степнякъ) умершій въ Лондонѣ. Онъ же самъ и написалъ упомянутую въ текстѣ брошюру „Смерть за смерть".

политическое убійство объявлялось цѣлесообразнымъ и справедливымъ средствомъ борьбы противъ правительства, которое будетъ упорно сохранять господствующую ситему. Во всемъ остальномъ авторъ стоитъ еще цѣликомъ на почвѣ соціализма: по его мнѣнію, въ Россіи идетъ борьба между трудомъ и капиталомъ, между пролетаріатомъ и буржуазіей, и онъ наивно предлагаетъ правительству отстраниться отъ вмѣшательства въ борьбу. Кромѣ того, отъ правительства требуются еще слѣдующія уступки: прекращеніе преслѣдованій, устраненіе произвола, судъ присяжныхъ при политическихъ процессахъ и полная амнистія для политическихъ преступниковъ.

Но правительство вовсе не помышляло о кротости; напротивъ оно усилило строгость своихъ мѣръ *). Уже весною былъ введенъ по всей Россіи новый родъ сельской полиціи, съ почти неограниченными полномочіями. По указу отъ 9-го мая всѣ преступленія противъ должностныхъ лицъ были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы Судебнымъ Палатамъ съ сословными представителями, или Особому Присутствію Сената, или Верховному Уголовному Суду для того, чтобы обезпечить правительству въ будущемъ желанные приговоры. Послѣ убійства Мезенцева, по указу 9-го августа всѣ политическія преступленія, сопровождавшіяся убійствомъ, нанесеніемъ ранъ или какимъ-нибудь насиліемъ, судятся военными судами. Кромѣ того, 20-го августа, царь обратился „къ обществу“ за помощью въ борьбѣ съ крамолой. Царь обѣщалъ, что правительство будетъ съ неутомимой твердостью и стро-

*) П. Лавровъ, Iahrbuch, l. c.

гостью бороться съ государственными преступниками, но прибавилъ, что правительство должно найти опору въ народѣ, и поэтому оно обращается ко всѣмъ слоямъ населенія, приглашая ихъ поддержать его. Въ томъ же смыслѣ высказался царь (въ ноябрѣ) въ Москвѣ передъ собраніемъ представителей всѣхъ сословій.

Данное царемъ обѣщаніе дѣйствовать твердо и строго было исполнено. 15-го сентября въ Петербургѣ была разгромлена самая большая изъ тогдашнихъ организацій—общество „Земля и Воля". Въ это время центральная группа этой организаціи состояла изъ 50 человѣкъ, изъ которыхъ около десятка были заняты завѣдываніемъ всѣхъ ея дѣлъ: доставкой паспортовъ и денегъ, нахожденіемъ убѣжищъ и привлеченіемъ новыхъ силъ изъ среды студенчества и рабочихъ. Наиболѣе способные члены, какъ Адріанъ Михайловъ, Сабуровъ, Оболешинъ, Соболевъ, врачъ Веймаръ, Малиновская и Колѣнкина были арестованы. Полиція захватила паспорта и печати, многочисленныя связи были затеряны. Тѣ члены, которымъ удалось скрыться, не имѣли ни денегъ, ни паспортовъ. Нашлось однако 4—5 человѣкъ громадной энергіи, которымъ удалось возстановить организацію. Особенно отличался опять таки Александръ Михайловъ, который бѣгалъ повсюду, собиралъ деньги, фабриковалъ паспорта, завязывалъ сношенія; въ результатѣ общество „Земля и Воля" не только не распалось, но нашло даже возможность устоить свою типографію *) и съ 25-го октября выпу-

*) Прим. Ред. Эта типографія ко времени появленія газеты „Земля и Воля" существовала уже болѣе года. Она была устроена еще лѣтомъ 1877 года. Въ ней печаталась рѣчь Мышкина на су-

скать правильно газету, носившую также имя „Земля и Воля *)“.

Въ первомъ номерѣ этой газеты говорится о „народной революціи“, вызвать которую составляетъ задачу партіи; вопросъ о землѣ занимаетъ первое мѣсто; отъ революціонеровъ требуется, чтобы главныя силы они сосредоточили на работѣ въ деревнѣ. Въ провинціи терроръ былъ мало популяренъ: многіе изъ работавшихъ тамъ революціонеровъ отказывали ему въ своей помощи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, петербургскія событія не имѣли никакого значенія, а „эффектные фейерверки“ террористовъ казались имъ опасными. Тѣмъ не менѣе газета „Земля и Воля“ подчеркивала необходимость организаціи террористовъ, чтобы служить партіи „охранительнымъ отрядомъ“ въ „безпощадной борьбѣ“ противъ вредныхъ личностей.

„Общество“ охотно откликнулось на призывъ къ „содѣйствію“, выраженный въ правительственномъ циркулярѣ и въ царской рѣчи **). Зимою 1878—79 гг. многія земства стали обсуждать различные виды этого содѣйствія, и нѣкоторыя выставили требованія либеральныхъ реформъ, которыя даны даже болгарамъ. Харьковское и Московское земства послали даже депу-

---

дѣ 193-хъ и многія прокламаціи. При осеннемъ погромѣ 1878 года она уцѣлѣла, проработала весь слѣдующій годъ и при раздѣленіи общества „Земля и Воля“ перешла къ народовольцамъ, у которыхъ заарестована лишь въ январѣ 1880 года.

*) На Родинѣ, № 3, стр. 25 и 46.—Я. Стефановичъ. Злоба дня стр. 7.—Біографія Перовской, стр. 13.—Лавровъ. Взглядъ на прошлое и настоящее русскаго соціализма.

**) Лавровъ, Iahrbuch l. c.—Вольное слово, № 56; Ближайшія задачи земства.

таціи къ министру съ подобными требованіями. Черниговское земство рѣшило, что въ распространеніи противогосударственныхъ идей повинна, во-первыхъ, превратная организація высшей и средней школы, затѣмъ отсутствіе свободы слова и прессы и мало развитое въ народѣ чувство законности; съ невыразимой болью земство вынуждено констатировать, что при такихъ условіяхъ оно вполнѣ безсильно въ борьбѣ со зломъ. Въ залѣ Черниговскаго земскаго собранія появились жандармы. Въ Полтавѣ была выбрана коммиссія для составленія прошенія о расширеніи правъ земства, но губернаторъ отнялъ у депутатовъ приготовленную бумагу. Тверскіе земцы тоже находили причину крамолы въ плохой организаціи школы, но предсѣдательствовавшій въ собраніи предводитель дворянства не допустилъ даже обсужденія этого вопроса. Въ мартѣ 1879 г. либералы, у которыхъ поприбавилось мужества, воспользовались другимъ случаемъ для устройства демонстраціи въ обѣихъ столицахъ имперіи и встрѣтили при этомъ поддержку со стороны болѣе умѣренныхъ соціалистовъ. Дѣло въ томъ, что въ то время прибылъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію знаменитый Тургеневъ, проживавшій обыкновенно въ Парижѣ. Хотя онъ и относился критически, даже отрицательно къ нигилизму и соціализму, но какъ истинный либералъ, онъ въ значительной степени содѣйствовалъ уничтоженію крѣпостного права и постоянно выставлялъ къ позорному столбу ничтожность и грабительскіе инстинкты правящихъ, а въ своей „Нови“ изобразилъ героя будущаго въ видѣ этого русскаго Шульце-Делича—Соломина. Рѣчи и адреса, которыми профессора, ученые и студенты привѣтствовали престарѣлаго писателя, дышали

большой смѣлостью и вызвали такой же смѣлый отвѣтъ со стороны знаменитаго романиста. „Все говоритъ за то“, сказалъ между прочимъ Тургеневъ, „что мы живемъ накапунѣ, хотя мирнаго и законнаго, но очень значительнаго преобразованія нашей общественной жизни“. Эти либеральныя выходки весьма не понравились царю. „C'est ma bête noire“, такъ выразился онъ о любимомъ писателѣ, который былъ окруженъ шпіонами и получилъ благой совѣтъ убираться по добру по здорову. Арестовать его однако не посмѣли, и онъ могъ безпрепятственно покинуть Россію незадолго до покушенія на царя.

Либеральное теченіе, стремившееся къ конституціи и сильно выросшее со времени русско-турецкой войны, зимою 1878-79 гг. достигло своего апогея. Само собою понятно, что оно оказало очень сильное вліяніе на соціалистовъ. Послѣ быстраго и рѣшительнаго подавленія пропагандистовъ и агитаторовъ соціалистамъ въ теченіе 1878 года стало ясно, что ихъ опаснѣйшими врагами являются не помѣщики и фабриканты, а правительство и чиновники, которые съ безпримѣрнымъ произволомъ и всемогуществомъ, подавляли всякое свободное движеніе. При ихъ господствѣ не могло быть и рѣчи о безопасности личности, такъ какъ даже лица, оправданныя судомъ, ссылались административнымъ порядкомъ и отдавались подъ строгій надзоръ. Не могло быть также рѣчи о политическихъ правахъ, о свободѣ слова, собраній и союзовъ, а безъ всего этого нѣтъ законной почвы ни для какой агитаціи. Поэтому завоеваніе этихъ правъ представилось той ближайшей задачей, достиженіе которой обезпечило бы самую возможность пропаганды въ народѣ. Споры о

конституціи велись уже и раньше и отражались въ рукописной литературѣ *).

Желательна ли конституція для успѣха соціализма? Нѣтъ, отвѣчали одни, такъ какъ силы общества и даже части революціонной молодежи будутъ поглощены парламентской борьбой, которая, какъ показываетъ западно-европейскій опытъ, для народа безполезна. Народъ будетъ въ продолженіе нѣкотораго времени возлагать всѣ свои надежды на парламентаризмъ и останется глухъ къ проповѣди соціализма. Однако, наперекоръ этому мнѣнію, среди революціонеровъ постепенно вырабатывалось большинство, относившееся благосклонно къ конституціи. Его аргументація была такова. Исторія не терпитъ скачковъ. Русское самодержавіе не можетъ быть поглощено сразу соціализмомъ. Переходныя ступени необходимы. Примѣръ Западной Европы показываетъ, что первой ступенью къ улучшенію служитъ конституція, которая приноситъ свободу слова и печати и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность теоретическаго развитія соціализма. Кромѣ того въ Россіи буржуазія еще не достаточно сильна, довольно невѣжественна и лишена яснаго сознанія своихъ классовыхъ интересовъ; поэтому здѣсь при парламентскомъ режимѣ легче будетъ покончить съ нею, чѣмъ въ Западной Европѣ. Взгляды этихъ сторонниковъ конституціи подтверждались исходомъ процессовъ 50-ти и 193-хъ, такъ что въ теченіе зимы 1878-79 гг. большинство перешло на ихъ сторону. Хотя вѣра въ возможность непосредственнаго перехода къ соціалистическому строю сохранилась еще вплоть до 1879 года, но это была уже только слѣпая

*) Вольное Слово, № 38, Бонди.

вѣра. Существовали весьма понятные психологическія основанія, почему многіе революціонеры не хотѣли и не могли сразу порвать съ соціалистическими традиціями и выдвинуть на первый планъ политическую борьбу: они слишкомъ далеко зашли въ отстаиваніи соціалистической агитаціи и слишкомъ рѣзко выступали противъ чисто политическаго движенія. Только наиболѣе энергичные и наиболѣе страстные революціонеры могли порвать съ прошедшимъ: темпераментъ здѣсь игралъ рѣшающую роль. Не обращая вниманія на упреки въ непостоянствѣ и ограниченности, они выдвинули на первый планъ политическія цѣли.

Это сблизило революціонеровъ съ либералами, такъ какъ теперь цѣли тѣхъ и другихъ были одинаковы. Были начаты переговоры съ радикальными политиками въ земствахъ, съ либеральными журналистами и адвокатами, чтобы побудить ихъ перейти отъ либеральнаго шепота къ энергичнымъ дѣйствіямъ; отъ нихъ даже не требовали самостоятельныхъ дѣйствій, а лишь энергичной поддержки революціонеровъ. Въ этихъ переговорахъ принимали участіе наиболѣе серьезные представители молодежи, погибшіе впослѣдствіи какъ террористы. Однимъ изъ недолговѣчныхъ плодовъ этого союза была, напримѣръ, появившаяся весною 1878 года газета „Начало“. Сама „Земля и Воля“, органъ революціонной партіи, относясь критически къ требованіямъ либеральныхъ земцевъ, все же объявила эти требованія заслуживающими вниманія и напечатала отвѣтъ на извѣстный правительственный циркуляръ 1878 года, приглашавшій общество на борьбу съ крамолой. Въ тайной типографіи землевольцевъ въ Петербургѣ печатались прокламаціи умѣренныхъ либераловъ съ конституціон-

ными требованіями; впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ прокламацій были сочинены самими революціонерами, слѣдовательно, являлись фальсификаціей. Нѣсколько либеральныхъ земцевъ имѣли даже въ виду выпустить коллективное заявленіе и съ этой цѣлью послали депутатовъ въ Петербургъ, но затѣянная ими демонстрація не состоялась *). Конецъ этимъ отношеніямъ между либералами и революціонерами положило покушеніе на царя, послѣ котораго они были опять предоставлены своей собственной судьбѣ.

Не велика была также та поддержка, которую революціонеры получили со стороны двухъ другихъ оппозиціонныхъ слоевъ общества — со стороны студенчества и рабочаго класса **). Въ концѣ 1878 года во многихъ университетахъ произошли безпорядки. Студенты Харьковскаго Ветеринарнаго Института прогнали одного профессора. Студенты мѣстнаго университета приняли сторону своихъ товарищей, а въ Петербургѣ и Кіевѣ состоялись по этому поводу (въ декабрѣ 1878 года) бурныя сходки, разогнанныя саблями жандармовъ и нагайками казаковъ, причемъ много студентовъ было ранено и нѣсколько человѣкъ убито.

Съ полнымъ правомъ протестовали противъ такого поведенія властей профессора. „Употребленіе такихъ возмутительныхъ средствъ, писали они, нисколько не вызывалось положеніемъ вещей. При такихъ условіяхъ представителямъ науки будетъ трудно поднять не только умственный, но и нравственный уровень учащейся молодежи. Будущіе врачи, учителя, судьи почерпнутъ

---

*) Вольное Слово, l. c.

**) Лавровъ, l. c., стр. 293 -- 298.

очень много вреднаго для государства и общества изъ того обстоятельства, что ихъ, безъ всякаго судебнаго приговора, били на улицѣ нагайками". Въ то же время отчетъ коммиссіи, изслѣдовавшей это дѣло, указывалъ, что, кромѣ „общихъ, коренящихся въ условіяхъ всей общественной системы" причинъ студенческихъ безпорядковъ существуютъ еще спеціальныя, а именно: недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ къ политически неблагонадежному элементу; полицейскія стѣсненія студенчества въ частной жизни, лишающія молодежь сознанія личной безопасности; подчиненное положеніе университетскаго начальства, которое не можетъ со спокойной совѣстью пользоваться дисциплинарными мѣрами, такъ какъ за таковыми обыкновенно слѣдуютъ „административныя" мѣропріятія, подкапывающія всю будущую карьеру молодого человѣка; наконецъ, крайняя легкость подвергнуться аресту и полицейскимъ мѣропріятіямъ, вредно отзывающимся на будущности молодежи. Устраненіе этихъ причинъ волненій отчетъ считаетъ необходимымъ въ интересахъ развитія въ молодежи „уваженія къ закону и его требованіямъ".

Рабочіе съ своей стороны устроили рядъ стачекъ въ различныхъ промышленныхъ центрахъ. Наибольшее значеніе имѣло движеніе среди петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ. Въ началѣ 1879 года появилось воззваніе петербургскихъ рабочихъ, излагавшее программу „Сѣверно-русскаго рабочаго союза", который долженъ былъ объединить всѣхъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ. Программа содержала обычныя соціалистическія требованія, а среди ближайшихъ цѣлей упоминалась политическая свобода и законодательство

въ защиту рабочихъ. Задачей союза было привлеченіе рабочихъ и крестьянъ путемъ пропаганды и мирной агитаціи, но говорилось и о возможности открытаго возстанія. Число членовъ доходило до 200, но весною того же года 50 изъ нихъ были арестованы по доносу шпіона Рейнштейна; также взята была только что устроенная ими типографія. Руководила этими движеніями рабочая группа, состоявшая изъ интеллигенціи и рабочихъ; деньги и паспорта доставлялъ имъ Михайловъ и другіе члены организаціи „Земля и Воля" *).

Тѣмъ временемъ не прекращалась и борьба между правительствомъ и революціонерами. На мѣсто Мезенцева начальникомъ тайной полиціи былъ назначенъ генералъ Дрентельнъ. Начались массовые аресты: за одну зиму въ Петербургѣ было арестовано до 2000 человѣкъ. Конечно, не обошлось безъ столкновеній, такъ какъ революціонеры оказывали вооруженное сопротивленіе; жандармы стали носить панцыри. Продолжались и акты мести со стороны соціалистовъ. 9-го февраля 1879 года Гольденбергъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ харьковскаго губернатора князя Крапоткина, близкаго родственника извѣстнаго революціонера. Убійство было совершено ночью, когда губернаторъ, котораго обвиняли въ допущеніи безчеловѣчнаго обращенія съ арестованными, въ открытомъ экипажѣ возвращался съ бала; убійцѣ удалось скрыться. 12 марта произошло покушеніе Мирскаго на генерала Дрентельна, отличавшагося чрезвычайной строгостью, предпринявшаго цѣлую массу арестовъ и вызвавшаго второй голодный бунтъ.

Покушенія направлялись все чаще и чаще противъ

*) Лавровъ, Jahrbuch, стр. 297.—На Родинѣ, № 1, стр. 48.

сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, и революціонерамъ становилось все яснѣе и яснѣе, что ихъ энергія должна быть направлена противъ того, кого они считали главой государства и виновникомъ всѣхъ преслѣдованій, — противъ царя. Такимъ образомъ изъ предпринятаго первоначально въ интересахъ самозащиты и мести убійства шпіоновъ и чиновниковъ послѣдовательно родилась идея о цареубійствѣ. Эта мысль появилась одновременно у разныхъ лицъ, жившихъ въ различныхъ мѣстахъ. Если я не ошибаюсь, то уже осенью 1878 года южнорусскіе бунтари Давиденко, унтеръ-офицеръ Логовенко, Чубаровъ и другіе, при содѣйствіи офицеровъ флота, подложили близъ Николаева мину, единственную, которая была открыта полиціей до покушенія. Въ то время прибылъ въ Петербургъ А. Соловьевъ, 30-лѣтній фанатикъ, оставившій университетъ на второмъ курсѣ и послѣ того бывшій учителемъ въ Торопцѣ. Здѣсь онъ подъ вліяніемъ одного помѣщика сталъ соціалистомъ, научился кузнечному ремеслу и въ 1875 году отправился въ большое промышленное село Павлово на Окѣ. Позже онъ получилъ мѣсто волостного писаря въ Саратовской губерніи и здѣсь пришелъ къ рѣшенію убить царя*). По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ, не найдя тамъ другихъ знакомыхъ, довѣрилъ свой планъ Александру Михайлову, отношенія котораго къ обществу „Земля и Воля“ были ему извѣстны. Въ срединѣ марта прибылъ въ С.-Петербургъ Гольденбергъ, еще сильно возбужденный успѣхомъ своего покушенія на Крапоткина, и сообщилъ тому же Александру Михайлову

*) На Родинѣ, № 2. Біографія Соловьева и показанія Михайлова на процессѣ 20-ти, стр. 49.

о своемъ намѣреніи убить царя. Михайловъ, Зунделевичъ и Квятовскій стали посредниками между Соловьевымъ и Гольденбергомъ. Состоялось нѣсколько сходокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные; теоретически вопросъ обсуждался всѣми, но посредники старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это былъ вопросъ жизни и смерти, такъ какъ они сами тогда еще не были готовы къ самопожертвованію и чувствовали это. Они поставили однако на видъ, что еврей менѣе годится для подобнаго дѣла, такъ какъ репрессаліи приняли бы характеръ національной травли и пали бы на головы милліоновъ невинныхъ. Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе и закончилъ бесѣду слѣдующими словами: „Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступлю". И Гольденбергъ и посредники не сказали ни слова. Избранное Соловьевымъ мѣсто и время дѣйствія исключили участіе прямыхъ помощниковъ, только Михайловъ наблюдалъ издали*). 2-го апрѣля 1878 года Соловьевъ 5 разъ выстрѣлилъ въ гулявшаго царя, но ни разу не попалъ. Существовавшій уже тогда Исполнительный Комитетъ террористовъ-конституціоналистовъ формально имѣлъ право слагать съ себя отвѣтственность за этотъ поступокъ, совершенный по иниціативѣ одного человѣка и заранѣе извѣстный только узкому кругу лицъ. Но въ дѣйствительности къ этому узкому кругу принадлежали какъ разъ вожди тогдашняго движенія, которые и должны нести нравственную отвѣтственность за это покушеніе.

*) Автобіографія. На Родинѣ № 3, стр. 27.

Террористы дошли такимъ образомъ до крайняго предѣла смѣлости. Кровь закипѣла, учащено забился пульсъ! Но для того, чтобы идти дальше по этому пути и сдѣлать терроръ правильнымъ орудіемъ борьбы, необходима была болѣе крѣпкая организація съ строгой дисциплиной и хорошо проведенной конспираціей. Покушеніе Соловьева поставило этотъ вопросъ ребромъ. Рѣшительное объясненіе съ соціалистами-федералистами насчетъ цѣлей, средствъ и организаціи партіи становилось необходимымъ.

Послѣ покушенія вся Россія была подѣлена между шестью генералъ-губернаторами, которымъ дана была чрезвычайная власть. Наступило мрачное время правленія Гурко въ Петербургѣ и Тотлебена въ Одессѣ; бѣлый терроръ правительства ни въ чемъ не уступалъ красному. Все населеніе Петербурга было отдано подъ неусыпный надзоръ дворниковъ, содержаніе которыхъ налегло тяжелой повинностью на домовладѣльцевъ. Паспортная система была усилена; надъ торговцами оружіемъ и ядами назначенъ особый контроль; надъ учащимися и извозчиками установленъ особый надзоръ; многіе служащіе получили расчетъ и подверглись арестамъ и высылкамъ. Въ тоже время многіе революціонеры были приговорены къ повѣшенію, нѣкоторые изъ нихъ за то, что оказали или думали оказать вооруженное сопротивленіе. Осинскій, напр., былъ осужденъ и казненъ въ Кіевѣ, хотя не успѣлъ даже вытащить своего револьвера изъ кармана. Другіе, арестованные еще въ 1876 году, были повѣшены просто потому, что въ нихъ правительство нашло, въ Одессѣ напр., готовыя жертвы для своей мстительности. Теперь для революціонеровъ борьба съ буржуазіей и землевладѣльцами отошла на

заднiй планъ, и первое мѣсто заняла борьба съ правительствомъ. Мирныя средства казались теперь безсильными, все сосредоточивалось на террорѣ.

Но тѣмъ чувствительнѣе дѣлался недостатокъ сильной организацiи, способной дѣйствовать систематически. Но, какъ мы видѣли, въ организацiонномъ отношенiи сѣверъ всегда стоялъ выше юга *). Южане пустили въ ходъ самозванство и политическiя убiйства, но не суѣли организовать необходимыя для такихъ дѣйствiй силы. Ихъ священнѣйшей догмой была личная свобода, допускавшая объединенiе близкихъ товарищей. При помощи такихъ небольшихъ группъ можно выполнить какое-нибудь смѣлое предпрiятiе, но нельзя одержать верхъ надъ правительствомъ. А между тѣмъ всѣ первыя покушенiя исходили именно отъ такихъ группъ или отъ отдѣльныхъ личностей. Теперь дѣло шло о систематизацiи террора, завѣщанной Осинскимъ своимъ товарищамъ, а для этой цѣли террористамъ необходимо было забрать въ свои руки самую большую и самую богатую изъ существовавшихъ тогда организацiй.

Весною 1879 года таковой была организацiя „Земли и Воли“, имѣвшая небольшiя группки на югѣ, но созданная цѣликомъ сѣверомъ. Это общество успѣло уже оправиться отъ нападенiя, совершеннаго на него предыдущей осенью, имѣло собственную тайную типографiю, издавало газету, имѣло тысячъ десять рублей дохода отъ разныхъ пожертвованiй и насчитывало въ Поволжьѣ, особенно въ Саратовской губернiи, нѣсколько солидныхъ поселенiй. Здѣсь члены общества

*) Желябовъ, стр. 16.

занимали мѣста волостныхъ писарей и нѣкоторыя другія должности, а отношенія къ вліятельнымъ лицамъ были такъ хороши, что можно было разсчитывать на какое угодно количество мѣстъ, лишь бы нашлись на нихъ кандидаты. Одинъ изъ этихъ волостныхъ писарей находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ предводителемъ дворянства и съ предсѣдателемъ земства хотя и тотъ и другой знали, что имѣютъ дѣло съ нелегальнымъ агитаторомъ, рѣшавшимъ всѣ споры въ пользу крестьянъ, которые боготворили его за это. Только лѣтомъ 1879 года правительство, занимавшееся разслѣдованіемъ прежней дѣятельности Соловьева, который тоже былъ волостнымъ писаремъ въ Саратовской губерніи, напало на слѣды поселеній и разрушило ихъ. Затѣмъ изо всѣхъ кружковъ въ рядахъ „Земли и Воли" находилось наибольшее число опытныхъ и энергичныхъ людей, оно пользовалось также наибольшей извѣстностью, что для заговора имѣетъ, быть можетъ, первостепенное значеніе. Землевольцы, работавшіе въ деревняхъ, такъ-называемые деревенщики, твердо отстаивали соціалистическую пропаганду и, какъ убѣжденные „народники", стремились къ образованію народной партіи. Они отвергали терроръ потому, что онъ толкаетъ на путь политической дѣятельности отвлекая, такимъ образомъ отъ главной цѣли—отъ соціально-экономической революціи. Городская часть организаціи была, наоборотъ, того мнѣнія, что въ данное время слѣдовало выбирать между совершеннымъ отказомъ отъ пропаганды и агитаціи и завоеваніемъ политической свободы, такъ какъ при данныхъ условіяхъ революціонизировать народъ невозможно. Представители этого мнѣнія были очень непопулярны, ихъ называли нова-

торами и конституціоналистами. Это заставило ихъ быть осторожными и искать себѣ повсюду единомышленниковъ, среди которыхъ оказался также и Желябовъ.

Между тѣмъ приближалось время, когда по уставу „Земли и Воли" долженъ былъ состояться съѣздъ, на которомъ предполагался на этотъ разъ основательный пересмотръ, какъ задачъ Общества, такъ и его организаціи Большинство членовъ надѣялось воспользоваться съѣздомъ, чтобы покончить съ террористическими стремленіями. Мѣстомъ съѣзда былъ назначенъ городъ Воронежъ, лежавшій въ центрѣ юго-восточной Россіи, такимъ образомъ наиболѣе удобный для большинства дѣйствовавшихъ въ народѣ поселенцевъ. Террористы съ своей стороны тоже хотѣли воспользоваться съѣздомъ для своихъ цѣлей и созвали безъ вѣдома своихъ несогласныхъ сочленовъ предварительный съѣздъ на 17-21 іюня въ Липецкѣ (Тамбовской губ.), чтобы явиться въ Воронежъ съ заранѣе выработаннымъ планомъ. На этотъ предварительный съѣздъ были приглашены не только террористы изъ общества „Земля и Воля", но также вліятельные люди изъ другихъ группъ, не объединенные до того времени ничѣмъ, кромѣ сознанія необходимости выдвинуть на первый планъ политическій моментъ, централизовать организацію и вести активную борьбу съ правительствомъ.

Въ первостепенномъ историческомъ документѣ, какимъ является написанная Тихомировымъ біографія Желябова, авторъ подробно излагаетъ намъ взгляды, которые развивалъ на Липецкомъ съѣздѣ Желябовъ. Русская соціально-революціонная партія, говорилъ онъ, должна преслѣдовать соціально-экономическія, а не

политическія задачи. Политическая свобода должна быть цѣлью либеральныхъ стремленій. Но такъ какъ русскіе либералы безсильны и не въ состояніи создать свободныя учрежденія, гарантирующія права личности, а безъ этого невозможна соціально-экономическая агитація, то революціонной партіи остается только самой сломить силу деспотизма и завоевать народу такую конституцію, при которой будетъ возможна борьба идей. Поэтому, по мнѣнію оратора, ближайшая цѣль должна состоять въ завоеваніи политической свободы. Отсюда само собою вытекало выставленное впослѣдствіи требованіе созыва учредительнаго собранія и принципъ господства народной воли. Соображенія Желябова встрѣтили всеобщее, хотя и неопредѣленное одобреніе. Затѣмъ было приступлено къ обсужденію вопроса о томъ, какъ лучше отомстить за наступившія послѣ покушенія Соловьева гоненія. Желябовъ замѣтилъ по этому поводу, что, если партія считаетъ деспотизмъ вреднымъ, если она думаетъ, что освобожденіе можетъ быть достигнуто только открытой борьбой, то она не должна относиться безучастно къ бѣлому террору Тотлебена въ Одессѣ и Черткова въ Кіевѣ. Но первымъ виновникомъ ихъ дѣйствій является царь; его именно должна наказать партія, его казнить. Силы для этого имѣются и будутъ рости тѣмъ быстрѣе, чѣмъ энергичнѣе партія будетъ дѣйствовать. И этотъ взглядъ Желябова не встрѣтилъ особыхъ возраженій; въ глубинѣ души всѣ присутствовавшіе уже раньше рѣшили вопросъ о цареубійствѣ и лишь ждали его опредѣленной формулировки. Третій пунктъ, подлежавшій обсужденію, былъ вопросъ о формѣ организаціи. Въ то время Желябовъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ взглядовъ на

этотъ вопросъ, но по настоянію другихъ, между прочимъ Александра Михайлова, съѣздъ высказался за централизованную конспиративную организацію съ строгой дисциплиной *). Эти пренія легли въ основу выработанной программы, главнымъ требованіемъ которой былъ переходъ управленія государствомъ въ руки самого народа, а однимъ изъ средствъ для достиженія этой цѣли признавалось цареубійство; тутъ же былъ избранъ и исполнительный комитетъ. Гольденбергъ, арестованный съ динамитомъ на елисаветградскомъ вокзалѣ за нѣсколько дней до московскаго покушенія и выдавшій всѣхъ своихъ товарищей, въ своихъ признаніяхъ представилъ дѣло такъ, какъ будто въ центрѣ всѣхъ преній стоялъ вопросъ о практическихъ средствахъ къ цареубійству. Но Александръ Михайловъ это рѣшительно отвергаетъ **). По его словамъ, невѣрная окраска, приданная Гольденбергомъ преніямъ на съѣздѣ, объясняется тѣмъ, что Гольденбергъ послѣ покушенія Соловьева былъ весь поглощенъ мыслью о необходимости цареубійства; въ дѣйствительности же

*) На липецкомъ съѣздѣ, какъ говорятъ, присутствовали Александръ Михайловъ, Ѳоменко, Тихомировъ, Колоткевичъ, Желябовъ, Ширяевъ, Квятковскій, Морозовъ, Кожурниковъ, Гольденбергъ. Михайловъ, Фоменко и Морозовъ были избраны руководителями Исполнительнаго Комитета, а Тихомировъ и Морозовъ—редакторами органа. (См. признанія Гольденберга, читанныя во время процесса 16-ти 25—31 октября 1880 г.).—Тихомировъ, сынъ врача, въ 1871 г. занялся пропагандой, былъ арестованъ въ 1873 году и оставался въ заключеніи до 1878 года. Послѣ этого онъ являлся главнымъ руководителемъ всѣхъ террористическихъ предпріятій.

**) На Родинѣ, № 2, стр. 53. Показанія Александра Михайлова на процессѣ 20-ти.

систематическій планъ покушенія былъ выработанъ позднѣе, и самъ Гольденбергъ, по увѣренію того же Михайлова, былъ приглашенъ на липецкій съѣздъ лишь по недосмотру.

Тѣмъ временемъ въ Воронежѣ собралось большинство членовъ „Земли и Воли", оставшихся сторонниками старой программы. Но такъ какъ засѣдавшіе въ Липецкѣ террористы заставили прождать себя цѣлыхъ четыре дня, то многіе деревенщики разъѣхались изъ Воронежа, боясь потерять занятыя въ деревняхъ мѣста. Явившіеся послѣ ихъ отъѣзда террористы поставили первымъ требованіемъ пріемъ новыхъ членовъ, чтобы сдѣлать партію многостороннѣе. Съѣздъ согласился на это и принялъ нѣсколько новыхъ членовъ, между прочимъ Желябова и Ширяева. Пренія на этомъ съѣздѣ были мало содержательны, оба направленія слишкомъ далеко разошлись, чтобы могла еще быть рѣчь о соглашеніи. Большинство состояло еще изъ старыхъ мирныхъ пропагандистовъ и революціонныхъ агитаторовъ, сохранившихъ отрицательное отношеніе къ политикѣ, террору и централизаціи. „И это революціонеры!" воскликнулъ въ сердцахъ Желябовъ. Онъ полагалъ, что разрывъ необходимъ, и развилъ предъ противниками свои мысли въ самой рѣзкой формѣ, вызвавъ не мало удивленія и неудовольствія. Его друзья, преимущественно тѣ, которые еще колебались, но также и нѣкоторые изъ убѣжденныхъ террористовъ, какъ напримѣръ Александръ Михайловъ, хотѣли наоборотъ во что бы то ни стало избѣжать разрыва, чтобы не разрушать единственной сильной организаціи. Они просили Желябова не ставить вопроса такъ рѣзко, послѣ чего Желябовъ замолчалъ и принималъ участіе только въ частныхъ раз-

говорахъ, особенно съ Софьей Перовской. Съѣздъ закончился компромиссомъ. Программа партіи осталась старая, но было рѣшено, что активная борьба съ правительствомъ будетъ усилена, и партія будетъ оказывать дѣятельную помощь политическимъ убійствамъ, направленнымъ противъ тирановъ.

По поводу поднятаго противъ газеты „Земля и Воля" обвиненія въ томъ, что она слишкомъ склоняется въ сторону терроризма и въ вышедшемъ послѣ покушенія Соловьева № 4 „Листка" удѣлила такъ много мѣста политикѣ, что соціализмъ оказался оттѣсненнымъ на задній планъ, съѣздъ призналъ, что тенденціи газеты соотвѣтствуютъ взглядамъ партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Террористы не могли примириться съ этимъ результатомъ, хотя въ ихъ рукахъ были теперь матеріальныя средства и кромѣ того они могли надѣяться привлечь къ себѣ новыхъ союзниковъ. Тотчасъ послѣ съѣзда они направились поэтому въ большіе городскіе центры— Желябовъ въ Харьковъ, Кіевъ и Одессу, Михайловъ въ Петербургъ, — и стали вербовать себѣ сторонниковъ. Въ Петербургѣ сторонники обоихъ направленій собирались спорить, но въ сущности уже въ это время каждая партія дѣйствовала почти самостоятельно и принимала новыхъ членовъ, а 15-го августа 1879 года на конгрессѣ представителей обѣихъ группъ партіи „Земля и Воля" вопросъ о разрывѣ былъ рѣшенъ окончательно. Изъ образовавшихся двухъ партій одна была политическая, имѣла централистическую организацію и главнымъ орудіемъ борьбы признавала терроръ; ея члены впослѣдствіи стали называться народовольцами отъ имени издаваемой ими газеты „Народная Воля", № 1

которой вышелъ въ октябрѣ 1879 года; народовольцы издавали также съ зимы 1880 года до начала 1881 г. „Рабочую Газету“. Другая партія—соціалистическая, считала главнымъ средствомъ борьбы революціонную агитацію и отстаивала федералистическій принципъ организаціи; по имени газеты „Черный Передѣлъ“, № 1 которой вышелъ 15 января 1880 года, ея члены назывались чернопередѣльцами, также народниками; съ іюня 1881 года они издавали газету для рабочихъ „Зерно“. Обѣ партіи разстались очень дружественно. Онѣ обѣщали при надобности помогать другъ другу своими типографіями, поддерживать денежными средствами и оказывать помощь при убійствѣ шпіоновъ и при освобожденіи арестованныхъ. Такъ оно и было впослѣдствіи, когда, напр., шпіонъ Жарковъ выдалъ типографію народниковъ, то онъ былъ убитъ террористами.

26-го августа Исполнительный Комитетъ подписалъ „смертный приговоръ“ отправлявшемуся въ Ливадію царю. Планъ похода былъ уже выработанъ.

VII.

Терроръ.

(Съ 1879-го года).

Весь этотъ громадный переворотъ въ революціонномъ движеніи произошелъ не сразу и не съ одинаковой силой захватилъ собою различные кружки и отдѣльныя личности по городамъ и деревнямъ. Нелегко принимали они рѣшеніе оставить достиженіе конечныхъ цѣлей соціализма въ пользу ближайшихъ задачъ политики, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ экономи-

ческимъ вопросамъ. Не легко было покинуть дорогу сравнительно мирной пропаганды и агитаціи и вступить на путь убійствъ и другихъ преступленій. Нелегко было отказаться отъ самостоятельности, неограниченно царившей въ небольшихъ обществахъ, и преклонить свою гордую голову передъ высшимъ авторитетомъ одного комитета, не будучи даже посвященнымъ во всѣ его планы и намѣренія. У нѣкоторыхъ этотъ психологическій и нравственный процессъ вполнѣ закончился только черезъ два года, а у большинства даже еще позже. Прежде всего новыя идеи овладѣвали характерами сангвиническими и нетерпѣливыми, энергичными и отчаянными, между тѣмъ какъ остальные все еще продолжали стоять между двумя крайностями и, какъ Софья Перовская, съ одной стороны соглашались съ народниками въ томъ, что не слѣдуетъ отказываться отъ дѣятельности среди народа, съ другой же стороны вмѣстѣ съ террористами изъ чувства мести требовали смерти и Александра II; дѣятельность одной партіи, по ихъ мнѣнію, должна была дополнять собой дѣятельность другой. Эти нерѣшительные элементы не допускали до открытаго разрыва и еще долго сглаживали разногласія, не желая признать, что партія вступаетъ на путь политической борьбы и такимъ образомъ оказывается въ этомъ пунктѣ солидарной съ жестоко осмѣянными якобинцами и съ либеральной буржуазіей. Нѣсколько позднѣе всѣ эти элементы окончательно перешли на сторону террора.

Такое революціонизированіе умовъ естественно должно было привести къ подробнымъ обсужденіямъ, и тутъ очень скоро оказалось, что не хватаетъ самаго главнаго средства для выясненія всѣхъ вопросовъ

хорошо организованной прессы. Между товарищами происходили, конечно, дебаты, въ рукописной литературѣ также не было недостатка; но всего этого было слишкомъ мало, особенно для жившихъ по деревнямъ пропагандистовъ. Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то время не было удовлетворительной литературы, и что въ теоретическомъ образованіи русскаго революціонера существовало много пробѣловъ*). Съ юныхъ лѣтъ попадалъ онъ въ огонь полицейскихъ преслѣдованій, у него очень часто не было даже комнаты, которую онъ могъ бы назвать своей. Мѣсяцы и годы оставался онъ безъ опредѣленнаго мѣста жительства. Вставая утромъ, онъ часто не зналъ даже, гдѣ найдетъ себѣ пристанище ночью. Такія условія не могли благопріятствовать умственнымъ занятіямъ. Къ тому же откуда было доставать книги? Все же соціалисты сами видѣли, что успѣхъ ихъ пропаганды находится въ тѣсной зависимости отъ знаній агитаторовъ. Литература была нужна поэтому какъ для нихъ самихъ, такъ и для народа.

Между тѣмъ пресса занимала въ это время самое незначительное мѣсто среди революціонныхъ предпріятій. И однако, какъ вполнѣ справедливо заявляетъ циркуляръ, касающійся изданія соціально-революціонной библіотеки, ни одна партія не можетъ безнаказанно пренебрегать теоріей. А такъ какъ приходилось признать, что и теперь, какъ при началѣ движенія, продолжаетъ господствовать все та же неясность взглядовъ, и что литература не въ состояніи удовлетворять

*) Циркуляръ объ изданіи русской соціально-революціонной библіотеки.

быстро растущихъ требованій интеллигентнаго читателя, то и рѣшено было издавать подъ редакціей Лаврова, Гартмана и Морозова соціально-революціонную библіотеку. Изданія этой редакціи оказались очень скудными: въ три года появились три брошюры, изъ нихъ двѣ переводныя - Квинтэссенція соціализма Шеффле (съ критическими замѣчаніями Лаврова и Тарновскаго) и Коммунистическій Манифестъ Маркса, а третья — брошюра Лаврова о Парижской Коммунѣ. Теоретической разработкой болье злободневныхъ вопросовъ занялись въ своихъ брошюрахъ, вышедшихъ въ 1880 и 81 годахъ, Морозовъ и Тарновскій съ террористической точки зрѣнія, Я. Стефановичъ и Борисовъ съ народнической. Въ это же время „Набатъ", продолжавшій выходить въ Женевѣ, счелъ, наконецъ, возможнымъ признать себя солидарнымъ съ руководящей партіей русской революціи. Оффиціальными же органами обѣихъ партій считались упоминавшіяся уже выше „Народная Воля" и „Черный Передѣлъ". Въ 1880 и 1881 году, кромѣ того, вышла цѣлая масса программъ и прокламацій *). Кѣмъ онѣ собственно издавались опредѣлить очень трудно, такъ какъ изданія въ большинствѣ случаевъ анонимныя. И даже тогда, когда являлись отъ имени всей соціально-революціонной партіи, онѣ часто противорѣчили другъ другу. Повидимому здѣсь дѣйствовали и писали отдѣльные революціонеры, каждый на свой собственный страхъ. На вопросъ же о томъ или другомъ авторѣ часто получался отвѣтъ: ему нельзя придавать никакого серьезнаго значенія. Даже прокламаціи Исполни-

*) Вольное Слово № [illegible], Дополненіе.

тельнаго Комитета „Народной Воли“ не всегда встрѣчали одобреніе со стороны членовъ партіи, а иногда случалось, какъ напр. съ воззваніемъ по поводу южнорусскихъ еврейскихъ гоненій, что отъ нихъ приходилось отказываться. Не безъ основанія говоритъ Яковъ Стефановичъ о хаотическомъ характерѣ русской революціи, въ ходѣ которой почти невозможно усмотрѣть какой—либо законосообразности. Тѣмъ труднѣе для непосвященнаго правильно охарактеризовать взгляды партій, которые такъ неточно формулированы и заключаютъ въ себѣ такую массу самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Только со всевозможными оговорками рѣшаюсь я приступить къ болѣе подробному изложенію цѣлей, средствъ и организаціонныхъ формъ сначала террористической партіи народовольцевъ, а затѣмъ агитаторской партіи черноперѣдельцевъ.

Какъ уже было сказано, террористы рѣшительно отрицаютъ всякую возможность мирной пропаганды и агитаціи идей соціализма; для этого недостаетъ необходимаго правового обезпеченія личной неприкосновенности и свободы мнѣній. Прежде всего поэтому слѣдуетъ завоевать себѣ политическія права, и тутъ соціалисты встрѣчаются въ своихъ требованіяхъ съ либералами. Далѣе, — такъ аргументируютъ они, — совершенно невозможно говорить въ Россіи о борьбѣ между классами въ западноевропейскомъ смыслѣ слова*). Несмотря на всѣ старанія правительства, дворянство не сдѣлалось самостоятельнымъ классомъ; буржуазія же развита очень слабо; такимъ образомъ и дворянство,

*) Народная Воля № 2.—Вольное Слово № 1[illegible] Впрочемъ это[illegible] — [illegible]рахъ Энгельсъ: Соціализмъ въ Россіи, 1874.

и буржуазія являются соціальными группами низшаго порядка, и о борьбѣ между трудомъ и капиталомъ въ западно-европейскомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Самой крупной силой въ Россіи какъ въ общественномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, является правительство, отчасти благодаря своимъ собственнымъ помѣстьямъ, крупнымъ предпріятіямъ, своему штату служащихъ и чиновниковъ, отчасти же благодаря тому покровительству, которое оно оказываетъ привилегированнымъ классамъ въ формѣ таможенныхъ тарифовъ, субсидій, внутреннихъ займовъ и т. д. Это могущество правительства и бюрократіи по отношенію къ крестьянамъ усилилось еще больше съ 1861-го года, когда всѣ подати и налоги, платившіеся раньше помѣщикамъ, направились въ государственную казну. Противоположность экономическихъ интересовъ, существовавшая между крестьянами и помѣщиками, съ этихъ поръ также перенеслась на правительство. Хотятъ ли уменьшить подати, или увеличить земельные надѣлы или расширить автономію крестьянскаго общества, во всѣхъ случаяхъ приходится имѣть дѣло съ правительствомъ и его чиновниками. Такимъ образомъ соціальное и экономическое освобожденіе народа ведетъ къ непосредственной борьбѣ съ правительствомъ. Борьба экономическая и политическая сливается здѣсь въ одно, и побѣда надъ правительствомъ должна спасти отъ усиленія буржуазіи. По взглядамъ народовольцевъ единственно жизненными силами въ народѣ являются интеллигенція, рабочій классъ и крестьянство, и эти элементы должны быть представлены въ учредительномъ собраніи. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, правительство должно предоставить при выборахъ полную свободу слова, собраній

и союзовъ. На обязанности же учредительнаго собранія лежитъ изданіе законовъ, гарантирующихъ всѣмъ гражданамъ политическія права.

Такая аргументація и такія требованія безъ сомнѣнія сильно подкупаютъ западно-европейскаго читателя и до извѣстной степени заключаютъ въ себѣ много вѣрнаго и справедливаго. Но не слѣдуетъ идти такъ далеко, чтобы думать, будто для террористовъ политическая свобода является конечной цѣлью. Безъ сомнѣнія народовольческая тактика способна внушить убѣжденіе, будто революціонное движеніе въ Россіи есть по существу только политическое и потому сравнительно безобидное. Статьи Степняка и Кропоткина, написанныя на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ, еще больше склонны убѣдить въ этомъ заграничную публику. Точно также и прокламаціи, появившіяся тотчасъ же послѣ убійства Александра II, представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто весь вопросъ заключается въ созваніи учредительнаго собранія и пріобрѣтеніи политической свободы, въ уменьшеніи налоговъ, увеличеніи земельныхъ надѣловъ и расширеніи самоуправленія, послѣ чего террористы обѣщаютъ пріостановить свои „казни" и вполнѣ подчиниться постановленіямъ собранія. Но все это не должно вводить въ заблужденіе *). Дости-

---

*) Точно также не должно придавать значенія газетнымъ извѣстіямъ, будто Богдановичъ заявилъ на судѣ (въ апрѣлѣ 1883), что террористы борятся не противъ принципа монархіи, а противъ образа и способа ея дѣйствій. По всей вѣроятности, онъ сказалъ, что террористы не являются противниками государства вообще, т. е. что они не анархисты и тотчасъ же перестанутъ практиковать терроръ, какъ только измѣнится государственная конституція. Если же Богдановичъ и дѣйствительно сдѣлалъ первое заяв

женіе политической свободы является лишь ближайшей цѣлью. Какъ только она будетъ достигнута и такимъ образомъ создадутся условія для мирной агитаціи, тотчасъ же на сцену явится соціализмъ. Отложить — не значитъ еще отмѣнить. Послѣ политической революціи должна послѣдовать соціальная, и въ результатѣ водворится новый строй, основанный на принципахъ свободы и справедливости.

Какими же средствами слѣдуетъ добиваться политической свободы? Организовать народную партію мирнымъ путемъ, по мнѣнію террористовъ, невозможно; при этомъ будутъ только напрасно растрачены всѣ силы, и придется биться вокругъ бдительной полиціи, „какъ рыба объ ледъ“. Исходъ—отказаться отъ нѣмецкихъ формъ революціи и обратиться къ террору, направленному противъ царя и его главнѣйшихъ помощниковъ съ тѣмъ, чтобы добиться отъ нихъ уступокъ. Ужасы убійствъ въ Россіи при конкретныхъ условіяхъ дѣйствительности, когда всякое другое средство оказывается совершенно безплоднымъ, не только вполнѣ оправдываются, но и горячо рекомендуются. Такъ смотрѣли всѣ разсудительные и вдумчивые руководители партіи Народной Воли. Мечтатели же, въ родѣ Морозова и Тарновскаго, пошли дальше. Террористическую практику въ Россіи они возвели въ систему; они объявили ее новымъ средствомъ борьбы, примѣнимымъ во всѣхъ

леніе, то оно является только его личнымъ воззрѣніемъ. Вѣдь, намъ извѣстно заявленіе Златопольскаго, что партія не хочетъ такой конституціи, которая ограничилась бы распредѣленіемъ власти между царемъ и имущими классами, и что она требуетъ дѣйствительнаго народнаго представительства. (Протоколъ процесса по Indèpandance Belge).

случаяхъ. При всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ массовыхъ движеніяхъ, говорили они, народъ только терзалъ себя, нисколько не улучшая своего экономическаго положенія; между тѣмъ дѣйствительно виновные тираны оставались безнаказанными. Молодежь должна взять на себя борьбу за свободу и провести цѣлый рядъ убійствъ, попадающихъ прямо въ цѣль. Эти таинственныя убійства должны стать традиціонными, и всякій честолюбивый человѣкъ, вродѣ Наполеона III и Бисмарка, долженъ быть уничтоженъ при самомъ началѣ своей карьеры; все равно, какимъ путемъ онъ достигаетъ господства,- путемъ ли плебисцита или съ помощью арміи. Всякій разъ, какъ оживаетъ деспотизмъ, снова появляется терроръ, и живое воспоминаніе о немъ навсегда остается въ массахъ. Каждый человѣкъ вправѣ убить тирана, и народъ не смѣетъ лишить этого права ни одного изъ своихъ согражданъ. Эти страшныя слова Сенъ-Жюста должны оставаться лозунгомъ террористовъ. Возникновеніе этой теоріи у Морозова вполнѣ понятно. Всякое новое теченіе имѣетъ всегда тенденцію по крайней мѣрѣ хоть въ теоріи дойти до своихъ крайнихъ выводовъ. При завершеніи логической системы снова возникаютъ различныя сомнѣнія, которыя снова вызываютъ пересмотръ всей аргументаціи. Такъ было и съ этимъ вопросомъ. Въ Исполнительномъ Комитетѣ Морозовъ не встрѣтилъ сочувствія къ своей теоріи. Комитетъ отказался отъ печатанія его брошюры. Тогда авторъ вышелъ изъ Комитета и уѣхалъ въ Женеву, гдѣ и занялся изданіемъ своего произведенія.

Здѣсь Морозовъ и Жуковскій сблизились со старымъ теоретикомъ убійствъ — Ткачевымъ. Послѣдній былъ очень доволенъ новымъ оборотомъ дѣлъ въ Россіи; себя

онъ уже давно называлъ бланкистомъ и якобинцемъ. Теперь, казалось, счастье снова повернулось въ его сторону. Но это только казалось такъ. Сойдясь съ Морозовымъ въ его возрѣніяхъ на убійство, какъ на универсальное средство борьбы, онъ тѣмъ самымъ снова разошелся съ оффиціальнымъ ученіемъ Исполнительнаго Комитета, который призналъ убійство, какъ средство политической борьбы, спеціально примѣнимое при русскихъ условіяхъ. Между тѣмъ Ткачевъ задумалъ оживить свой органъ „Набатъ", и его богатый другъ Турскій, который подъ именемъ Амари „согрѣшилъ" однажды брошюрой, съ готовностью предложилъ ему деньги. Осенью 1880 года Ткачевъ перенесъ свою типографію въ Петербургъ, но тотчасъ по прибытіи туда она была арестована. Въ общей сложности у Ткачева въ Россіи едва ли насчитывалось болѣе дюжины сторонниковъ. Къ тому же зимою 1882 года онъ заболѣлъ и былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ. Наиболѣе авторитетныя заявленія партіи*) были также направлены противъ морозовской теоріи. Самъ Морозовъ былъ-де террористомъ третьей степени (въ процессѣ двадцати (Тригони) онъ былъ „помилованъ" и приговоренъ къ 20 годамъ каторги). Цареубійство по оффиціальной формулировкѣ террористовъ является средствомъ борьбы, вызваннымъ спеціальными условіями русской дѣйствительности. Въ началѣ движенія революціонеры вовсе не имѣли въ виду этого средства и были принуждены прибѣгнуть къ нему, какъ къ единственно дѣйствительному средству въ борьбѣ противъ невѣроятно жестокаго правитель-

*) Сухановъ и Исаевъ въ своихъ рѣчахъ на процессѣ Суханова-Тригони. — Прокламаціи Исполн. Комитета — Желябовъ.

ства. Газета „Народная Воля“ (см. №№ 7 и 8) высказала американскому народу свое сожалѣніе по поводу покушенія на Гарфильда, мотивируя его тѣмъ, что насиліе слѣдуетъ примѣнять только противъ насилія, и что въ свободной странѣ должно найти лучшіе способы борьбы.

Наряду съ убійствами народовольцы примѣняли и другія средства борьбы, имѣвшія второстепенное значеніе. Мы имѣемъ въ виду добываніе денежныхъ средствъ путемъ воровства и подлоговъ. Но это были только предпріятія отдѣльныхъ лицъ или группъ, за которыя Исполнительный Комитетъ не беретъ на себя отвѣтственности. Въ Кишиневѣ попытку обокрасть казначейство (въ сентябрѣ 1880 г.) не удалось довести до конца. Фроленко, Лебедева и Лиссовская (послѣдняя въ качествѣ кухарки) поселились въ гостинницѣ „Швейцарія“ и отсюда предприняли подкопъ подъ зданіе казначейства, но эта попытка „конфисковать государственныя бумаги“ была въ январѣ 1881 г. открыта. Послѣ Херсонскаго воровства со взломомъ въ іюнѣ 1879 года всѣ деньги (свыше милліона рублей) были найдены нетронутыми черезъ нѣсколько дней. Въ Малороссіи, говорятъ, одинъ народникъ пробовалъ обокрасть почту. Исполнительный Комитетъ заявилъ, что онъ допускаетъ „конфискацію“ государственныхъ капиталовъ, но отнюдь не воровство собственности частныхъ лицъ или благотворительныхъ заведеній. Онъ протестовалъ противъ обвиненія, что 300.000 руб. изъ московскаго воспитательнаго дома были яко-бы похищены его агентами. Скверно однако то, что общество не можетъ знать, является ли какое-либо похищеніе „конфискаціей“, сдѣланной по приказанію Исп. Ком. или „воровствомъ“,

совершеннымъ отдѣльнымъ революціонеромъ или даже совершенно постороннимъ человѣкомъ, только украшающимъ себя революціонными перьями. Тайная власть не должна уклоняться отъ отвѣтственности за свои дѣянія передъ общественнымъ судомъ и передъ судомъ исторіи, и, конечно, было бы чрезвычайно цѣлесообразно, если бы Исп. Ком. время отъ времени публиковалъ отчеты о томъ, какія „казни и конфискаціи“ были совершены его агентами *).

Съ тѣхъ поръ, какъ завоеваніе политической свободы стало цѣлью, а средствомъ сталъ терроръ, необходимо должна была создаться централизованная организація со строгой дисциплиной и съ самыми строгими правилами конспираціи. Первыя убійства исходили еще отъ небольшихъ обществъ. Но разъ революціонеры пошли въ этомъ направленіи дальше и рѣшились заняться истребленіемъ царя и его высшихъ сановниковъ, имъ приходилось подумать о систематической дѣятельности съ обширными матеріальными средствами. Такимъ образомъ они принуждены были отказаться отъ федеративнаго принципа и снова вернуться къ централизаціи якобинцевъ 1792 и 93 годовъ. А съ какимъ энтузіазмомъ еще недавно прославляли они федерализмъ и какими насмѣшками осыпали „устарѣвшія формы“ революціи и якобинцевъ, называя ихъ ихтіозаврами революціи, которые никогда не осмѣлятся выступить со своими мнѣніями! И вдругъ эти самые революціонеры такъ беззавѣтно подчинились всѣмъ предписаніямъ Исполнительнаго Комитета, не осмѣливаясь даже обсуждать и критиковать ихъ! А какимъ нападкамъ и насмѣш

*) Народная Воля № 7. — Вольное Слово № 21, Драгомановъ

камъ подвергся со стороны враждебной партіи этотъ самый Исполнительный Комитетъ въ началѣ своего существованія! Еще въ 1880 году Яковъ Стефановичъ *) характеризуетъ его какъ комитетъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся и вдругъ претендующій на безграничныя права надъ всѣми; такая система способныхъ и честолюбивыхъ людей можетъ временно добиться большого успѣха; но надолго она не можетъ оказаться благотворной, при торжествѣ же революціи мы не гарантированы даже, что не будутъ примѣнены, какъ во Франціи, какія-нибудь недостаточныя мѣры. И все-таки комитетъ оказался реальною силою, пользовавшеюся громаднымъ вліяніемъ и стремившеюся возвести свои убійства на степень „казни". Составленный изъ революціонеровъ конституціоннаго и террористическаго образа мыслей, Исп. Ком. образовался уже весною 1879 года. Члены его были взяты не только изъ „Земли и Воли", но и изъ другихъ обществъ. Когда на Липецкомъ съѣздѣ создалась террористическая партія, руководителями ея были выбраны Тихомировъ, Фроленко и Александръ Михайловъ. Въ распоряженіи у комитета былъ цѣлый рядъ агентовъ и подчиненныхъ трехъ степеней довѣрія **); агенты третьей, высшей степени, какъ Желябовъ, были повидимому одновременно и членами Исполнительнаго Комитета; эти агенты привлекали на свою личную отвѣтственность помощниковъ, которыми они пользовались для своихъ цѣлей. Такая организація гарантировала, во-первыхъ, глубокую тайну всѣхъ пред-

---

*) Злоба дня 1880 г.

**) Показанія Гольденберга; впрочемъ Александръ Михайловъ и А. Квятковскій отрицали ихъ на судѣ.

пріятій, такъ что ни одно покушеніе на Александра II не было выдано, а во-вторыхъ, самую строгую дисциплину, которой современемъ подчинились всѣ члены партіи. Исполнительный Комитетъ пріобрѣлъ своей дѣятельностью громадную извѣстность, привлекъ массу сочувствующихъ и собралъ громадныя деньги. Благодаря этому, онъ сумѣлъ провести самое послѣдовательное раздѣленіе труда и сравнительно съ прежними небольшими обществами работалъ со всѣми преимуществами крупнаго производства.

На такой централизаціи революціонныхъ силъ въ Исполнительномъ Комитетѣ террористы не остановились. Идя дальше, они предпринимали локализацію силъ и именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ ведетъ ближе къ цѣли, т. е. въ правительственныхъ центрахъ *). Организаціонная работа сосредоточилась послѣ этого на тѣхъ элементахъ, которые могли принять непосредственное участіе въ революціи. Это считалось необходимымъ, такъ какъ всякое движеніе по деревнямъ или на окраинахъ безъ возстанія въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ было бы моментально подавлено и пропало бы совершенно безслѣдно для дѣла народнаго освобожденія. И чѣмъ совершеннѣе становились техническія средства, напримѣръ, желѣзныя дороги и телеграфы, находившіяся въ распоряженіи у правительства, тѣмъ больше увеличивались эти невыгоды положенія. Сверхъ того организація крестьянства и не включалась непосредственно въ программу партіи. Дѣятельность ея должна была направляться въ эту сторону только для того, чтобы разъяснить народу истинный смыслъ своихъ

*) Народная Воля №№ 8 и 9, и Вольное Слово № 57.

требованій и въ моментъ возстанія оградить ихъ отъ реакціонныхъ попытокъ.

Принципъ централизаціи долженъ былъ сохраниться и послѣ побѣды революціи *). Временное правительство партіи будетъ имѣть только формальное значеніе; она явится только ликвидаціонной комиссіей, писалъ Желябовъ. Экономическую революцію долженъ произвести самъ народъ, обязанность же правительства только санкціонировать экономическое равенство. Но если самъ народъ не сумѣетъ ниспровергнуть хозяйственныя учрежденія, то это возьметъ на себя временное правительство. Оно отмѣнитъ право частной собственности на землю и на орудія производства и одновременно введетъ новыя учрежденія. Послѣ этого должны послѣдовать выборы, и въ парламентъ попадутъ дѣйствительные представители народа, освобожденнаго политически и экономически; народная жизнь начнетъ регулироваться волею народа. На окраинахъ братья также вздохнутъ свободнѣе, и права націй, бывшихъ нѣкогда самостоятельными, снова должны быть возстановлены. Но раньше власть парламента должна распространиться на всю Россію, и только послѣ окончательнаго утвержденія революціонныхъ пріобрѣтеній и прочнаго обоснованія новаго порядка, различныя національности могутъ получить право самимъ опредѣлять свои политическія отношенія ко всему государству. Иначе темныя силы реакціи найдутъ въ нихъ свою Вандею и снова поведутъ отсюда борьбу противъ революціи. Такимъ обра-

*) Народная Воля №№ 5, 8 и 9. — Программа рабочихъ членовъ Партіи Н. В., Прокламація Исп. Ком. Н. В. къ русскому рабочему народу отъ 24 авг. 1880 г., Черный Передѣлъ № 4. — Вольное Слово №№ 39 и 40

зомъ самая полная централизація сохраняется на первыхъ порахъ и въ государственномъ механизмѣ. Если же Желябовъ говоритъ въ письмахъ къ Драгоманову объ автономіи общинъ и національностей, то это, вѣроятно, только для того, чтобы привлечь въ свою партію этого защитника малороссійской независимости. Россія настолько же централизована, какъ и Франція, а съ 1789 года всѣ правительства республиканскія, монархическія и роялистскія, поддерживали эту форму организаціи. Разъ получивъ власть надъ государствомъ въ свои руки, никто добровольно не откажется отъ нея. О малороссійской же автономіи навѣрное ни одинъ членъ партіи Народной Воли не думалъ серьезно.

Террористы немедленно же приступили къ проведенію въ жизнь своихъ взглядовъ. Все послѣдующее время очень богато террористическими фактами. Уже лѣтомъ 1879 года сейчасъ послѣ основанія партіи былъ выработанъ цѣлый планъ обширной кампаніи противъ царя. Было рѣшено взорвать на воздухъ поѣздъ, въ которомъ Александръ II долженъ былъ прослѣдовать изъ Ливадіи въ Петербургъ. Начиная съ сентября было заложено цѣлыхъ три мины: подъ Одессой, Александровскомъ и Москвой; до 50 человѣкъ было занято этимъ дѣломъ*). Подкопъ подъ Одессой (14 верстъ отъ города) не достигъ своей цѣли, такъ какъ царь не поѣхалъ черезъ этотъ городъ. Главныя надежды возлага-

*) Въ Одессѣ работали Фроленко въ качествѣ желѣзнодорожнаго сторожа, Кибальчичъ, Колодкевичъ, Златопольскій, Лебедева; въ Александровскѣ—Желябовъ, Прѣсняковъ, Окладскій, Тихоновъ, Якимова, а въ Москвѣ — Александръ Михайловъ, Гольденбергъ, Гартманъ, Перовская, Ширяевъ, Баранниковъ и нѣкоторые другіе, частью оставшіеся неузнанными.

лись на подкопъ подъ Александровскомъ, такъ какъ въ случаѣ удачи поѣздъ въ этомъ мѣстѣ полетѣлъ бы въ пропасть. Въ октябрѣ Желябовъ купилъ здѣсь недалеко отъ полотна желѣзной дороги кусокъ земли, якобы для устройства кожевеннаго завода. Отсюда подъ рельсы были подведены двѣ мины, онѣ соединялись электрическимъ проводникомъ, а аппаратъ былъ помѣщенъ на крестьянской телѣгѣ. Однако по какимъ-то техническимъ причинамъ взрыва не произошло. Плодотворнѣе была работа подъ Москвой *). Здѣсь среди правовѣрныхъ раскольниковъ, также недалеко отъ полотна желѣзной дороги поселились въ качествѣ ремесленниковъ Гартманъ **) и Перовская, якобы въ ожиданіи

*) Подпольная Россія.

**) Левъ Гартманъ былъ сынъ нѣмецкаго колониста въ Архангельскѣ, но нѣмецкій языкъ онъ зналъ плохо. Въ Саратовѣ, гдѣ онъ былъ членомъ мѣстнаго кружка, онъ занималъ должность писца. Пользуясь его химическими знаніями, его приставили въ помощники къ Кибальчичу, а потомъ послали въ Москву для устройства электрическихъ батарей. Особенно видной роли въ Партіи онъ никогда не игралъ. Въ Парижѣ, куда онъ бѣжалъ послѣ покушенія, его жизнь, какъ извѣстно, висѣла на волоскѣ (февраль 1880 г.); незадолго до прибытія русскаго прокурора, онъ былъ освобожденъ, благодаря главнымъ образомъ энергичной агитаціи радикальной партіи. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Лондонъ, работалъ на фабрикахъ, потомъ отправился въ Сѣверную Америку и произносилъ тамъ рѣчи; однако къ нему относились тамъ какъ къ уголовному преступнику съ такимъ недовѣріемъ, что онъ предпочелъ снова вернуться въ Англію, чтобы продолжать работать по электричеству. Повидимому, онъ былъ очень предпріимчивымъ человѣкомъ.

За нѣсколько дней до Московскаго взрыва полиція поймала на елисаветградскомъ вокзалѣ Гольденберга, который обратилъ на себя вниманіе жандармовъ тѣмъ, что сдалъ въ багажъ не-

своихъ старыхъ родителей. Но они были здѣсь не одни; при всемъ своемъ желаніи они не были бы въ состояніи уничтожить всѣ пріобрѣтаемые ими пищевые продукты. Въ домѣ ютилось цѣлое общество людей, никогда не показывавшихся на дневной свѣтъ. Эти отшельники были землекопами. По ночамъ одинъ изъ товарищей приносилъ имъ динамитъ и всѣ инструменты, необходимые для прорытія подкопа. Впрочемъ эти инструменты были пріобрѣтены только въ послѣднее время, вначалѣ они дѣйствовали самыми примитивными орудіями, а такъ какъ въ проходъ просачивалась вода, то имъ и приходилось работать стоя въ ней. Направленіе указывалъ имъ небольшой компасъ, вродѣ тѣхъ, которыми пользуются военные. При каждомъ появленіи полиціи рабочіе тотчасъ же предупреждались, и она находила всегда однихъ только хозяевъ; на худшій случай на столѣ все же стояла бутылка нитроглицерина, въ которую Перовская должна была выстрѣлить изъ револьвера. Наконецъ настало 19 ноября. Перовская подала сигналъ, Ширяевъ сомкнулъ цѣпь... моментально послѣдовалъ взрывъ. Но это оказался не тотъ поѣздъ, и царь благополучно прибылъ въ Петербургъ. Преступники своевременно скрылись.

Но эта неудача не могла сломить крѣпкую организацію Исполнительнаго Комитета. Наоборотъ только

большой, но необыкновенно тяжелый ящикъ. Въ немъ оказалось 2 пуда динамита. Благодаря искусно веденному слѣдствію Гольденбергъ далъ обширныя показанія и запуталъ массу лицъ. Это былъ ограниченный, честолюбивый человѣкъ, которому захотѣлось разыграть роль главнаго лица въ движеніи; это побудило его отчасти прихвастнуть въ своихъ показаніяхъ. Когда онъ понялъ, что попалъ въ ловушку, онъ покончилъ съ собой

теперь партія окончательно сформировалась и зимою приняла названіе „Народной Воли". Даже разгромъ типографій обѣихъ партій 17 и 28 января 1880 года вызвалъ только временную задержку въ дѣлахъ. Типографія „Народной Воли" въ Саперномъ переулкѣ *) была открыта случайно, аттакованные защищались въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и дали болѣе ста выстрѣловъ, пока не уничтожены были всѣ бумаги и документы. Типографія помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, подъ крышей и занимала четыре комнаты. Первая изъ нихъ содержалась очень чисто и была хорошо меблирована; въ остальныхъ производились работы, но отнюдь не ночью, чтобъ не вызывать подозрѣній; даже въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ работа продолжалась не позже 10 часовъ вечера. Квартиру эту знали всего три-четыре человѣка изъ редакціи „Народной Воли", но и они посѣщали ее только при крайней необходимости. Арестованные товарищи были скоро замѣщены другими; напримѣръ, Александръ Михайловъ былъ вызванъ въ Петербургъ послѣ того, какъ онъ сорганизовалъ террористическую группу въ Москвѣ.

Между тѣмъ Исполнительный Комитетъ началъ подготовлять новый планъ покушенія, болѣе грандіозный и дерзкій, чѣмъ когда бы то ни было. Выполненіе этого плана было поручено сыну вятскаго крестьянина, Халтурину **). Какъ агитаторъ онъ дѣйствовалъ очень энергично среди петербургскихъ рабочихъ и подъ именемъ Степана пользовался у нихъ громадною популярностью. Въ 1878 году онъ сорга-

---

*) Общее дѣло №№ 31 и 32.

**) Календарь Народной Воли 1883 г., стр. 40-48.

низовалъ Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ, насчитывавшій нѣсколько сотъ членовъ. До послѣдняго времени этотъ союзъ считался самой большой рабочей организаціей въ Россіи. Халтуринъ началъ даже издавать печатавшуюся самими рабочими газету и устроилъ типографію; впрочемъ она провалилась при наборѣ перваго же номера. Когда Халтуринъ увидѣлъ, что всѣ его планы разрушены полиціей, онъ пришелъ къ идеѣ цареубійства и осенью 1879 года предложилъ свои услуги Исполнительному Комитету. Было рѣшено, что въ случаѣ неудачи тройного желѣзнодорожнаго покушенія, Халтуринъ взорветъ на воздухъ царя въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ чрезвычайно искусному лакировщику, ему нетрудно было найти себѣ работу во дворѣ, и вотъ, начиная съ октября, онъ сталъ изучать во время отсутствія царя планъ дворца. Оказалось, что царская столовая лежала какъ разъ надъ тѣмъ подваломъ, въ которомъ помѣщались столяры, и что она отдѣлялась отъ него только однимъ этажомъ, занятымъ дворцовой стражей *). Послѣ неудачи желѣзнодорожныхъ покушеній взрывъ Зимняго дворца оставался единственной надеждой Исп. Ком. Членъ его Квятковскій велъ сношенія съ Халтуринымъ. Но вскорѣ Квятковскаго арестовали и при

*) Халтуринъ разсказываетъ о страшныхъ безпорядкахъ въ управленіи и о воровствѣ среди служащихъ. Они устраивали свои собственныя празднества и приглашали дюжины своихъ знакомыхъ, которые вполнѣ свободно входили, выходили и даже оставались ночевать во дворцѣ, между тѣмъ какъ парадныя лѣстницы оставались недоступными даже для высокопоставленныхъ лицъ. Воровство было такъ распространено, что самому Халтурину приходилось самому красть блюда, чтобы своей честностью не вызвать подозрѣній. Надо замѣтить, что прислуга получала всего по 15 рублей мѣсячнаго содержанія.

немъ былъ найденъ планъ Зимняго дворца, на которомъ царская столовая была отмѣчена крестомъ. Этотъ крестъ вызвалъ сильнѣйшія подозрѣнія въ дворцовой полиціи. Надзоръ сталъ чрезвычайно строгъ, были произведены тщательные обыски. Когда жандармы въ первый разъ ворвались ночью въ спальню столяровъ, Халтуринъ чрезвычайно встревожился; онъ думалъ, что все уже потеряно, такъ какъ подъ головой у него въ качествѣ подушки лежалъ свертокъ съ динамитомъ. Обыскъ былъ сдѣланъ очень поверхностно. Гораздо больше мѣшалъ доставкѣ динамита контроль, учрежденный надъ всѣми возвращающимися во дворецъ и водвореніе жандарма въ подвалѣ у столяровъ. Съ этихъ поръ приготовленія начали подвигаться впередъ очень медленно. Между тѣмъ Халтуринъ страдалъ жестокими головными болями, вызываемыми ядовитыми испареніями отъ нитроглицерина, служившаго ему подушкой. Опасность, въ которой онъ постоянно находился, и быстро развивающаяся чахотка еще сильнѣе дѣйствовали на нервы. Несмотря на все это Халтуринъ продолжалъ спокойно работать, не вызывая ни малѣйшихъ подозрѣній; къ Рождеству онъ получилъ сто рублей наградныхъ, и караульный жандармъ вздумалъ даже завербовать себѣ въ зятья молодого искуснаго столяра. Наконецъ, въ ящикѣ было собрано три пуда динамита; техники объявили такое количество вполнѣ достаточнымъ. Желябовъ, руководившій покушеніемъ послѣ ареста Квятковскаго, лихорадочно настаивалъ на немедленномъ выполненіи предпріятія. Халтуринъ же говорилъ, что безъ большого числа человѣческихъ жертвъ все равно не обойтись и что поэтому лучше прибавить еще динамиту, чтобы не рисковать всей произведенной имъ работой, которая

можетъ оказаться напрасной. Мнѣніе Желябова восторжествовало.

5-го февраля 1880 года обстоятельства сложились благопріятно. Халтуринъ поставилъ ящикъ съ динамитомъ въ уголъ капитальной стѣны, соединилъ трубку съ приготовленной для этого зажигательной ниткой и имѣлъ еще достаточно времени, чтобы выбраться изъ дворца въ безопасное мѣсто. Вечеръ послѣдовалъ беспримѣрный взрывъ; огни во дворцѣ потухли, на адмиралтейской площади стало темно. Десять человѣкъ стражи было убито, 58 ранено. Но царь, благодаря счастливой случайности (запозданію ожидавшагося высокопоставленнаго гостя) пошелъ къ столу позднѣе обыкновеннаго и такимъ образомъ избѣжалъ смерти. Халтуринъ скрылся съ помощью Желябова, но онъ никогда не могъ простить ему того, что называлъ его „ошибкой“, т. е. того, что онъ помѣшалъ ему прибавить динамита въ ящикъ. Послѣ этого Халтуринъ продолжалъ принимать участіе въ покушеніяхъ. При убійствѣ Стрѣльникова это онъ ждалъ убійцу съ лошадью и экипажемъ и бросился къ нему на помощь, когда увидѣлъ, что толпа схватила его. Только послѣ повѣшенія Халтурина (22-го марта 1882 г.) въ немъ узнали столяра Зимняго дворца. Въ своей прокламаціи Исп. Ком. выразилъ сожалѣніе по поводу гибели несчастныхъ солдатъ, но наряду съ этимъ онъ заявилъ, что будетъ продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока общественныя реформы не будутъ поручены учредительному собранію, свободно выбранному и снабженному отъ своихъ избирателей опредѣленными инструкціями. Свою цѣль, убійство царя, неумолимый комитетъ рѣшилъ неуклонно преслѣдовать дальше. Въ сознаніи своей силы

существующей правительственной системы царь призвалъ къ управленію графа Лорисъ-Меликова, снабдивъ его диктаторскими полномочіями. Однако либеральныя намѣренія, которыя тотъ обнаружилъ, не подкупили террористовъ. Они называли режимъ его тиранніей, замаскированной внѣшнимъ либерализмомъ. Его назначеніе вскорѣ послужило даже поводомъ къ покушенію Млодецкаго (20-го фев.). Впрочемъ это покушеніе исходило не отъ Исполнительнаго Комитета и даже вызвало его неодобреніе.

Между тѣмъ организація террористической партіи быстро подвигалась впередъ *). Въ началѣ 1880 года Исполнительный Комитетъ разослалъ отдѣльнымъ группамъ, примыкавшимъ къ „Народной Волѣ", рукопись относительно „подготовительной дѣятельности партіи". Воля народа, говорилось въ рукописи, должна быть источникомъ всѣхъ законовъ, а такъ какъ правительство врядъ ли согласится уступить мирнымъ образомъ, то нужно принудить его къ этому путемъ возстанія; для этой цѣли необходимо сорганизовать всѣ силы. Послѣ того, какъ отвѣты группъ на эту рукопись были получены, ее проредактировали еще разъ и въ окончательномъ видѣ снова разослали по группамъ для того чтобы онѣ, сохранивъ документъ въ своихъ архивахъ пользовались имъ какъ инструкціей. Впрочемъ эти инструкціи не были обязательными, такъ какъ обязательныя нормы могъ бы провозгласить только партійный конгрессъ, созвать который Исполнительному Комитету

*) Относительно нижеописаннаго см. Календарь Нар. Воли 1883 г. стр. 120—134, также стр. 112. Самыя важныя данныя редакція Календаря дала въ своихъ примѣчаніяхъ.

ни разу не удалось. Отдѣльныя группы все же выработали на основаніи этой инструкціи свои уставы.

Во главѣ всей организаціи стоитъ Исп. Ком. Онъ пополняетъ себя самъ по свободному выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ отдѣльныхъ группъ. Эта система самовыполненія является общимъ правиломъ. По всѣмъ уставамъ группы высшаго порядка пополняютъ себя изъ группъ низшаго для того, чтобы такимъ образомъ лучше сохранить тайну. Члены Исп. Ком. являются агентами высшей степени и одновременно главными руководителями всѣхъ предпріятій. Эта форма организаціи, какъ заявляетъ Грачевскій въ своихъ запискахъ, найденныхъ у него лѣтомъ 1882 года *), имѣетъ ту слабую сторону, что въ случаѣ ареста членовъ Исп. Ком. вся ихъ дѣятельность должна пріостановиться, что и происходило нѣсколько разъ. Всегда проходитъ нѣкоторое время, пока разсѣянные и перепуганные остатки Комитета снова сорганизуются. На этомъ основаніи Грачевскій предлагаетъ отдѣлить руководителей партіи отъ активныхъ членовъ ея, которые вовсе и не должны быть посвящены во всѣ тайны. Во главѣ долженъ стоять вполнѣ надежный человѣкъ не моложе 30 лѣтъ, такъ какъ болѣе юный возрастъ не можетъ гарантировать необходимой энергіи и самообладанія. Дѣятельность въ различныхъ районахъ Исп. Ком. предоставляетъ мѣстнымъ группамъ, а на себя беретъ, какъ это слѣдовало уже изъ устава 1880 года, только то, что служитъ къ сохраненію единства организаціи и имѣетъ отношеніе къ вооруженной борьбѣ

*) Сообщенія адвоката Спасовича въ его защитительной рѣчи на процессѣ семнадцати въ апрѣлѣ 1883-го года.

съ правительствомъ. Въ этой послѣдней террористической дѣятельности мѣстныя группы находятся у Комитета въ безусловномъ подчиненіи. Кромѣ того Исп. Ком. слѣдитъ за точнымъ проведеніемъ программы, заботится о партійной прессѣ, регулируетъ взаимныя отношенія группъ и т. д. Въ остальномъ отдѣльныя группы являются въ своей области вполнѣ самостоятельными. Комитетъ и группы обязаны поддерживать другъ друга людьми и средствами. На обязанности Исп. Ком. лежитъ главнымъ образомъ помощь группамъ въ періодъ ихъ возникновенія или послѣ массовыхъ арестовъ въ ихъ средѣ. За то съ своей стороны Комитетъ вправѣ требовать отъ нихъ регулярной поддержки; размѣръ ея опредѣляется уставами въ формѣ опредѣленнаго процента съ ихъ доходовъ и извѣстной части активныхъ силъ группы.

Группы дѣлятся на мѣстныя и на группы со спеціальными цѣлями. Первыя ограничиваютъ свою дѣятельность географической или этнографической территоріей и имѣютъ свои собственные уставы, утверждаемые Исп. Ком.. Въ основныхъ чертахъ эти уставы совершенно одинаковы и расходятся только въ деталяхъ, опредѣляемыхъ мѣстными условіями. На обязанности мѣстныхъ группъ лежитъ подготовка возстанія, вліяніе на общественное мнѣніе, на выборы въ учредительное собраніе, формулировка желаній крестьянства и т. д. Члены ихъ должны были занимать различныя должности въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ войскѣ. Среди крестьянъ они должны были привлекать наиболѣе способныя головы, не задаваясь цѣлью организовать всю массу, такъ какъ это послѣднее уже заранѣе признавалось вполнѣ безнадежнымъ. Далѣе имъ рекомендовалось

завязывать сношенія съ либералами и конституціоналистами, добывать денежныя средства; близко знакомиться съ положеніемъ дѣлъ своей провинціи для того, чтобы въ день революціи привлечь ее на сторону „Народной Воли". Въ 1880-мъ году число такихъ мѣстныхъ группъ доходило до 12.

Кромѣ этихъ существовали еще группы со спеціальными цѣлями для агитаціи среди войскъ, среди студентовъ, среди рабочихъ, для руководства типографіями и прессой, для фабрикаціи минъ, бомбъ и т. д. Сношенія со спеціальными группами велись черезъ агентовъ Исп. Ком., на обязанности которыхъ, какъ напр. Квятковскаго, Желябова, лежало руководство предпріятіями. Въ виду громаднаго значенія арміи въ случаѣ возстанія, пропагандѣ среди войскъ придавалось большое значеніе; но такъ какъ доступъ къ солдатамъ былъ очень труденъ, то главнымъ образомъ имѣли въ виду офицеровъ, которые, пользуясь своей популярностью, могли увлечь за собой и солдатъ, или же, какъ это и дѣлали морскіе офицеры, могли оказывать большія услуги доставкой взрывчатыхъ веществъ и своими познаніями. Были организованы группы и для пропаганды среди учащейся молодежи. При каждой мѣстной группѣ образовывались подгруппы изъ студентовъ и для студентовъ. Въ Петербургѣ создается даже (въ 1880-мъ г.) „Центральный студенческій союзъ", который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ и выпускалъ прокламаціи. Услуги, которыя молодежь въ состояніи оказывать дѣлу революціи, были подробнѣе указаны въ одной гектографированной инструкціи. Но больше всего значенія придавалось организаціи городскихъ рабочихъ, такъ какъ отъ ихъ поведенія и

поведенія солдатъ зависѣлъ успѣхъ возстанія. Первая рабочая группа „Народной Воли" была основана въ Петербургѣ уже въ концѣ 1879-го года; въ продолженіе слѣдующаго года она выросла вчетверо и насчитывала у себя нѣсколько сотенъ членовъ. Значеніе рабочихъ для характера революціи было впослѣдствіи разобрано въ „Программѣ Рабочей Партіи Народной Воли", которая была составлена въ Петербургѣ Центральнымъ Союзомъ рабочихъ по соглашенію съ Исп. Ком. Центральный Союзъ въ Петербургѣ сносился непосредствено съ Исп. Ком., и имѣлъ нѣсколько секцій, развѣтвлявшихся въ рабочей массѣ. Душой рабочаго движенія въ Петербургѣ былъ Желябовъ, который вмѣстѣ съ Перовской привлекалъ тогдашнихъ молодыхъ студентовъ, какъ Гриневицкаго, Рысакова и нѣкоторыхъ другихъ, и съ ихъ помощью организовалъ рабочихъ. Онъ создавалъ секціи для агитаціи среди рабочихъ, для убійства шпіоновъ, царя, для наблюденій за выѣздами послѣдняго и т. д. Онъ основалъ также „Рабочую Газету", первый номеръ которой вышелъ 15-го декабря 1880, а второй 27-го янв. 1881-го года. Популярно написанная передовица во второмъ номерѣ доказываетъ, что у царя слишкомъ много власти, и что онъ считается только съ богатыми людьми. Въ другомъ очеркѣ была представлена жизнь рабочихъ съ ея нуждой и горемъ. Такіе же рабочіе союзы возникли, какъ секціи мѣстныхъ группъ, и въ другихъ городахъ, именно на югѣ. Двѣ секціи нашли даже возможность повести энергичную агитацію среди крестьянъ.

Наконецъ создались, спеціальныя боевыя дружины, которыя значительно отличались отъ другихъ группъ. Каждая такая дружина должна была по своему уставу

представлять небольшой союзъ изъ десяти лицъ, который непосредственно и безусловно подчинялся Исп. Ком. въ направленіи своей дѣятельности, но былъ вполнѣ самостоятеленъ въ выполненіи возложенныхъ на него порученій. Такой союзъ долженъ былъ состоять изъ лицъ, вполнѣ полагающихся другъ на друга; поэтому онъ составлялся и организовывался вполнѣ самостоятельно; Исп. Ком. оставлялъ только за собой право запретить пріемъ неизвѣстныхъ лицъ въ эти группы. Свои внутреннія дѣла эти дружины рѣшали по большинству голосовъ; въ военное время онѣ выбирали изъ своей среды гетмана, который пользовался диктаторской властью. Членами принимались только такія лица, которыя были вполнѣ готовы пожертвовать своею жизнью.

Такой видъ имѣла организація, которая выработалась въ теченіе 1880-го года. Число членовъ всѣхъ группъ доходило до 500. Кромѣ того нѣсколько тысячъ людей сочувствовали идеямъ партіи, не вступая въ нее формально *). И вотъ наступила зима 1880—81 года. Движеніе оживилось, какъ никогда. Инціатива покушенія 1-го марта 1881-го г. исходила отъ Исп. Ком., выполненіе было предложено Рабочему союзу. За $1^1/_2$ недѣли до назначеннаго срока Желябовъ обратился къ различнымъ боевымъ дружинамъ, приглашая добровольцевъ. 47 человѣкъ предложило свои услуги; изъ нихъ Желябовъ выбралъ нѣсколькихъ. На конспиративной квартирѣ, которую содержали Сабинъ и Геся Гельфманъ, Кибальчичъ знакомилъ съ употребленіемъ бомбъ, за городомъ производились примѣрныя пробы. Въ это же время Богдановичъ (Кобозевъ), сначала студентъ, а потомъ

*) Календарь, стр. 113 — Процессъ 26-го марта 1881-го г.

писарь на государственной службѣ, подготовлялъ изъ сырной лавочки взрывъ на Малой Садовой улицѣ. Кромѣ того Желябовымъ и его товарищами была заложена мина подъ Каменный Мостъ. Такимъ образомъ, какъ и въ ноябрѣ 1879-го года, должна была произойти тройная попытка. Съ утра 1-го марта 1881-го года шесть человѣкъ стояло на готовѣ съ бомбами. Софья Перовская платкомъ подавала имъ сигналы. Перваго взрыва, произведеннаго Рысаковымъ, царю удалось избѣжать. По неосторожности онъ вернулся назадъ. На этотъ разъ совершенно правильно прицѣлился Гриневицкій, и оба, убійца и Александръ II, пали жертвами.

Послѣ этого съ одной стороны послѣдовала масса прокламацій *), ставившихъ новому царю свои требованія — полную и всеобщую амнистію всѣхъ политическихъ, созваніе учредительнаго собранія при полной свободѣ печати, слова, собраній и избирательныхъ программъ, съ другой же стороны — рѣзкій отказъ въ реформахъ въ извѣстномъ манифестѣ **) Игнатьева. Этотъ первый министръ преслѣдовалъ революціонеровъ съ безпощадной жестокостью, исходъ же возбужденному настроенію онъ думалъ дать въ травлѣ евреевъ и нѣмцевъ. Но, повидимому, ничто не могло заставить террористовъ отказаться отъ ихъ цѣли — убійства царя. Было обнаружено, что къ ожидавшейся въ Москвѣ коронаціи въ маѣ 1882-го и 1883-го года были сдѣланы обширныя приготовленія, между тѣмъ какъ найденныя вблизи царскихъ дворцовъ смертоносныя орудія показываютъ, что и они не ускользали отъ вниманія террористовъ.

*) Мнѣ извѣстны 10 прокламацій и программъ.

**) Хронику происшествій до лѣта 1882-го года читатель найдетъ въ „Russische Wandlungen“ стр. 376 и далѣе.

Въ декабрѣ 1881-го г. было совершено покушеніе на товарища министра Черевина, впрочемъ не по постановленію Исп. Ком., а 18-го марта 82-го года въ Одессѣ былъ застрѣленъ Желваковымъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ, вызвавшій своими безчеловѣчными и жестокими преслѣдованіями гнѣвъ революціонеровъ *). Съ какими планами носятся террористы теперь, и какъ велика ихъ сила, я, конечно, не могу сказать.

Повидимому тайная полиція считаетъ теперешнее положеніе дѣлъ менѣе опаснымъ, такъ какъ въ январѣ 1883-го года царь снова вернулся въ Петербургъ, началъ дѣлать частые выѣзды и окончательно назначилъ коронацію на май. Но возможно, что настоящее спокойствіе есть только затишье передъ бурей **).

*) Обстоятельный отчетъ объ этомъ можно найти въ № 3 „Народнѣ", стр. 51.

**) Нѣсколько важныхъ революціонеровъ, арестованныхъ весною 1882-го года, были представлены на судъ Сената въ Петербургѣ отъ 28-го марта до 5-го апрѣля 1883-го года. Воспоминанія объ этомъ „процессѣ семнадцати" еще живы въ памяти нашихъ читателей (оффиціальный отчетъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 8-го апрѣля 1883-го г.). Начиная съ февраля 1883-го года были произведены многочисленные важные аресты. Начались они на Кавказѣ среди офицеровъ Мингрельскаго полка. 5-го февраля въ Петербургѣ одинъ студентъ сдѣлалъ въ банѣ попытку къ самоубійству. Свое намѣреніе онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ. По уговору онъ долженъ былъ убить царя при посѣщеніи имъ одного учебнаго заведенія; на это у него не хватило мужества; и вотъ теперь онъ думалъ самоубійствомъ избѣжать мести Исп. Ком. Въ тотъ же день застрѣлился управляющій вышеупомянутой бани. Раньше онъ былъ управляющимъ того дома на Малой Садовой, изъ котораго Богдановичъ прокладывалъ свою мину. Это происшествіе повело къ открытію конспиративной квартиры и къ аресту нѣсколькихъ лицъ.– Въ эти же достопримѣчательные дни произо-

Въ общей сложности отъ 1872 до 1882 года было совершено 6 покушеній на высокопоставленныхъ чиновниковъ: Трепова, Котляревскаго, Гейкинга †, Крапоткина †, Стрѣльникова † и Сибирскаго губернатора Ильяшевича (сентябрь 1882 г.), 4 покушенія на шефовъ полиціи: Мезенцева †, Дрентельна, Лорисъ-Меликова и Черевина и 4 покушенія на царя Александра II. Кромѣ того убито 9 шпіоновъ и предателей, 2 ранено. 24 раза было оказано вооруженное сопротивленіе, именно: въ 1875 году 2 раза, въ 1878—7 разъ, въ 1879—9 разъ и отъ 1880 до 1882 г.—2 раза. Казнено въ общей сложности отъ 1878 до 1882 года 31 человѣкъ революціонеровъ. Въ 1826 году 5 декабристовъ, отъ 1862 до 1866 — 9 человѣкъ, въ 1878 году — 1, въ 1879 — 16, въ 1880 — 5, въ 1881 — 5, въ 1882 — 4. Въ послѣдніе годы при различныхъ обстоятельствахъ (демонстраціяхъ, попыткахъ къ побѣгу, вооруженныхъ сопротивленіяхъ) погибло 8 революціонеровъ, и трое застрѣлились сами, чтобы не попасть въ руки полиціи *).

шелъ загадочный пожаръ въ подвалѣ подъ парадными залами университета. Вскорѣ послѣ этого тайная полиція представила двухъ террористовъ, схваченныхъ въ Вержболовѣ. Они имѣли при себѣ компрометирующіе предметы и шифрованныя письма. Ключъ къ этимъ письмамъ былъ найденъ въ Харьковѣ у арестованной Филипповой. Въ письмахъ говорилось о покушеніи на царя во время коронаціи. Это повело къ многочисленнымъ арестамъ. Далѣе въ Петербургѣ была открыта мастерская, въ которой готовились шапки съ бомбами внутри. Наконецъ полиція выслѣдила конспиративную квартиру съ восемью жильцами, которые оказали сопротивленіе; здѣсь было найдено 4 пуда динамита. Въ апрѣлѣ прошелъ слухъ, что въ Смоленскѣ открытъ военный заговоръ и арестовано много офицеровъ, которые оказали вооруженное сопротивленіе. „Общее дѣло“, № 53.

*) „Календарь Народной Воли“ за 1883 г., стр. 146 и слѣд.

VIII.

Партія черного передѣла.

Противъ направленія „новаторовъ, конституціоналистовъ, террористовъ", — противъ отжившихъ взглядовъ „якобинцевъ" въ „Черномъ Передѣлѣ", органѣ „сонныхъ деревенщиковъ" велась оживленная полемика. Надо сознаться, что первый номеръ этой газеты вышелъ очень удачнымъ: къ партіи въ то время принадлежали Яковъ Стефановичъ, Плехановъ (редакторъ), Аксельродъ и еще нѣсколько дѣльныхъ выдающихся головъ и талантливыхъ писателей. Особенно характерно письмо отъ 8-го декабря 1876 года къ прежнимъ товарищамъ. Параллельно тому, какъ одна партія выдвигала на первый планъ политику, терроръ и централизацію—другая, въ силу понятной реакціи, подчеркивала соціалистическія стремленія и федералистическіе принципы; но съ теченіемъ времени противники сблизились не столько благодаря теоретическимъ соображеніямъ, сколько благодаря дѣйствительному ходу событій.

Чистые политическіе революціонеры, возражали чернопередѣльцы, всегда вѣрили что достаточно одной политической свободы для устройства идеальнаго государства. Они исходили изъ отвлеченныхъ понятій о правахъ человѣка и народовъ и игнорировали экономическія отношенія; они хотѣли сдѣлать все для народа и ничего черезъ народъ. Якобинцы во имя человѣческихъ правъ и общественнаго спокойствія употребляли терроръ и насиліе. Въ сущности система

Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона I одинаковы: централизація, авторитетъ и инициатива съ одной стороны, покорность и безмолвіе массъ съ другой. Если партія „Народной Воли“ усвоитъ эти принципы, она станетъ партіей реакціи и застоя и потеряетъ сочувствіе массъ. Это признано въ Западной Европѣ съ 1848 года. Вожаки рабочаго движенія на Западѣ оставили въ сторонѣ политическіе вопросы и требуютъ реорганизаціи экономическихъ и соціальныхъ отношеній, которая должна произойти съ помощью самого народа.

Чернопередѣльцы относятся совсѣмъ не враждебно къ политической свободѣ и конституціи; стремленіе къ ней они считаютъ наоборотъ результатомъ прогрессивнаго развитія; но на первомъ планѣ они ставятъ соціально-экономическіе вопросы; безъ экономической революціи всякая политическая дѣятельность является сизифовой работой; вѣдь, въ концѣ концовъ, всѣ политическія, правовыя и нравственныя отношенія опредѣляются экономическими. Цѣлью партіи оставался уже много разъ упомянутый нами анархическій соціализмъ. Аграрная революція представляетъ только минимумъ по отношенію ко всему предстоящему перевороту, но она не можетъ его подготовить. И здѣсь при этомъ нужно считаться съ сложившимися взглядами массъ. Нужно воспользоваться народнымъ требованіемъ увеличенія земельныхъ надѣловъ, уменьшенія податей, организаціи земельнаго кредита, расширенія крестьянскаго самоуправленія и защиты противъ административнаго произвола и, исходя изъ этихъ требованій, постепенно развивать ихъ далѣе. Но требованія эти во всякомъ случаѣ не могутъ стать цѣлью, а должны служить лишь поводомъ для агитаціи, такъ какъ осуще-

ствившись такія палліативныя мѣры послужили бы лишь къ укрѣпленію существующаго ненавистнаго строя. Чернопередѣльцы вообще отличаются отъ прежнихъ народниковъ тѣмъ именно, что для нихъ народные идеалы сами по себѣ не представляютъ ничего священнаго и неприкосновеннаго, а приняты ими лишь постольку, поскольку могутъ служить по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи переходной ступенью къ соціализму. Бунтари были просто „широкія русскія натуры". Соприкасаясь съ народомъ, они отъ чистаго сердца дѣлали его желанія и упованія своими собственными, не подвергая ихъ критикѣ съ точки зрѣнія соціалистическихъ теорій. Уяснить и распространить среди бунтарей соціалистическое міровоззрѣніе стало теперь задачей болѣе образованныхъ людей. Общинное владѣніе само по себѣ не имѣетъ особенной цѣны въ глазахъ чернопередѣльцевъ; они дорожатъ имъ лишь постольку, поскольку оно можетъ облегчить переходъ къ коммунистическому хозяйству. За крестьянами не должны быть забыты и фабричные рабочіе, почвой для агитаціи среди нихъ могутъ служить стачки и споры о заработной платѣ. Лозунгомъ должно стать: „крестьянамъ земля, рабочимъ фабрики". Сообразно съ этимъ избрано и самое названіе газеты „Черный Передѣлъ". Названіе это заимствовано у крестьянъ, среди которыхъ упорно носятся слухи о передѣлѣ всей земли, внушающіе довѣріе, не поколебленные даже циркуляромъ министра Макова, изданнымъ въ 1879 году. Крестьяне говорили, что какъ передъ упраздненіемъ крѣпостного права помѣщики и чиновники старались заглушить слухи о „волѣ", такъ и теперь они хотятъ разсѣять слухи о „Черномъ Передѣлѣ" всей земли, въ томъ числѣ

и помѣщичьей, между крестьянами. Но чтобы революціи придать экономическій и соціальный характеръ и этимъ путемъ гарантировать народу результаты борьбы, необходимо организовать самый народъ. На кого же иначе разсчитываютъ опереться народовольцы въ случаѣ революціи? На армію, какъ единственную организованную силу? Но это невозможно. На буржуазію и образованное общество? Но они не имѣютъ самостоятельной силы и слишкомъ тѣсно связаны съ правительствомъ. Они крайне неопытны и пугливы, къ тому же они не представляютъ собой организованнаго класса съ яснымъ сознаніемъ собственныхъ интересовъ и силъ. Такимъ образомъ единственной опорой остаются интеллигентная молодежь и единичныя личности разныхъ сословій и общественнаго положенія; они образуютъ главный контингентъ революціонной партіи. Но было бы чистымъ самообольщеніемъ думать, что можно ограничиться однѣми этими силами. „Пусть такъ!—восклицаютъ террористы—но за то эта небольшая кучка страшна тѣми средствами, которыя она практикуетъ“ — „Ну ладно! — отвѣчаютъ чернопередѣльцы — допустимъ даже, что испуганное правительство даруетъ конституцію. Что же изъ этого выйдетъ? Буржуазія добьется законодательной защиты своихъ интересовъ, и ростъ ея будетъ ускоренъ покровительственной системой, внутренними займами и субсидіями желѣзнодорожнымъ и промышленнымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обрушится на общинное землевладѣніе, служащее теперь препятствіемъ къ переходу крестьянскихъ земель въ частныя руки. Въ этомъ отношеніи характерна докладная записка московской биржи, поданная министру финансовъ Грейгу, въ которой говорится меж-

ду прочимъ, что всѣ финансовыя мѣропріятія правительства должны быть предпринимаемы съ ея вѣдома и соотвѣтственно ея интересамъ. Буржуазія и теперь уже имѣетъ своихъ представителей въ печати, которые формулируютъ ея требованія; а труды различныхъ коммиссій и ученыхъ обществъ доказываютъ, что буржуазныя тенденціи уже сложились и готовы выступить на арену парламентской дѣятельности. Капиталисты, ростовщики, ученые, адвокаты, литераторы — вотъ кто извлечетъ пользу изъ конституціи. На избирательную агитацію нечего разсчитывать: будутъ, конечно, споры, могутъ явиться даже волненія, но ничего положительнаго изъ этого не выйдетъ. Результаты будутъ тѣ же, что и при теперешнихъ городскихъ и земскихъ выборахъ. Города будутъ избирать богатыхъ и сильныхъ купцовъ, деревни — зажиточныхъ и вліятельныхъ крестьянъ и даже помѣщиковъ на томъ простомъ основаніи, что народъ находится въ экономической зависимости отъ нихъ. Явятся подкупъ, интриги и систематическія запугиванія; честные люди и заурядные крестьяне хотя и будутъ, можетъ быть, избираемы, но вслѣдствіе постоянной фильтраціи при выборахъ ихъ останется весьма немного. Изъ-за такого народнаго представительства и такой конституціи народъ не будетъ проливать свою кровь.

Между тѣмъ въ теченіе 1880 — 81 годовъ соціалистамъ становилось все яснѣе и яснѣе, что продолжать систематическую агитацію невозможно, такъ какъ недостаетъ необходимаго для этого — условія политической свободы. Въ виду увеличивающихся арестовъ и казней разочарованіе росло все болѣе и болѣе. Совершилось успѣшное покушеніе 1-го марта 1881 года, и

руководство дѣлами партіи вслѣдствіе арестовъ и бѣгства ея вождей перешло въ другія руки. Цѣлый рядъ обстоятельствъ привелъ къ заключенію, что политическая свобода и огражденіе правъ личности могутъ благотворно отразиться и на экономической жизни народа; взглядъ этотъ нашелъ себѣ мѣсто въ № 4 „Чернаго Передѣла“ отъ 19 сентября 1881 года. При конституціи преслѣдованія соціалистовъ не были бы такъ жестоки, явилась бы возможность организовать партію и выставить своихъ кандидатовъ. Отношеніе парламента къ требованіямъ соціалистовъ послужило бы лучшимъ доказательствомъ того мнѣнія, что народъ ничего не дождется отъ мирныхъ реформъ, и что только революція можетъ удовлетворить его требованія. Партійныя собранія и выборы неизбѣжно вызовутъ броженіе, которымъ агитаторы обязаны воспользоваться. Свою статью авторъ кончаетъ словами: быть можетъ, мои друзья назовутъ меня оппортунистомъ; но признавать въ конституціи долю пользы или считать ее конечной цѣлью — это двѣ различныя вещи. Чтобы быть въ состояніи гарантировать народу тѣ экономическія выгоды, которыя онъ можетъ извлечь изъ политическаго переворота, партія считаетъ необходимымъ (№ 1 газеты) обратиться къ народу, а не ограничиваться въ своей агитаціонной дѣятельности одной интеллигентной молодежью. Народъ надо организовать въ мирное время и стать во главѣ его во время революціи. Если будетъ невозможно охватить своей агитаціей весь народъ, то во всякомъ случаѣ необходимо добиться хоть прочной организаціи меньшинства въ народную партію борьбы, способную выступить въ рѣшительный моментъ и поддерживать движеніе въ городахъ. Практика выработаетъ ор-

ганизаторскіе таланты; послѣдніе найдутся въ самомъ народѣ, и въ этомъ случаѣ дѣятельность агитаторовъ будетъ и болѣе успѣшна и менѣе замѣтна для полиціи. Скептики обыкновенно игнорируютъ эти хорошія стороны русскаго народа. При такой тайной агитаціи полиція не слишкомъ страшна, и вѣдь не могла же эта полиція помѣшать успѣхамъ терроризма! Революція не за горами, необходимо какъ можно тщательнѣе подготовиться къ ней. Передъ наступленіемъ переворота въ революціонномъ народномъ движеніи можно различить три послѣдовательныя фазы. Сначала патологическія явленія развиты слабо, народъ настроенъ мирно, въ немъ беретъ перевѣсъ желаніе разрѣшить всѣ недоразумѣнія мирнымъ путемъ. Это періодъ пассивныхъ протестовъ, ходоковъ и петицій. Затѣмъ по мѣрѣ исчезновенія вѣры въ легальные пути начинается періодъ активныхъ протестовъ, проявляющійся увеличеніемъ преступленій противъ собственности, всевозможными аграрными преступленіями и мелкими бунтами. Въ теченіе этого періода въ народѣ ходитъ обыкновенно масса различныхъ слуховъ. Наконецъ, когда всѣ экономическія, соціальныя и политическія противорѣчія достигнутъ высшей интенсивности, — тогда подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго удручающаго событія всѣ небольшія изолированныя теченія почти мгновенно сливаются въ одинъ всесокрушающій потокъ революціи и наступаетъ переворотъ. Россія переживаетъ вторую фазу. Положеніе ея крестьянъ подобно положенію крестьянъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія; требованіе минуты состоитъ въ томъ, чтобы организовать народъ, въ противномъ случаѣ политическая революція, какъ буря, пронесется надъ страною и не при-

несетъ народу никакой пользы въ экономическомъ отношеніи.

Чернопередѣльцы не вполнѣ отрицаютъ пользу террора. Крупныя террористическія явленія могутъ быть весьма цѣлесообразными, какъ искры, воспламеняющія революціонное движеніе. Неожиданный смѣлый ударъ вверху и рядъ систематическихъ нападеній внизу разрушатъ старое экономическое и политическое зданіе, и на развалинахъ его появится новый строй. Позднѣе (въ № 4) терроръ восхваляется за то, что онъ побуждаетъ народъ начать и съ своей стороны активную борьбу. Идея царскаго авторитета будетъ уничтожена и возрастетъ вѣра въ собственныя силы. Но такъ какъ прежде необходимо организовать въ деревняхъ народную партію борьбы, то главныя силы партіи не должны идти на борьбу съ центральнымъ правительствомъ *). Такимъ образомъ успѣхи терроризма не остались безъ вліянія на направленіе противной партіи. Послѣдняя прониклась убѣжденіемъ въ пользѣ террора и пришла къ мысли органически связать терроризмъ со своими цѣлями. Въ 1881 году эта партія уже рекомендуетъ систематическій аграрный и фабричный терроръ, какъ средство борьбы**). Въ народѣ должны быть устроены особые отряды, съ помощью которыхъ энергичные и рѣшительные защитники народа должны открыть партизанскую войну съ его врагами. Отсюда не слѣдуетъ, что каждый фабрикантъ или помѣщикъ долженъ быть убитъ; народъ въ высшей степени гуманенъ и оправды-

---

*) Напр. № 3, стр. 10. Статья о покушеніи 1 марта 1881 г.

**) „Черный Передѣлъ“ № 4, Борисовъ, Аксельродъ въ „Вольномъ Словѣ“ № 19.

ваетъ убійство лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда для него существуютъ достаточныя основанія. Конечно, нельзя съ точностью опредѣлить, какова должна быть степень вины помѣщика, чтобы имѣть право убить его; въ этомъ случаѣ не надо довѣрять своему личному мнѣнію, такъ какъ оно часто бываетъ пристрастно, а необходимо прислушиваться къ народной молвѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло. Для каждаго отдѣльнаго случая гласъ народа можетъ служить критеріемъ того, нужно ли убійство или болѣе мягкое средство устрашенія. Когда такого рода терроръ привлечетъ къ себѣ симпатіи народа, когда послѣдній будетъ видѣть, какъ враги его падаютъ отъ руки таинственныхъ исполнителей народныхъ рѣшеній — тогда пульсъ его забьется быстрѣе и въ немъ пробудится самосознаніе и чувство собственнаго достоинства. Къ тому же при подобной борьбѣ личной иниціативѣ открыто болѣе широкое поле дѣйствій. Организованная борьба въ Ирландіи выставляется въ качествѣ примѣра для подражанія. Другія формы борьбы, какъ стачки и народныя волненія, требуютъ отъ революціонеровъ болѣе выжидательной тактики, онѣ не зависятъ отъ воли соціально-революціонной партіи и могутъ возникать лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Хотя онѣ и не лишены значенія, все-таки въ данное время главную роль долженъ играть аграрный и фабричный терроръ. Онъ уже практикуется народомъ, напр. въ формѣ поджоговъ или еврейскихъ погромовъ, но, будучи неорганизованъ, онъ приноситъ мало пользы.

Послѣ удачнаго покушенія 1-го марта 1881 года завершилось сближеніе партій въ отношеніи какъ цѣлей, такъ и средствъ. Дѣйствительно, прямыя програм-

мныя противорѣчія уже исчезли, вся разница сводится теперь лишь къ тому, что одна партія оттѣняетъ болѣе одну сторону программы, другая—другую. Чернопередѣльцы не отвергаютъ болѣе политической свободы и конституціи, но они настаиваютъ на томъ, что только народныя, крестьянскія организаціи могутъ обезпечить народу экономическія выгоды отъ революціи, въ этихъ видахъ они выпустили въ теченіе 1881 года 6 номеровъ рабочей газеты „Зерно". Народовольцы въ свою очередь потеряли свое прежнее довѣріе къ либераламъ и покинули надежды на нихъ: они поняли, что на либераловъ разсчитывать нечего, и обратились опять къ народу, главнымъ образомъ къ городскому пролетаріату, такъ какъ они сами жили и дѣйствовали въ городахъ. Я уже говорилъ, что Желябовъ и другіе террористы занимались организаціей рабочихъ кружковъ и издавали „Рабочую Газету" (вышло 6 номеровъ). Далѣе обѣ партіи намѣревались практиковать терроръ, но одна съ цѣлью завоеванія политической свободы, другая, чтобы привлечь на свою сторону народъ, поднять въ немъ вѣру въ его силы и затѣмъ создать въ немъ боевыя дружины. Третій пунктъ разногласій касается формы организаціи. Большинству прежнихъ федералистовъ, не забывшихъ еще мистификаціи Нечаева, не могло нравиться подчиненіе всесильному комитету, намѣренія котораго держались отъ нихъ въ тайнѣ. Чернопередѣльцамъ децентрализація была нужна еще потому, что при организаторской дѣятельности въ деревняхъ успѣхъ дѣла находится въ сильнѣйшей зависимости отъ личности агитатора. Съ этимъ организаціоннымъ требованіемъ тѣсно связаны всѣ ихъ федералистическія тенденціи. Газета ихъ называетъ себя органомъ соціалистовъ-

федералистовъ и объявляетъ, что нормальное развитіе можетъ быть гарантировано лишь полнымъ отсутствіемъ принужденія, каждая мѣстность требуетъ самостоятельнаго развитія, такъ какъ населеніе каждой имѣетъ свои особенности; трудно предсказать, въ какой мѣрѣ возможно сразу осуществить федералистическій принципъ.

Тѣмъ не менѣе одинъ изъ выдающихся организаторовъ этой партіи, Яковъ Стефановичъ, еще въ 1880 г. *) требовалъ болѣе строгой централизаціи въ агитаціонномъ дѣлѣ, смотря по мѣсту и времени степень ея можетъ измѣняться; онъ не стремится къ таинственному комитету и не одобряетъ тактику Нечаева, но считаетъ необходимымъ созданіе центра, опирающагося на признаніе его всѣми активными членами партіи. Стефановичъ жалуется на непривычку къ партійной дисциплинѣ и антипатію къ ней, въ особенности же на безграничный разбродъ мыслей, сказывающійся въ планахъ кружковъ народниковъ. Ни одинъ кружокъ не концентрируетъ своихъ силъ на какой-нибудь практической дѣятельности, какъ террористическая партія, которая всѣ свои силы устремила на одну цѣль—цареубійство, напротивъ каждый строитъ массу разнообразныхъ и сложныхъ плановъ. Такъ южные народники ставятъ себѣ слѣдующія задачи: 1) экономическій терроръ, 2) политическій терроръ, 3) тайная агитація, 4) пропаганда среди выдающихся личностей всѣхъ общественныхъ слоевъ, 5) связь съ родственными кружками, 6) установленіе связей съ войскомъ и администраціей. Настолько же разнообразенъ перечень цѣлей и средствъ народнической организаціи, опубликовавшей свою про-

*) „Злоба дня“, стр. 8.

грамму въ „Вольномъ Словѣ“ отъ 3 ноября 1881 г. *). Естественнымъ слѣдствіемъ такой дезорганизаціи партіи является то, что ея программа выражаетъ только ея благочестивыя пожеланія (pia desideria), а никакъ не опредѣленныя цѣли, достиженія которыхъ добиваются сколько-нибудь настойчиво. А въ результатѣ оказывается, говоритъ Стефановичъ, что русская революціонная партія, несмотря на свой ослѣпительный блескъ, остается по своей стойкости и глубинѣ своихъ корней въ народной средѣ позади всѣхъ соціально-революціонныхъ партій Европы. Ее соединяетъ съ народомъ лишь чисто платоническая связь. Вся ея пропаганда и агитація, если и сдѣлали что-нибудь, то только въ городахъ, въ деревняхъ же ровно ничего.

Если даже Яковъ Стефановичъ, самый выдающійся организаторъ народнической партіи, судитъ о ней слишкомъ пессимистически, то въ существенномъ онъ все-таки правъ. Народовольцы на практикѣ больше сдѣлали для своихъ цѣлей, чѣмъ ихъ противники. О дѣятельности черноперeдѣльцевъ, собственно говоря, ничего неизвѣстно. 28 января 1880 года была арестована ихъ тайная типографія. Работавшій въ этой типографіи Жарковъ былъ арестованъ въ Москвѣ и, испугавшись угрозъ, выдалъ своихъ товарищей. По освобож-

*) Изъ сообщенія „Чернаго Передѣла“ (№ 1.) отъ 15 декабря 1879 года видно, какъ незначительны эти децентрализованные кружки. Въ то время въ Кіевѣ существовали 3 кружка, тѣсно связанные другъ съ другомъ и насчитывавшіе всего 36 членовъ. часть которыхъ отправлялась къ тому же въ сосѣдніе промышленные центры для пропаганды и организаціи. Въ другомъ мѣстѣ образовалась группа изъ 5 членовъ, принявшая ихъ программу. Они жаловались только на скудость денежныхъ средствъ: въ кассѣ имѣлось лишь 20—30 рублей.

деніи онъ былъ убитъ на льду Невки. Вслѣдствіе его предательства были арестованы многіе изъ опытныхъ руководителей, и вмѣсто нихъ выступили люди менѣе значительные, которые никогда не стояли близко къ революціонному дѣлу. Этимъ объясняется, что въ позднѣйшихъ номерахъ „Чернаго Передѣла“, въ особенности въ № 4-омъ отъ 19 сентября 1881 года, гораздо больше уступокъ народовольческимъ принципамъ, чѣмъ въ предыдущихъ. Вообще партія народовольцевъ, благодаря своему главному успѣху 1-го марта 1881 г., привлекла къ себѣ всѣ энергическія революціонныя силы. Люди, какъ напр. Перовская, стремившіеся достичь чего-нибудь положительнаго, находили здѣсь поприще для своей дѣятельности, между тѣмъ какъ у чернопередѣльцевъ труды ихъ оставались безслѣдными. Преслѣдованія правительства сблизили эти направленія, и болѣе сильная организація народовольцевъ поглотила разнообразныя группы „Чернаго Передѣла“; послѣднія чувствовали себя разъединенными и слабыми; онѣ переживаютъ повидимому процессъ разложенія и едва ли имѣютъ будущее. Такъ въ 1881—82 годахъ къ партіи „Народной Воли“ примкнули вліятельнѣйшіе члены „Чернаго Передѣла“, какъ напр. Стефановичъ, вернувшійся въ сентябрѣ 1881 года и вновь арестованный въ февралѣ 82 года, а также и многіе пропагандисты, которые хотя и держались до этого времени особнякомъ, но тяготились системой выжиданія. Только послѣдовательные приверженцы анархизма не подпали подъ власть Исполнительнаго Комитета*).

*) Аксельродъ въ своей статьѣ „Развитіе соціально-революціоннаго движенія“—говоря о сѣверномъ обществѣ „Земля и Воля„ (такъ называли себя остатки „Чернаго Передѣла“), придаетъ слиш-

Въ тѣхъ слухахъ и спорадическихъ народныхъ волненіяхъ, въ которыхъ чернопередѣльцы видѣли признакъ, характеризующій вторую подготовительную стадію революціи, въ эти смутные годы (1880 - 81) не было недостатка. Но всѣ эти волненія носили чисто мѣстный характеръ, имѣли свои весьма конкретныя причины и не могли быть использованы въ соціалистическомъ смыслѣ. Въ одномъ случаѣ крестьяне бунтовали изъ-за выгоновъ, отнятыхъ помѣщикомъ, въ другомъ изъ-за новаго размежеванія земли, а бунтъ „босой команды" въ Ростовѣ на Дону*) 2 апрѣля 1880 года, произошелъ изъ-за грубаго обращенія городового съ какимъ-то пьянымъ, котораго онъ схватилъ и поволокъ за волосы въ полицію. Уличная толпа бросилась на полицейскаго, избила его, разнесла полицію и квартиру полиціймейстера и направилась уже къ тюрьмѣ. Но по дорогѣ одинъ предусмотрительный еврей, опасаясь за свой винокуренный заводъ, выкатилъ ей подъ ноги бочку водки. Толпа остановилась, бросилась на вино и такъ перепилась, что уже не была въ состояніи продолжать своихъ геройскихъ подвиговъ. Напрасно нѣкоторые соціалисты надрывали горло криками въ честь свободы—волненіе осталось простымъ буйствомъ безъ всякаго политическаго характера. Впрочемъ нельзя не признать, что вслѣдствіе частыхъ повтореній подобныхъ вспышекъ противъ правительства, оппозиціонный духъ народа ростетъ и крѣпнетъ. Что же касается до циркулирующихъ въ народѣ слуховъ, то нѣкоторые, дѣйствительно, обязаны своимъ происхожденіемъ агитаціи, другіе выросли

комъ много значенія ничтожной дѣятельности своей партіи. Ср. Лавровъ въ Календарѣ", стр. 115.

*) „Черный Передѣлъ" № 1, стр. 24.

изъ народныхъ желаній и получили въ брошюрахъ печатное подтвержденіе. Для тѣхъ, кто интересуется умственною жизнью деревни, гдѣ въ долгіе зимніе вечера, собравшись за работой или въ праздничные дни въ кабакахъ, люди любятъ пространно философствовать о своемъ настоящемъ и будущемъ, и съ наивностью дѣтей природы вѣрятъ всякимъ слухамъ, въ особенности печатнымъ, разъ они подтверждаютъ ихъ надежды и желанія—для такихъ читателей будетъ не безынтересно содержаніе нѣсколькихъ корреспонденцій въ революціонныхъ газетахъ. Самымъ распространеннымъ, упорно держащимся почти по всей Россіи слухомъ является въ Великороссіи слухъ о „черномъ передѣлѣ", въ Малороссіи —о „слушномъ часѣ", по которому вся земля, въ томъ числѣ и помѣщичья будетъ подѣлена между крестьянами, а подати будутъ уменьшены. Таковы безсознательныя соціалистическія пожеланія земледѣльческаго народа, часто же слухи принимаютъ характеръ легенды*). Легенда говоритъ, что царь разъѣзжаетъ по деревнямъ и приказываетъ дѣлить землю, его гдѣ-то видѣли и узнали. Въ Сибири, между прочимъ, разсказываютъ такую исторію: однажды царь надѣлъ мундиръ и ордена императора Павла и явился въ Сенатъ де.—„Господа сенаторы и синодоры! имѣю я право носить эти ордена?" спрашиваетъ онъ. „Нѣтъ, Ваше Величество,—отвѣчаютъ они.—Вы не можете носить ихъ, Вы ихъ не заслужили!" Тотъ же отвѣтъ получается и тогда, когда онъ надѣвалъ ордена Николая I и Александра I. Тогда онъ надѣлъ только свои ордена, которыхъ было очень мало.—„Имѣю я право носить эти ордена?" — На это

*) Вольное Слово № 51.

Вы имѣете право, Ваше Величество, Вы заслужили ихъ!“ — „Теперь скажите мнѣ, господа сенаторы, откуда получили Вы свою землю?“ спросилъ ихъ императоръ. Изъ отвѣтовъ оказалось, что одинъ получилъ ее въ наслѣдство отъ дѣдушки, другой въ приданое за женой и т. д.—„Имѣете Вы право владѣть всей этой землей?“ спросилъ царь. Сенаторы и синодоры пришли въ замѣшательство и подписали бумагу, по которой земля должна быть раздѣлена, при чемъ и царь и помѣщики и каждый крестьянинъ—всѣ получаютъ по семи десятинъ. Въ каждомъ межеваніи земли, въ каждомъ статистическомъ изслѣдованіи, крестьяне видятъ приближеніе „чернаго передѣла“ и подтвержденіе своихъ желаній. Въ Воронежской губерніи полагаютъ, что земля будетъ раздѣлена на равныя части и роздана крестьянамъ и помѣщикамъ по 8 десятинъ на душу. Неизвѣстно только, отдадутъ ли землю въ общинное пользованіе, или каждый въ отдѣльности будетъ выкупать свой участокъ. Опасаются также и за размѣръ выкупныхъ платежей. Самымъ умѣреннымъ былъ слухъ, что крестьянамъ возвратятъ только такъ называемые „отрѣзки“, т. е. земли, находившіяся въ ихъ пользованіи до отмѣны крѣпостного права, но затѣмъ присвоенныя помѣщиками. Вообще большинство крестьянъ вѣритъ въ добрую волю царя, но меньшинство думаетъ, что онъ не станетъ изъ-за нихъ ссориться съ господами и генералами. Малороссы держались того мнѣнія, что царя убили дворяне, великороссы болѣе скептичны, и когда изъ городовъ доходятъ до нихъ слухи, что это сдѣлали соціалисты, они прибавляютъ: „можетъ быть это за насъ“. Въ Боровскомъ уѣздѣ думаютъ, что это сдѣлали студенты, а они друзья крестьянъ. Въ другихъ

мѣстахъ держатся слухи, что крестьяне не должны болѣе нанимается къ помѣщикамъ, или, по крайней мѣрѣ, не должны брать менѣе 40 руб. за обработку десятины (въ настоящее время платятъ 8 руб.)*). Хотя революціонеры подтверждали и распространяли слухи о передѣлѣ земли, но не они ихъ выдумали. Они являлись результатомъ всего экономическаго міровоззрѣнія крестьянъ. По мнѣнію послѣднихъ, земля создана Богомъ и принадлежитъ народу, царь же, какъ естественный представитель народныхъ интересовъ, имѣетъ право и даже обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый могъ пользоваться „божьей землей". Какъ въ былые годы послѣ ревизіи земля дѣлилась поровну между членами каждой общины, такъ теперь можно подѣлить землю между различными общинами и сословіями. Многіе помѣщики заслужили свои помѣстья въ качествѣ генераловъ напримѣръ, также, какъ они заслужили у царя и свои ордена; но сыновья ихъ могутъ быть совершенными бездѣльниками и не имѣютъ права владѣть землей такъ же, какъ и новый императоръ не могъ носить орденовъ императора Павла, потому что не заслужилъ ихъ**).

Прокламація Исполнительнаго Комитета, попадая въ какую-нибудь мѣстность, возбуждала обыкновенно оживленные толки***). Въ Саратовской губерніи крестьяне смѣшали Исполнительный Комитетъ съ правительственной коммиссіей, разрабатывавшей вопросъ объ уменьшеніи выкупныхъ платежей и составляли прошенія на имя Комитета. Губернаторъ обнадежилъ ихъ от-

*) Народная Воля № 6, стр. 12.
*) Вольное Слово № 51.
***) Народная Воля № 6, стр. 11.

носительно будущихъ облегченій. Другія прокламаціи попадали въ руки полиціи, и послѣдняя, если крестьяне настаивали на прочтеніи бумаги, прочитывала вслухъ прокламацію, импровизируя ея содержаніе. Въ казармахъ бывало то же самое, но каждый разъ среди солдатъ находились такіе, которые знали настоящее содержаніе прокламаціи, почему всѣ они окончательно убѣждались въ томъ, что чиновникамъ нельзя довѣрять ни въ какомъ случаѣ. Въ одной изъ мѣстностей Малороссіи бѣдная вдова крестьянка получила изъ Петербурга „Золотую грамоту". Она снесла ее на базаръ и дала для прочтенія какому-то грамотею. Въ грамотѣ было напечатано, что крестьяне не могутъ разсчитывать на чью-либо помощь, а должны прямо захватить землю, какъ это сдѣлали господа, забравши у нихъ лучшіе участки. Содержаніе этой прокламаціи стало извѣстнымъ въ трехъ волостяхъ. Одни думали, что она идетъ отъ царя, другіе говорили, что отъ соціалистовъ (это названіе вошло въ употребленіе со времени еврейскихъ безпорядковъ). Нѣкоторые считали соціалистовъ за пословъ самого царя: они ходятъ по дворамъ, спрашиваютъ о количествѣ земли и скота и записываютъ въ книжки. Эти свѣдѣнія нужны для передѣла. Другіе боялись соціалистовъ, какъ цареубійцъ, которые перебьютъ также и всѣхъ крестьянъ. Словомъ, цѣлый хаосъ слуховъ! Корреспондентъ „Чернаго Передѣла" [№ 4] благоразумно предостерегаетъ насъ однако отъ предположенія, что вѣра въ царя замѣнилась среди крестьянъ вѣрой въ соціалистовъ. Правда, крестьяне слышатъ о соціалистахъ, какъ о значительной силѣ, но еще не знаютъ, враги они или друзья. Дѣло не ограничилось однако мѣстными безпорядками и фантастическими слухами — тер-

роръ фактически перенесенъ въ народную жизнь. Югъ опять шелъ впереди: тамъ начались и главнымъ образомъ происходили еврейскіе погромы (1880-82 г.), тогда какъ бѣлоруссы и литовцы, менѣе склонные къ насилію, практикуютъ обыкновенно терроръ лишь въ видѣ поджоговъ. Еврейскіе погромы вызываются цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, подробно разсматривать которыя мы здѣсь не можемъ. Для этихъ взрывовъ раздраженія у народа имѣлась цѣлая масса переплетающихся между собою мотивовъ религіозныхъ, національныхъ и соціально-экономическихъ — послѣдніе однакожъ преобладали. Не то, чтобы евреи были въ глазахъ народа его единственными эксплуататорами, но въ своей ненависти къ эксплуататорамъ онъ соблюдаетъ извѣстную традицію. Болѣе всего ненавидятъ крестьяне ростовщиковъ-евреевъ, чуждыхъ имъ по религіи и по обычаямъ; затѣмъ слѣдуютъ хищники православные, но изъ другого общественнаго класса: помѣщики и купцы, всего же менѣе ненависти внушаетъ крестьянину близко знакомый ему кулакъ односельчанинъ*). Съ евреемъ же, наоборотъ, крестьянина не связываетъ ничего, кромѣ денежныхъ сдѣлокъ, при заключеніи которыхъ онъ почти всегда остается въ накладѣ. Тѣмъ не менѣе проявленіе этихъ чувствъ къ евреямъ никогда не приняло бы такихъ широкихъ размѣровъ, если бы правительство не смотрѣло сквозь пальцы на погромы, приписывая имъ значеніе предохранительнаго клапана противъ народнаго возбужденія. За это предположеніе убѣдительнѣе всего говоритъ то обстоятельство, что съ перемѣной министра внутреннихъ дѣлъ еврейскіе по-

*) Черный Передѣлъ № 4, стр. 7.

громы прекратились. Къ этому присоединяется немаловажный, хотя и не вполнѣ выясненный фактъ участія революціонеровъ въ еврейскихъ безпорядкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народная молва указывала на соціалистовъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ, и въ самомъ дѣлѣ Исполнительный Комитетъ 30 августа 1881 года издалъ очень рѣзкую прокламацію противъ евреевъ, которой придалъ въ заключеніе такой оборотъ, что главой всѣхъ эксплуататоровъ оказывался царь*). Эта прокламація была составлена немногими членами Исполнительнаго Комитета въ Москвѣ, но не была одобрена ни остальными членами, ни всей партіей и потому изъята изъ обращенія. Но одна корреспонденція „Народной Воли“ отъ 23 октября 1881 г. настаиваетъ на томъ, что Исп. Ком. и революціонеры не имѣютъ права относить-

*) Эта рѣдкая теперь прокламація была приблизительно такого содержанія: Народъ влачитъ жалкое существованіе, не имѣя крова; у жидовъ прекрасные дома. Не всегда такъ было. Украинцы были вольными казаками и подчинялись только своему гетману. Но вотъ пришелъ русскій царь, раздѣлилъ земли между панами, а крестьянъ заставилъ платить себѣ подати. Нѣтъ у крестьянина денегъ для уплаты податей, онъ занимаетъ у жида и разоряется въ конецъ, такъ какъ жида поддерживаютъ паны и чиновники. Но существуетъ Исполнительный Комитетъ, который рѣшилъ, что вся земля и всѣ фабрики должны быть отняты отъ пановъ и переданы крестьянамъ и рабочимъ, а всѣ чиновники должны быть изгнаны и замѣнены свободно избранными депутатами. Царь не хотѣлъ этого и потому былъ приговоренъ и казненъ 1-го марта. Новому царю было поставлено требованіе, чтобы онъ не угнеталъ больше народъ. Если онъ не послушается, то почувствуетъ силу Исполнительнаго Комитета. Тогда народъ вмѣстѣ съ Комитетомъ пойдетъ противъ жидовъ, пановъ и царя. Помогите намъ! Подпимайтесь рабочіе! Мстите панамъ! Грабьте жидовъ и убивайте чиновниковъ.

ся отрицательно, или хотя бы только индифферентно къ этому, чисто народному движенію. Робеспьеръ, Дантонъ, Сенъ-Жюстъ и Демиленъ не отказывались руководить народомъ изъ-за того только, что раздраженный постояннымъ угнетеніемъ онъ доходилъ до крайностей. То, что дѣлали якобинцы, долженъ дѣлать и Исполнительный Комитетъ.

Наряду съ антиеврейскимъ движеніемъ на югѣ Россіи существуютъ еще два другихъ: одно революціонное — штундизмъ, вначалѣ протестантская секта, развивается впослѣдствіи отчасти подъ вліяніемъ соціалистическихъ агитаторовъ (Ковальскаго, Дробязгина и др.) въ новую штунду съ раціоналистическимъ характеромъ, и другое — аграрно-политическое движеніе, такъ называемыхъ чиншевиковъ. Чиншевиками называются мелкіе наслѣдственные арендаторы помѣщичьихъ земель. Въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ ихъ насчитываютъ сотни тысячъ. Въ послѣднее время они стремятся замѣнить наслѣдственныя арендныя отношенія къ землѣ правомъ неограниченной собственности въ силу давности владѣнія и наслѣдованія, между тѣмъ какъ помѣщики хотятъ прогнать ихъ съ этихъ участковъ. Обыкновенно чиншевики проигрываютъ свои земельные процессы въ силу закона, по которому договоры объ арендѣ не могутъ заключаться на срокъ болѣе 12 лѣтъ. Вслѣдствіе этого образовался цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, весьма склонныхъ ко всякимъ безпорядкамъ. По новому закону чиншевики принуждены de facto покупать свои надѣлы, для чего правительство выдастъ имъ въ ссуду до 85% покупной цѣны.

IX.

Біографіи и внутренняя организація.

Исторія революціоннаго движенія въ Россіи будетъ не полна, если мы не отвѣтимъ по возможности на вопросы: какими личностями и денежными средствами располагаетъ оно и какова его внутренняя организація. Эти вопросы касаются сокровеннѣйшихъ тайнъ революціонной жизни, и непосвященный можетъ получать о нихъ свѣдѣнія только изъ печатныхъ источниковъ. Но и послѣдніе, по весьма понятной причинѣ, даютъ очень немного. Вѣдь нельзя и требовать, чтобы партія дѣлала сообщенія о своихъ активныхъ, еще не открытыхъ или даже давно арестованныхъ и осужденныхъ вожакахъ. Этимъ она могла бы сильно повредить имъ. Даже о Чернышевскомъ, хотя онъ вслѣдствіе двадцатилѣтняго заключенія уже давно умеръ для дѣла, мы не имѣемъ никакихъ біографическихъ данныхъ, кромѣ неудовлетворительнаго очерка его жизни, составленнаго Елпидинымъ *). Въ послѣднее время П. Лавровъ и В. За-

*) Чернышевскій во время тюремнаго заключенія (1862—64 г.) по просьбѣ своихъ друзей написалъ начало романа, которое напечаталъ „Впередъ" въ 1877 году. Въ этомъ „Прологѣ пролога" авторъ даетъ въ формѣ эскизовъ портреты дѣятелей уничтоженія крѣпостного права. Ростовцева, Муравьева, Валуева, Сѣраковскаго, Кавелина, свой собственный, своей жены и многихъ другихъ. Какъ романъ, эти эскизы не представляютъ ничего цѣннаго, но они интересны, какъ мемуары. Самого себя Чернышевскій изображаетъ разсѣяннымъ, скучнымъ человѣкомъ, работающимъ по цѣлымъ ночамъ, мужемъ своей жены, выдвинутой въ романѣ на

сулпчъ издали на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ членами партіи „Народная Воля“, вполнѣ удовлетворительныя біографіи казненныхъ цареубійцъ: Желябова, Перовской, Кибальчича, а также Гриневицкаго, Соловьева и Александра Михайлова. Эти біографіи довольно поучительны. Я изложу важнѣйшія изъ нихъ*).

Андрей Желябовъ по своему организаторскому таланту и энергіи стоитъ выше большинства своихъ товарищей. Онъ родился около 1850 г. въ Крыму; его родители и родственники были крѣпостными дворовыми; съ дѣтскихъ лѣтъ у него сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ высѣкли его дядю и обезчестили его тетку. Его дѣдъ, почтенный сектантъ, выучилъ его церковнославянской грамотѣ и заставилъ вызубрить весь псалтирь. Помѣщикъ скоро замѣтилъ мальчика, самъ обучилъ его русской азбукѣ и отдалъ въ Керченскую гимназію, гдѣ онъ и окончилъ курсъ. Онъ считался хорошимъ товарищемъ и прилежнымъ ученикомъ, но былъ ужасный шалунъ и, благодаря своему поведенію, получилъ только серебряную медаль, тогда какъ по своему прилежанію и способностямъ вполнѣ заслужилъ золотую.

Въ Одесскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ въ 1868 году, въ первой же демонстраціи противъ одного

первый планъ. Менѣе интересна уже упомянутая нами автобіографія Худякова (Женева 1882 г.), умершаго въ ссылкѣ въ 1876 г. Въ настоящее время готовится біографія Бакунина.

*) Ср. пренія въ процессѣ упомянутыхъ лицъ и особенно рѣчь прокурора. Біографіи Желябова, Перовской, Кибальчича вышли отдѣльно, остальныхъ помѣщены въ 1—3 №№ „На родинѣ“. Многочисленныя біографическія замѣтки даетъ „La Rossia Sotterannea“ стр. 44—140. Далѣе въ „Календарѣ Народной Воли“ 1883 г. есть біографіи Перовской и Гельфманъ и сообщенія о Халтуринѣ и Грачевскомъ.

профессора онъ оказался вожакомъ и былъ за это исключенъ. Такая же участь его постигла во второй разъ, когда онъ былъ на третьемъ курсѣ юридическáго факультета. Жилъ Желябовъ сначала стипендіей, когда же лишился ея,—частными уроками и очень часто терпѣлъ нужду, хотя за то иногда зарабатывалъ до 150 р. въ мѣсяцъ. Первое время онъ увлекался студенческими дѣлами: кассами, кухмистерской, библіотеками, товарищескимъ судомъ и пр. Но эта дѣятельность не могла его удовлетворить. Когда затѣмъ въ связи съ Нечаевскимъ заговоромъ въ Одессѣ организовались тайные кружки, Желябовъ предался имъ всей душой; студентъ—крестьянинъ былъ окруженъ въ тогдашнихъ кружкахъ полумистическимъ ореоломъ и пріобрѣлъ симпатіи своихъ товарищей. Вскорѣ онъ познакомился съ ветеранами революціи и попалъ въ ихъ политическую школу. Въ 1872—3 г. онъ состоялъ въ кружкѣ, тѣсно связанномъ съ петербургскими Чайковцами. Какъ и всѣ его товарищи, Желябовъ сдѣлался пропагандистомъ, жилъ въ сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, объяснялъ рабочимъ содержаніе брошюръ, организовалъ небольшіе рабочіе кружки съ кассами и библіотеками; отправлялся онъ также въ деревню и продавалъ огурцы на базарѣ. Дѣятельность его была не безрезультатна: онъ пріобрѣлъ нѣсколькихъ единомышленниковъ. Но могъ-ли Желябовъ удовлетвориться этимъ? Онъ былъ нетерпѣливой, страстной натурой; во все, что онъ дѣлалъ, даже въ танцы и пѣніе, онъ вкладывалъ всю свою душу; способный на жертвы и услужливый, онъ былъ очень чувствителенъ къ обидамъ и насмѣшкамъ и пускалъ тогда въ ходъ ѣдкія выраженія, ядовитые сарказмы и угрожающіе жесты. Усидчивая, хотя бы и полезная работа,

не соотвѣтствовала его характеру; она наводила на него скуку, и онъ терялъ терпѣніе. Натискъ, борьба и опасности—вотъ его стихія. Нужно-ли было провести опасный транспортъ, за которымъ уже слѣдила полиція или проводить товарища, бѣгущаго за границу — за это брался Желябовъ, вѣрившій въ свою счастливую звѣзду. Онъ родился вождемъ и не могъ быть рядовымъ солдатомъ. И хотя Желябовъ былъ достаточно, а по увѣренію нѣкоторыхъ даже чрезмѣрно честолюбивъ и самолюбивъ, но не одни эти свойства заставляли его искать господства: оно вытекало изъ всего склада его характера и его темперамента. Поэтому направленіе террористической партіи, въ рядахъ которой онъ умеръ, по громкой и нервной свой дѣятельности вполнѣ отвѣчало его натурѣ.

Послѣ вторичнаго исключенія изъ университета Желябовъ жилъ то въ родной деревнѣ, то въ Одессѣ. Около этого времени онъ женился, и скоро у него родился сынъ. Своихъ отношеній къ деревнѣ онъ не прерывалъ вплоть до 1879 года, когда окончательно скомпрометировалъ себя. Одно время онъ даже два года сплошь жилъ дома, велъ собственное хозяйство и сдѣлался здоровымъ крестьяниномъ, съ которымъ рѣдко кто могъ помѣряться силою, и притомъ отличнымъ работникомъ и хорошимъ хозяиномъ. Семейныя отношенія, по его собственнымъ словамъ, были хороши; жена помогала ему добывать средства: она была акушерка. Однако Желябовъ не былъ способенъ отдаться ей всей душей. Подобно крестьянамъ онъ видѣлъ въ женѣ не возлюбленную, а лишь мать семейства и помощницу въ хозяйствѣ. Въ бракѣ на первомъ планѣ у него стояла не любовь, къ которой онъ относился

довольно иронически, а обязанность къ семьѣ. Эту обязанность онъ исполнялъ тогда добросовѣстно, и не раньше бросился въ террорическое движеніе, какъ приведя въ полный порядокъ свои домашнія дѣла.

Въ 1877 г., онъ, какъ обвиняемый по процессу 193, былъ увезенъ въ Петербургъ. Здѣсь послѣ семимѣсячнаго заключенія былъ оправданъ и освобожденъ. Съ этого времени онъ принималъ болѣе активное участіе въ движеніи, пріобрѣталъ все большую извѣстность на югѣ и завязалъ сношенія съ сѣверомъ.

Желябовъ никогда не раздѣлялъ односторонности пропагандистовъ и не ограничивался одной агитаціей въ крестьянствѣ. Онъ постоянно обращался также и къ „обществу“, и его дѣятельность носила всегда политическій характеръ. Въ этомъ онъ не сходился съ большинствомъ тогдашней партіи. Онъ всегда признавалъ, что освобожденіе было большимъ благомъ для крестьянина и несомнѣнно подняло его нравственный уровень, хотя и не улучшило его экономическаго положенія. Тѣмъ не менѣе ему былъ ненавистенъ принципъ царизма, эта неограниченная, неконтролируемая власть одного лица надъ цѣлымъ народомъ. Патріархальнаго царя онъ не понималъ и не вѣрилъ въ него. Въ уничтоженіи крѣпостного права Желябовъ видѣлъ не великодушіе царя, а разсчетъ. „Для правительства“, говорилъ онъ, „было выгодно поднять свои доходы, эксплуатируя самому крестьянъ и при этомъ потрясти сравнительно сильное дворянское сословіе“. Еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ радовался выстрѣлу Каракозова. Понятно поэтому, что Желябовъ въ 1877 году по первому же призыву бросился въ объятія террора. Объ его выдающейся роли на съѣздахъ въ

Липецкѣ и Воронежѣ я уже говорилъ. Вскорѣ послѣ съѣздовъ онъ отправился въ качествѣ вербовщика въ южно-русскіе университетскіе города и произносилъ здѣсь рѣчи, которыя, кажется, производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Рѣчи Желябовъ произносилъ съ профессорскими пріемами. Говорилъ правильно и округленными фразами; въ частной бесѣдѣ это производитъ неблагопріятное впечатлѣніе, но очень выгодно предъ большой аудиторіей. Въ моментъ воодушевленія его голосъ былъ чистъ и звученъ, а грудь неутомима. Мысли онъ развивалъ строго логически; возражалъ быстро и иногда язвительно. Нападенія возбуждали его мысль, высѣкали искры. Но особенно хороши были его патетическія рѣчи, когда онъ съ жаромъ говорилъ объ обязанностяхъ предъ отечествомъ и о мщеніи тиранамъ. Тогда онъ быстро воодушевлялъ свою легковоспламеняемую аудиторію. Ему рѣдко представлялся случай говорить, но каждый разъ его сопровождалъ громадный успѣхъ. Между тѣмъ организовалась террористическая партія, и уже осенью 1879 года Желябовъ является агентомъ Исполнительнаго Комитета и закладываетъ мину подъ Александровскомъ. Послѣ трехъ неудачныхъ покушеній 18—19 ноября 1879 г. онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ ему предстояло не мало работы. Многіе товарищи были арестованы; предательство Гольденберга измѣнило многіе планы, людей приходилось перемѣщать. Желябовъ завѣдывалъ динамитными мастерскими, но его главная сфера дѣятельности была другая. Какъ террориста—превосходить сто могли многіе, какъ организатора—почти никто.

Онъ умѣлъ обращаться съ людьми и предъявлялъ къ нимъ требованія, сообразуясь съ ихъ силами. Хотя

онъ не чуждъ былъ самолюбія и хорошо зналъ себѣ цѣну, но личность его была такъ сильна, что масса молодежи беззавѣтно отдавалась ему. Свои организаторскіе таланты Желябовъ проявлялъ какъ среди общества, такъ и въ средѣ рабочихъ, для которыхъ онъ издавалъ рабочую газету. „Я рожденъ демагогомъ", говорилъ онъ, „мое мѣсто на улицѣ среди рабочей толпы". Лихорадочная дѣятельность настолько истощила его нервную, впечатлительную натуру, что онъ, сильный по природѣ, въ послѣднее время былъ подверженъ обморокамъ и безсонницѣ. Желябовъ былъ статный, красивый мужчина съ энергичными чертами лица и роскошной окладистой бородой. Въ пользу его наружности говоритъ то, что онъ нравился женщинамъ и имѣлъ не мало приключеній. Послѣдніе годы онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Перовской. Она соотвѣтствовала ему во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ высоко цѣнилъ ея умъ, ея характеръ и видѣлъ въ ней лучшаго товарища. О семейномъ счастьѣ не могло быть и рѣчи при постоянной тревогѣ и массѣ занятій. Желябовъ любилъ литературу. Возвратившись однажды домой поздно ночью со сходки вблизи Петербурга, онъ такъ углубился въ чтеніе „Тараса Бульбы", что за этимъ занятіемъ его засталъ поздно утромъ одинъ изъ пріятелей, который долго не могъ добиться отъ него ничего, кромѣ разсказовъ о смѣломъ казацкомъ предводителѣ. Онъ былъ также большой поклонникъ природы, Невы и широкаго моря. Онъ любилъ музыку и общество товарищей. Но минутъ беззаботнаго общенія было однако немного. Послѣдній веселый вечеръ провелъ онъ подъ новый 81 годъ на вечеринкѣ, устроенной будущими цареубійцами. Анекдоты и танцы разнообразили празд-

никъ. Когда тотъ или другой товарищъ высказывалъ мрачный взглядъ на будущее, Желябовъ выражалъ вѣру въ это будущее: „и послѣ насъ найдутся люди“, утверждалъ онъ. На судѣ прокуроръ характеризовалъ Желябова слѣдующими словами: „Желябовъ былъ необыкновенно типичный конспираторъ во всемъ—въ жестахъ, мимикѣ, движеніяхъ, словахъ, притомъ не безъ театральнаго эффекта; до послѣднихъ минутъ драпировался онъ въ свою конспираторскую тогу. Ему нельзя отказать въ умѣ, даровитости и ловкости“.

Рядомъ съ Желябовымъ стоитъ Софья Перовская, вышедшая изъ совершенно иной среды—высшей аристократіи. Это была сдержанная, замкнутая въ себѣ личность, которая охотно помогала другимъ, но для себя не требовала никакой помощи, личность, жизнь которой была такъ печальна, что она очень неохотно разсказывала о ней. Поэтому ея внутренній міръ остался загадкой даже для людей, близко стоявшихъ къ ней; мало извѣстна даже внѣшняя сторона ея жизни. Родилась она въ Петербургѣ въ 1854 году. Мать ея, умная и добрая женщина, нѣжно любила свою дочь и была любима ею. Отецъ, наоборотъ, представлялъ собою типъ мелочнаго, эгоистичнаго чиновника, котораго дочь ненавидѣла. Онъ былъ губернаторомъ сначала въ Псковѣ, потомъ въ Петербургѣ, отличался расточительностью, надѣлалъ благодаря этому массу долговъ, и когда послѣ покушенія Каракозова потерялъ мѣсто, то оказалось, что онъ почти совершенно разоренъ. Мать, обремененная своими свѣтскими обязанностями, не могла удѣлять достаточно времени воспитанію дочери. Перовская была веселымъ, рѣзвымъ ребенкомъ, любила пошалить и не слушалась никого, кромѣ матери. Весь-

ми лѣтъ она быстро выучилась читать, затѣмъ брала частные уроки, но не получила никакого религіознаго воспитанія, а къ 14-ти годамъ прекратились вообще всякія занятія. Въ Крыму, въ наслѣдственномъ имѣніи матери, куда въ это время переѣхала семья, подростающая дѣвочка могла разсчитывать лишь на немногія серьезныя сочиненія домашней библіотеки. Когда пришлось продать и это имѣніе въ 1869 году, мать съ дочерью возвратились въ Петербургъ. Здѣсь Перовская поступила на женскіе курсы при одной гимназіи и познакомилась тамъ съ Вильбергъ, Корниловой и Софьей Лешернъ, которыя впослѣдствіи всѣ посвятили себя революціонной дѣятельности. Когда родители снова поселились вмѣстѣ, отецъ запретилъ дочери принимать у себя этихъ пріятельницъ. Она не могла перенести этого и въ 1870 г. оставила родительскій домъ, вступила въ кружокъ Чайковцевъ, а позже пошла въ народъ. Послѣ нѣкоторой подготовки она сдѣлалась народной учительницей. Въ 1872 г. мы находимъ ее на Камѣ (по сю сторону Урала), гдѣ она въ качествѣ оспопрививательницы ходитъ изъ деревни въ деревню и переноситъ всякія лишенія. То была эпоха, когда жили по рецепту Рахметова въ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать". Пища Перовской состояла только изъ молока и каши; она спала на подушкѣ, набитой соломой, и при всемъ томъ не теряла здоровья. Оттуда она перешла въ Эдимоново, Тверской губерн., въ одну изъ Верещагинскихъ сыроваренъ, гдѣ была помощницей народнаго учителя. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ русской молодежью она прошла всѣ фазисы развитія революціоннаго движенія. Въ ноябрѣ 73 года она была арестована и освобождена на поруки за 5000 рублей. Послѣ этого

она рѣшила обучиться фельдшерству и сначала поступила для ученія къ одному врачу въ Тверской губ., а затѣмъ прошла курсъ фельдшерской школы въ Симферополѣ, гдѣ получила и дипломъ. Въ процессѣ 193 она была оправдана, но выслана административнымъ порядкомъ въ Олонецкую губернію (1878 г.) подъ конвоемъ двухъ жандармовъ. На станціи Чудово они остановились ночевать. Перовская вышла изъ дамской комнаты, перешагнула черезъ спавшихъ у порога жандармовъ, скрылась въ ближайшемъ лѣсу, гдѣ въ теченіе 6 часовъ выждала, пока улеглись розыски, а затѣмъ спокойно поѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она примкнула къ обществу „Земля и Воля“ и, переѣхавъ въ Харьковъ, занялась освобожденіемъ заключенныхъ и облегченіемъ ихъ тяжелаго положенія. Но первая задача не удалась. На Воронежскомъ съѣздѣ она была въ числѣ тѣхъ, которые старались во что бы то ни стало предотвратить распаденіе партіи. Изъ мести за казненныхъ товарищей она стояла за цареубійство, но была противъ прекращенія агитаціонной дѣятельности въ народѣ, считая ее необходимой для выясненія народу цѣлей и значенія цареубійства. Пока партія „Чернаго Передѣла“ не вела серьезной работы въ народѣ, Перовская рѣшила помогать террористамъ; поэтому она формально не вступила ни въ одну изъ партій, но помогала обѣимъ. Такъ мы находимъ ее въ ноябрѣ 1879 г. въ Москвѣ, въ домѣ Сухорукова въ роли квартирной хозяйки Гартмана и др. Она держала себя очень ловко и оставалась въ домѣ до самаго взрыва и вмѣшалась затѣмъ въ сбѣжавшуюся на взрывъ испуганную толпу. Когда затѣмъ она отправилась въ Петербургъ, и ей пришлось сидѣть въ одномъ вагонѣ со своимъ сосѣ-

домъ по дому Сухорукова, то послѣдній не узналъ ее. Въ Петербургѣ она заявила готовность пристать къ партіи „Чернаго Передѣла“, если та разсчитываетъ въ скоромъ времени вызвать въ народѣ крупное движеніе. Ей сообщили, что расчитывать на это очень трудно „Въ такомъ случаѣ“, сказала Перовская, „мнѣ не остается ничего иного, какъ примкнуть къ „Народной Волѣ“. Здѣсь она явилась рѣшительной централисткой и защищала необходимость дисциплины. Неутомимо она работала среди студенческой молодежи и рабочихъ, такъ какъ безъ содѣйствія рабочихъ и войска не считала революцію возможной. Ея недостаткомъ, въ которомъ она никогда не признавалась, было то, что она нисколько не берегла себя, но ея ловкость побѣждала всѣ затрудненія, бывшія результатомъ ея поведенія. Послѣдній годъ ея жизни былъ, какъ кажется, первымъ годомъ ея любви (біографъ въ этомъ не вполнѣ увѣренъ). Вообще она была „женскимъ патріотомъ“; ставила женщинъ выше мужчинъ, изъ которыхъ уважала лишь немногихъ. Но Желябовъ былъ вполнѣ равенъ ей во всѣхъ отношеніяхъ. 27-го февраля 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ; Перовская тѣмъ не менѣе успѣла очистить свою квартиру и скрыться на глазахъ преслѣдовавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта ее убѣждали бѣжать заграницу, но она осталась, потому что именно въ это время пребываніе въ Петербургѣ казалось ей особенно интереснымъ. 10-го марта, проѣзжая на извозчикѣ, она была остановлена и арестована.

Желябовъ и Перовская были по преимуществу организаторами и практиками; совершенно другой типъ представляетъ Николай Кибальчичъ (родился въ 1853 г. или 1854 г.); сынъ сельскаго священника Черниговской

губ., малороссъ, онъ до конца жизни сохранилъ украинофильскія и федералистическія стремленія. Съ 1871 года онъ былъ студентомъ инженернаго училища, въ 1873 г. перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ вступилъ въ кружокъ саморазвитія, писалъ рефераты по политико-экономическимъ вопросамъ, но не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и не занимался революціонной дѣятельностью. Въ 1875 г. одна дама, ожидая у себя обыска, попросила его взять на сохраненіе тюкъ запрещенныхъ заграничныхъ изданій. Онъ оказалъ ей эту услугу, но спустя два дня и у него былъ обыскъ, такъ какъ задолго до того на родинѣ во время каникулъ онъ случайно далъ знакомому крестьянину брошюру, которая, ходя по рукамъ, дошла, наконецъ, до жандармовъ. Предварительное одиночное заключеніе длилось 3 года; по процессу 193 Кибальчичъ былъ приговоренъ къ мѣсячному заключенію. Замѣчательна та ревность, съ которою Кибальчичъ даже въ заключеніи предавался серьезнымъ занятіямъ. Въ то время, какъ заключенные по большей части впали въ апатію и цѣлые дни лежали на кроватяхъ или ходили взадъ и впередъ по камерамъ,—Кибальчичъ все время усердно читалъ различныя научныя книги. Даже прогулками онъ пользовался не исключительно съ гигіеническою цѣлью, а старался въ это время завязать сношенія съ уголовными арестантами и склонить ихъ къ соціализму, что ему нѣсколько разъ и удавалось. По характеру Кибальчичъ былъ флегматиченъ; говорилъ онъ медленно, какъ будто по складамъ, чѣмъ производилъ невыгодное впечатлѣніе на мало знающихъ его людей. Физіономія его отличалась неподвижностью и на ней нельзя было замѣтить, когда онъ былъ радъ

или доволенъ. Многіе считали его апатичнымъ, вялымъ; женщины раздражались даже его манерой говорить, и онъ часто подвергался ихъ насмѣшкамъ. Зато на лицѣ его были написаны мягкость и добродушіе. Только одинъ разъ въ заключеніи онъ оживился, именно, когда слушалъ разсказъ о планѣ нѣсколькихъ революціонеровъ взорвать на воздухъ всю императорскую фамилію. „Это хорошо, отлично! Отчего вы не займетесь этимъ серьезно!? Если я не попаду въ Сибирь, я займусь производствомъ нитроглицерина!“ Это удивило тогда его товарищей, такъ какъ онъ всегда высказывался противъ преждевременной революціи. Но Кибальчичъ исполнилъ свое намѣреніе. Послѣ освобожденія онъ изучалъ взрывчатыя вещества, и замѣчательно, что въ то время (78 и 79 г.) многіе революціонеры, независимо другъ отъ друга, стали заниматься этимъ дѣломъ. Въ февралѣ 1879 года онъ сблизился съ радикалами и принялъ участіе въ агитаціи. Долгое время онъ принадлежалъ къ кружку, непосредственно подчиненному Исполнительному Комитету и давшему впослѣдствіи 5 или 6 выдающихся террористовъ. Однако Кибальчичъ не былъ ни агитаторомъ ни организаторомъ; онъ былъ кабинетный ученый, революціонеръ мысли, а не дѣла, человѣкъ по оригинальности ума стоявшій выше многихъ. Онъ легко побѣждалъ всѣ трудности въ лабораторіи и наукѣ, но не въ практической жизни, гдѣ онъ являлся разсѣяннымъ, неосторожнымъ и ненаходчивымъ; онъ не терпѣлъ мелочей, связанныхъ съ дѣломъ агитаціи. Поэтому онъ не былъ вожакомъ. И на съѣздахъ онъ не участвовалъ, хотя съ самаго начала сочувственно относился къ стремленіямъ террористовъ и писалъ въ ихъ газетѣ. Онъ охотно взялъ на себя завѣдываніе

лабораторіей и управлялъ ею до своего ареста. И здѣсь онъ не былъ пригоденъ, какъ практическій работникъ, но какъ теоретикъ былъ незамѣнимъ. Самоучкой онъ изучилъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки и овладѣлъ литературой своего предмета. Къ тому же онъ былъ очень изобрѣтателенъ и зналъ многочисленные способы изготовленія минъ и бомбъ, которыя отличались либо дешевизною и легкостью фабрикаціи, либо малымъ объемомъ, или тѣмъ, что дѣйствовали въ водѣ. Въ продолженіе своей двухлѣтней работы въ прекрасной лабораторіи онъ пріобрѣлъ такую опытность, что на судѣ ни одинъ экспертъ не могъ сравняться съ нимъ. Въ дѣлѣ приготовленія бомбъ онъ давалъ лишь общія идеи, детали разрабатывались потомъ его помощниками. Кромѣ своей дѣятельности въ лабораторіи Кибальчичъ имѣлъ оплачиваемую литературную работу, много читалъ, владѣлъ хорошей памятью и быстрой сообразительностью. Писалъ онъ также хорошо и легко, но по недостатку времени мало. Вѣчно занятый философскими и техническими вопросами, онъ былъ очень симпатичной и располагающей къ себѣ личностью. Въ знакомствахъ онъ былъ особенно оптимистиченъ и всякаго считалъ за хорошаго человѣка, ему и въ голову не приходило, чтобы его могли эксплоатировать. Благодаря своей необычайной разсѣянности онъ часто служилъ предметомъ насмѣшекъ молодыхъ дѣвушекъ. Если онъ это замѣчалъ наконецъ, то совершенно серьезно толковалъ имъ, какъ легкомысленны женщины и какими глупостями онѣ способны интересоваться. Совершенно погруженный въ науку, Кибальчичъ былъ глухъ къ общечеловѣческимъ потребностямъ и чувствамъ. Никогда въ жизни онъ сильно не [illegible]

дился и никогда ни съ кѣмъ серьезно не ссорился, со всѣми былъ одинаково хорошъ. Хотя у него было много знакомыхъ, но онъ ни съ кѣмъ не дружился. Казалось, ему неизвѣстны были чувства любви и дружбы. Про женщинъ онъ говорилъ: „Всѣ онѣ любятъ, чтобы ими занимались и ухаживали за ними, я не понимаю этого, да и времени у меня нѣтъ“. Онъ не зналъ личнаго счастья, но никогда и не ощущалъ въ немъ потребности. Въ науку онъ былъ погруженъ всецѣло и занимался химіей, независимо отъ своей спеціальной цѣли, съ болѣе широкимъ интересомъ; проектомъ воздушнаго шара, приводимаго въ движеніе взрывчатымъ веществомъ онъ былъ занятъ до конца жизни, какъ Архимедъ своими чертежами; проектъ въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ отличается оригинальностью мысли.

Къ числу революціонеровъ не изъ „интеллигенціи“ принадлежитъ извѣстная Геся Гельфманъ. „Поэты не посвятятъ ей стихотвореній, исторія не назоветъ ея имени, міръ не сохранитъ памяти о ней, и однако безъ ея дѣятельности партія не могла бы существовать“— говорится о ней въ „Подпольной Россіи“. Родилась она въ 1855 году въ Мозырѣ (Минской губ.), отецъ ея былъ зажиточный еврей, фанатикъ, мачеха обращалась съ ней жестоко. 16-ти лѣтъ ее хотѣли выдать замужъ за ученаго талмудиста, причемъ съ этой честью была связана обязанность содержать мужа и его семью. Геся бѣжала отъ родителей, унося съ собою проклятія единовѣрцевъ. Въ Кіевѣ она жила швейнымъ мастерствомъ и старалась пополнить пробѣлы своего элементарнаго образованія, но достичь этого ей не удалось, такъ что она никогда не могла писать и говорить правильно порусски. Въ 1874 г. она выдержала однако пріемный

экзаменъ на акушерскіе курсы и очень усердно принялась за „самообразованіе“, бывшее тогда въ большомъ ходу между учащейся молодежью. Благодаря своимъ хозяйственнымъ способностямъ, она скоро сдѣлалась незамѣнимой, разъ дѣло касалось общихъ обѣдовъ, вечеринокъ или оказанія кому-нибудь помощи. Она стала соціалисткой, хотя до самаго конца своей жизни не вполнѣ понимала теоретическія основы этого ученія. Сначала она по рецепту героини романа Чернышевскаго принялась устраивать швейныя ассоціаціи, но затѣмъ, когда московскіе пропагандисты указали ей болѣе широкое поле дѣятельности, она, бросивъ это занятіе, пошла въ народъ, главнымъ образомъ съ цѣлью узнать его, и работала поденщицей въ знаменитомъ кіевскомъ монастырѣ. Здѣсь она, благодаря нѣсколькимъ адресованнымъ на ея имя письмамъ, была арестована осенью 1875 г. Подъ предварительнымъ арестомъ она просидѣла не менѣе двухъ лѣтъ и по Московскому процессу 50-ти была приговорена къ двумъ годамъ заключенія въ рабочемъ домѣ. Заключена она была вмѣстѣ съ молодыми проститутками, и тѣ, инстинктивно чувствуя нравственное превосходство Геси, взваливали на нее самыя грубыя работы. Но положеніе ея улучшилось, когда ея камеру посѣтили члены благотворительнаго комитета, и одна высокопоставленная дама приняла въ ней дружеское участіе. Она была помѣщена съ тѣхъ поръ въ одной камерѣ съ своей товаркой Топорковой и переведена на лучшую пищу, какъ больная: благодаря плохому и недостаточному питанію она страдала хроническимъ катарромъ желудка. Здѣсь она занималась вышиваньемъ для своей надзирательницы. 14 марта 1879 г. она была освобождена и выслана въ Старую Руссу подъ над

зоръ полиціи съ правомъ на ежемѣсячное пособіе въ 6 рублей. Тамъ она нашла покровительницу въ лицѣ одной молодой дамы, которая снабдила ее деньгами и паспортомъ, такъ что уже въ ноябрѣ она бѣжала въ Петербургъ. Однако долговременное заключеніе расшатало ея здоровье: свѣжій цвѣтъ лица и веселость характера исчезли, она исхудала, стала такою нервною, что отвѣчала во снѣ на обращенные къ ней вполголоса вопросы; кромѣ того она была некрасива отъ природы. Тѣмъ не менѣе Геся пользовалась любовью извѣстнаго террориста Колодкевича: ихъ сердечныхъ отношеній никто изъ постороннихъ и не подозрѣвалъ, такъ какъ они не жили на одной квартирѣ. Въ Петербургѣ она скоро вступила въ члены партіи „Народной Воли“, и на нее возложено было завѣдываніе важными конспиративными квартирами, такъ какъ она обладала присутствіемъ духа и достаточною находчивостью быстро отдѣлываться отъ дворниковъ, хозяевъ и непрошенныхъ гостей. Уже въ томъ же году мы видимъ ее хозяйкою конспиративной квартиры, затѣмъ она завѣдывала квартирою одного рабочаго кружка, потомъ квартирой динамитной мастерской и наконецъ помѣщеніемъ тайной типографіи рабочей газеты, гдѣ вскорѣ была устроена динамитная мастерская. Въ февралѣ 1881 г. она бросила эту квартиру и переѣхала на Тележную улицу, гдѣ въ день цареубійства была арестована; во время ея ареста въ той же квартирѣ застрѣлился Саблинъ. Въ тюрьмѣ она много пережила страданій вслѣдствіе своей беременности, но не дала никакихъ показаній. Агитація въ ея пользу заграницей принудила русское правительство дать ей свиданіе съ однимъ газетнымъ репортеромъ и за-

мѣнить смертный приговоръ пожизненной каторгой. 1 февраля 1882 г. Гельфманъ умерла въ тюрьмѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ Игнатіи Гриневицкомъ, бомба котораго убила Александра II. Самъ онъ называлъ себя литвиномъ, а поляки считали его полякомъ; но по-польски онъ объяснялся плохо, а по-русски говорилъ, какъ на родномъ языкѣ. Родился онъ въ католической семьѣ въ 1856 г. въ Минской губ.; родители его были мелкими землевладѣльцами. Въ 60 гг. отецъ его купилъ имѣніе въ Гродненской губ., въ дер. Гриневичи, откуда произошла его фамилія. Доходы небольшого имѣнія (въ 60—70 дес.) были недостаточны для семьи изъ одиннадцати человѣкъ, и члены ея сами должны были исполнять полевыя работы. Воспитаніе дѣтей стоило дорого, семья впала въ неоплатные долги, и имѣніе было продано въ 1880 г. съ публичнаго торга, мать умерла не задолго передъ тѣмъ, отецъ помѣшался. Во время ученія сначала въ уѣздномъ училищѣ въ Бѣльскѣ, а затѣмъ въ реальномъ въ Бѣлостокѣ, нужду приходилось терпѣть такую, что пить чай даже по праздникамъ было для него роскошью. Считался онъ прилежнымъ ученикомъ, хорошо рисовалъ, былъ необыкновенно набоженъ и оставался добрымъ католикомъ, несмотря на насмѣшки товарищей.

Въ 1872—73 г. черезъ воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлостокское училище были занесены соціалистическія идеи, и тамъ начали бредить свободой и равенствомъ. Идеаломъ молодого Игнатія стало служеніе народу. Въ 1875 г. онъ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и поѣхалъ въ Петербургъ, въ Технологическій Институтъ, студенты котораго считались тогда наиболѣе радикальными и пользовались значитель-

ной свободой въ своей внутренней жизни. Гриневицкій поступилъ въ это учебное заведеніе и принялъ участіе въ студенческихъ кружкахъ. Поляки имѣли тогда собственный кружокъ и держались вдали отъ русскихъ дѣлъ; Гриневицкій вступилъ какъ въ русскій, такъ и въ польскій кружокъ: онъ желалъ служить народу безъ различія національности. Поляки сочли это за измѣну и упрекали его въ томъ, что онъ компрометируетъ ихъ. Въ кружкахъ онъ, какъ и другіе товарищи, не ограничивался какимъ-нибудь однимъ родомъ дѣятельности, а занимался всѣмъ: создавалъ новые кружки, помогалъ старымъ, собиралъ деньги для ссыльныхъ, велъ переписку, учился подделывать паспорта, собиралъ печати, знакомился съ рабочими и, какъ хорошій товарищъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Въ 1879 г. онъ примкнулъ къ кружку, собиравшемуся по приглашенію кіевскихъ агитаторовъ идти въ народъ, но не для пропаганды, а для образованія боевыхъ отрядовъ; ихъ поселенія должны были служить операціоннымъ базисомъ для революціи. Но этотъ планъ не встрѣтилъ одобренія, и кружокъ не сформировался. Несмотря на это, Гриневицкій отправился въ деревню и пытался организовать „боевой отрядъ". Однако уже осенью 1879 г. онъ вернулся назадъ въ Петербургъ и объявилъ, что такой способъ революціонной дѣятельности невозможенъ. Конституція, хоть сколько-нибудь сносная могла удовлетворить его въ это время. Но потомъ онъ сталъ вѣрить въ возможность захвата государственной власти террористической партіей и въ 1880 г. уже окончательно сталъ въ ряды послѣдней. Съ этихъ поръ его дѣятельность получила точку опоры. Вначалѣ ему поручали маловажныя дѣла: нѣкоторыя техническія ра-

боты, поѣздки съ цѣлью развѣдокъ, организацію рабочихъ, пока, наконецъ, ему было дано дѣло, стоившее ему жизни. Спокойно стоялъ онъ на своемъ роковомъ посту и измѣрялъ глазами разстояніе между собой и своей царственной жертвой...

— „Кто Вы?“ спросили его въ госпиталѣ, когда онъ передъ смертью открылъ глаза.

— „Я не знаю“, и это были его послѣднія слова. Товарищи окружили его ореоломъ славы Брута, Гармодія и Аристогитона.

Въ исторіи жизни упомянутыхъ цареубійцъ отражается весь ходъ революціоннаго движенія. Всѣ они начали съ мирной пропаганды; послѣ подавленія ея правительствомъ перешли къ революціонной агитаціи, а безуспѣшность этой послѣдней привела ихъ къ террору. Во время борьбы за политическую свободу соціализмъ отступилъ у нихъ на задній планъ; изъ федералистовъ они превратились въ строгихъ централистовъ. Только будущее покажетъ, кто еще былъ въ числѣ главныхъ предводителей движенія, и какова была ихъ жизнь*).

Вопросъ о денежныхъ средствахъ партіи не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о ея дѣятеляхъ. Откуда революціонеры брали деньги на созданіе литературы, поддержку своихъ товарищей, поѣздки, террористическія предпріятія и для помощи заключеннымъ и ссыльнымъ? Исполнительный Комитетъ объявилъ, что онъ считаетъ себя вправѣ „конфисковать“ казначейства, почтовыя и полковыя кассы. Кто можетъ знать, въ какихъ размѣ

*) Къ замѣчательнѣйшимъ личностямъ революціоннаго движенія, несомнѣнно, принадлежитъ: еще непойманный Тихомиров (про котораго Желябовъ говорилъ, что онъ неуловимъ, какъ угол

рахъ производилась эта конфискація? *). Но главные источники доходовъ партіи совсѣмъ иные. Нечаевъ пользовался Бахметьевскимъ фондомъ въ 1000 фун. стерлинговъ, пропагандисты имѣли въ своихъ рядахъ судью Войнаральскаго, пожертвовавшаго для „дѣла" капиталъ въ 40.000 р. Дойной коровой „Земли и Воли" былъ Дмитрій Лизогубъ**), сынъ предводителя дворянства; въ 1878 г. онъ приступилъ къ ликвидаціи своего имѣнія, стоившаго 150.000 р., но въ августѣ былъ арестованъ. Въ первый годъ отъ него должно было поступить 20.000 р., но его управляющій Дриго присвоилъ деньги себѣ. Естественно, суммы эти представляютъ лишь незначительную часть революціонныхъ доходовъ; не даютъ даже приблизительно точнаго понятія о средствахъ партіи также и суммы, о которыхъ публикуется въ газетахъ***).

ка на днѣ морскомъ), Желябовъ, Кибальчичъ, Алек. Квятковскій. Алекс. Михайловъ, Ширяевъ, Зунделевичъ, Сухановъ, Осинскій, Я. Стефановичъ, Фроленко, Колодкевичъ, Баранниковъ, Адріанъ Михайловъ, Клеменцъ, Кравчинскій, Богдановичъ, Грачевскій и изъ женщинъ: Перовская, Лешернъ фонъ Герцфельдъ, Засуличъ, Бардина, Ольга Любатовичъ, Брешковская, Якимова и многіе другіе.

*) Можно, кажется, сказать съ увѣренностью, что ни въ какихъ размѣрахъ эти конфискаціи произведены не были.

Прим. Ред.

**) Судебныя пренія въ процессѣ 20-ти, 9 февраля 1882 года.

***) Были опубликованы слѣдующіе итоги пожертвованій: въ № 6 „Нар. В.", съ 1 марта до 15 іюля 1881 г. около 22.700 р.; въ № 7 съ 15-го іюля до декабря 1881 г. свыше 8500 р.; въ „Листкѣ Н. В." свыше 5700 р.;—въ „Черномъ Передѣлѣ" въ № 2 болѣе 911 р. № 3—9200 р.,—№ 4—2115 р. Общество „Краснаго Креста Нар. Воли" въ 1—3 объявленіяхъ опредѣляетъ свой доходъ въ 8000 франк., другое общество за 2 мѣсяца—свыше 1775 р.

Обратимся теперь къ внутренней организаціи русской революціонной партіи; все, что я знаю объ отдѣльныхъ кружкахъ, было уже сказано въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь я добавлю лишь нѣкоторыя дальнѣйшія подробности. Къ важнѣйшимъ предпріятіямъ революціонеровъ, возникающимъ вслѣдствіе потребности въ періодической печати, относится устройство тайныхъ типографій*). Уже въ первомъ періодѣ движенія, въ началѣ 60-хъ годовъ конституціоналисты имѣли типографію, найденную впослѣдствіи въ зданіи генеральнаго штаба; въ 1861 г. въ ней печатался „Великороссъ". Другіе соціально-революціонные кружки того времени тоже имѣли свои печатни. Однако пользованіе ими продолжалось обыкновенно такъ же недолго, какъ позднѣе въ кружкахъ Ишутина, Нечаева и Долгушина. Чайковцы пріобрѣли себѣ шрифтъ и прекрасный станокъ, но не могли ими воспользоваться въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. Казалось, что трудности постановки дѣла неопреодолимы, работа слишкомъ шумна, число работниковъ слишкомъ велико, а масса употребляемой бумаги можетъ броситься въ глаза. Возобновлять неудавшіяся попытки значило жертвовать людьми. Лишь организаторскому таланту Якова Стефановича удалось устроить въ 1875 г. въ Кіевѣ типографію, которая въ 1876 г. была уже въ полномъ ходу**). Въ этомъ году въ ней были напечата-

*) La Russia Sotterranea, ст. 195-206.

**) Стефановичъ держалъ свою типографію въ большой тайнѣ. Онъ имѣлъ вмѣстѣ съ двумя своими друзьями Дейчемъ и Бохановскимъ легальную квартиру и рядомъ съ ней другую тайную. Первымъ былъ арестованъ Бохановскій; изъ тюрьмы онъ послалъ съ выпущеннымъ на волю уголовнымъ арестантомъ записку Стефановичу, гостившему въ то время у одного помѣщика. Но по-

ны всѣ прокламаціи, а также упомянутый выше подложный манифестъ и уставъ. Осенью 1877 г. Стефановичъ былъ арестованъ, типографія его была отправлена въ Одессу, гдѣ она, вѣроятно, и погибла. Въ 1877 г. одинъ ловкій еврей изъ Вильны Аронъ Зунделевичъ привезъ контрабандно изъ заграницы типографскія принадлежности и устроилъ въ Петербургѣ первую „вольную типографію", которая была въ состояніи исполнять регулярно большія работы. Она работала въ теченіе четырехъ лѣтъ и едва-ли была бы открыта, если бы полиціи не помогъ простой случай. Типографія могла держаться лишь благодаря величайшей осторожности. Изъ членовъ редакціи „Земля и Воля" квартира была извѣстна одному Кравчинскому, да и онъ былъ въ ней

сланный передалъ записку полиціи. Тогда были взяты и оба оставшіеся на волѣ друга, а вмѣстѣ съ ними и гостепріимный хозяинъ ихъ. Дѣло теперь шло о спасеніи типографіи; но такъ какъ никому изъ остальныхъ товарищей не было извѣстно мѣсто, гдѣ она помѣщалась, то стоило не малаго труда увѣдомить ихъ объ этомъ. Еще труднѣе было унести изъ квартиры всѣ типографскія принадлежности, не возбуждая подозрѣнія квартирнаго хозяина. Въ этихъ видахъ товарищи сдѣлали ночью снимокъ съ замка квартиры, и на слѣдующій день къ хозяину явилась дама съ мужемъ, которая выдавала себя за сестру Стефановича, находившагося якобы въ Кременчугѣ и позволившаго ей остановиться при проѣздѣ черезъ Кіевъ въ его квартирѣ. Въ доказательство этого она показала ключъ отъ квартиры. У хозяина не было никакихъ основаній къ подозрѣнію, и онъ оставилъ мужа съ женою на нѣсколько дней въ квартирѣ своего жильца и былъ очень доволенъ, такъ какъ получилъ при ихъ отъѣздѣ на чаекъ. Вскорѣ явилась полиція, которая обыскала тогда чуть не всѣ дома въ Кіевѣ, но нашла комнату очищеною, и только небольшое количество шрифта и оттисковъ, найденныхъ въ углѣ, подтверждали ея подозрѣніе, что типографія находилась именно здѣсь.

только разъ, именно когда нужно было помѣстить въ первомъ же номерѣ сообщеніе объ удавшемся побѣгѣ Александра Михайлова*). По разсказу Кравчинскаго во время его посѣщенія типографіи въ ней жило четыре человѣка. Марія Крылова, женщина 45 лѣтъ, играла роль хозяйки квартиры: она была выслана послѣ покушенія Каракозова, но счастливо скрылась изъ мѣста ссылки. Горничную изображала молоденькая миловидная блондинка. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ происходили при посредствѣ молодого человѣка (около 26 лѣтъ) съ аристократической наружностью и въ высшей степени молчаливаго: онъ былъ сыномъ генерала и внукомъ сенатора и считался чиновникомъ министерства, но носилъ въ своемъ портфелѣ, вмѣсто министерскихъ дѣлъ, только рукописи и корректурные листы запрещеной газеты. Другой наборщикъ (Лубкинъ) скрывалъ свою фамилію даже отъ товарищей; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „птицы" и застрѣлился, когда типографія „Нар. Воли" послѣ 4-хъ часовой отчаянной борьбы была взята полиціей. Въ особенности тяжела была участь этого несчастнаго самоубійцы; изъ предосторожности онъ жилъ безъ всякаго паспорта и долженъ былъ поэтому сидѣть постоянно дома, чтобы не встрѣтиться съ дворникомъ. Молодому фанатику было не

---

*) Александръ Михайловъ былъ арестованъ, когда явился въ квартиру, гдѣ происходилъ обыскъ. На улицѣ онъ вырвался и побѣжалъ, крича: „держи! лови!" Публика бѣжала за нимъ, думая, что онъ гонится за воромъ. Такимъ образомъ ему удалось затеряться въ толпѣ. Онъ завернулъ въ ближайшую улицу, вбѣжалъ въ первый попавшійся дворъ, но наткнулся на высокую стѣну. Прежде чѣмъ полиція успѣла проникнуть во дворъ, онъ сумѣлъ перелѣзть черезъ стѣну и скрылся отъ преслѣдованія („На Родинѣ", № 3, стр. 2)

болѣе 23 лѣтъ, но на его лицѣ были уже замѣтны слѣды чахотки; мертвенная блѣдность покрывала его щеки; не знавшія ни свѣжаго воздуха ни дневного свѣта; его живые, большіе и черные, какъ у газели, глаза горѣли огнемъ и выражали глубокую печаль. Устройство типографіи самое простое: нѣсколько ящичковъ со шрифтомъ, маленькій цилиндръ изъ вязкаго клейкаго вещества, другой, большихъ размѣровъ, покрытый сукномъ и служившій прокатнымъ валомъ, двѣ бутылки типографскихъ чернилъ и нѣсколько щетокъ и губокъ. Все было приспособлено такимъ образомъ, что въ какія-нибудь четверть часа можно было спрятать всѣ принадлежности въ большомъ стѣнномъ шкафу. Чтобы избѣгнуть подозрѣнія дворника, его часто приглашали подъ разными предлогами въ эту „секретную“ комнату. Такъ проходила жизнь этой кучки людей, полная опасности и лишеній *). Редакція газеты, повидимому,

---

*) „Календарь Народной Воли“ 1883 г. (стр. 16 и слѣд.) даетъ слѣдующія данныя относительно тайныхъ типографій:

1) Типографія, которая возникла весной 1877 г. и вскорѣ затѣмъ была открыта.

2) Русская вольная типографія, устроенная Зунделевичемъ подъ именемъ „Петербургской вольной типографіи“; она находилась въ распоряженіи общества „Земля и Воля“.

3) Типографія „Начала“ въ Петербургѣ.

4) „Народная Воля“ имѣла 7 типографій:

a) въ Саперномъ переулкѣ арестована 17 января 80 г.,

в) открыта полиціей 3-го мая 81 г.,

c) типографія „Рабочей Газеты“,

d) летучая типографія,

e) московская,

f) двѣ существующихъ еще теперь.

5) „Черный Передѣлъ“, кромѣ упомянутой типографіи, располагалъ еще летучей и теперь еще у него существуетъ типографія.

лежала на обязанности комитетовъ. На засѣданіяхъ редакціи „Земли и Воли“ принималъ участіе, между прочимъ, и Ал. Михайловъ *), который, кромѣ согласія статей съ программой партіи, хорошаго слога и доказательности, въ особенности цѣнилъ краткость изложенія, которую рѣдко можно встрѣтить среди русскихъ. Послѣ выхода каждаго номера Михайловъ устраивалъ праздникъ: къ 9-ти часамъ вечера онъ приглашалъ редакцію, и скоро начиналось угощеніе. Прежде всего онъ вынималъ бутылку коньяку, приготовлялъ каждому стаканчикъ пунша, любимаго напитка революціонеровъ, и тотчасъ же пряталъ бутылку опять въ шкафъ изъ опасенія, чтобы его гости не выпили слишкомъ много. Затѣмъ появлялась какая-то рыбка и чай съ сладкимъ печеніемъ. Для запоздавшихъ въ окнѣ выставляли знакъ, что нѣтъ никакой опасности.

Какимъ же образомъ распространялись газеты въ обществѣ? Очень просто. По отпечатаніи „Нар. Воли“ одинъ изъ товарищей съ красивымъ чемоданомъ, набитымъ номерами газеты, объѣзжалъ важнѣйшіе города, занимая мѣсто, разумѣется, во второмъ классѣ, и передавалъ довѣреннымъ лицамъ надлежащее количество экземпляровъ, которые разсылались потомъ далѣе. Выставленная на номерахъ цѣна (отъ 25 или 35 коп.) была только номинальною. Прокламаціи массами бросались въ почтовые ящики. Геся Гельфманъ была такимъ странствующимъ почтальономъ; ея большой карманъ былъ обыкновенно полонъ прокламацій, газетъ, пригласительныхъ билетовъ на концерты и балы, устраи-

---

*) „На родинѣ“ №№ 3, стр. 48.

ваемые въ пользу заключенныхъ или тайныхъ типографій.

Типографіи вскорѣ же послѣ погромовъ устраивались снова. Напр., въ іюнѣ 1882 г. были обнаружены приготовленія къ устройству тайной типографіи въ Витебскѣ, а зимою въ Одессѣ. Рядомъ съ этими мастерскими духовнаго оружія, существовали со времени революціонной агитаціи настоящіе арсеналы оружія, а съ возникновеніемъ терроризма цѣлые склады взрывчатыхъ веществъ и химическія мастерскія, которыя, судя по сообщенію Кибальчича и по работамъ послѣдняго, отличались съ технической стороны замѣчательнымъ совершенствомъ. Въ Петербургѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ были устроены лабораторіи, и еще недавно одна изъ нихъ была открыта въ квартирѣ ветеринарнаго врача Прибылева на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ (іюнь 1882 г.); химикомъ Исполнительнаго Комитета были даны ему деньги съ тѣмъ, чтобы онъ по возможности скорѣе обвѣнчался съ своей возлюбленной и устроилъ затѣмъ въ своей квартирѣ „техническую школу“, такъ называлъ лабораторію для бомбъ Грачевскій, ради смягченія виновности подсудимыхъ. Передъ московскимъ покушеніемъ упомянутый уже ловкій контрабандистъ Аронъ Зунделевичъ пытался закупить динамитъ въ Италіи и перевезти его черезъ Швейцарію и Германію въ Россію. Однако же попытка эта не удалась, и революціонеры вынуждены были сами заняться фабрикаціей динамита. Это было весьма опаснымъ и труднымъ предпріятіемъ: такъ какъ необходимые матеріалы распространяли очень острый запахъ, то требовалась большая квартира въ 3—4 компаты, съ проведенной водой, расположенная въ самомъ верх-

немъ этажѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ дѣятельность революціонныхъ химиковъ не могла ускользнуть отъ вниманія ближайшихъ сосѣдей. Однажды, напр., Кибальчичъ пролилъ на полъ такъ много азотной кислоты, что въ нижнемъ этажѣ потускнѣли золоченыя стѣнныя украшенія, и хозяинъ дома прибѣжалъ къ нему въ ужасѣ; однако Кибальчичъ не пустилъ его въ секретную комнату и объявилъ, что беретъ на себя весь причиненный убытокъ. Другой разъ у него среди ночи произошелъ маленькій взрывъ, и только съ большимъ трудомъ удалось успокоить хозяйку дома. Еще болѣе опаснымъ былъ взрывъ у него (или у Ширяева, другого химика), когда разорвало по неизвѣстной причинѣ одну изъ стоявшихъ рядомъ на полу бутылокъ съ нитроглицериномъ. Изъ химиковъ террористовъ извѣстны: изобрѣтательный Кибальчичъ, которому, какъ говорятъ, принадлежитъ идея смертоносныхъ бомбъ и въ качествѣ практиковъ: Исаевъ, Ширяевъ и Грачевскій, который послѣ убійства царя и ареста своихъ товарищей, повидимому, подготовлялъ до іюня 1882 г. новое покушеніе. Ранѣе динамитъ доставляли въ значительномъ количествѣ морскіе офицеры; въ первый разъ было это въ 1878 г. при неудавшемся покушеніи въ Николаевѣ. Наконецъ Желябовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ упоминаетъ о революціонномъ архивѣ *), который онъ передалъ на храненіе профессору Драгоманову.

Важнѣе конспиративной дѣятельности въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ была забота о своей безопасности. Соціалистическая пропаганда велась съ нѣкоторою без-

*) „Вольное Слово" №№ 39 и 40.

личностью и потерпѣла неудачу главнымъ образомъ вслѣдствіе неосторожности пропагандистовъ. Съ переходомъ къ революціонной агитаціи и терроризму и съ возрастаніемъ строгости наказаній со стороны правительства, чувство самосохраненія привело къ выработкѣ множества правилъ предосторожности, которыя выразились, наконецъ, въ цѣлой системѣ. Первою задачею являлось пріобрѣтеніе паспорта. Молодые люди, вродѣ Александра Михайлова въ 1876 г., записывались въ студенты не для того, чтобы слушать лекціи, ибо въ то время ихъ весьма мало интересовала наука; напротивъ того Алек. Михайловъ сдавалъ экзаменъ въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ съ цѣлью получить видъ на жительство, хотя бы отъ одного изъ нихъ. При такихъ условіяхъ становится до извѣстной степени понятнымъ образъ дѣйствія правительства, которое предписало студентамъ обязательное посѣщеніе лекцій и въ видахъ контроля требовало предъявленія билетовъ при входѣ въ аудиторію, чтобы студенческій билетъ не служилъ какъ бы открытымъ листомъ для революціонной дѣятельности,—требованіе, которое, кажется намъ, съ одной стороны, стѣснительнымъ, а съ другой—едва-ли достигающимъ цѣли.

Для тѣхъ, кто не имѣлъ студенческихъ билетовъ, пріобрѣтеніе паспортовъ въ началѣ движенія представляло нѣкоторыя трудности. Приходилось покупать ихъ и часто платить большія деньги. Но скоро нашли, что гораздо проще самимъ фабриковать паспорта, и техника въ этомъ отношеніи достигла высокаго совершенства. Каждый кружокъ имѣетъ свое настоящее паспортное бюро, тамъ вырѣзываются печати различныхъ правительственныхъ учрежденій и накладываются на само-

дѣльные паспорта *). Почти ни одинъ русскій революціонеръ не носитъ своего собственнаго имени и не имѣетъ законнаго паспорта, такъ какъ иначе онъ былъ бы скоро открытъ. Большинство беретъ фальшивые паспорта, т.-е. дѣлается „нелегальнымъ“, и часто даже судебное слѣдствіе не обнаруживаетъ настоящихъ фамилій. Нѣкоторые, какъ напр. Халтуринъ, узнаны по фотографіи лишь послѣ того, какъ ихъ повѣсили, а въ Кіевѣ былъ даже казненъ „неизвѣстный“, назвавшійся Антоновымъ. Революціонеры не могутъ, конечно, вести переписку на свое имя; во время Ишутинскаго заговора всѣ письма получались на имя молодого гимназиста, князя Т., жившаго у своей тетки, графини Тр., въ домѣ сенатора Н.; корреспонденція Нечаева шла черезъ руки 16-лѣтней Вѣры Засуличъ. И теперь еще многіе почтенные люди помогаютъ революціонерамъ тѣмъ, что берутъ на свое попеченіе ихъ корреспонденцію. Письма получаются на вымышленныя имена, пишутся химическими чернилами, шифруются, или въ телеграммахъ употребляются условленныя слова, напр.: пришлите мнѣ столько-то бутылокъ вина, т. е столько-то фунтовъ динамита (Гольденбергъ къ Кибальчичу). Далѣе нелегальное положеніе требуетъ, чтобы революціонеръ своимъ образомъ жизни не казался своимъ сосѣдямъ по квар-

[1]) Такое паспортное бюро открыто было полиціей въ Москвѣ 1882 г. у Ив. Калюжнаго. Впрочемъ фальшивыми паспортами пользуются въ Россіи не только революціонеры, но и другія лица, такъ что паспортная система оказывается недостигающей цѣли. Эти и многіе другіе факты этой главы я беру изъ обвинительнаго акта (по „Berlin. Tageblatt.“) и по судебному процессу 17-ти въ Петербургѣ (по Indépend. Belge“) отъ 23 марта 1883 г.; впрочемъ мнѣ пришлось исправить многія заключающіяся въ нихъ неточности. Ср. „Правит. Вѣстн.“ отъ 8 апр. 1883 г.

тирѣ подозрительнымъ. Прежде надзоръ былъ слабѣе, еще въ 1875 и 76 гг. бывало, что въ студенческихъ „коммунахъ“, занимавшихъ квартиры изъ 3-хъ комнатъ, всѣ полы были заняты спящими, которые отдыхали отъ жаркихъ дебатовъ по поводу измѣненія программы, и даже дворники отскакивали назадъ при видѣ такого многолюдства. Извозчики обыкновенно знали о студенческой „вечеринкѣ“ и, по русскому обычаю, толпились передъ домомъ въ ожиданіи, что имъ удастся развезти по домамъ усталыхъ гостей. На улицѣ социалисты ходили кучками. Однако скоро миновали времена такой безпечности въ революціонной дѣятельности. Правительство даже въ деревняхъ учредило особую полицію (урядниковъ), а въ большихъ городахъ отдало населеніе подъ надзоръ дворниковъ. Въ виду этого революціонеры устраиваютъ свою жизнь такимъ образомъ, что приходятъ и уходятъ изъ дому въ опредѣленное время, какъ будто они обязаны бывать на службѣ. Посѣщенія совершаются тоже въ такой формѣ, что не бросаются въ глаза: гости приходятъ и уходятъ черезъ извѣстные промежутки по одному или, самое большее, вдвоемъ, а болѣе многочисленныя собранія происходятъ обыкновенно на „конспиративныхъ квартирахъ“ *). Въ Петербургѣ, напр., передъ убійствомъ императора посѣщались главнымъ образомъ двѣ конспиративныя квартиры, въ которыхъ проживали химики Кибальчичъ и Исаевъ съ ихъ такъ называемыми „женами“. Въ третьей квартирѣ, содержимой Гесей Гельфманъ и Саблинымъ, Желябовъ выбиралъ метальщиковъ бомбъ. Но передъ покушеніемъ Гельфманъ изъ предосторожности пере-

*) „На Родинѣ“ № 3, стр. 36 и др.

мѣнила свою квартиру, и въ этой послѣдней собирались убійцы послѣ рѣшительнаго удара. Конспиративная квартира должна быть хорошо расположена. Необходимо, чтобы легко можно было выставлять и быстро мѣнять на окнѣ „знаки". Въ противномъ случаѣ можетъ произойти то, что имѣло мѣсто, напр., въ квартирѣ Малиновской въ 1878 г.: „знакъ безопасности" оставался выставленнымъ, многія лица заходили къ Малиновской и попадали въ руки полиціи. Такимъ же образомъ удалось полиціи въ Москвѣ въ февралѣ 1881 г. устроить ловушку въ квартирѣ одного арестованнаго и поймать тамъ усиленно разыскиваемаго Як. Стефановича. Стѣны комнаты должны быть капитальныя, двери должны плотно притворяться, дабы нельзя было подслушать разговора. Кромѣ того передъ дверью квартиры должна находиться площадка, съ которой можно было-бы господствовать надъ всей лѣстницей, такъ чтобы нѣсколько рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ людей могли задержать на нѣкоторое время толпу пришедшихъ жандармовъ, пока въ квартирѣ не будутъ уничтожены бумаги и другія подозрительныя вещи. Конспиративныя квартиры представляютъ по большей части цѣлые арсеналы оружія; при взятіи типографіи „Народной Воли" каждое изъ 5-ти жившихъ тамъ лицъ было вооружено двумя револьверами; цѣлая дюжина жандармовъ испугалась нападенія и отступила назадъ, такъ что принуждены были вытребовать солдатъ; въ общей сложности было сдѣлано 80-100 выстрѣловъ.

Вообще, нелегальное положеніе обязываетъ исполнять массу правилъ предосторожности *). Большинству,

*) Тамъ же, стр. 13 и далѣе.

конечно, надоѣдало слѣдовать всѣмъ имъ, но Ал. Михайловъ, который съ 1877 г. энергично, повидимому, боролся противъ господствующей неосторожности и былъ за это прозванъ „дворникомъ", считалъ подобную небрежность прямо безчестной и объяснялъ ее недостаткомъ преданности революціонному дѣлу. Онъ обыкновенно, идя по улицѣ, слѣдилъ за товарищами, соблюдаютъ ли они извѣстную предусмотрительность. Бывало онъ внезапно останавливалъ кого-нибудь и заставлялъ читать вывѣску. Если оказывалось, что товарищъ близорукъ, онъ совѣтовалъ ему купить очки и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнялъ его просьбы. Точно также онъ настаивалъ на необходимости приличнаго костюма. Нигилистическое одѣяніе 60-хъ и 70-хъ гг. хорошо намъ извѣстно по рисункамъ: высокіе сапоги, пледъ и синіе очки часто служили мишенью для нашихъ остротъ *). Но такую форму, сразу обнаруживавшую образъ мыслей, можно было употреблять только во время политической невинности, когда совѣсть была чиста отъ противозаконныхъ дѣлъ. Въ періодъ же безчисленныхъ и произвольныхъ арестовъ всякій оригинальный костюмъ обращалъ на себя вниманіе жандармовъ и шпіоновъ,—слѣдовательно было выгоднѣе затратить нѣсколько лишнихъ рублей, чѣмъ подвергать себя безполезной опасности. Алекс. Михайловъ былъ въ обществѣ „Земля и Воля" усерднѣйшимъ защитникомъ приличной одежды. Если членъ партіи отговаривался неимѣніемъ денегъ, то на другой день онъ приносилъ ему ихъ и сообщалъ адресъ какого-ни-

*) Это нигилистическое одѣяніе имѣетъ нѣкоторую аналогію съ старо-нѣмецкимъ костюмомъ буршей.

будь дешеваго портного. Съ развитіемъ терроризма нѣкоторые революціонеры начали практиковать уже прямо роскошь. Убійца Мезенцева, жившій по паспорту какого-то князя N. выдавалъ себя за чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ и щедро давалъ на „чай" швейцару, который спѣшилъ высаживать изъ кареты „его сіятельство". Даже Соловьевъ, костюмъ котораго, по разсказамъ *), былъ въ прежнее время грязенъ и изодранъ, завелъ передъ своимъ покушеніемъ черную пару. Но бдительность Ал. Михайлова распространялась, повидимому, лишь на немногихъ. Ибо по другимъ описаніямъ видно, что одежда революціонеровъ довольно таки грязна и небрежна, что не должно никого удивлять, такъ какъ многіе не имѣли постоянной квартиры, а ихъ „дражайшія половины" заняты были больше рѣшеніемъ высшихъ проблемъ, чѣмъ починкою платья. Ал. Михайловъ былъ „травленый волкъ". При каждомъ удобномъ случаѣ онъ старался вглядываться въ шпіоновъ, чтобы запоминать ихъ физіономіи и быть впослѣдствіи насторожѣ. Однимъ взглядомъ онъ отличалъ ихъ въ толпѣ. У него имѣлся списокъ 300 проходныхъ дворовъ и, благодаря знанію проходовъ, онъ не разъ спасалъ себя и своихъ товарищей**). Чтобы уничтожить слѣды своихъ странствованій по Петербургу, революціонеры часто мѣняли отъ 3-хъ до 4-хъ извозчиковъ и колесили вдоль и поперекъ по городу. Часто они мѣняли также свои квартиры, и случалось, что желающему знать адресъ друга въ Петербургѣ, приходилось ѣхать для этого въ Кіевъ, а затѣмъ обратно

*) „На родинѣ", № 2, стр. 23.
**) Тамъ же, № 3, стр. 19 и 20.

въ Петербургъ. Важнѣе всего было, конечно, скрывать тѣхъ революціонеровъ, въ особенности убійцъ, которыхъ разыскивала полиція. Для этой цѣли существовали укрыватели среди аристократовъ, въ среднемъ классѣ и среди чиновничества*). Опять таки Ал. Михайловъ отличался особенной способностью отыскивать ночлеги для нуждающихся. Его практическія свѣдѣнія пригодились многимъ, напр. убійцѣ Мезенцева. Прежде всего онъ повелъ его къ одному чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ, который былъ преданнымъ ученикомъ Чернышевскаго, теоретически раздѣлялъ взгляды революціонеровъ и считался однимъ изъ надежнѣйшихъ укрывателей. Но онъ былъ такъ возбужденъ, что ночью постоянно вскакивалъ съ постели, думая, что идутъ жандармы. Другой укрыватель въ 1861 году принималъ участіе въ Казанскомъ заговорѣ; онъ былъ цѣлыхъ 12 разъ арестовываемъ полиціей, но ни разу не могли его въ чемъ-нибудь уличить. Къ новѣйшему движенію онъ относился скептически, тѣмъ не менѣе симпатизировалъ ему и чрезвычайно умѣло устраивалъ дѣла по перепискѣ членовъ партіи, распространялъ книги и журналы, собиралъ ежемѣсячные взносы и т. д. Онъ былъ неподражаемъ, какъ укрыватель, и какъ разъ въ тотъ день, когда къ нему привели убійцу Мезенцева, онъ праздновалъ свой 10-тилѣтній юбилей въ этой должности. Передъ тѣмъ онъ скрывалъ Вѣру Засуличъ, а затѣмъ Софью Перовскую. Однако черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ домой съ серьезнымъ лицомъ и объявилъ, что чувствуетъ, что будетъ обыскъ, и дѣйствительно

*) „La Russia sotterrnnea", стр. 175—194.

дня черезъ два явилась полиція, чтобы отдать ему „санитарный визитъ“.

Третій укрыватель явился въ лицѣ старой 70-лѣтней датчанки. Жила она себѣ мирно до тѣхъ поръ, пока принцесса Дагмара не сдѣлалась наслѣдницей русскаго престола. Тогда ей пришло въ голову сдѣлать своего мужа придворнымъ чиновникомъ. Она просила датскаго посланника о протекціи, но тотъ ей, понятно, отказалъ; тогда она сдѣлалась изъ мести нигилисткой. Она начала свою революціонную карьеру тѣмъ, что стала брать на храненіе книги и переписку знакомыхъ студентовъ, а затѣмъ начала укрывать и людей. Она надѣялась, что террористы только начали съ Трепова и Мезенцева, а кончатъ непремѣнно датскимъ посланникомъ; этотъ послѣдній казался ей преступнѣйшимъ изъ всѣхъ. Ея старый мужъ, котораго она держала подъ башмакомъ, долженъ былъ доставлять ей изъ полиціи всякія новости. Въ этой же книгѣ авторъ разсказываетъ, какъ одна старая княгиня нѣсколько дней скрывала у себя послѣ убійства императора одну подругу Софьи Перовской, по просьбѣ послѣдней. Другіе, какъ говорятъ, сдѣлались послѣ 1 марта чрезвычайно робкими и отказывались скрывать даже близкихъ своихъ знакомыхъ.

Несмотря однако на всѣ предосторожности, лишь небольшая кучка революціонеровъ спаслась, повидимому, отъ преслѣдованій полиціи.

Нашей задачей является теперь описаніе положенія подслѣдственныхъ и административно сосланныхъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе безпристрастныхъ источниковъ ставитъ здѣсь историка въ большое затрудненіе. Только разъ, во время гр. Лорисъ-Меликова, когда рабское

русское общество вздохнуло посвободнѣе, русскія газеты могли дать описаніе тюремъ и ссылки въ Сибири, на которыя „Правительств. Вѣстн.“ нѣсколько разъ удостоивалъ сдѣлать возраженія. Русскія газеты подтвердили все, что сообщалось раньше въ „подпольной“ литературѣ. Извѣстія эти, дѣйствительно, способны вселить ужасъ. Вся дикость и несовершенство государственныхъ учрежденій Россіи, вся жестокость и абсолютный произволъ бюрократіи выступаютъ на свѣтъ Божій и вызываютъ самое строгое осужденіе, если даже имѣть въ виду, что съ молодыми русскими фанатиками, вѣроятно, далеко не легко имѣть дѣло.

Начнемъ съ подслѣдственныхъ. Гдѣ въ Западной Европѣ какой-нибудь Кибальчичъ и его товарищи просидѣли бы въ подслѣдственной тюрьмѣ цѣлыхъ 3 года за простую передачу крестьянину какого-либо соціалистическаго листка и за храненіе у себя связки запрещенныхъ брошюръ? Гдѣ возможно, чтобы женщинъ раздѣвали и обыскивали въ присутствіи жандармовъ или, что еще хуже, продѣлывали это сами жандармы, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ Россіи, при чемъ дѣло не обходится даже безъ грубыхъ насмѣшекъ*)? Гдѣ это возможно, чтобы арестованная женщина, какъ это было съ Ивановскою, взятою въ іюнѣ 1882 года въ Витебской тайной типографіи, стала выдавать себя за члена Исполнительнаго Комитета съ единственною цѣлью, взваливъ на себя болѣе важныя обвиненія, добиться тѣмъ самымъ перевода въ Петербургъ и болѣе корректнаго обращенія?! Гдѣ это возможно, чтобы нерв-

*) „На Родинѣ“, № 2, стр. 67, № 3, стр. 63 и “Черный Передѣлъ“, № 2, стр. [illegible]

нымъ людямъ, какъ Исаевъ, во время заключенія систематически мѣшали спать, съ цѣлью привести въ состояніе такой возбужденности, которая позволяла бы надѣяться на признанія?!

Осужденные на каторжныя работы (которыя, впрочемъ, не обязательны) находятся въ весьма скверномъ положеніи, въ особенности, если они должны отбывать свое наказаніе въ русскихъ центральныхъ тюрьмахъ. Одна изъ такихъ тюремъ находится въ Новобѣлгородѣ, недалеко отъ Харькова, и вотъ оттуда-то еще въ 1878 году, слѣдовательно еще до покушенія на царя, осужденные пропагандисты обратились къ русскому обществу съ воззваніемъ, которое останется важнымъ документомъ для исторіи русскаго тюремнаго управленія*). Я позволю себѣ заимствовать изъ этого летучаго листка нѣсколько типичныхъ картинъ. Вотъ, напр., въ своей мрачной камерѣ съ окномъ, наполовину замазаннымъ темной краской, на доскахъ, покрытыхъ лишь кускомъ тонкаго войлока, безъ одѣяла и подушекъ лежитъ Плетниковъ, истощенный до крайности долгими годами одиночнаго заключенія и всевозможныхъ лишеній. Чтобы хотя немного разсѣяться, онъ подымается и начинаетъ слабымъ голосомъ декламировать стихи любимаго поэта. Быстро отворяется дверь и въ камеру съ шумомъ входитъ смотритель тюрьмы и оретъ: „Какъ ты смѣешь кричать? Тутъ должна быть гробовая тишина! Я прикажу немедленно заковать тебя въ кандалы“. Напрасно заключенный старается указать на то, что онъ уже отбылъ законный срокъ испытанія

*) „Заживо погребенные“, напечатано въ „Общемъ Дѣлѣ“, № 16, октябрь 1878 г.

(въ теченіе котораго заключенные ходятъ въ кандалахъ) и что, кромѣ того, по свидѣтельству врача, онъ боленъ; ничто не можетъ его спасти: онъ снова заковывается въ кандалы (въ февралѣ 1878 г.). Еще болѣе возмутительный случай былъ съ Александровымъ. Издалека къ нему донеслась крестьянская пѣсня; она нашла отголосокъ въ сердцѣ заключеннаго, и онъ запѣлъ знакомую мелодію. Онъ давно кончилъ пѣсню, когда въ камеру вошелъ надзиратель и со словами: „Кто тебѣ позволилъ пѣть? Я тебѣ покажу пѣсни!“ ударилъ его кулакомъ въ лицо. Произволъ касался и выбора книгъ. Сегодня Спенсеръ дозволенъ, завтра запрещенъ, сегодня разрѣшаютъ принести заключенному Теккерея, а завтра объявляютъ: „Чтеніе романовъ есть развлеченіе, а тюрьма должна быть мѣстомъ страданій!“ Даже при тиранѣ Николаѣ декабристы въ Сибири могли читать всѣ дозволенныя цензурой книги и періодическія изданія: при Александрѣ II газеты были безусловно запрещены и выборъ книгъ предоставленъ былъ на произволъ смотрителя. Положеніе преступнѣйшихъ изъ уголовныхъ арестантовъ было лучше: они могли, по крайней мѣрѣ, сидѣть по нѣсколько человѣкъ въ одной камерѣ. Однимъ изъ самыхъ жестокихъ наказаній, которому напр., подвергся Сѣряковъ за то, что не поклонился стоявшему вдали надзирателю,—является карцеръ. Это совершенно темный и настолько маленькій ящикъ, что человѣкъ можетъ помѣститься въ немъ только скорчившись; карцеръ находится позади отхожаго мѣста и настолько зловоненъ, что заключенный обыкновенно еле держится на ногахъ отъ головокруженія.

Столь же безотрадна картина Петропавловской крѣ-

ности, которую рисуетъ въ 1882 г. „Народная Воля"*). Камеры, въ которыхъ сидятъ осужденные, темны, холодны и сыры, какъ могила; окна замазаны краской и пропускаютъ такъ мало свѣта, что безъ свѣчей обходятся лишь часа два въ день. Пища состоитъ изъ щей и каши къ обѣду и изъ куска чернаго хлѣба утромъ и вечеромъ. Печи топятся при суровыхъ русскихъ морозахъ только черезъ три дня, а иногда и рѣже, стѣны поэтому сырыя и на полу стоятъ буквально лужи. Заключенные сидятъ въ одномъ бѣльѣ и арестантскихъ халатахъ. Прогулкою они пользуются только черезъ день, да и то лишь на ¼ часа. Никакихъ другихъ развлеченій нѣтъ. Когда однажды Зубковскій сдѣлалъ изъ хлѣба кубики, чтобы повторить нѣкоторыя правила стереометріи, то у него ихъ отняли, сказавши, что всякія развлеченія запрещены осужденнымъ. Такъ живутъ они точно въ могилѣ. При такихъ условіяхъ самоубійства неизбѣжны; поэтому къ заключеннымъ, подозрѣваемымъ въ такомъ намѣреніи, въ камеры сажаютъ жандармовъ или солдатъ для наблюденія, что дѣлаетъ существованіе окончательно невыносимымъ. Если заключенный пристально смотритъ на что-нибудь, то жандармъ вскакиваетъ и спрашиваетъ, что его занимаетъ. Слѣдятъ за каждымъ движеніемъ руки, за каждымъ наклоненіемъ головы. Жандармъ имѣетъ при себѣ полотенце и платокъ, которыми, по мѣрѣ надобности, даетъ пользоваться заключеннымъ. Естественно, что болѣзни, сумасшествіе, самоубійства и случаи смерти очень часты

---

*) „На Родинѣ", № 1. Въ сокращенномъ видѣ описаніе сообщено мною въ берлинскомъ еженедѣльномъ журналѣ „Gegenwart", 1882 г., № 23.

между заключенными. По „Календарю Народной Воли“, отъ 1875 г. по 1882 г. умерло въ тюрьмахъ и ссылкѣ 76 революціонеровъ, среди эмигрантовъ — 6.

Единственнымъ, послѣднимъ средствомъ противъ такого обращенія являются голодовки, которыя часто повторялись въ Петербургѣ, Харьковѣ и Сибири. Еще недавно, 12 декабря 1882 года, разыгралась голодовка въ Одессѣ. Мотивы ея заключенные объясняютъ слѣдующимъ образомъ*). Одинъ рабочій просилъ больничной порціи; тюремный врачъ крикнулъ на него: „Вы — рабочій, а больничная порція стоитъ 70 коп., обойдетесь и безъ нея!“ Другой заключенный студентъ просилъ лѣкарства противъ нарыва на рукѣ; тотъ же самый врачъ отвѣтилъ ему: „Сосите руку, у васъ не мало времени!“ Когда тотъ же паціентъ хотѣлъ посовѣтоваться съ другимъ докторомъ, то тюремный врачъ замѣтилъ: „Для васъ нуженъ не врачъ, а палачъ!“ Послѣдній поводъ къ „бунту“ далъ смотритель, который посадилъ въ карцеръ больного въ послѣдней степени чахотки за то только, что тотъ просилъ дать ему койку. Заключенные обратились къ послѣднему средству: пригласили къ себѣ полицеймейстера; но тотъ вмѣсто того, чтобы исполнить ихъ просьбу, сталъ ругать ихъ самымъ непозволительнымъ образомъ. Тогда началась голодовка. Заключенные не хотѣли принимать пищи, пока не будутъ удовлетворены слѣдующія пять требованій: 1) ежедневная топка печей, такъ какъ въ камерахъ было сыро и холодно; 2) выдача постелей всѣмъ, какъ дворянамъ, такъ и непривилегированнымъ, которымъ приходилось спать на сыромъ и холодномъ полу; 3) прогулка вдво-

---

*) Прокламація заключенныхъ, „На Родинѣ“, № 3.

омъ, а не въ одиночку; 4) выдача ламиъ въ камеры) нѣ ставились въ корридорѣ) и 5) болѣе человѣчное обращеніе съ заключенными. Смотритель былъ мало встревоженъ этимъ бунтомъ и съ хладнокровіемъ опытнаго чиновника замѣтилъ: „Это пустяки—старая исторія, мы будемъ кормить ихъ съ помощью клистирныхъ трубокъ“.

Въ Сибири, повидимому, ничуть не хуже, чѣмъ въ центральныхъ тюрьмахъ*).

Трудъ на каторгѣ не затруднителенъ, онъ даетъ возможность двигаться и укрѣплять силы. Но за то тѣснота въ Карійской тюрьмѣ невыносима; тюрьма эта не что иное, какъ обыкновенная деревенская изба, окруженная высокимъ частоколомъ; столовъ и стульевъ тамъ нѣтъ, есть только нары, на которыхъ, тѣсня другъ друга, лежатъ заключенные. Пища состоитъ почти изъ одного хлѣба, такъ какъ въ супѣ нѣтъ ничего, кромѣ горсточки гречневой крупы. Чай пьютъ утромъ и вечеромъ, но сахаръ дается только по вечерамъ. Хозяйство ведется на общій счетъ артелью: улучшать пищу можно, но для этого у заключенныхъ нѣтъ средствъ. Отдѣльной больницы нѣтъ, и больные лежатъ на нарахъ рядомъ съ здоровыми; ихъ лѣчатъ врачи изъ товарищей. Величайшимъ утѣшеніемъ является полученіе книгъ и газетъ и единственною мечтою—возвращеніе на родину. Надежда эта столь сильна, что заключенные находятся въ постоянномъ возбужденіи. Вслѣдствіе распоряженія графа Лорисъ-Меликова отъ 15 декабря 1880

*) О способахъ передвиженія и содержанія осужденныхъ въ Сибири я писалъ, по сообщеніямъ „Народной Воли“, въ Gegenwart“, 1882 г., № 28.

года положеніе заключенныхъ значительно ухудшилось. Было уничтожено различіе между испытуемыми и окончившими этотъ срокъ, такъ что многіе, жившіе уже въ „вольныхъ командахъ", были снова заключены въ тюрьму. Далѣе всѣ каторжане должны носить кандалы не только во время работъ, но и въ тюрьмѣ; наконецъ была запрещена переписка съ родными.

Положеніе поселенцевъ, въ особенности сосланныхъ на крайній сѣверъ, напр., въ Якутскую область, является во многихъ отношеніяхъ хуже положенія осужденныхъ на каторгу. „Мы живемъ въ темнотѣ и для занятій зажигаемъ свѣчку часа на 1½—2, больше тратить на свѣчи мы не можемъ; хлѣба не ѣдимъ, а питаемся рыбой, мяса достать нельзя", — такъ пишетъ одинъ изъ ссыльныхъ. Нѣсколько лучше положеніе ссыльныхъ въ городахъ.

Кромѣ подслѣдственныхъ и осужденныхъ въ Россіи существуетъ многочисленная категорія лицъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи и административно-ссыльныхъ. Правила, изданныя гр. Игнатьевымъ 12 марта 1882 г., подняли въ Европѣ цѣлую бурю, но, по моему мнѣнію, несправедливо: они узаконили лишь массу существовавшихъ до того времени секретныхъ циркуляровъ. Согласно этимъ правиламъ, люди „опаснаго образа мыслей" могутъ по произволу полиціи подвергаться обыскамъ, аресту и отдачѣ подъ полицейскій надзоръ. Имъ возбраняется заниматься нѣкоторыми профессіями, искать письменной работы въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, продолжать образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, занимать мѣста въ частныхъ и акціонерныхъ обществахъ, словомъ, существованіе ихъ дѣлается совершенно невозможнымъ, или

же они безъ всякаго суда, административнымъ порядкомъ высылаются въ отдаленныя губерніи и Сибирь. Такихъ людей, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, во время Лорисъ-Меликова было 1696*), а при управленіи Игнатьева—2836, число ихъ въ дѣйствительности, вѣроятно, гораздо больше. Изъ 1500 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ комиссіей, учрежденной при министерствѣ юстиціи, въ 600 случаяхъ не было найдено данныхъ для судебнаго разслѣдованія**). Другая комиссія нашла, что 4 °/o обвиненій основаны на ложныхъ доносахъ. Число лицъ, предаваемыхъ суду, становится съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе въ сравненіи съ наказанными административнымъ порядкомъ. Не хотятъ просто возбуждать шума, неизбѣжнаго при политическихъ процессахъ, предпочитая расправляться съ подозрительными лицами болѣе тихимъ путемъ полицейскихъ распоряженій. И вотъ изъ семей вырываютъ тайно ночью сотни лицъ, держатъ ихъ въ тюрьмахъ, сколько заблагоразсудится, и потомъ, не объясняя даже за что и куда, отправляютъ ихъ за тысячи верстъ можетъ, быть, для того, чтобы выпустить на свободу среди какихъ-нибудь якутовъ или остяковъ. Многія жены и матери до сихъ поръ

---

*) „Русское Слово", № 21. Весною 1883 г. по случаю предстоящей коронаціи изъ одной Москвы было выслано громадное число людей въ сѣверныя и восточныя губерніи Россіи.

**) Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1893 г. былъ напечатанъ оффиціальный циркуляръ военнаго генералъ-губернатора фауфмана отъ 14 октября 1865 г. губернаторамъ 6 литовско-бѣлорусскихъ губерній, въ которыхъ произволъ и беззаконіе Муравьева-Вѣшателя, подтверждается документально. Было бы желательно, чтобы обнародованы были поскорѣе подобные же документы и относительно правителей послѣднихъ лѣтъ.

не знають, гдѣ находятся ихъ мужья и сыновья. Въ Якутской области живутъ болѣе 70 административно ссыльныхъ: изъ нихъ въ Олекминскѣ — 7, въ самомъ Якутскѣ — 10, въ Верхоянскѣ и Колымскѣ — по 9, а остальные разбросаны по разнымъ улусамъ *).

Многіе изъ читателей скажутъ, что эти разсказы революціонныхъ листковъ очень преувеличены! Позволю себѣ замѣтить, что я передалъ далеко не все, что заключается въ нихъ; тамъ можно встрѣтить описанія еще болѣе ужасныхъ фактовъ. А затѣмъ я вижу большое зло именно въ томъ, что мы не можемъ слышать никакихъ голосовъ, кромѣ жалобъ потерпѣвшей стороны: ни одна „легальная“ русская газета не смѣетъ пикнуть объ этомъ предметѣ; ни одно учрежденіе въ Россіи не располагаетъ достаточной независимостью, чтобы осмѣлиться подвергать открытому обсужденію возмутительные факты произвола правительства. „Но цареубійцы и не заслуживаютъ другого обращенія!“ — будетъ упорно продолжать свои возраженія поклонникъ правительственнаго авторитета. Такое сужденіе кажется мнѣ верхомъ несправедливости. Прямые убійцы царя покончили уже свою жизнь на висѣлицахъ, ихъ ближайшіе пособники осуждены на вѣчную каторгу въ Сибирь. А другіе, которые только раздѣляютъ террористическіе взгляды, и прежніе пропагандисты, неповинные ни въ чемъ, кромѣ соціалистическихъ рѣчей и распространенія революціонныхъ сочиненій, — они-то ни

*) „На Родинѣ“, № 1, изъ „Народной Воли“. Положеніе этихъ людей должно быть ужаснымъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что онъ безъ штановъ; другой, что онъ спитъ на навозѣ; третій, пропагандистъ Чиконидзе, что питается мясомъ дохлыхъ собакъ.

въ какомъ случаѣ не заслуживають такого обращенія! А наконецъ люди, только заподозрѣнные въ „опасномъ" образѣ мыслей, въ какой странѣ могли бы они подвергнуться такой жестокости, можно сказать, безчеловѣчной карѣ, какъ въ Россіи? О, намъ понятно, почему въ груди молодыхъ революціонеровъ клокочетъ жажда мести; почему они идутъ на преступленія, даже на убійства!...

Однако такая варварская система, какъ русская, не можетъ быть строго проведена во всѣхъ подробностяхъ,— то тутъ, то тамъ, она всегда будетъ давать трещины. Положеніе заключенныхъ облегчается тѣмъ, что время отъ времени они завязываютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Нѣкоторые члены партіи, остающіеся на волѣ занимаются спеціально этимъ дѣломъ. Напр., С. Перовская долгое время жила въ Харьковѣ и передавала заключеннымъ (въ центральной тюрьмѣ) платье, деньги и газеты. Въ началѣ 1883 года было открыто, что заключенные въ Петропавловской крѣпости устроили, съ помощью подкупа часовыхъ (что, конечно, не трудно сдѣлать въ Россіи), правильную переписку съ товарищами на волѣ; почта послѣднихъ находилась, какъ говорятъ, на Сѣнномъ рынкѣ въ Петербургѣ. Сильная привязанность къ товарищамъ, которыхъ постигло несчастіе, и необходимость въ ихъ цѣнной помощи въ Россіи вызываютъ для освобожденія ихъ изъ Сибири цѣлыя экспедиціи. Такъ еще въ эпоху соціалистической пропаганды Мышкинъ, подъ видомъ жандарма, проникъ въ мѣсто ссылки Чернышевскаго, но самъ былъ арестованъ, не достигнувъ цѣли. Послѣ убійства царя К... Богдановичъ, ... подкопа на Малой Садовой, отправился въ Сибирь и

освободилъ Клименко. Вообще побѣгъ — мечта заключенныхъ и ссыльныхъ. „Календарь Народной Воли" даетъ на этотъ счетъ слѣдующія цифры: отъ 1861 до 1874 г.—11 побѣговъ, за 7 лѣтъ, отъ 1876 до 1882 г.— 3, 7, 20, 20, 7, 6, 2, — всего 76 удачныхъ и 35 неудавшихся побѣговъ; кромѣ того 7 особенно смѣлыхъ попытокъ къ побѣгу. Въ особенности благопріятны будто бы условія къ побѣгу въ Сибири; у кого найдется достаточно денежныхъ средствъ, тотъ, какъ говорятъ, всегда можетъ убѣжать. Болѣе всего интересенъ побѣгъ Брешковской и ея товарищей въ 1881 г. Солдаты преслѣдовали ихъ на протяженіи 180 верстъ отъ мѣста ссылки черезъ непроходимые лѣса вокругъ Байкальскаго озера; бѣглецы переходили черезъ бушующія рѣки, передъ которыми преслѣдователи останавливались въ смущеніи, карабкались по крутымъ скаламъ, вырубая въ нихъ ступени, и были въ концѣ концовъ взяты только потому, что проводникъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы *). Такъ же несчастливо кончился побѣгъ Мышкина и его 7 товарищей въ маѣ 1882 г., изъ которыхъ Мышкинъ и Хрущовъ были арестованы во Владивостокѣ въ тотъ моментъ, когда собирались сѣсть на американскій пароходъ.

Тяжела участь захваченныхъ бѣглецовъ; наказаніе ихъ обыкновенно удваивается, да и товарищи ихъ по заключенію страдаютъ въ этихъ случаяхъ не мало. На Карѣ послѣ побѣга Мышкина напали на оставшихся, избили, заковали въ цѣпи, обрили головы, отобрали всѣ вещи, всю собственную одежду, даже стулья, столы и кровати, такъ что имъ приходилось спать на голомъ

*) „На Родинѣ", №№ 1 и 2.

колу. Гулять не пускали, изъ камеръ не выносили „парашъ“, получающіяся деньги и книги конфисковались для покрытія издержекъ по поимкѣ бѣглецовъ. Вслѣдствіе всего этого въ концѣ мая 1882 года былъ задуманъ планъ голоднаго бунта.

Плохое обращеніе съ заключенными и ссыльными съ давнихъ поръ вызываетъ къ нимъ сочувствіе русскаго общества. Съ самаго начала соціалистической пропаганды среди студентовъ и вообще учащейся молодежи обоихъ половъ возникаютъ общества, которыя въ пользу пострадавшихъ устраиваютъ денежные сборы, балы, постоянныя кассы и т. д. Дѣятельность эта возросла, когда преслѣдованія сдѣлались сильнѣе и наказанія строже. Наконецъ лѣтомъ 1881 года при дѣятельномъ участіи Юрія Богдановича былъ основанъ сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ „Красный Крестъ Народной Воли“ по внѣшности — съ цѣлью организовать денежные сборы въ пользу заключенныхъ и ссыльныхъ и содѣйствовать ихъ побѣгамъ. Даже заграницей при посредствѣ главнымъ образомъ Стефановича возникло отдѣленіе, — черезъ Засуличъ, Лаврова и Чайковскаго въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ; оно принимало пожертвованія и въ пользу этого общества издало до настоящаго времени четыре біографіи и 3 выпуска „На Родинѣ“. Однако, этотъ „Красный Крестъ“ служитъ, повидимому, только вывѣской для сборовъ Исполнительнаго Комитета въ пользу террористической партіи; въ либеральномъ „Вольномъ Словѣ“ появился уже протестъ противъ этого *); въ то же

*) Въ печатаемыхъ нами замѣчаніяхъ Лаврова уже имѣется протестъ противъ этого подозрѣнія, заимствованнаго Туномъ

время какое-то другое общество открыло подписку въ пользу не только террористовъ, но всѣхъ вообще политическихъ арестованныхъ. Впрочемъ на судѣ, происходившемъ въ апрѣлѣ 1883 г., Богдановичъ заявилъ, что по уставу „Краснаго Креста“ члены этого общества должны держаться вдали отъ всякихъ революціонныхъ предпріятій и что скомпрометированные въ политическомъ отношеніи обязаны выходить изъ него, чтобы не ставить въ затрудненіе своихъ товарищей.

у „либеральнаго Вольнаго Слова“. Замѣтимъ вдобавокъ, что и „Красный Крестъ Народной Воли“ собиралъ деньги вовсе не для однихъ террористовъ, а для всѣхъ политическихъ заключенныхъ и ссыльныхъ. (*Прим. ред.*).

Конецъ „Народной Воли“
и
НАЧАЛО СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТІИ.

(80-ые годы).

Наступила мрачная эпоха реакціи. Александръ III въ своемъ первомъ манифестѣ возвѣстилъ міру о своемъ желаніи возстановить (?) самодержавіе, и очень скоро вся Россія почувствовала, куда собственно стремится эта реставрація. Первые шаги, конечно, были робки, неувѣренны: дѣлались попытки заигрыванія съ либерально-народническими элементами, созывались въ Петербургъ свѣдущіе люди изъ провинціи для рѣшенія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, а также вопросовъ питейнаго и переселенческаго. Въ Петербургѣ образована такъ называемая Кохановская комиссія для пересмотра „Положенія о земствахъ“. Но очень скоро оказалось, что въ этихъ заигрываніяхъ не было ничего, кромѣ демагогіи, сознательной или безсознательной. Общественное мнѣніе убаюкивалось слад-

кими рѣчами, а подъ шумокъ этихъ рѣчей „возстановлялось“ самодержавіе. Съ выходомъ въ отставку графа Игнатьева и съ замѣной его въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Толстымъ прекратились окончательно сладкія рѣчи, и реакція стала работать на всѣхъ парахъ. Школа, мѣстное самоуправленіе, печать, судъ—ничто не ускользнуло отъ ея вниманія. Изъ университетовъ удалени лучшіе профессора, и университетскій уставъ измѣненъ; открыты церковно-приходскія школы; закрытъ лучшій журналъ этой эпохи „Отечественныя Записки“, а изъ публичныхъ библіотекъ и общественныхъ читаленъ изъяты произведенія очень многихъ авторовъ и нѣкоторые журналы. Изданы временныя правила о печати, предоставляющіе четыремъ министрамъ право пріостанавливать періодическія изданія, не дожидаясь 3-го предостереженія, или отдавать ихъ подъ цензуру; наконецъ введенъ институтъ земскихъ начальниковъ и новое положеніе о земствѣ, сведшее до минимума самостоятельность мѣстныхъ дѣятелей и усилившее значеніе администраціи.

Но какъ ни была жестоко послѣдовательна правительственная реакція, все это было ничто въ сравненіи съ реакціей, шедшей изнутри самого общества. Проповѣдь малыхъ дѣлъ, пропаганда непротивленія злу, стремленіе уйти отъ общественной жизни и въ трудовой жизни искать личнаго совершенствованія — таковы главные литературные мотивы этого времени. Даже писатели, слывшіе представителями наиболѣе передовыхъ идей, умѣли только жаловаться на безвременье, вздыхать по прежнимъ временамъ и на всѣ обращаемые къ нимъ со стороны молодежи запросы шептать что-то несклад-

ное или пережевывать старыя идеи, мало по малу сдававшiяся живьѣмъ въ архивъ.

Земскiе либералы откликнулись на событiе 1-го марта нѣсколькими робкими адресами да попыткой создать свою организацiю, такъ называемое „Общество Земскаго Союза и Самоуправленiя“, ставившее главной цѣлью своей дѣятельности „достиженiе свободы самоуправленiя и открытiе широкаго пользованiя правами личности“. Но и это общество, поддержкой котораго пользовалась издававшаяся заграницей газета „Вольное Слово“, просуществовало недолго и не можетъ похвалиться своимъ влiянiемъ на земскую среду. Драгомановъ, одинъ изъ редакторовъ „Вольнаго Слова“, писалъ въ 1888 году о результатахъ либерально-оппозицiоннаго движенiя начала восьмидесятыхъ годовъ слѣдующее: „Опытъ изданiя земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскiе матерiалы стали поступать въ редакцiю правильно только съ конца 1882 года, а въ маѣ 1883 года изданiе было уже прекращено. Не могутъ либеральные земцы похвалиться своей энергiей и въ дѣлѣ организацiи законно-либеральнаго движенiя въ земскихъ и дворянскихъ собранiяхъ Россiи *).

Скоро земству пришлось отстаивать свое собственное существованiе, и оно прибѣгло въ этомъ случаѣ къ обыденной тактикѣ либераловъ- не ставить слишкомъ широкихъ требованiй, не настаивать на реформахъ, а стараться сохранить то, что есть.

---

*) Свободная Россiя, № 1

Само собой разумѣется, что новое настроеніе не осталось безъ вліянія и на молодежь. Типъ студента, не интересующагося вовсе общественными вопросами, относится скорѣе къ концу, чѣмъ къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда недавнія традиціи были еще живы въ памяти всѣхъ. Но чего недоставало этой молодежи, такъ это энергіи въ борьбѣ, въ отстаиваніи хотя бы своихъ академическихъ интересовъ. Такъ называемыя университетскія исторіи не прекращаются почти во все продолженіе 80-хъ годовъ, но въ нихъ не чувствуется духа живого протеста; это скорѣе стонъ закованнаго плѣнника, чѣмъ борьба за опредѣленный идеалъ или хотя бы за корпоративныя требованія. Первымъ поводомъ для студенческихъ волненій служитъ изгнаніе правительствомъ многихъ передовыхъ профессоровъ. Въ 1882 году въ Казанскомъ университетѣ вспыхнули волненія, прелюдіей къ которымъ послужила пощечина, данная однимъ изъ студентовъ проректору; эти волненія распространились затѣмъ и на харьковскій университетъ. Въ 1883 году студенческіе безпорядки произошли въ Царствѣ Польскомъ — въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и въ Варшавскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ году студенческія волненія охватили Москву, а въ Кіевѣ, во время празднованія 50-ти лѣтняго юбилея существованія университета, студентами было сдѣлано нападеніе на домъ ректора Ренненкампфа, по доносу котораго былъ удаленъ изъ университета и выселенъ изъ Кіева профессоръ Мищенко; послѣ этого университетъ былъ закрытъ. Характерно, что введеніе новаго университетскаго устава, превратившаго университеты въ

бюрократическія канцеляріи, не вызвало никакого движенія въ студенчествѣ, какъ будто такъ оно и должно было быть. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ въ средѣ студенчества начинаетъ замѣчаться нѣкоторый подъемъ духа: 1886 годъ ознаменовался въ Петербургѣ двумя студенческими демонстраціями — 19-го февраля по поводу исполнившагося 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ, празднованіе котораго было запрещено правительствомъ, и 17-го ноября по поводу 25-тилѣтія со дня смерти Добролюбова; послѣдняя демонстрація кончилась арестомъ 150 человѣкъ (изъ 500 участниковъ) и высылкой многихъ студентовъ на родину. Особенно оживленнымъ оказался 1887 годъ: послѣ ареста на Большой Морской трехъ студентовъ — Генералова, Андреюшкина и Осипанова — съ бомбами. Были приняты всѣ мѣры къ очищенію университетовъ отъ неблагонадежныхъ элементовъ. Никогда университетская инспекція не вела себя такъ вызывающе, какъ въ это время. Въ результатѣ — пощечина инспектору Московскаго университета, студенческія волненія въ Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ и Казани, уличная демонстрація въ Москвѣ, закрытіе многихъ высшихъ учебныхъ заведеній и удаленіе огромнаго количества студентовъ изъ университетовъ. Это послѣднее кровопусканіе надолго истощило запасъ энергіи студенчества, и до конца описываемаго періода о студенческихъ протестахъ почти не слышно.

Въ настроеніи молодежи въ сильной степени отразилось настроеніе революціонной партіи, гдѣ нерѣшительность и шатаніе сказывались на каждомъ шагу. Въ самую рѣшительную минуту партія „Народной Воли“

оказалась лишенной всякаго серьезнаго вліянія на какой-либо слой населенія. Попытка нѣкоторыхъ южныхъ группъ воспользоваться охватившимъ весь югъ антиеврейскимъ движеніемъ окончилась неудачей и вызвала неудовольствіе среди руководящихъ элементовъ партіи. Между тѣмъ аресты не прекращались, и одинъ за другимъ сходили со сцены старые опытные бойцы. Лѣтомъ 1882 года уѣхали заграницу Тихомировъ и Полонская (псевд.), и только одна Вѣра Фигнеръ не пожелала послѣдовать ихъ примѣру. Ей удалось еще создать на югѣ довольно большую военную организацію, но и она была скоро выдана Дегаевымъ и арестована въ февралѣ 1883 года. Отнынѣ руководство дѣлами партіи перешло къ неопытной молодежи, которая не могла сдѣлать никакого рѣшительнаго шага, тѣмъ болѣе, что въ ея ряды проникло сомнѣніе въ правильности тактики партіи; съ другой стороны, дегаевщина внесла полную дезорганизацію въ ея ряды, вселила недовѣріе къ вожакамъ партіи и окончательно подорвала ея внутреннюю силу и способность къ борьбѣ.

Какой развратъ внесъ въ партію своей измѣной Дегаевъ, мы узнаемъ изъ показаній Стародворскаго на процессѣ 21-го. По словамъ послѣдняго „во время мнимой болѣзни Судейкина, послѣ задуманнаго имъ фиктивнаго покушенія на его же жизнь, Дегаевъ долженъ былъ съ помощью агентовъ Судейкина произвести покушеніе на жизнь графа Толстого; убійцы послѣ этого, конечно, скрылись бы, и ихъ никто бы не могъ разыскать. Ему, Стародворскому, и было предложено произвести это покушеніе. Планъ былъ разсчитанъ такъ, что послѣ покушенія на Толстого Судейкинъ выздоровѣлъ бы отъ сво-

ей мнимой болѣзни, розыскалъ бы немедленно убійцъ, отправилъ бы ихъ на висѣлицу, а самъ, ссылаясь на усталость, сейчасъ же подалъ бы въ отставку и уѣхалъ бы въ свою деревню, За всѣ свои услуги, по его разсчетамъ, онъ успѣлъ бы къ этому времени получить уже генеральскій чинъ. Во время же его отставки Дегаевъ произвелъ бы еще два новыхъ покушенія на жизнь Плеве и великаго князя Владиміра. Тогда правительство, приведенное въ ужасъ, снова обратилось бы, какъ разсчитывалъ Судейкинъ, къ нему, и онъ согласился бы принять власть лишь на правахъ и полномочіяхъ гр. Лорисъ-Меликова. Дегаева онъ сдѣлалъ бы директоромъ Департамента Полиціи и тогда они вдвоемъ уничтожили бы всѣхъ революціонеровъ, въ томъ числѣ и заграничныхъ, которыхъ предполагалось заманить въ ловушку и предать достойному наказанію. Въ послѣднее время дѣятельности Дегаева Судейкинъ настолько довѣрялся ему, что посвятилъ его во всѣ свои сокровенные замыслы и пріѣзжалъ къ нему на квартиру одинъ безъ провожатыхъ. Революціонная типографія въ Петербургѣ существовала съ разрѣшенія Судейкина, листки „Народной Воли“ имъ самимъ редактировались; Дегаевъ получалъ 300 рублей жалованья и не взачетъ, на экстренные расходы по 500 рублей за каждую поѣздку внутрь Россіи и по 2000 за заграничныя поѣздки. Паспорты нелегальнымъ лицамъ выдавались казенные.

Можно себѣ представить, какое ошеломляющее дѣйствіе должно было оказать на партію извѣстіе, что „Исполнительнымъ Комитетомъ“ одно время руководилъ Департаментъ Полиціи. „Но, продолжаетъ Стародворскій, малодушное по природѣ сердце Дегаева дрогнуло въ рѣшительную минуту предъ деракціемъ Судей-

кинскихъ замысловъ, дрогнуло еще и потому, что, какъ онъ замѣтилъ, революціонная партія начинаетъ уже подозрѣвать его. Вотъ почему, уже во время приготовленія къ фиктивному покушенію на жизнь Судейкина, Дегаевъ предпочелъ убить его на самомъ дѣлѣ и во всемъ покаяться „Исполнительному Комитету". Партія нашла еще достаточно силъ, чтобы совершить эту казнь, но это былъ послѣдній актъ ея дѣятельности въ предѣлахъ Россіи.

Уже въ началѣ 1884 года всѣмъ было ясно, что „Народная Воля" окончательно разбита. Но, конечно, не всѣмъ еще могло быть ясно, что „Народную Волю" нельзя уже воскресить. И вотъ въ первую половину 80-хъ годовъ были сдѣланы попытки воскресить старую партію. Нынѣ всѣмъ извѣстно, что эти попытки не имѣли успѣха. „Несмотря на массовыя высылки, процессы и висѣлицы, самое большее количество которыхъ выпадаетъ на 79-ый годъ, правительству не удалось задушить тогда движенія; уцѣлѣвшіе революціонеры организовались въ „Исполнительный Комитетъ", и движеніе продолжалось подъ новымъ знаменемъ. Ничего подобнаго не повторилось въ 80-хъ годахъ" *). Не повторилось потому, что у молодежи не было ни революціоннаго опыта, ни соотвѣтствующаго сочувствія въ обществѣ, ни, что болѣе важно, вѣры въ свое собственное дѣло.

Дѣло „Народной Воли" было сдѣлано: необходимость борьбы за политическую свободу теперь призна-

---

*) Свободное Слово № 1.

валась всѣми. Но каково отношеніе соціализма къ политикѣ? Къ какому общественному слою должны апеллировать революціонеры, чтобы приблизить часъ политическаго освобожденія?

Такъ называемая молодая партія „Народной Воли", образовавшаяся около конца 1883 года, находила, что слѣдуетъ одновременно вести пропаганду соціалистическихъ идей и политическую борьбу. Подъ послѣдней понималась непосредственная борьба съ правительствомъ — политическій терроръ; для успѣшности первой требовался также терроръ—фабричный и аграрный. „Намъ казалось и до сихъ поръ кажется,—говорится въ заявленіи этой партіи, напечатанномъ въ № 10 „Народной Воли"—что пришло время внести нѣкоторыя серьезныя поправки, какъ въ строй организаціи партіи, такъ и въ самую программу ея дѣятельности, въ смыслѣ введенія въ нее такихъ террористическихъ фактовъ, которые—будучи доступны народному пониманію и ближе къ насущнымъ нуждамъ и интересамъ рабочаго люда, нежели терроръ политическій (какъ-то—факты аграрнаго и фабричнаго террора)—скорѣе могли бы произвести необходимое для соціальнаго переворота сліяніе силы народа съ сознательностью революціонной партіи. При этомъ террору аграрному, какъ труднѣе осуществимому въ настоящее время, мы отводимъ въ своей программѣ второстепенную роль, давая ему мѣсто лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ выдающагося насилія и поруганія народной правды; на терроръ же фабричный смотримъ, главнымъ образомъ, какъ на одно изъ орудій агитаціи, какъ на могучій способъ сдѣлать пропаганду идей соціализма

продуктивнымъ и жизненнымъ дѣломъ, какъ на средство установленія живой и тѣсной связи партіи съ народомъ, а не какъ на преимущественное передъ политической борьбой средство уничтоженія существующаго строя,—почему и не могли возвести этотъ терроръ въ какую-то кровавую систему, которую многіе намъ приписывали".

10-ый номеръ „Народной Воли", помѣченъ 30 сентября 1884 г. *). Въ этомъ номерѣ, въ которомъ молодая партія „Народной Воли" заявляла о прекращеніи своего самостоятельнаго существованія, такъ какъ „при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами „Исполнительнаго Комитета" мы увидѣли, что расхожденіе нашихъ теоретическихъ взглядовъ не привело бы въ настоящее время къ такому разногласію въ практической постановкѣ вопросовъ, которое дѣлало бы необходимымъ разрывъ организаціи на двѣ части",—въ этомъ самомъ номерѣ партія заявляла, что она привела снова въ должную организацію свои ряды и скоро возобновитъ

---

*) Въ этомъ же номерѣ Народной Воли помѣщенъ текстъ договора Исполнительнаго Комитета съ польской партіей „Пролетаріатъ". На основаніи этого договора „Пролетаріатъ" сохранялъ „полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ", и примыкалъ, какъ „вспомогательный союзный корпусъ" къ силамъ русскихъ революціонеровъ для выполненія ихъ „частной задачи" — низверженія русскаго правительства.—Извѣстно, что въ 1884-85 гг. организація „Пролетаріата" была разгромлена, въ 1885 году состоялся въ Варшавѣ процессъ 25 пролетаріатцевъ, изъ которыхъ четверо—Бардовскій, Оссовскій, Куницкій и Петрусинскій—были повѣшены, а остальные сосланы на каторгу.

свою террористическую дѣятельность. Этому обѣщанію не суждено было исполниться: осенью того же года былъ арестованъ Лопатинъ, затѣмъ цѣлый рядъ провалов, и организація была совершенно разбита. Между прочимъ была взята динамитная мастерская на Луганскомъ заводѣ, а въ Кіевѣ арестована на квартирѣ Шебалина типографія, гдѣ набирался народовольческій журналъ „Соціалистъ", цѣлью котораго должна была быть пропаганда соціализма среди интеллигенціи *).

Вторая попытка возстановить партію „Народной Воли" связана съ именемъ Оржиха. Ему удалось въ сравнительно короткое время создать довольно большую организацію, поставить нѣсколько типографій, издать №№ 11—12 „Народной Воли", нѣсколько листковъ, пару брошюръ. Но этотъ успѣхъ былъ мимолетный и скоропреходящій: Оржиху удалось собрать все, что еще уцѣлѣло отъ прежнихъ разгромовъ, но, не говоря уже о томъ, что это соединеніе часто разнородныхъ элементовъ не могло быть долговѣчнымъ, молодыя силы почти совсѣмъ уже не притекали въ партію. Въ Петербургѣ, напримѣръ, центральная группа составилась изъ трехъ человѣкъ: А. Гаусмана, впослѣдствіи казненнаго за участіе въ Якутской исторіи, и двухъ малоопытныхъ молодыхъ студентовъ, къ тому же уже тогда эволюціонировавшихъ въ сторону соціальдемократіи. Попытка

*) Въ 1883-84 гг. было сдѣлано нѣсколько попытокъ изданія органовъ исключительно для студенчества. Таковыми, между прочимъ, были журналы: „Студенчество", издававшійся петербургскими, и „Союзъ", издававшійся московскими студентами.

расширить петербургскую группу *) не удавалась, и послѣ ареста Гаусмана и добровольнаго устраненія отъ дѣла другого члена группы всѣ связи, вся мѣстная дѣятельность и всѣ сношенія остались въ рукахъ одного человѣка.

Извѣстно, что въ „Народную Волю“ входили люди довольно разнородныхъ мнѣній, ея руководящій органъ часто давалъ противоположные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ. Одно время преобладало убѣжденіе, что соціалистическій и политическій переворотъ будутъ совершены одновременно, путемъ захвата власти революціонной партіей. Но въ восьмидесятыхъ годахъ, когда обнаружилось полнѣйшее безсиліе революціонной партіи, о захватѣ власти нелѣпо было уже мечтать, а слѣдовательно приходилось отказываться и отъ мысли о близости соціалистической революціи **). Передовая

*) Кромѣ названной центральной группы въ Петербургѣ какими-то чудесами сохранилась довольно многочисленная „рабочая“ группа, состоявшая изъ *интеллигентовъ*, занимавшаяся пропагандой въ рабочей средѣ и имѣвшая тамъ нѣкоторыя связи. Какъ это ни покажется страннымъ, но какъ разъ въ этой группѣ сильнѣе всего сохранялись чисто народническія тенденціи и преобладали взгляды В. В. на „экономическія судьбы Россіи“.

**) Отказывались не только отъ этой мысли. Рядомъ съ этимъ шло постоянное суживаніе соціально-политическихъ требованій партіи. Уже письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III поразило всѣхъ своею умѣренностью. Но еще умѣреннѣе становились рѣчи подсудимыхъ, выступавшихъ въ многочисленныхъ процессахъ начала восьмидесятыхъ годовъ. Такъ Исаевъ (въ процессѣ 20-ти въ 1882 году), возражая прокурору, обвинявшему партію въ разрушительныхъ стремленіяхъ, указывалъ на умѣренность ея требованій. Указавъ на прокламацію „къ крестьянамъ“,

статья №№ 11 –12 „Народной Воли“ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Нападки соціалистовъ на западно-европейскія конституціонныя учрежденія и проповѣдь всемірной соціальной революціи—была одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему вопросъ о политической

выпущенную Исполнительнымъ Комитетомъ послѣ убійства Александра II и совѣтовавшую „крестьянамъ посылать прошенія къ Государю Императору, въ которыхъ предлагалось просить объ увеличеніи надѣловъ, объ уменьшеніи податей, о расширеніи самоуправленія, объ ограниченіи произвола становыхъ и урядниковъ и о созывѣ земскаго собора“, Исаевъ подчеркнулъ умѣренность этихъ требованій. Въ процессѣ 21-го (Лопатина и товар.) Стародворскій,—одинъ изъ участниковъ въ убійствѣ Судейкина—заявилъ, что вступилъ въ организацію партіи, прочитавъ письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III. „Требованія, изложенныя въ этомъ письмѣ, онъ нашелъ вполнѣ справедливыми“. Съ программой партіи онъ не былъ знакомъ, а примкнулъ къ ней лишь на основаніи вышеназваннаго письма. Другой, судившійся по тому же процессу, основатель Союза молодежи „партіи Народной Воли“ Якубовичъ въ письмѣ, писанномъ наканунѣ арестовъ 1884 года, такъ характеризовалъ разницу между народниками и народовольцами: „Ихъ (т. е. народническая) программа—программа чисто идеалистическая: она гонится сразу за слишкомъ многимъ. Но чѣмъ мы становимся старше и болѣе зрѣлыми, тѣмъ минимальнѣе становятся наши требованія. Посмотрите на то, что требовала партія „Народная Воля“ въ самомъ началѣ своего существованія, къ чему она стремилась? Еще въ 8-мъ и 9-мъ №№ своего органа она заявила, что цѣль ея—захватъ власти. И что же? Въ настоящее время иного народовольца такая задача заставляетъ улыбаться. Формула наша стала иная: призывъ народа съ высоты трона, поколебленнаго ударами революціонеровъ“. Уже изъ одного того, что Якубовичъ пишетъ вездѣ „мы“, „наша“ видно, что къ этой мысли пришелъ не одинъ онъ, но и многіе изъ его товарищей. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

свободѣ стыдливо игнорировался въ надеждѣ непосредственною пропагандою въ народѣ добиться соціальнаго и политическаго переворота одновременно. Жизнь разбила надежду самымъ безпощаднымъ образомъ". Въ реставрированной Оржихомъ партіи преобладало то мнѣніе, что за политическимъ освобожденіемъ Россіи послѣдуетъ довольно продолжительный періодъ организаціи и пропаганды въ рабочемъ классѣ. Такихъ же приблизительно взглядовъ придерживалась група *), не состоявшая ни въ какой организаціонной связи съ „Народной Волей", но продолжавшая нѣкоторымъ образомъ ея традиціи,—група, подготовившая неудавшееся покушеніе на жизнь Александра III 1-го марта 1887 г. (Замѣтимъ мимоходомъ, что такія групы и даже одинокія личности, дѣйствовавшія на свой рискъ и страхъ,

*) При этомъ уже въ то время считали нужнымъ ссылаться на Маркса. Почти наканунѣ 1-го марта авторъ настоящаго очерка велъ переговоры съ однимъ изъ членовъ названной въ текстѣ групы, казненнымъ впослѣдствіи А. И. Ульяновымъ, объ изданіи соціально-революціонной библіотеки, для перваго выпуска которой Ульяновымъ былъ приготовленъ переводъ статьи Маркса изъ Deutsch-französiche Jahrbücher" о гегелевской философіи. Намъ приходилось часто бесѣдовать объ этой статьѣ, причемъ Ульяновъ доказывалъ, что высказанная Марксомъ въ этой статьѣ мысль о томъ, что Германія идеально пережила то, что другія страны пережили практически, но противорѣчитъ, во—первыхъ, позднѣйшимъ воззрѣніямъ Маркса и, во-вторыхъ, примѣнимъ и къ Россіи. При этомъ мы оба тогда забывали, что появленіе у интеллигенціи потребности въ политической свободѣ еще ничего не говоритъ о томъ, какъ эту свободу завоевать.— Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать отъ другихъ русскихъ соціальдемократовъ, что и они прошли черезъ этотъ фазисъ понимания марксизма.

безъ связи съ партіей, были въ это время явленіемъ довольно обычнымъ).

Рядомъ съ этими попытками возстановить партію „Народной Воли" шла другая попытка реставрировать партію путемъ созданія идейнаго для нея единства, привлеченія новыхъ силъ изъ заграничной эмиграціи, словомъ, путемъ изданія заграницей революціоннаго, соціально-политическаго обозрѣнія „Вѣстникъ Народной Воли". Но этого идейнаго единства не было даже между двумя редакторами Вѣстника, вліяніе котораго въ Россіи было крайне ограничено и свелось къ нулю послѣ того, какъ одинъ изъ редакторовъ, Тихомировъ, вздумалъ вернуться къ старымъ традиціямъ, къ идеѣ о захватѣ власти, которая, какъ мы знаемъ изъ письма Якубовича, „и иного народовольца заставляла улыбаться". Въ объявленіи объ изданіи Вѣстника, напечатанномъ въ № 1, звучала, правда, новая нотка. „Рабочій классъ (городской и сельскій) — читаемъ мы тамъ — долженъ постепенно сплачиваться и организовываться въ общественную силу, соединенную общими интересами и стремленіями къ общимъ цѣлямъ; эта сила въ процессѣ сплоченія должна постепенно подрывать существующій экономическій и политическій порядокъ, скрѣпляя вслѣдствіе самой борьбы свою организацію и выростая въ могуществѣ, пока ей удается окончательно низвергнуть существующій порядокъ". Но тутъ же оказывалось, что ближайшая задача русскихъ соціалистовъ—низверженіе самодержавія—не составляетъ части общей задачи—сплоченія и организаціи рабочаго класса, а идетъ рядомъ съ ней, причемъ съ теченіемъ времени было забыто, что экономическій и политическій поря-

ѣкъ поддержанная рабочимъ классомъ въ процессѣ его сплоченія, и была опять выдвинута на первый планъ заговорщицкая дѣятельность интеллигенціи. На пятой книжкѣ, вышедшей въ 1886 году, Вѣстникъ прекратилъ свое существованіе, а въ 1887 году Тихомировъ „пересталъ быть революціонеромъ“ и успокоился на лонѣ самодержавія и православія.

Близко къ „Народной Волѣ“ стояла група „милитаристовъ“, разсчитывавшихъ совершить политическій переворотъ путемъ военнаго возстанія или заговора. Никакого вліянія эта група не имѣла и была уничтожена арестами 1886 года. Та военная молодежь—офицера и юнкера, которые примыкали къ этой групѣ, отнюдь не раздѣляла всѣхъ ея упованій: нѣкоторые сочувствовали „Народной Волѣ“, а среди другихъ бродили соціальдемократическія идеи. Въ 1887 году состоялся ихъ процессъ, кончившійся разжалованіемъ и ссылкой въ Среднюю Азію нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей.

Уныніе господствовало въ обществѣ. Молодежь искала разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ и находила его въ ученіи Толстого и въ метафизикѣ. Разсѣянные остатки революціонной партіи чувствовали собственное безсиліе. Многіе мирились съ настоящимъ, сживались съ существующимъ порядкомъ, мѣняли свои убѣжденія или измѣняли имъ. Наиболѣе стойкіе занялись подыскиваніемъ себѣ союзниковъ. Издававшійся въ 1883—84 гг. соціалистическій журналъ „Свободное Слово“ предполагалъ опереться на интеллигентную молодежь, но высказывался противъ террора. Журналъ этотъ не пользовался никакимъ вліяніемъ, опредѣленной программы

не имѣлъ, и его доводы противъ террора были не столько политическаго, сколько моральнаго (вѣрнѣе морализирующаго) характера, въ чемъ сказалось вліяніе Толстого: журналъ совѣтовалъ всѣмъ русскимъ „соціальнымъ фракціямъ" слиться въ „одну замкнутую партію, сильную умственнымъ развитіемъ, а не грубою силою".

Особенно популярна была идея объ обращеніи къ обществу. Еще въ 1882 году на страницахъ либеральной газеты „Вольное Слово" появилось очень характерное въ этомъ смыслѣ письмо за подписью Н. Н., посвященное русскимъ соціально-революціоннымъ партіямъ. Письмо это *) преслѣдуетъ двоякую цѣль: съ одной стороны, оно стремится оправдать въ глазахъ общества революціонеровъ-террористовъ, а съ другой — оно подсказываетъ самимъ революціонерамъ новую тактику. Когда человѣкъ тонетъ, и собравшаяся толпа только глазѣетъ и вздыхаетъ, — такъ разсуждаетъ Н. Н. — то естественно, если какой-нибудь неопытный пловецъ въ порывѣ глубокаго состраданія къ утопающему бросится въ воду, рискуя не только не спасти его, но и самому погибнуть. И было бы по меньшей мѣрѣ невеликодушно бросать въ такого человѣка упреками за то, что онъ не отсрочилъ спасенія утопающаго впредь до основательнаго изученія искусства плаванія. Гораздо добропорядочнѣе и цѣлесообразнѣе обратить свое негодованіе на эгоистическіе инстинкты окружающей толпы. Если бы общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризмъ группы революціонеровъ не имѣлъ бы смысла и исчезъ бы самъ собою.

*) Вольное слово № 10.

Единственная цѣль революціоннаго движенія въ тотъ моментъ, по мнѣнію П. П., состоитъ въ достиженіи конституціонныхъ гарантій. Во имя этого должны объединиться всѣ оппозиціонные элементы. Рабочія массы, по мнѣнію того же П. П., не могутъ вдохновляться исключительными политическими требованіями, необходимо на время оставить народно-революціонную дѣятельность и заняться организаціей исключительно интеллигенціи. Принципу революціонеровъ-народниковъ — „все для народа посредствомъ народа“ П. П. противопоставляетъ другой принципъ: „все для націи и всякое дѣло посредствомъ части этой націи, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ“.

Дальнѣйшія событія только укрѣпили революціонеровъ въ этой мысли. Правда, общество позорно молчало и терпѣливо переносило всѣ удары правительства. Правда также и то, что 1885 годъ ознаменовался явленіемъ, — мы говоримъ о морозовской стачкѣ 8000 рабочихъ, обнаружившихъ замѣчательную стойкость, мужество и истинно пролетарскую солидарность *), — которое должно было обратить на себя вниманіе всякаго общественнаго дѣятеля. Но большинство тогдашнихъ

*) „Десятилѣтіе Морозовской стачки“, 1897. — На морозовской фабрикѣ давно уже существовало недовольство среди рабочихъ, въ особенности были недовольны вычетами. Главнымъ организаторомъ стачки были — ткачъ П. А. Моисеенокъ, котораго рабочіе за обширныя знанія прозвали студентомъ, и другой мѣстный рабочій В. С. Волковъ. Стачка началась 7-го января 1885 года и продолжалась до 14 января. Наиболѣе энергичные рабочіе, въ количествѣ 600 человѣкъ, были арестованы и высланы на родину, а 33 человѣка преданы суду, причемъ Моисеенко, Вол... и Як...

революціонеровъ совершенно не оцѣнило значенія этого явленія, а культурное общество, которое было не прочь помечтать иногда о конституціи, казалось имъ болѣе воспріимчивымъ къ революціоннымъ ученіямъ. Конечно для того, чтобы имѣть какой-нибудь успѣхъ въ обществѣ, надо оставить всякую мысль о соціализмѣ, но и это было нетрудно: мы знаемъ, что Якубовичъ—да и не онъ одинъ—мечталъ о реформахъ съ высоты трона, тѣмъ легче было мечтать о конституціи, исходатайствованной либеральными земцами.

Съ такими мыслями носились очень многіе изъ прежнихъ революціонеровъ, съ такими мыслями кое-кто изъ нихъ эмигрировалъ заграницу. Здѣсь въ 1880 году пропагандой этихъ идей занялся журналъ „Свободная Россія", издававшійся Вл. Бурцевымъ и Вл. Дебагоріемъ-Мокріевичемъ. Въ первомъ номерѣ такъ опредѣлена программа этого журнала: „Политическая свобода вотъ въ двухъ словахъ программа нашего органа.... Еще недавно мы игнорировали политику ради экономики, теперь мы не можемъ говорить даже объ одновременномъ преслѣдованіи двухъ задачъ.... Экономическіе вопросы мы выставимъ въ своей программѣ, когда передъ нами будутъ органы мѣстнаго и государственнаго самоуправленія, а не безапелляціонные самодержцы.... На

левъ въ ожиданіи суда находились въ тюрьмѣ, гдѣ они просидѣли 1 годъ и 4 мѣсяца. Судъ присяжныхъ оправдалъ подсудимыхъ, но тутъ же въ залѣ были арестованы жандармами Мосеенко и Волковъ, и сосланы административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію. Требованія, выставленныя морозовскими рабочими 11 января 1885 года, вошли почти цѣликомъ въ законъ 3-го іюня 1886 года.

этомъ пути мы пойдемъ рука объ руку съ либералами, и для насъ будутъ людьми чуждыми всѣ, кто не поставитъ въ своей программѣ на *первый планъ* политической свободы.... Мы будемъ стоять за Земскій Соборъ изъ представителей отъ современныхъ земствъ, если сама жизнь выдвинетъ этотъ вопросъ, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ". Нужна же эта политическая свобода: „Для установленія въ Россіи внутренняго мира, для обезпеченія за нею правильнаго и спокойнаго развитія, матеріальнаго и нравственнаго, а также для лучшаго огражденія ея отъ внѣшнихъ враговъ и для доставленія добрыхъ отношеній ея съ сосѣдними одноплеменными народами *необходимо ея преобразованіе изъ государства деспотическаго* въ рукахъ безконтрольнаго чиновничества, въ *государство свободное*" *). Такъ постепенно бывшіе соціалисты превращались въ чистокровныхъ либераловъ.

Нѣсколько раньше „Свободной Россіи" издавался заграницей другой органъ—„Самоуправленіе". Редакція этого органа хотѣла спасти отъ русскаго соціализма все, что еще можно было спасти, но во всѣхъ вышедшихъ номерахъ — всего ихъ было четыре, — не сумѣла выставить опредѣленной программы. Въ первомъ номерѣ цѣли революціонной партіи опредѣлены такъ: постепенное проведеніе реформъ, обезпечивающихъ матеріальную самостоятельность трудящагося класса и установленіе политической свободы въ Россіи посредствомъ самоуправленія мѣстнаго и государственнаго. Эта демократическая программа подкрашивалась на-

*) Свободная Россія № 3.

ретическимъ взглядомъ на русскую исторію и русскія общественныя отношенія. „Конечно, — говорится въ передовой статьѣ № 2 — политическая свобода не можетъ сама по себѣ явиться источникомъ всяческихъ благъ ни рѣшить громадныхъ соціальныхъ проблемъ, сконцентрированныхъ около вопроса о положеніи труда. Дать этого она не въ силахъ, но неразумно и предъявлять ей такое требованіе. За то она является необходимымъ условіемъ рѣшенія этихъ соціальныхъ вопросовъ *общественнымъ* путемъ.

„Рѣшатся ли однако эти вопросы въ интересахъ трудящихся классовъ (какъ у насъ принято говорить — народа)? Мы думаемъ, что въ виду слабости въ Россіи дворянства и буржуазіи въ виду тѣснаго союза соціалистической интеллигенціи и трудящихся классовъ, въ виду вліянія Западной Европы, гдѣ интересы рабочихъ массъ выдвигаются на первый планъ, политически-свободныя формы принуждены будутъ служить не интересамъ какого-нибудь привилегированнаго сословія, а интересамъ труда, въ духѣ которыхъ непремѣнно будетъ совершенъ рядъ широкихъ экономическихъ реформъ". Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго; это повтореніе все тѣхъ же надеждъ на соціалистическій характеръ нашего Учредительнаго Собранія, какія высказывались уже „Народной Волей". Но „Самоуправленіе" не только занималось выработкой программы, оно мечтало объ объединеніи всѣхъ революціонныхъ силъ Россіи и высказывало желаніе сгруппировать вокругъ себя представителей всѣхъ соціально-революціонныхъ группъ. Успѣха эта попытка не имѣла, но результатомъ подобнаго желанія явилось нѣсколько писемъ въ редакцію

писанныхъ болѣе или менѣе извѣстными эмигрантами.. Изъ этихъ писемъ наиболѣе характернымъ для настроенія восьмидесятыхъ годовъ является письмо г. Добровольскаго.

„Довлѣетъ дневи злоба его"—таково заглавіе этого письма, въ концѣ котораго авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Отложимъ пока въ сторону наши соціальныя теоріи, всмотримся пристальнѣе въ условія родной дѣйствительности, откликнемся на тѣ насущныя требованія, которыя предъявляетъ къ намъ дѣйствительность, и давайте дружно дѣлать то единственное дѣло, которое стоитъ теперь на очереди!.. Чтобы не разбрасываться, не дробить и такимъ образомъ не ослаблять нашихъ и безъ того небольшихъ силъ, забудемъ на время о томъ, что мы соціалисты, поспѣшимъ скорѣе и всецѣло проникнуться тою истиною, что теперь мы можемъ быть только политическими революціонерами, и смѣло, рѣшительно, безъ раздумья и колебаній поднимемъ знамя Политической Свободы!"

Въ этомъ выводѣ, собственно говоря, нѣтъ ничего новаго: мы уже выше познакомились съ другими образчиками подобныхъ разсужденій. Но интересенъ тотъ путь, которымъ авторъ пришелъ къ своему выводу. Начинаетъ онъ съ утвержденія своего соціально-революціоннаго credo. Но онъ не доволенъ оптимистическими теоріями русскихъ соціалистовъ, усматривающихъ соціалистическое содержаніе въ нѣкоторыхъ якобы особенностяхъ русской жизни. Добровольскій увѣренъ, что ближайшее будущее Россіи принадлежитъ буржуазіи, которой русская дѣйствительность не способна противо-

поставить никакой болѣе могучей силы. Народолюбивая разночинная интеллигенція не располагаетъ ни матеріальными средствами, ни общественнымъ положеніемъ ни практическимъ вліяніемъ, а остальная ея часть сама проникнута буржуазными тенденціями. На индустріальныхъ рабочихъ „только и полагается, отъ нихъ только и ждетъ спасенія, ихъ только и дѣлаетъ объектомъ если не практическаго воздѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, теоретическихъ разговоровъ, микроскопическая, — и по численности, и по значенію, и по вліянію, — доктринерская группа нашихъ „соціальдемократовъ". Очень добросовѣстно переведенныя съ нѣмецкаго теоріи этой группы, рекомендующія намъ сосредоточить наше вниманіе на рабочихъ, безукоризненно прекрасны сами по себѣ; въ нихъ есть только единственный недостатокъ, а именно тотъ, что къ современной соціально-революціонной практикѣ въ Россіи онѣ совершенно непримѣнимы", потому что рабочихъ у насъ сравнительно мало, стоятъ они на низкой ступени развитія, доступъ къ нимъ въ высшей степени затрудненъ, такъ что „ни о какой организаціонной работѣ среди нихъ *теперь* пока что, невозможно даже и думать". Остается „народъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. масса сѣраго деревенскаго люда". Но и къ нему доступъ затрудненъ, онъ „страшно разрозненъ, страшно неразвитъ, невѣжественъ, теменъ, беспомощенъ духовно".

Въ этихъ разсужденіяхъ почти дословно повторены многіе изъ доводовъ „доктринерской группы нашихъ соціальдемократовъ" — письмо Доброводьскаго писано въ 1888 году, а „доктринерская группа" начала свою издательскую дѣятельность въ 1883 году - съ того толь-

ко разници, что Добровольскій никакъ не могъ выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ, какъ мы видѣли, путалась мысль революціонеровъ восьмидесятыхъ годовъ. До сихъ поръ „Народная Воля" утверждала, что соціалистическій переворотъ совпадетъ или послѣдуетъ непосредственно за политическимъ. Теперь оказывалось, что и для одной политической революціи не откуда взять силъ. Ergo, оставимъ на время соціализмъ и пойдемъ въ общество, какъ прежде ходили въ народъ.

На совершенно другую точку зрѣнія стала та „доктринерская група нашихъ соціальдемократовъ", надъ которой такъ подсмѣивался Добровольскій. Заграницей родилась русская соціальдемократія, и долго главнымъ объектомъ ея воздѣйствія была воспитывающаяся въ заграничныхъ университетахъ русская молодежь. И то, и другое, и заграничное происхожденіе, и исключительное заграничное распространеніе объясняется условіями реакціи восьмидесятыхъ годовъ, не допускавшей никакого общественно-прогрессивнаго, а тѣмъ паче революціоннаго движенія.

Образовавшаяся съ 1883 г. заграницей група „Освобожденіе Труда" въ цѣломъ рядѣ брошюръ, памфлетовъ, журнальныхъ статей и т. под. дала блестящее обоснованіе новой точки зрѣнія. Изложеніе „нѣмецкой" теоріи шло тутъ рядомъ съ критикой и анализомъ русской дѣйствительности, и на основаніи какъ этой теоріи, такъ и знакомства съ дѣйствительностью вырабатывалась новая революціонная программа. Въ изданномъ въ 1885 году „Проектѣ программы русскихъ соціальдемократовъ" група „Освобожденіе Труда" резюмировала результаты

своего міросозерцанія въ примѣненіи къ Россіи: „Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ остальное земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеалъ общинника лежитъ позади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію новѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи русскіе соціальдемократы считаютъ первою и главнѣйшею своею обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

„Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей“. Или какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ: „Борьба за политическую свободу должна быть первымъ фазисомъ рабочаго движенія въ Россіи“ *).

*) Соціальдемократъ, литературно-политическій сборникъ, стр. 24.

Изъ приведенной выписки ясно; какова была новая точка зрѣнія, и какъ разрѣшила она основную задачу нашего революціоннаго движенія. Соціалистическій строй явится какъ результатъ классовой борьбы пролетаріата, причемъ завоеваніе политической свободы будетъ однимъ изъ этаповъ на пути къ завоеванію этого строя. Самая борьба вызывается не какимъ-нибудь внѣшнимъ воздѣйствіемъ, а вытекаетъ изъ всего соціально-экономическаго развитія Россіи, создающаго активные элементы этой борьбы и содѣйствующаго ихъ постоянному росту. Отъ предшествующихъ программъ новая отличалась, между прочимъ, слѣдующими двумя особенностями: она, во-первыхъ, разсматривала борьбу съ самодержавіемъ, какъ одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи— соціально-политическаго развитія Россіи и, во-вторыхъ, въ центрѣ революціонной дѣятельности ставила пролетаріатъ съ его пролетарскими интересами.

Уже вскорѣ послѣ появленія первыхъ изданій группы „Освобожденія Труда“ въ Россіи начинаютъ появляться сторонники новыхъ взглядовъ. Уже выше было упомянуто, что въ центральную народовольческую группу въ Петербургѣ входило два лица, эволюціонировавшихъ въ сторону соціальдемократіи. Эволюція эта совершалась всецѣло подъ вліяніемъ изданій группы „Освобожденіе Труда“. Третій ихъ товарищъ входилъ въ упомянутую также рабочую группу и пробовалъ вести пропаганду среди рабочихъ въ духѣ новаго ученія. Около этихъ трехъ лицъ группировался довольно обширный кружокъ интеллигентной молодежи, и въ этомъ кружкѣ съ успѣхомъ велась пропаганда соціальдемократическихъ идей. Этотъ кружокъ былъ частью разгром-

ленъ послѣ „добролюбовской исторіи" въ 1886 г. и окончательно уничтоженъ въ 1887 году *).

Въ Москвѣ въ началѣ 1884 года появилось „письмо къ товарищамъ", авторъ котораго тоже находится подъ несомнѣннымъ вліяніемъ новыхъ идей, хотя нельзя отрицать, что въ его взглядахъ есть кое-что, напоминающее экономизмъ конца девяностыхъ годовъ. Задачи даннаго момента и ближайшее будущее рабочаго движенія авторъ этого письма опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: сперва онъ указываетъ, что необходимо „умѣть отличить возможное для осуществленія въ данную минуту отъ своихъ окончательныхъ цѣлей" и „сообразовать свои практическія требованія съ условіями органическаго развитія и собственными наличными силами". Поэтому онъ совѣтуетъ прежде всего научить основамъ соціализма хоть нѣкоторую часть интеллигенціи, которая можетъ содѣйствовать развитію класового сознанія городского пролетаріата, а послѣдній въ свою очередь сумѣетъ, можетъ быть, воздѣйствовать въ большей или меньшей степени на нѣкоторую часть крестьянства. Въ результатѣ этой работы, по мнѣнію автора, получится небольшое ядро рабочей партіи и, если это случится до того времени, когда будетъ совершена политическая реформа Россіи, то эта партія попробуетъ оказать посильное воздѣйствіе, но самъ авторъ сильно сомнѣвается, чтобы „въ ближайшемъ къ намъ общественномъ движеніи такая соціалистическая партія

*) Впрочемъ, выгнанные изъ университетовъ и разосланные по различнымъ провинціальнымъ захолустьямъ многіе изъ нихъ продолжали тамъ вести пропаганду дорогихъ имъ идей.

могла пріобрѣсти преобладающее вліяніе среди народныхъ массъ".

Совершенно независимо отъ группы „Освобожденіе Труда" образовалась въ Петербургѣ группа, издавшая въ 1885 году два номера газеты „Рабочій" *). Скоро, однако, группа вступила въ непосредственныя сношенія съ группой „Освобожденіе Труда" и дальнѣйшее развитіе совершалось уже подъ вліяніемъ послѣдней. По словамъ Д. Благоева **), онъ попалъ въ Петербургъ въ 1880 году, познакомился со многими чернопередѣльцами, а послѣ 1-го марта 1881 года и со многими оставшимися на свободѣ народовольцами. Въ это время между обѣими фракціями шли переговоры о соглашеніи и совмѣстной дѣятельности. Благоевъ бывалъ па этихъ собраніяхъ, участвовалъ также въ кружковыхъ сходкахъ. „Споры на этихъ собраніяхъ и сходкахъ, чтеніе общей литературы по общественнымъ вопросамъ и спеціально по революціонному движенію убѣдили меня, что ни народовольчество ни народничество во всѣхъ его разновидностяхъ не могутъ научно быть доказаны... Тогда я обратился къ изученію „Капитала" Маркса и сочиненій Лассаля. Цѣлый 1883 годъ я упо-

*) Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достать № 1 этой „газеты партіи русскихъ соціаль-демократовъ", гдѣ была напечатана ея программа.—Нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ въ текстѣ свѣдѣній сообщены мнѣ однимъ изъ основателей этой группы, нынѣ соціалистическимъ депутатомъ болгарскаго Народнаго Собранія и редакторомъ научнаго соціалистическаго журнала, Д. Благоевымъ, которому считаю нужнымъ выразить свою искреннюю благодарность.

**) См. предыдущее примѣчаніе.

требилъ на штудированіе этихъ произведеній... Еще къ концу 1883 года я началъ пропаганду новаго міровоззрѣнія". Съ народовольцами на этой почвѣ ничего нельзя было сдѣлать. „Впрочемъ я болѣе близко стоялъ къ народникамъ, и главнымъ образомъ къ чернопередѣльцамъ". Между ними пропаганда имѣла успѣхъ. Въ 1884 году уже можно было организовать соціальдемократическую группу, которая и начала работать. Въ 1885 г. эта группа, выработавши свою программу, приступила къ практической дѣятельности, т. е. къ „пропагандѣ нашихъ соціальдемократическихъ взглядовъ между рабочими и интеллигенціей, преимущественно въ студенческихъ кружкахъ и даже въ „обществѣ". Соціальдемократическая группа въ Петербургѣ тогда состояла изъ 15—16 человѣкъ студентовъ и студентокъ, одного инженера-архитектора, одного журналиста и двухъ старыхъ чернопередѣльцевъ, нелегальныхъ. „Я занимался главнымъ образомъ пропагандой между рабочими", преимущественно на сталелитейномъ заводѣ и на Васильевскомъ островѣ. „До моего ареста пропаганда между рабочими шла прекрасно". Съ группой „Освобожденіе Труда" все время велась переписка о программѣ. Сначала эта переписка велась изъ Петербурга между уполномоченными отъ обѣихъ группъ. Въ мартѣ 1885 года Благоевъ былъ арестованъ и, въ качествѣ болгарскаго подданнаго, изгнанъ изъ Россіи. Петербургская группа уполномочила его изъ Софіи продолжать веденіе переговоровъ съ группой „Освобожденіе Труда". „Насколько помнится, переговоры кончились тѣмъ, что приняли программу и взгляды группы „Освобожденіе Труда". Но скоро послѣ того, въ августѣ

или сентябрѣ 1885 года, порвались сношенія между мною и петербургской соціальдемократической группой. Типографія была открыта", арестованъ былъ второй изъ основателей группы, Василій Харитоновъ, и вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ. Остатки группы продолжали кое-какъ мѣстную работу, поддерживали сношенія съ рабочими, но далѣе этого пойти не могли и въ 1887 году подверглись общей участи, т. е. разосланы по разнымъ провинціальнымъ городамъ.

Каковы же были первоначальные взгляды группы до окончательнаго соглашенія съ группой „Освобожденіе Труда"? „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались отъ современныхъ соціальдемократическихъ взглядовъ и программъ. Они представили смѣсь научнаго соціализма съ лассаліанствомъ и, если хотите, съ лавризмомъ..... Въ основѣ нашихъ взглядовъ и программы лежалъ общій принципъ соціальдемократіи, а именно, что рабочій классъ Россіи долженъ выдѣлиться въ самостоятельную политическую партію, конечная цѣль которой должна состоять въ преобразованіи общества на соціалистическихъ началахъ, на коллективномъ владѣніи средствами производства, что для приближенія къ этой цѣли рабочему классу Россіи необходимо прежде всего добиться конституціи, и что въ Россіи конституціонное управленіе останется мечтой до тѣхъ поръ, пока не явится сильная рабочая партія съ самостоятельными отъ буржуазіи задачами. Поэтому, насколько помнится, въ первой передовицѣ № 1 газеты „Рабочій", писанной мною, настаивалось больше всего на томъ, что рабочимъ въ Россіи необходимо бороться, какъ за ближайшую задачу,

за конституціонное управленіе.... Политическую свободу мы считали первымъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы можно было бороться для соціалистическаго переворота. А этотъ послѣдній мы представляли себѣ по Лассалю, т. е. черезъ рабочія ассоціаціи, субсидируемыя государствомъ" *).

---

*) Въ ковычкахъ приведены мѣста изъ вышеупомянутаго письма Д. Благоева.—Одновременно съ этимъ письмомъ товарищъ Благоевъ прислалъ мнѣ переводъ одной программы, по поводу которой онъ въ томъ же письмѣ пишетъ слѣдующее: „У меня есть печатный документъ въ одномъ болгарскомъ журналѣ, издававшемся мною въ 1885 году... Въ этомъ документѣ... навѣрное, высказались наши взгляды, т. е. взгляды тогдашней соціальдемократической группы въ Питерѣ и ея программа... Однако не могу Вамъ сказать, идентична ли эта программа съ программой петербургской соціальдемократической группы или я видоизмѣнилъ ее въ чемъ-нибудь. Одно только несомнѣнно, что программа, напечатанная мною въ упомянутомъ журналѣ, написана подъ вліяніемъ тѣхъ взглядовъ, которые имѣлись тогда, и подъ вліяніемъ программы питерской группы". Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта программа для знакомства съ исторіей русской соціальдемократіи, приводимъ ее цѣликомъ:

I. Конечныя цѣли.

1) Передача земли, фабрикъ, заводовъ, орудій производства, т. е. машинъ и проч., въ руки рабочихъ обществъ;

2) Превращеніе труда, земли, фабрикъ и заводовъ въ общественную собственность;

3) Передача государственной власти въ руки народа;

4) Полная свобода распространенія знаній и преподаванія, свобода печати, слова и совѣсти;

5) Даровое и для всѣхъ доступное образованіе;

6) Международный союзъ для поддерженія солидарности всѣхъ народовъ.

Вліяніе лавризма сказалось, во-первыхъ, въ чисто этической точкѣ зрѣнія, на которой стояли члены группы, и, во-вторыхъ, въ абстрактно-пропагандистской формулѣ ихъ дѣятельности, въ отсутствіи боевого элемента. Передовица № 2 газеты „Рабочій", озаглавленная „Знаніе и Критика" напоминаетъ какую-нибудь главу изъ „Историческихъ писемъ". Напомнивъ своимъ читателямъ, что въ первомъ номерѣ выяснялась необходимость рабочимъ знать современное положеніе государства, его устройство и значеніе рабочихъ въ обществѣ, авторъ продолжаетъ: „Способность доискиваться причинъ замѣчаемыхъ нами явленій и разбирать, какія изъ

II. Средства:

1) Широкое избирательное право для лицъ обоего пола;

2) Общинное самоуправленіе;

3) Полная свобода въ преподаваніи наукъ и искусствъ, въ распространеніи знанія, свобода слова, печати и религіи;

4) Уничтоженіе религіознаго воспитанія въ школахъ и предоставленіе его семьѣ;

5) Организація обязательнаго и дарового образованія, основаннаго на духѣ общественныхъ и гражданскихъ обязанностей;

6) Уничтоженіе постоянной арміи и организація народной милиціи;

7) Сокращеніе числа чиновниковъ и организація выборной общинной службы;

8) Замѣна современнаго суда судомъ выборныхъ присяжныхъ;

9) Соединеніе земледѣльческаго труда съ промышленнымъ;

10) Централизація кредита въ рукахъ государства и его употребленіе на организацію народнаго труда и народнаго производства на коллективныхъ началахъ;

11) Организація обществъ для эксплоатаціи на коллективныхъ началахъ общественныхъ земель, горныхъ богатствъ и орудій производства.

нихъ способствуютъ, а какія препятствуютъ счастію людей — называется критическою способностью. Это великая способность человѣческаго ума. Вѣдь, чтобы измѣнить что-нибудь къ лучшему, надо сперва сознать, что прежнее плохо, надо сознать, что можно измѣнить это плохое, надо указать причины дурныхъ порядковъ, чтобы узнать, куда направить свою силу. Все это и дѣлаетъ критика." Такимъ критическимъ умомъ былъ, по мнѣнію автора, Пугачевъ, не шедшій по торной дорожкѣ и положившій жизнь за народную вольность. Но Пугачеву недоставало знанія, такъ какъ онъ не видѣлъ причины или вѣрнѣе видѣлъ только ближайшую причину явленія — помѣщиковъ, которыхъ надо перебить. „Пугачевъ звалъ съ собой народъ, говоря: „Перебьемъ помѣщиковъ, и на землѣ водворится рай." Мы тоже зовемъ съ собой народъ, но мы говоримъ: „Надо долго и упорно работать, учиться и тогда, если не мы, то дѣти и внуки наши вздохнутъ свободнѣе, они, а не мы, увидятъ новыя небеса и новую землю, „въ нихъ же правда живетъ."

Въ томъ же номерѣ помѣщено письмо Плеханова къ петербургскимъ рабочимъ о современныхъ задачахъ русскихъ рабочихъ и статья Аксельрода о западно-европейскомъ рабочемъ движеніи. „Соціальдемократическая партія—говоритъ въ своемъ письмѣ Плехановъ— должна быть партіей по преимуществу рабочей." Это не значитъ, что соціальдемократическая партія должна отталкивать отъ себя людей изъ другихъ классовъ общества. Это значитъ, что наша революціонная интеллегенція должна идти съ *рабочими*, а наше крестьянство должно идти *за ними*. По словамъ Плеханова,

рабочіе должны бороться: 1) ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ, отъ *экономической эксплоатаціи* и 2) во имя *политической свободы*. Но эти задачи не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. „Безъ экономической независимости вы никогда не будете въ состояніи воспользоваться во всей полнотѣ вашими политическими правами. Безъ политическихъ правъ вы никогда не добьетесь экономической независимости". Эти задачи могутъ быть разрѣшены *силой*, а сила рабочаго класса зависитъ, 1) отъ его сознательности, 2) отъ его сплоченности и, 3) отъ его тактики.

Начинавшееся сближеніе между петербургскими соціальдемократами и группой „Освобожденіе Труда" было пресѣчено арестами 1886-87 г., а въ скоромъ времени и сама петербургская партія перестала существовать.

Реакція торжествовала побѣду. Но въ это время незамѣтно совершало свое шествіе впередъ экономическое развитіе страны. Разоренная и разграбленная деревня первая напомнила самодержавію о бренности его существованія. Голодъ 1891 года послужилъ исходнымъ пунктомъ для новаго подъема общественныхъ силъ, для новаго натиска на самодержавіе, передъ которымъ ему не устоять. Сказалась при этомъ и та маленькая работа, которую начали было дѣлать первые соціальдемократы восьмидесятыхъ годовъ, и которую съ гораздо большимъ успѣхомъ продолжали ихъ преемники.

Д. Кольцовъ.

О соціальной демократіи въ Россіи.

Письмо къ польскимъ издателямъ „Исторіи революціоныхъ движеній въ Россіи“ А. Туна).

Товарищи!

Вы сдѣлали мнѣ лестное предложеніе изложить въ особой дополнительной главѣ къ книгѣ Туна взгляды и стремленія русскихъ соціалъ-демократовъ. Я очень радъ сдѣлать это, такъ какъ считаю, что намъ давно уже пора объясниться съ нашими братьями, польскими соціалистами.

Но мы не представляемъ собою революціонной секты съ программой, выросшей изъ какого-нибудь особаго утопическаго принципа. Наши нынѣшніе взгляды и стремленія представляютъ собою органическій продуктъ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Вотъ почему я долженъ въ своемъ очеркѣ отвести значительное мѣсто оцѣнкѣ этой исторіи.

Впрочемъ не пугайтесь: мои историческія воспоминанія не пойдутъ дальше семидесятыхъ годовъ, къ которымъ пріурочивается массовое революціонное движеніе такъ называемой у насъ интеллигенціи.

Въ началѣ этого замѣчательнаго десятилѣтія въ нашей революціонной средѣ преобладали два направленія: одно изъ нихъ связывается съ именемъ *П. Л. Лаврова*, другое съ именемъ покойного *М. А. Бакунина*. Судьба этихъ двухъ направленій была далеко не одинакова!

П. Л. Лавровъ несомнѣнно достоинъ всякаго уваженія, какъ человѣкъ, связавшій съ революціоннымъ дѣломъ всѣ свои симпатіи и антипатіи, посвятившій ему всѣ свои обширныя, разностороннія знанія. Но онъ былъ и навсегда останется *эклектикомъ*. Въ его міросозерцаніи всегда уживались самые разнородные, даже прямо противорѣчивые элементы. Это замѣчала и не разъ указывала еще редакція *„Современника“*. Чернышевскій зло подсмѣи-

вался надъ философскими произведеніями Петра Лавровича; Антоновичъ подвергалъ ихъ рѣзкой критикѣ. До конца шестидесятыхъ годовъ никому и въ голову не приходило видѣть въ энциклопедически образованномъ полковникѣ дѣйствительнаго или хотя бы только возможнаго вождя „молодого поколѣнія". Появленіе „*Историческихъ Писемъ*" значительно измѣнило дѣло. Они имѣли почти такой же успѣхъ, какъ самыя значительныя сочиненія автора „*Что дѣлать?*". П. Л. Лавровъ пріобрѣлъ огромную популярность. Наша передовая молодежь съ удовольствіемъ, не чуждымъ удивленія увидѣла въ немъ *революціонера*. И когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, бѣжавъ изъ ссылки заграницу, приступилъ къ изданію періодическаго изданія „*Впередъ!*", у него между молодыми революціонерами было не мало вѣрныхъ друзей и горячихъ послѣдователей.

Въ литературномъ отношеніи „*Историческія Письма*" совершенно чужды крупныхъ достоинствъ. Даже болѣе; очень замѣтныя въ нихъ усилія автора отдѣлаться отъ свойственной ему сухости, тяжеловѣсности и неуклюжести изложенія производятъ тяжелое впечатлѣніе чего-то совершенно неестественнаго: точно слонъ старается протанцевать на канатѣ. Что же касается *содержанія*, то я уже сказалъ, что П. Л. Лавровъ—эклектикъ. Въ его историческихъ взглядахъ, какъ въ земной корѣ при вертикальномъ ея разрѣзѣ, замѣчается цѣлый рядъ постепенно образовавшихся наслоеній. На нихъ оставила свой неизгладимый слѣдъ каждая изъ сколько-нибудь значительныхъ философскихъ школъ, смѣнявшихъ одна другую въ процессѣ умственнаго развитія западной Европы. Наиболѣе сильное вліяніе имѣли на нихъ, *comme de raison*, нѣмецкіе философы до Бруно *Бауера* и Макса *Штирнера* включительно. Въ качествѣ добросовѣстнаго читателя П. Л. Лавровъ ознакомился со всѣми сколько-нибудь выдающимися мыслителями Германіи; въ качествѣ эклектика онъ не согласился вполнѣ ни съ однимъ изъ нихъ, но за то ни одного изъ нихъ цѣликомъ не отвергнулъ. У каждаго нашелъ онъ частицу истины и заботливо перенесъ ее въ пестрое зданіе своихъ собственныхъ взглядовъ. Но странное дѣло! Въ приготовленной такимъ образомъ механической смѣси частицъ различныхъ системъ каждая отдѣльная частица занимаетъ тѣмъ *больше мѣста*, чѣмъ *меньше цѣнности* имѣетъ философія исторіи того мыслителя, у котораго она взята. Этотъ

законъ *обратной пропорціональности* господствуетъ въ „*Историческихъ Письмахъ*“ съ неумолимостью закона природы. Такъ, напримѣръ, Шеллингъ и Гегель совсѣмъ стушевываются, между тѣмъ какъ Кантъ не перестаетъ смущать автора своимъ ученіемъ о вещи въ себѣ (Ding an sich), а Бруно Бауеръ совершенно явственнымъ шопотомъ подсказываетъ ему свою, какъ любятъ выражаться у насъ, *формулу* исторіи. Эта формула очень проста. У П. Л. Лаврова она принимаетъ такой видъ: сущность историческаго процесса заключается въ переработкѣ культуры критически-мыслящими личностями. У Бруно Бауера „*культура*“ носила названіе „*Wirklichkeit*“ или „*das Positive*“, а „критическая мысль“ называлась „*Kritischer Geist*“ или *Selbstbewusstsein*“. Но это ничтожное различіе въ терминологіи нисколько не измѣняетъ дѣла.

Взгляды братьевъ Бауеровъ были реакціей противъ гегелевскаго идеализма. Какъ ни законна была эта реакція, она осталась крайне поверхностной и легковѣсной. Развитіе „*самосознанія*“ служило братьямъ Бауерамъ ключомъ къ объясненію всей исторіи. Совершенно упуская изъ виду, что это развитіе само было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ причинъ, независѣвшихъ отъ воли людей и лежавшихъ внѣ области „самосознанія“, Бауеры становились въ философіи исторіи на точку зрѣнія несравненно болѣе идеалистическую, чѣмъ была точка зрѣнія абсолютнаго идеалиста Гегеля, который уже прекрасно понималъ и очень хорошо выяснилъ, что развитіе человѣческаго самосознанія имѣетъ свои глубокія причины, отъ самосознанія независящія.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать здѣсь, почему радикальная реакція противъ Гегеля явилась въ Германіи на первыхъ порахъ въ видѣ крайне поверхностнаго идеализма. Достаточно сказать, что тамъ дѣло очень скоро приняло другой оборотъ. Уже въ своей книгѣ „*Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik*“ Марксъ и Энгельсъ показали полную несостоятельность Бауеровскихъ взглядовъ. Къ концу сороковыхъ годовъ основныя положенія новаго *діалектическаго* матеріализма были въ главныхъ чертахъ уже выработаны и легли въ „*Манифестъ Коммунистической Партіи*“ въ основу практической программы революціоннаго пролетаріата. Съ тѣхъ поръ передовая мысль западной Европы навсегда распростилась со всѣми видами и разновидностями идеализма. Этотъ періодъ возникновенія, разработки и пропаганды

новаго матеріалистическаго міросозерцанія является едва ли не самой интересной въ теоретическомъ отношеніи и ужъ несомнѣнно самой важной по своимъ практическимъ послѣдствіямъ эпохой въ исторіи философіи. Но именно этотъ-то періодъ и былъ совершенно неизвѣстенъ П. Л. Лаврову въ то время, когда онъ писалъ свои „*Историческія Письма*". Онъ зналъ все, что было до *Маркса*, но не имѣлъ никакого понятія о *Марксѣ*. Онъ усвоилъ, насколько это возможно для эклектическаго ума, „послѣднее слово" до-марксовской радикальной философіи со всей теоретической бѣдностью, со всей научной безсодержательностью этого „слова", и сталъ строить на фундаментѣ, который къ концу шестидесятыхъ годовъ представлялъ собою, благодаря работамъ Маркса и Энгельса, уже одну развалину. При этомъ онъ внесъ и собственную мысль въ планъ возводимой имъ постройки. Такъ, онъ изобрѣлъ, не безъ позаимствованій у Огюста Конта, быстро прославившійся у насъ *субъективный методъ въ соціологіи*, который не имѣетъ уже ровно ничего общаго съ научнымъ мышленіемъ,*) возводя въ систему утопиче-

*) Задача науки, поскольку она имѣетъ дѣло съ *субъектомъ* заключается именно въ томъ, чтобы объяснить его посредствомъ *объекта*. Забывать объ этомъ значитъ совершать смертный грѣхъ противъ науки. Но этого мало. Однажды въ разговорѣ съ Эккерманомъ Гете замѣтилъ: „Всѣ эпохи упадка субъективны; и наоборотъ, всѣ прогрессивныя эпохи имѣютъ объективное направленіе. Наше время ретроградно и потому субъективно". Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ это общее правило допускаетъ исключенія, мы замѣтимъ, что русская передовая общественная мысль тѣмъ болѣе склонялась къ *объективизму*, чѣмъ богаче она была *революціоннымъ содержаніемъ*; и наоборотъ: она становилась тѣмъ болѣе *субъективной*, чѣмъ бѣднѣе ея революціонное содержаніе. Чернышевскій и Добролюбовъ были очень далеки отъ субъективизма. Теперь за субъективный методъ хватаются у насъ такъ называющіе себя соціалисты-революціонеры. Но „соціалисты-революціонеры"—настоящіе реакціонеры въ русскомъ соціализмѣ, и о нихъ не даромъ сказано, что они носятъ двойное названіе единственно потому, что ихъ соціализмъ не революціоненъ, а ихъ революціонность не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ.

Прим. къ русск. изданію.

скій взглядъ на общественную жизнь. *Субъективная* россійская *„соціологія“* совершенно разошлась съ западно-европейскимъ *научнымъ соціализмомъ.* Когда П. Л. Лавровъ ознакомился съ теоріями Маркса, онъ вообразилъ, что поправилъ дѣло, почтительно признавъ автора *„Капитала“* своимъ „великимъ учителемъ“. Само собою разумѣется, что такое признаніе ровно ничего не поправляло и не могло поправить.

Въ настоящее время многіе русскіе „соціологи“ придерживаются „субъективнаго“ метода и стоятъ за него горою. Но та молодежь, которая съ восторгомъ привѣтствовала появленіе „Историческихъ Писемъ“, очень мало заботилась о соціологическихъ методахъ. Она увлекалась мыслью П. Л. Лаврова относительно *долга образованныхъ классовъ народу.* Эта мысль давала теоретическое выраженіе ея практическому стремленію увлечь за собою народъ въ революціонную борьбу съ правительствомъ.

Тунъ разсказываетъ, черезъ какія колебанія прошелъ авторъ *„Писемъ“* при выработкѣ программы *„Впередъ!“*. Я, съ своей стороны, замѣчу, что та программа, которая была, наконецъ, имъ принята, ни мало не противорѣчила точкѣ зрѣнія *„Историческихъ Писемъ“*. Критически-мыслящія личности обязаны перерабатывать культуру. Подъ эту формулу, чуждую самомалѣйшаго атома конкретности, очень хорошо можетъ подойти, напримѣръ, мирная дѣятельность представителей нашего земскаго или городского самоуправленія. Но подъ нее съ удобствомъ подходитъ и дѣятельность революціонера. Программа *„Впередъ!“* наполняла ее революціоннымъ содержаніемъ, которое было однако, въ свою очередь, до послѣдней крайности отвлеченно*). Перерабатывать культуру критической мыслью значило теперь заниматься пропагандой соціали-

---

*) Въ доказательство приведемъ чрезвычайно характерный отрывокъ изъ передовой статьи № 34 *„Впередъ!“*. П. Л. Лавровъ описываетъ, какъ представляется ему будущій ходъ революціоннаго движенія въ Россіи. „Допустимъ“,—говоритъ онъ,—„что 100 убѣжденныхъ личностей изъ молодежи образуютъ первый кадръ соціально-революціоннаго союза; что каждый годъ изъ этой молодежи приступаютъ къ нему новыя лица въ томъ же числѣ, при чемъ лишь половина изъ поступившихъ оказывается годна для дѣйствія въ народѣ. Допустимъ, какъ выше, что изъ дѣйствующихъ

зма. Но въ представленіи редактора *„Впередъ!“* и его послѣдователей эта дѣятельность немедленно приняла совершенно утопическій характеръ. Западно-европейскіе соціалисты ведутъ свою пропаганду, опираясь не неотвратимый ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества. *Въ немъ* видятъ они ручательство за удачный исходъ революціонныхъ усилій. П. Л. Лавровъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ такого взгляда. Съ его *„субъективной“* точки зрѣнія за успѣхъ соціалистовъ ручались отвлеченное превосходство ихъ *„идеала“* и не менѣе отвлеченная *справедливость* ихъ требова-

---

въ народѣ въ концѣ каждыхъ двухъ лѣтъ остается цѣлой лишь одна четверть, а число лицъ, не участвующихъ въ пропагандѣ, остается неизмѣнно 50 человѣкъ. Допустимъ, что каждый пропагандистъ изъ интеллигенціи пріобрѣтетъ въ 2 года четырехъ товарищей изъ народа, а каждый пропагандистъ изъ народа въ тотъ же періодъ—втрое болѣе. Допустимъ, наконецъ, что одна четверть членовъ союза изъ народа гибнетъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. При этихъ предположеніяхъ сдѣлаемъ разсчетъ, какъ великъ оказался бы составъ соціально-революціоннаго союза при *разумной* и *цѣлесообразной* дѣятельности его членовъ послѣ 2, 4 и 6 лѣтъ. Мы получимъ слѣдующія цыфры:

		Вначалѣ.	Черезъ 2 года.	Черезъ 4 года.	Черезъ 6 лѣтъ
Изъ интеллигенціи.	Вступающихъ	100	100	100	100
	Непропагандистовъ	50	50	50	50
	Пропагандистовъ	50	50	50	50
	Остал. пропагандистовъ	—	12	15	16
	Всего пропагандистовъ	50	62	65	66
	Всего	100	112	115	116
Изъ народа.	Привлеченныхъ интеллигенціей	—	200	248	260
	Привл. народн. пропаг.	—	—	2400	33576
	Осталось	—	—	150	2098
	Всего	—	200	2798	35934
	Численность соціально-революціоннаго союза:	100	312	2913	36050

Я припомню, что при надлежащей организаціи и при разумномъ дѣйствіи потеря не должна быть столь значительною, какъ

ній. Дѣйствительное положеніе трудящейся массы принималось имъ въ соображеніе лишь съ одной стороны: со стороны ея бѣдности, со стороны ея эксплуатаціи государствомъ и имущими классами. Утописту кажется совершенно яснымъ, что чѣмъ болѣе страдаетъ народная масса, тѣмъ болѣе она должна обнаруживать склонности къ усвоенію соціализма. Онъ и не подозрѣваетъ, что способы производства продуктовъ и ихъ обмѣна, существующіе въ данной странѣ въ данное время, имѣютъ рѣшающее значеніе для ея дальнѣйшаго соціальнаго развитія. „Впередъ!“ не шелъ дальше

здѣсь предположено (она и не была такова при дѣятельности, далеко не удовлетворявшей этимъ условіямъ), но допущу, что пропаганда дастъ, почему бы то ни было, *втрое* менѣе выгодные результаты, такъ что послѣ 6 лѣтъ соціально-революціонный союзъ будетъ состоять лишь изъ 10000 человѣкъ, которые усвоили простыя начала: *отрицанія монопольной собственности, обязательности всеобщаго труда для всеобщаго развитія* и *обязательности всеобщей солидарности рабочихъ-соціалистовъ* въ ихъ *свободной* группировкѣ, т. е. изъ 10000 такихъ, которые способны подчинить всю свою дѣятельность при подготовленіи революціи и послѣ ея совершенія этимъ тремъ началамъ. Прибавимъ, что около этихъ 10000 *понимающихъ* находится несравненно обширнѣйшее число *сочувствующихъ практическимъ требованіямъ* соціальной революціи, т. е. насильственному устраненію чиновничества и собственниковъ съ передачею всей власти и всего имущества въ руки народа, хотя при этомъ понятія о солидарности всѣхъ рабочихъ, о необходимости всеобщаго труда и устраненія всякой отдѣльной собственности, наконецъ, о свободной группировкѣ личностей были бы далеко не ясны этимъ многочисленнымъ приверженцамъ соціальной революціи. Если мы представимъ себѣ послѣ небольшого періода 6 лѣтъ 10000 сознательныхъ руководителей народнаго движенія, которые сгруппированы въ пяти территоріяхъ, наиболѣе воспріимчивыхъ для пропаганды, примѣрно по 2000 въ каждой, и окружены *несравненно большимъ* числомъ лицъ, готовыхъ каждую минуту идти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала,—то передъ нами такая почтенная *революціонная армія*, которая въ опредѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло“.

Прим. къ русск. изданію.

весьма неопредѣленнаго утопическаго соціализма, и вотъ почему онъ, безпрестанно крича о нищетѣ и о вырожденіи русскаго народа, не считалъ нужнымъ взяться за серьезное изученіе *экономіи Россіи.*

Народная нищета должна была, конечно, имѣть въ глазахъ главнаго редактора этого журнала и свою оборотную сторону: *задавленность* трудящейся массы, ея *невѣжество.* Но этому горю обязана была пособить *„критическая мысль“* революціонеровъ. Чѣмъ меньше знаній у народа, тѣмъ больше нужно ихъ пропагандистамъ. „Впередъ!“ требовалъ отъ этихъ послѣднихъ чуть ли не энциклопедическаго образованія. Образованіе, безъ всякаго сомнѣнія, есть великая вещь. Это прекрасно понимаетъ западный пролетаріатъ. „Знаніе есть сила; сила есть знаніе“,—охотно повторялъ Либкнехтъ. Но вожаки западнаго пролетаріата пользуются своими знаніями для опредѣленія объективнаго хода общественнаго развитія и для выясненія его смысла массѣ. Знанія помогаютъ западнымъ соціалистамъ оріентироваться въ этомъ ходѣ, находить матеріальныя, экономическія условія, ведущія съ соціальной революціи. П. Л. Лавровъ отводилъ знаніямъ совсѣмъ другую роль. Запасъ знаній, имѣющійся въ распоряженіи даннаго пропагандиста, представлялся ему лишь въ видѣ извѣстнаго количества *доводовъ противъ нынѣшняго порядка вещей и въ пользу соціалистическаго общественнаго устройства.* Когда наша революціонная молодежь возстала противъ лавровской проповѣди знанія, она была вовсе не такъ неправа, какъ это кажется, напримѣръ, Тупу. П. Л. Лавровъ обвинялъ ее тогда въ невѣжествѣ, почти въ вандализмѣ. Но невѣжество ея сказалось только въ томъ, что она,—инстинктивно сознавая, что вопросъ поставленъ Лавровымъ неправильно,—не умѣла опредѣлить, въ чемъ же заключается правильная его постановка.

Вся дальнѣйшая исторія міра сводилась для соціалистовъ-утопистовъ, по выраженію *„Манифеста Коммунистической Партіи“*, къ распространенію ихъ новаго евангелія. Къ тому же сводилась вся дальнѣйшая исторія Россіи въ глазахъ нашихъ лавристовъ. Въ ихъ утопическомъ полѣ зрѣнія не было мѣста для вопросовъ *политической борьбы. Политическая борьба* казалась имъ вредной для интересовъ *соціализма*; „Впередъ!“ твердо держался утопическаго противопоставленія *„соціализма“ „политикѣ“.* А такъ какъ его сторонники къ тому же были противъ всякаго рода *агитаціон-*

ной дѣятельности, которая представлялась имъ вреднымъ отвлеченіемъ силъ отъ единоспасающей *пропаганды* „соціализма", то скоро они сдѣлались *революціонерами только по имени.* Они составили изъ себя довольно высокомѣрную общину сектантовъ, упорно и монотонно осуждавшихъ все то, что заставляло сильнѣе биться сердце тогдашняго *„радикала"*: студенческія волненія, рабочія стачки, манифестаціи, сочувственныя политическимъ „преступникамъ", массовые протесты противъ безобразій администраціи и т. п. и т. п. Это очень раздражило тогдашнюю революціонную молодежь: популярность автора *„Историческихъ Писемъ"* быстро падала. Одна изъ политическихъ каррикатуръ того времени изображала его ѣдущимъ верхомъ на ракѣ и держащимъ въ рукѣ знамя съ надписью: *„Впередъ!"*, которая била въ глаза, какъ ѣдкая иронія. „Лавризмъ" съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ терялъ свое вліяніе. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ постепенно превратились въ мирныхъ носителей россійскаго прогресса, другіе болѣе активные, сбрасывали съ себя давившее ихъ иго „критическаго" доктринерства и переходили въ другія фракціи.

Въ *половинѣ семидесятыхъ годовъ* вліяніе *бакунизма* было у насъ уже несравненно сильнѣе вліянія журнала „Впередъ!". Намъ нѣтъ здѣсь дѣла до того, какую роль игралъ Бакунинъ на Западѣ, и какой видъ приняло тамъ его ученіе. Что касается Россіи, то бакунизмъ скоро сдѣлался у насъ чѣмъ-то въ родѣ *анархическаго славянофильства.* Давно уже было сказано, что habent sua fata libelli Общественно-политическія теоріи тоже имѣютъ свою судьбу подчасъ очень странную. Сочувствіе къ соціально-революціоннымъ движеніямъ Запада зародилось и окрѣпло у насъ въ *западническомъ* лагерѣ. Славянофилы видѣли въ нихъ лишь признакъ *„гніенія"* старой Европы. Они всегда съ большимъ удовольствіемъ противопоставляли имъ то *„смиреніе"* и ту *„преданность престолу"* которыя, по ихъ мнѣнію, составляли отличительную черту русскаго *„народнаго духа"*. Вотъ почему въ устахъ всякаго революціонно-или хотя бы только оппозиціонно-настроеннаго русскаго названіе *славянофилъ* скоро сдѣлалось обиднымъ, почти бранымъ названіемъ. Но съ другой стороны, чѣмъ ближе подвигаемся мы къ семидесятымъ годамъ, времени расцвѣта нашего революціоннаго движенія, тѣмъ замѣтнѣе становится вліяніе славянофильства на развитіе нашихъ революціонныхъ идей. Эта кажущаяся странность объясняется очень просто.

Европеизація Московской Руси началась *сверху*, волею перваго русскаго императора, такъ какъ необходимость ея сказалась прежде и сильнѣе всего въ области государственной самозащиты и государственнаго управленія. Долгое время она не переходила за границы этой области. Весь „народъ", вся огромная масса русскаго крестьянства и большая часть такъ называемаго у насъ купеческаго сословія продолжали жить такъ, какъ жили они въ доброе старое время. По отношенію къ непривилегированному сословію петровская реформа повела за собой прежде всего страшный ростъ государственныхъ податей и повинностей, грозившихъ окончательно задавить его подъ своимъ бременемъ. Крестьянинъ протестовалъ, какъ могъ и какъ умѣлъ, вооружаясь иногда вилами и топоромъ, иногда осьмиконечнымъ крестомъ и старопечатной раскольничьей книгой. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ его протестъ ни по формѣ, ни по содержанію не могъ быть привлекателенъ для русскаго *западника* чистой воды. Наши западники сороковыхъ годовъ 19-го вѣка, глубоко и горячо сочувствуя страданіямъ угнетеннаго и обездоленнаго народа, не видѣли въ немъ никакихъ задатковъ самостоятельнаго прогрессивнаго движенія. Удачный исходъ крестьянскаго возстанія, въ родѣ того, которое совершилось въ XVIII столѣтіи подъ предводительствомъ Пугачева, равносиленъ былъ бы въ ихъ глазахъ гибели всего насажденнаго въ Россіи Петромъ Первымъ. Прибавьте къ этому, что по мѣрѣ усовершенствованія государственной организаціи крестьянскіе бунты становились все разрозненнѣе и безнадежнѣе, и вы поймете, почему, напримѣръ, у *Бѣлинскаго* при всей ненависти его къ современной ему „*дѣятельности*" ни на минуту не возникала надежда на то, что народъ сумѣетъ освободить и просвѣтить себя своими собственными усиліями *). Совсѣмъ незадолго до появленія его знаменитаго, полнаго революціоннаго жара письма къ Гоголю, нашъ геніальный

---

*) Этотъ взглядъ на народъ получилъ чрезвычайно яркое выраженіе въ стихотворномъ „отрывкѣ" Н. А. Некрасова, относящемся къ 1858 году:

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.

критикъ, страстно сочувствовавшій тогда западному соціализму съ убѣжденіемъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей, что все прогрессивное можетъ идти у насъ *только сверху*. Это было очень послѣдовательно, но за то какъ это было безнадежно! Вѣдь Бѣлинскій высказывалъ это убѣжденіе въ царствованіе Николая I,—тупого, фанатичнаго врага всякаго поступательнаго движенія!

Начало царствованія Александра II, этого Манилова на престолѣ, какъ будто подтверждало западническій выводъ относительно прогрессивной исторической роли русской правительственной власти. Самъ Чернышевскій, повидимому, многаго ожидалъ отъ правильнаго пониманія царизмомъ своихъ „интересовъ“. Но уже къ концу 50-хъ годовъ обнаружилась несостоятельность подобныхъ ожиданій, и тѣмъ изъ сторонниковъ „прогресса“, которые не могли и не хотѣли сидѣть, сложа руки, оставалось разсчитывать только на революцію. Но для революціи нужны силы. Гдѣ могли и гдѣ должны были искать ихъ тогдашніе русскіе революціонеры?

При томъ взглядѣ на народъ, который господствовалъ въ кружкахъ нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ, всякіе разсчеты на него, какъ на революціонную силу, являлись нелѣпой фантазіей. Но въ шестидесятыхъ годахъ взглядъ этотъ долженъ былъ значительно поколебаться уже въ силу того простого обстоятельства, что уничтоженіе крѣпостного права вызвало въ крестьянствѣ значительное возбужденіе. Широкое, повсемѣстное возстаніе бывшихъ крѣпост-

---

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи
Безъ понятій о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Прим. къ русск. изданію.

ныхъ, неудовлетворенныхъ въ своихъ ожиданіяхъ „настоящей воли“, одинаково казалось теперь возможнымъ какъ правительству, такъ и революціонному „молодому поколѣнію“, т. е. тому общественному слою, который впослѣдствіи скромно назвалъ себя „интеллигенціей“. Что же касалось окончательнаго результата удачнаго всенароднаго возстанія, то „молодое поколѣніе“, вслѣдствіе зародившейся въ немъ жажды революціонной борьбы, должно было рисовать его въ своей фантазіи совсѣмъ не такъ, какъ рисовался онъ въ воображеніи западниковъ. Трудно-ли повѣрить въ благія послѣдствія революціи тому, у кого всѣ надежды сводятся именно къ революціи? Къ услугамъ революціонной молодежи какъ нельзя болѣе кстати явилась та идеализація старыхъ, вѣками завѣщанныхъ намъ формъ народнаго быта, которая играла такую видную роль въ произведеніяхъ славянофиловъ. Западники ровно ничего не ожидали отъ народной самодѣятельности; славянофилы говорили, что въ народѣ кроются богатые задатки самостоятельнаго *„гармоничнаго“* развитія *). Революціонная молодежь конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ вполнѣ согласилась въ этомъ случаѣ со славянофилами, принявъ какъ догматъ, что „гармоническое развитіе“ пойдетъ въ сторону соціализма, и дополнивъ вѣру въ „самобытные задатки“ этого развитія вѣрой въ прогрессивное воздѣйствіе революціонной интеллигенціи. Такимъ образомъ старый споръ былъ, казалось, оконченъ, роковой вопросъ рѣшенъ: и *„сверху“*, со стороны „интеллигенціи“, и *„снизу“*, со стороны народа, ничего не предвидѣлось, кромѣ *„прогресса“*, и мы чрезвычайно быстро пошли по пути... *славянофильской передѣлки западно-европейскаго утопическаго соціализма.* Восторженно чтя память Бѣлинскаго, мы усвоили себѣ тотъ самый взглядъ на общественную жизнь, который такъ

*) Ю. Самаринъ, указывая на то, что западный міръ выставляетъ теперь (т. е. въ сороковыхъ годахъ) „требованіе общины“ (т. е. соціализма), прибавлялъ, что это требованіе „совпадаетъ съ нашей субстанціей“, и что „въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ“. Въ этомъ онъ видѣлъ точку соприкосновенія нашей исторіи съ западной (см. Пыпина: „Характеристика литературныхъ мнѣній“, стр. 298). Въ этомъ взглядѣ Самарина заключается an sich почти все русское народничество.

Прим. къ русск. изданію.

часто будилъ его полемическую страсть и который казался ему *верхомъ непослѣдовательности, торжествомъ обскурантизма.*

Чернышевскій сблизился со славянофильской школой въ своемъ взглядѣ на общину; *Щаповъ* пошелъ въ этомъ направленіи несравненно дальше Чернышевскаго; а *Бакунинъ* былъ убѣжденъ, что въ русскомъ народѣ находятся на лицо въ самыхъ широкихъ размѣрахъ тѣ „элементы", которые являются необходимыми условіями соціальной революціи. Побѣдить своихъ враговъ народу мѣшаетъ недостатокъ сплоченности и организаціи, а не отсутствіе „общаго идеала", который „былъ бы способенъ осмыслить народную революцію, дать ей опредѣленную цѣль". Такой общій идеалъ, по мнѣнію Бакунина, существуетъ, „и нѣтъ даже необходимости далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты". Важнѣйшей чертой народнаго идеала оказывается „убѣжденіе въ томъ, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ, оплодотворяющему ее своимъ трудомъ"; вторая черта—приверженность къ общинному землевладѣнію; третья, „одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вслѣдствіе того, рѣшительно враждебное отношеніе къ государству" *).

„Углубляясь въ историческое сознаніе нашего народа", славянофилы находили, что народный идеалъ былъ въ значительной степени осуществленъ въ нашемъ старомъ, допетровскомъ *государствѣ.* Щаповъ и Бакунинъ видѣли въ государствѣ *отрицаніе* народнаго идеала, *посягательство на самоуправленіе общинъ* и на свободную федерацію этихъ общинъ „*снизу вверхъ*". Такимъ образомъ центръ тяжести идеализаціи „историческаго сознанія нашего народа" частью переносился въ древнѣйшій, домосковскій періодъ, частью пріурочивался къ народнымъ протестамъ противъ непрерывнаго роста податей и повинностей, шедшаго рука объ руку съ развитіемъ и упроченіемъ государства **). Русскіе народники, ближайшіе потомки русскихъ бакунистовъ, казались И. С. Акса-

*) „Государственность и анархія", примѣчаніе А, стр. 7—10.

**) И. С. Аксаковъ третировалъ Разина и Пугачева, какъ *разбойниковъ*; М. А. Бакунинъ считалъ разбойниковъ *инстинктивными революціонерами.* *Прим. къ русск. изд.*

кову непослѣдовательными, сбившимися съ прямого пути славянофилами. Съ своей стороны народники могли упрекнуть славянофиловъ въ томъ, что они „углубляясь въ историческое сознаніе нашего народа“, останавливались на полъ-дорогѣ и идеализировали такія черты общественныхъ отношеній Московской Руси, въ которыхъ самъ народъ не видѣлъ ровно ничего идеальнаго.

Какъ бы тамъ ни было, указывая на отсутствіе сплоченности и организаціи въ народѣ, Бакунинъ тѣмъ самымъ опредѣлялъ задачу революціонной интеллигенціи: объединить народные протесты, придать имъ стройный организованный видъ. Эту задачу и старались всѣми силами разрѣшить всѣ наши революціонеры половины семидесятыхъ годовъ, находившіеся подъ вліяніемъ бакунинскихъ воззрѣній.

Бакунизмъ, это тоже доктринерство, тѣмъ болѣе крайнее и упрямое въ своихъ выводахъ, чѣмъ глубже презиралъ доктринеровъ его основатель. Ни одно изъ положеній Бакунина не могло бы выдержать самаго легкаго прикосновенія научной критики. Но въ бакунизмѣ была одна сильная сторона, спасшая его сторонниковъ отъ застоя. Этой сильной стороной являлось *пристрастіе* къ *„агитаціи“*, къ *„бунтамъ“*. Какими нелѣпыми доводами защищали „бунты“ нѣкоторые изъ русскихъ бакунистовъ, могла бы показать ходившая въ концѣ семидесятыхъ годовъ изъ кружка въ кружокъ рукописная брошюра покойнаго Каблица: *„Мысли революціонера“*. Основное положеніе ея заключалось въ томъ, что такъ какъ *умъ* всегда повинуется *чувству*, а чувство воспитывается *упражненіемъ*; такъ какъ кромѣ того *бунты* воспитываютъ въ народѣ *чувство протеста*, то они гораздо скорѣе, чѣмъ *пропаганда*, подготовятъ его къ соціальной революціи. *Народники (общество „Земля и Воля“)* подсмѣивались надъ этой брошюрой, авторъ которой никогда не считался дѣльнымъ революціонеромъ. Но это не мѣшало имъ видѣть въ бунтахъ лучшее воспитательное средство для народной массы. Они сами бредили „агитаціей“, они сами всюду искали „бунтовъ“, а именно это обстоятельство рано или поздно должно было эмансипировать ихъ отъ *бакунизма*.

„Несмотря на недостатокъ въ немъ сплоченности и организаціи, нашъ народъ безпрерывно протестовалъ противъ гнета государства и высшихъ сословій. Онъ и до сихъ поръ съ нимъ не помирился. И до сихъ поръ то здѣсь, то тамъ постоянно волнуются

крестьяне. Мы должны пользоваться этими волненіями, мы должны расширять и организовать ихъ". Такъ говорили бунтари-народники, и уже съ конца 1876 г. общество *„Земля и Воля"*, въ программу котораго вошли всѣ основныя положенія бакунизма, стало заводить прочныя *„поселенія въ народѣ"*, постепенно распространившіяся по всему среднему и нижнему Поволжью, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Дѣло шло, пожалуй, очень недурно; поселенцы нерѣдко становились вліятельными людьми въ деревнѣ. Но отъ этого мало выигрывало *„святое дѣло бунта"*, какъ выражался Бакунинъ. *Идя „въ народъ"*, бунтарь помнилъ преимущественно то, что въ Россіи ежегодно происходитъ не мало столкновеній крестьянъ съ помѣщиками и администраціей. Это была, такъ сказать, *качественная* сторона дѣла, повидимому ручавшаяся за „бунтарское" настроеніе народной массы. Но *поселившись* въ деревнѣ, онъ подъ вліяніемъ опыта, а отчасти, пожалуй, и скуки, переходилъ къ *количественной* сторонѣ того же дѣла. У него возникалъ такой вопросъ: сколько лѣтъ мнѣ придется ждать бунта въ моей деревнѣ, принимая во вниманіе, что нѣсколько десятковъ крестьянскихъ волненій ежегодно приходится на нѣсколько сотъ тысячъ деревень? Въ отвѣтъ получалась довольно таки большая цифра, погружавшая „бунтаря" въ крайне грустныя размышленія. Къ этому присоединялось еще и вотъ что.

„Бунтарь" шелъ въ народъ съ тѣмъ, чтобы поднимать его противъ *всякаго вообще государства* во имя свободной федераціи свободныхъ общинъ. Но на дѣлѣ выходило, что *агитація*, по скольку она возможна была въ деревнѣ, сводилась къ протесту противъ *нынѣшняго полицейско-сословнаго государства*. Проклинавшій *„политику"* бунтарь на дѣлѣ оказывался прежде всего *политическимъ агитаторомъ*, хотя въ деревнѣ „народные идеалы" ставили даже и для такой агитаціи очень тѣсные предѣлы: въ большинствѣ случаевъ крестьяне упорно связывали съ *вѣрой въ царя* всѣ свои надежды на лучшее будущее *).

Но въ деревнѣ жизнь текла медленно; въ городѣ впечатлѣнія смѣнялись несравненно быстрѣе. Съ тогдашней бунтарско-народ-

---

*) Потому-то такъ называемое *чигиринское дѣло* и осталось самымъ крупнымъ проявленіемъ революціонной работы народниковъ въ крестьянской средѣ. *Прим. къ русск. изд.*

ничeской точки зрѣнія роль *города* въ предстоящей революціи была совершенно ничтожна. Бунтовать надо было *народъ*, а народъ, настоящій, неиспорченный цивилизаціей народъ можно было найти только въ деревнѣ. Но жившимъ въ деревняхъ „бунтарямъ" нужны были паспорта, деньги, адреса, связи, новыя, свѣжія революціонныя силы. Поэтому многіе изъ ихъ товарищей оставались въ городахъ, гдѣ только и можно было найти средства для удовлетворенія всѣхъ этихъ многоразличныхъ потребностей. Занятые преимущественно дѣлами *организаціи* остававшіеся въ городахъ „бунтари" и тамъ не упускали, однако, случаевъ предаться *святому дѣлу бунта*. А въ городахъ, особенно въ Петербургѣ, такихъ случаевъ было тогда не мало. Уже одни политическіе процессы давали прекрасные поводы для агитаціи. Къ этому надо прибавить довольно крупныя стачки рабочихъ, довольно громкіе студенческіе „безпорядки"... Начиная съ весны 1876 г. въ Петербургѣ происходитъ рядъ демонстрацій, которыя доходятъ до своего апогея весною 1878 г., во время *процесса В. И. Засуличъ*. Страсти все болѣе и болѣе разгораются; борьба становится все болѣе и болѣе ожесточенной. И здѣсь особенно замѣтно, что борьба ведется не съ *государствомъ* вообще, а съ *полицейскимъ* государствомъ. *Лавристы* не переставали кричать, что бунтари, забывъ о *соціализмѣ*, борются лишь за *политическую свободу*. „Бунтари" и сами чувствовали, что ихъ *агитаціонная дѣятельность* плохо вяжется съ ихъ *„соціализмомъ"*, но вѣрный революціонный инстинктъ неудержимо толкалъ ихъ впередъ, и они, очень слабо и неудачно защищая свою агитацію *въ теоріи*, очень ловко и настойчиво занимались ею *на практикѣ*.

Борьба велась главнымъ образомъ силами *„интеллигенціи"*. Рабочее населеніе столицы только еще начинало тогда входить во вкусъ *„неповиновенія власти"*; и какъ ни быстро прогрессировало оно въ этомъ направленіи, оно еще не оказывало *массовой* поддержки революціонерамъ. Такъ называемое общество, въ тайнѣ сочувствуя революціонерамъ, ясно видѣло, что сила еще не на ихъ сторонѣ, и потому не вмѣшивалось въ открытыя столкновенія ихъ съ правительствомъ. Такимъ образомъ въ случаяхъ подобныхъ столкновеній революціонная интеллигенція была почти цѣликомъ предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Этихъ силъ было слишкомъ мало *не только для побѣды*, но даже для сколько-нибудь

серьезнаго сопротивленія въ открытомъ бою. Но во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ борьба разгорѣлась уже такъ сильно, что необходимо должна была дойти до своего логическаго конца. Слѣдовательно, надо было найти для нея *новые пріемы.* Эти пріемы даны были въ *терроръ,* который уже практиковался тогда подъ названіемъ *дезорганизаціи правительства.* Терроръ позволялъ наносить правительству сильные удары, несмотря на очевидное, страшное превосходство его силъ надъ силами революціонеровъ. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь къ нему всѣ симпатіи революціонеровъ. „Бунтарская“ дѣятельность въ народѣ незамѣтно отошла на второй планъ, жившіе въ деревняхъ „бунтари“ съ отчаяніемъ увидѣли, что притокъ къ нимъ новыхъ силъ совершенно прекращается. Они, восхищавшіеся прежде каждымъ удачнымъ террористическимъ дѣйствіемъ своихъ городскихъ товарищей, *стали рѣшительно и страстно отрицать терроръ.* Обыкновенно исторія этихъ разногласій изображается въ томъ видѣ, что народники стараго направленія стояли за какую-то мирную дѣятельность, а террористы стремились къ революціи. Въ дѣйствительности споръ шелъ о томъ, продолжать ли *революціонныя,—„бунтарскія“,* —попытки въ народѣ, или, *махнувъ рукой на народъ,* ограничить революціонное дѣло *единоборствомъ интеллигенціи съ правительствомъ.* Споръ этотъ долженъ былъ рѣшиться на Воронежскомъ съѣздѣ лѣтомъ 1879 г.

Мы видѣли, что бунтарская дѣятельность въ деревнѣ оказалась далеко не такой легкой задачей, какой считали ее бунтари, заводя свои „поселенія“. Становилось ясно, что широкій крестьянскій „бунтъ“ могъ быть дѣломъ развѣ лишь очень далекаго будущаго, между тѣмъ какъ „терроръ“ сулилъ близкую побѣду. Вѣсы не могли не склониться въ пользу террора.

На Воронежскомъ съѣздѣ оппозиція „деревенщиковъ“ привела лишь къ тому, что общество *„Земля и Воля“,* возникшее за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ *съ исключительною цѣлью* агитаціи въ народѣ, согласилось *поддерживать* бунтарскія *„поселенія“,* посвящая имъ *одну треть своихъ средствъ.* И всѣ понимали тогда, что это только временная уступка со стороны *„террористовъ“,* что ихъ дѣятельность въ концѣ концовъ поглотитъ даже и тѣ средства, которыя они согласились предоставить въ распоряженіе *„бунтарей“.* Разрывъ сталъ неизбѣженъ. Но онъ ни мало не измѣнилъ есте-

ственнаго теченія событій. Старое революціонное народничество было осуждено на смерть самою жизнью, попытка *„чернопередѣльцевъ"* привлечь къ нему новыя силы окончилась полнѣйшей неудачей. Даже та часть революціонной молодежи, которая сочувствовала программѣ *„Черного Передѣла"*, не покидала городовъ, и скоро одно за другимъ исчезли всѣ или почти всѣ „бунтарскія" „поселенія въ народѣ".

Сосредоточить всѣ силы на „террорѣ" значило направить ихъ цѣликомъ на борьбу за *ту политическую свободу*, которую предавалъ анаѳемѣ каждый правовѣрный бакунистъ и народникъ. На практикѣ партія *„Народной Воли"* была поэтому полнымъ отрицаніемъ бакунизма и народничества. Но *теоретически* она была какъ нельзя болѣе далека отъ полнаго разрыва съ ними. Она еще твердо держалась завѣщаннаго утопическимъ соціализмомъ противопоставленія *„соціализма"* *„политикѣ"*. Ея соціалистическая совѣсть не могла оправдать ея исключительное занятіе *политической* борьбою. Еще громче, чѣмъ соціалистическая совѣсть возбужденной и увлеченной борьбою „Партіи Народной Воли", роптала окружающая ее, какъ атмосфера, но не принадлежащая къ ея организаціи масса революціонной интеллигенціи. Противоположеніе соціализма политикѣ становилось тормазомъ движенія. Устранить этотъ тормазъ помогла *теорія захвата власти*. Народовольцы стали разсуждать такъ: если бы наша борьба привела *только* къ торжеству политической свободы, то это, дѣйствительно, могло бы быть вредно для народа, такъ какъ за политическимъ освобожденіемъ послѣдовало бы усиленное развитіе капитализма, а слѣдовательно и усиленное разложеніе старыхъ экономическихъ основъ крестьянскаго быта. Но если мы, соціалисты, въ искренности которыхъ нельзя сомнѣваться, съумѣемъ, поваливъ абсолютизмъ, захватить власть въ свои руки, то восторжествуетъ уже не *капитализмъ, а соціализмъ*, и народъ безконечно много выиграетъ отъ нашего успѣха. Осуществленіе нашей соціалистической программы будетъ для насъ тѣмъ легче, что въ Россіи очень слабо развитъ капитализмъ, что въ ней очень прочна община, очень крѣпки народные идеалы, и что вообще она *не-Западъ* *). Такимъ образомъ

---

*) Для примѣра см. статью Л. Тихомирова: *„Чего намъ ждать отъ революціи?"* во второй книжкѣ *„Вѣстника Народной Воли"*.

то самое теоретическое затрудненіе, которое, казалось бы, должно было заставить русскихъ революціонеровъ подвергнуть критическому пересмотру всѣ основы „русскаго“, отрицавшаго политику соціализма, на первыхъ порахъ привело лишь къ укрѣпленію и безъ того сильныхъ въ немъ элементовъ *славянофильства*. Покойный Тихомировъ былъ уже настоящимъ славянофиломъ, хотя и не анархическаго, какъ Бакунинъ, а якобинскаго толка. Съ появленіемъ „Партіи Народной Воли“ вообще восторжествовало у насъ остававшееся до тѣхъ поръ чрезвычайно слабымъ *якобинское направленіе Ткачева*. Но не нужно забывать, что Ткачевъ совершенно раздѣлялъ общіе взгляды Бакунина на русскую народную жизнь, расходясь съ нимъ лишь по вопросамъ о пріемахъ революціонной борьбы и о значеніи „государства“. Поэтому якобинскій духъ „Партіи Народной Воли“ вовсе не обозначалъ собою полнаго разрыва съ бакунизмомъ.

„*Терроръ*“ явился у насъ естественнымъ плодомъ *слабости силъ* революціонной партіи, пытавшейся, несмотря на эту слабость, нанести окончательный ударъ правительству. Та же самая причина обусловила собою и неудачу террористической борьбы. Послѣ 1-го марта 1881 года „Партія Народной Воли“ быстро клонится къ упадку. Въ концѣ первой половины 80-хъ годовъ *организованное* революціонное движеніе перестало существовать въ Россіи. *Его циклъ былъ законченъ.* Революціонная интеллигенція обнаружила геройское самоотверженіе; она совершила блестящіе подвиги, но ея силы были окончательно истощены, между тѣмъ какъ реакція росла и крѣпла.

Наступившее затишье было благопріятно для русской революціи, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: оно давало уцѣлѣвшимъ отъ погрома революціонерамъ поводъ и время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую исторію ихъ движенія. Когда все приходилось начинать заново, ничто не могло помѣшать обновленію нашихъ революціонныхъ теорій. Всякій революціонеръ, не принесшій своей „критической мысли“ въ жертву „великимъ тѣнямъ“, невольно спрашивалъ себя,—что такое собственно былъ тотъ „соціализмъ“, подъ знаменемъ котораго совершалась до сихъ поръ наша борьба? При нѣкоторомъ знакомствѣ съ западно-европейской соціалистической литературой легко было увидѣть, что во всѣхъ своихъ видахъ и разновидностяхъ представлялъ онъ

собою самую плоскую переработку утопическаго соціализма. А разъ была обнаружена его *теоретическая* несостоятельность, нетрудно было понять, въ чемъ заключался источникъ его *практической* слабости.

Какъ мы видѣли, наша „*интеллигенція*“ уже съ начала шестидесятыхъ годовъ хорошо сознавала, что ей надо искать поддержки въ „народѣ“. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда опытъ такъ явственно подтвердилъ ей, что она своими собственными силами не одолѣетъ царизма, „*народъ*“ долженъ былъ явиться въ ея глазахъ еще болѣе желаннымъ союзникомъ. Но прежде *интеллигенція* смотрѣла на „*народъ*“ черезъ *славянофильскую* призму. Теперь тотъ же опытъ,—неудача народническихъ революціонныхъ усилій,—заставлялъ подозрѣвать, что эта призма искажаетъ истинные образы предметовъ. Считавшійся оконченнымъ споръ славянофиловъ съ западниками оживалъ въ новомъ видѣ.

„*Народные идеалы*“ (оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько правильно *народническое* представленіе о нихъ) ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить показателемъ *будущаго* общественнаго развитія страны. „Идеалы“ всякаго народа возникаютъ на реальной общественной основѣ. Съ исчезновеніемъ этой основы они продолжаютъ еще существовать нѣкоторое время по закону инерціи, чтобы исчезнуть затѣмъ въ свою очередь, уступивъ мѣсто новымъ идеаламъ, выростающимъ на почвѣ новыхъ условій. „Углубиться“ въ „историческое сознаніе“ народа всегда полезно; но еще полезнѣе для революціонной партіи „углубиться“ въ изученіе *экономіи* той страны, гдѣ она дѣйствуетъ. Да и этого мало. Не довольствуясь констатированіемъ *существующихъ* отношеній, она должна опредѣлить направленіе ихъ *развитія*, понять смыслъ того, *что возникаетъ*. Сила исторической философіи Маркса, которая въ восьмидесятыхъ годахъ была уже общепризнанной основой западно-европейскаго соціализма и съ которой, слѣдовательно, намъ прежде всего надо было справляться, заключается именно въ томъ, что она разсматриваетъ всѣ общественныя явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и уничтоженія. Марксизмъ никогда не искалъ въ *застоѣ* основы ни для революціонныхъ ожиданій въ будущемъ, ни для практическихъ революціонныхъ дѣйствій въ настоящемъ. Съ точки зрѣнія марксизма ясно было, что не экономическій застой, охраняющій старыя

формы жизни, а экономическое *движеніе*, расшатывающее историческую основу царизма, подготовитъ у насъ торжество революціонной партіи. Въ примѣненіи къ „народу“ это означало, что рѣшающая прогрессивная роль въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи будетъ принадлежать не тѣмъ слоямъ ея населенія, которые живутъ при старыхъ, постепенно исчезающихъ условіяхъ, а тѣмъ, которые возникаютъ, растутъ и усиливаются вслѣдствіе современнаго намъ экономическаго развитія. Естественнымъ, ближайшимъ союзникомъ революціонеровъ оказывался поэтому не ветхозавѣтный *крестьянинъ*, а современный *пролетарій*. Не сразу освоился съ этимъ выводомъ „русскій соціалистъ“, которому двадцатилѣтняя привычка мѣшала видѣть въ пролетаріатѣ что-либо, кромѣ пассивнаго продукта исторической „буржуазной цивилизаціи“. Та же привычка заставляла его преувеличивать экономическую самобытность Россіи. Даже переставъ видѣть въ нашей экономической отсталости надежнѣйшій залогъ своего успѣха, онъ все-таки не безъ труда могъ освоиться съ тою мыслью, что исторія безъ его вѣдома и вопреки какъ его собственнымъ, такъ и „народнымъ идеаламъ“ уже создала новую революціонную силу. Но факты говорили сами за себя. Всѣ изслѣдователи русской жизни сходились между собою въ томъ, что внутреннее разложеніе общины идетъ впередъ съ постоянно возрастающимъ ускореніемъ, что въ завѣщанномъ намъ исторіей крестьянскомъ *сословіи* быстро образуются два новыхъ *класса*: буржуазія и пролетаріатъ; что капитализмъ торжествуетъ по всей линіи. Правда, почти каждый изслѣдователь былъ при этомъ убѣжденъ, что дѣло можно еще поправить и предлагалъ свою утопію съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ гомеопатическимъ характеромъ. Но мы уже знали цѣну утопіямъ.

Неожиданный для насъ самихъ выводъ относительно революціоннаго значенія русскаго пролетаріата какъ нельзя болѣе подтверждался *исторіей нашего движенія*. „Бунтари“-народники никогда не задавались, да и не могли задаваться цѣлью систематическаго воздѣйствія на промышленный пролетаріатъ; единственное, что они могли сказать ему, сводилось къ очень мало утѣшительному и вовсе не поучительному выводу: ты—испорченное цивилизаціей дитя русскаго народа; и лучше было бы, если бы тебя совсѣмъ не существовало. Само собою понятно, что столь печаль-

ный выводъ никакъ не могъ содѣйствовать политическому развитію русскаго рабочаго класса. Но—такова сила вещей!—его сознаніе *все-таки развивалось.* Рабочая *масса* уже въ половинѣ 70-хъ годовъ приходила къ тому убѣжденію, что студенты (такъ называлъ да, вѣроятно, и теперь называетъ народъ революціонеровъ), борясь съ правительствомъ, отстаиваютъ самые насущные народные интересы. А что касается *передовыхъ представителей* этой массы, то они въ лицѣ *„Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“ раньше интеллигенціи* поняли нелѣпость противоположенія политики соціализму *).

Обезнародьте народъ, разсуждалъ въ 60-хъ годахъ славянофилъ И. С. Аксаковъ, и наши теоріи окажутся лишенными всякой реальной основы; у насъ явится почва для революціонныхъ движеній, подобныхъ западно-европейскимъ. И. С. Аксаковъ правъ, хотя въ качествѣ русскаго „интеллигента“ 40-хъ годовъ онъ былъ лишенъ всякаго экономическаго образованія, а поэтому даже и не подозрѣвалъ, *откуда* можетъ взяться вліяніе, способное *„обезнародить народъ“,* идеализованный славянофилами.

Русское правительство вынуждено было продолжать начатый Петромъ процессъ европеизаціи, хотя само оно, конечно, ни мало не думало при этомъ о прогрессивномъ воздѣйствіи на русскій народъ. Оно повиновалось всемогущей исторической необходимости, но мало-по-малу европеизація коснулась самыхъ глубокихъ основаній русской народной жизни, перестроила всю экономику Россіи, и необходимымъ слѣдствіемъ этого явилось враждебное правительству освободительное *теченіе снизу.* Старый споръ славянофиловъ съ западниками, начавшійся на философской почвѣ, рѣшался политической экономіей.

Разъ обращено было революціонерами вниманіе на это рѣшеніе, востановлялась логическая нить развитія русской революціонной мысли, порванная проникновеніемъ въ Россіи теорій утопическаго соціализма. Еще Бѣлинскій съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе *„Deutsch-Französichen Jahrbücher“* Маркса и Руге. А теперь мы, русскіе соціалъ-демократы, считаемъ распространеніе въ Россіи взглядовъ Маркса важнѣйшей задачей нашей пропаганды.

---

*) См. объ этомъ въ моей брошюрѣ: „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“.

Итакъ, наша новая точка зрѣнія дѣлала рѣшительно невозможнымъ для насъ страхъ передъ успѣхами русскаго *капитализма*, совершенно немыслимымъ сомнѣніе относительно пользы *политической свободы*. Противопоставленіе соціализма „политикѣ“, очень вредное на практикѣ, оказывалось нелѣпымъ и въ теоріи, такъ какъ *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Народовольческая фикція захвата власти соціалистами-заговорщиками становилась излишней, потому что само собою падало то затрудненіе, въ виду котораго она была придумана. Она уступала мѣсто сознанію необходимости воспитывать пролетаріатъ для его будущаго *господства*. Наконецъ измѣнялся взглядъ и на терроръ. Когда борьба велась силами одной интеллигенціи, онъ сдѣлался безусловно неизбѣжнымъ, какъ только борьба достигла значительной степени напряженности. Но когда расширится русло русскаго революціоннаго движенія, онъ пріобрѣтаетъ условное, относительное значеніе пріема, который можетъ быть полезенъ, а можетъ быть и вреденъ, смотря по положенію дѣлъ партіи въ данное время.

Взгляды русскихъ соціалъ-демократовъ на первыхъ порахъ вызвали противъ себя цѣлую бурю. Но постепенно волненіе улеглось, и теперь послѣ десятилѣтней литературной дѣятельности мы можемъ сказать, что въ теоретическомъ отношеніи наша цѣль почти достигнута: возвратъ къ старымъ революціоннымъ теоріямъ теперь уже совершенно невозможенъ, и каждая, даже самая враждебная намъ группа русскихъ революціонеровъ на три четверти усвоила себѣ наши идеи. Если многіе до сихъ поръ еще *не совсѣмъ* соглашаются съ нами, то это происходитъ потому, что, къ сожалѣнію, многіе еще *не вполнѣ насъ понимаютъ*.

Во-первыхъ, нашего „интеллигента“ все еще продолжаетъ смущать призракъ неподвижности русскихъ экономическихъ отношеній. Онъ все еще нерѣдко продолжаетъ сомнѣваться въ примѣнимости къ намъ марксизма на томъ основаніи, что у насъ *„мало рабочихъ“*. Но эти сомнѣнія являются послѣдними, предсмертными судоргами стараго, утопическаго міросозерцанія. Вырвавъ корень этого міросозерцанія, мы, конечно, скоро приведемъ нашихъ товарищей къ убѣжденію въ томъ, что если у насъ *„мало рабочихъ“*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что у насъ должно быть *много утопическихъ предразсудковъ*. Уже близко то время, когда *марксизмъ*

станетъ единственнымъ критеріемъ нашихъ революціонныхъ программъ и ученій.

Во-вторыхъ, и именно въ силу правила: *„возмѣщай недостатокъ рабочихъ обиліемъ предразсудковъ“*, наши взгляды часто истолковываются въ томъ смыслѣ, что мы, стремясь имѣть дѣло съ рабочими, не хотимъ ничего знать, кромѣ рабочихъ. Покойный Пржевальскій разсказывалъ въ одномъ изъ своихъ путешествій, что онъ и его товарищи заводили большихъ собакъ, отгонявшихъ отъ ихъ стоянокъ туземцевъ. Насъ понимаютъ иногда въ томъ смыслѣ, что мы не прочь подражать Пржевальскому, чтобы отогнать отъ себя всѣ слои русскаго населенія, кромѣ пролетаріата. Но если бы кто-нибудь изъ русскихъ соціалъ-демократовъ и заслужилъ подобный упрекъ, то это показывало бы только, что онъ не понимаетъ того самаго ученія, подъ знамя котораго становится. Ученіе Маркса должно и будетъ служить намъ не для того, чтобы отталкивать отъ себя недовольные элементы русскаго населенія, но для того, чтобы умѣть привлекать ихъ и воздѣйствовать на нихъ, не смущаясь никакими предразсудками. Какъ показано выше, уже бунтари-народники вынуждены были вести политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будемъ вести ту же борьбу, хорошо сознавая значеніе политическихъ правъ въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ. „Партія Народной Воли“ сосредоточила всѣ свои силы на борьбѣ съ царской властью, извиняясь передъ „соціализмомъ“ съ помощью *фикцій*. Мы будемъ продолжать ея великое дѣло, но мы не будемъ нуждаться въ фикціяхъ; для насъ не существуетъ противоположенія *соціализма политикѣ*, бунтари отрицали ее во имя *„агитаціи“*. Мы будемъ заниматься и тѣмъ и другимъ, такъ какъ никакая агитація *немыслима* безъ пропаганды и всякая пропаганда *безсмысленна*, если она не приводитъ къ агитаціи, *ко вліянію на массу*.

Революціонное затишье, наступившее въ Россіи послѣ 1-го Марта 1881 года, многимъ казалось страннымъ, почти необъяснимымъ. Но въ сущности причины его совершенно ясны. Движеніе семидесятыхъ годовъ было, какъ я сказалъ, преимущественно движеніемъ „интеллигенціи“, иначе разночинцевъ, этого перваго общественнаго слоя, всколыхнувшагося подъ вліяніемъ глубокаго соціальнаго переворота, пережитаго Россіей въ предшествовавшее десятилѣтіе. Силы этого слоя были окончательно истощены въ

такое время, когда другіе, болѣе сильные слои еще не могли взять его дѣло въ свои руки. Рабочій классъ еще только *созрѣвалъ* для революціонной борьбы, а терроръ скорѣе замедлилъ, чѣмъ ускорилъ процессъ его созрѣванія. Буржуазія въ ея цѣломъ имѣла не мало причинъ быть недовольной правительствомъ, но гораздо болѣе многочисленныя и гораздо болѣе важныя причины заставляли ее „обожать монарха". Реформы Александра II дали ей множество способовъ легкой и вѣрной наживы. Онѣ впервые сдѣлали ее вліятельнымъ общественнымъ классомъ. Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что русскіе предприниматели получаютъ, говоря вообще, огромную прибыль на свои капиталы. Правительство, которое создаетъ, поддерживаетъ и умножаетъ условія для столь быстраго роста капитала, не можетъ не казаться капиталистамъ *почти идеальнымъ* правительствомъ. Вотъ почему нашъ *„либерализмъ"* увлекалъ до сихъ поръ только людей *„либеральныхъ профессій"*, преподавателей, журналистовъ, адвокатовъ и т. п. *либераловъ по профессіи.* Эта часть буржуазіи либеральничала въ мѣру своихъ силъ, т. е. очень скромно. Остальная, наибольшая и несравненно болѣе вліятельная часть ея видѣла въ революціонерахъ вреднѣйшихъ враговъ „порядка", т. е. ея собственнаго, баснословно быстраго обогащенія. Еще совсѣмъ недавно (22 мая стараго стиля) министръ финансовъ на торжественномъ засѣданіи рыбинской биржи по случаю ея пятидесятилѣтія, провозгласивъ тостъ за *русское купечество,* сказалъ, что „историческій" опытъ показываетъ и самъ онъ проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что торговое сословіе составляетъ надежный оплотъ престолу и отечеству, и что, безъ сомнѣнія, и впредь будетъ такъ и *всегда во вѣки вѣковъ" (это подлинныя слова г. министра).* Но извѣстно, что когда оффиціальныя лица разсуждаютъ объ исторіи, они видятъ только *ея заднюю часть.* Г. министръ позабылъ спросить себя, на чемъ основывается его вѣра въ будущій, вѣковѣчный союзъ „россійскаго купечества" съ монархіей. Купеческая мошна—ненадежный союзникъ. Она поддерживаетъ лишь тѣхъ, отъ кого ожидаетъ выгодъ, *и только до тѣхъ* поръ, *пока* ожидаетъ выгодъ. Она не знаетъ благодарности. Русскій абсолютизмъ въ послѣднія два царствованія ревностно служилъ буржуазіи. Но чѣмъ болѣе усердствовалъ онъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе подрывалъ онъ свои средства служить ей *въ будущемъ.* Ея баснословно быстрое *обогащеніе* покупалось цѣною

столь же быстраго *обнищанія* крестьянства. Дѣло дошло наконецъ до того, что земледѣльческое населеніе оказалось осужденнымъ на *хроническій голодъ.* Но хроническій голодъ въ странѣ, гдѣ фабрично-заводское производство разсчитано преимущественно на внутренній рынокъ, грозитъ банкротствомъ самой буржуазіи. Уже по одному этому ея преданность и престолу и отечеству (т. е., на оффиціальномъ языкѣ, тому же престолу) подвергается сильному испытанію; но это далеко не все. Разоривъ мужика, правительство вынуждено будетъ обратиться за деньгами къ той самой буржуазіи, которая умѣла только *получать* ихъ изъ государственнаго казначейства въ видѣ всевозможныхъ „субсидій". Подобнаго испытанія купеческая мошна не выдержитъ, и мы, вопреки увѣренности г. министра финансовъ, можемъ высказать свою увѣренность въ томъ, что приближается время разрыва „россійскаго купечества" со *всероссійскимъ деспотизмомъ.*

Наша буржуазія еще очень плохо воспитана въ политическомъ отношеніи. Пока будетъ совершаться ея политическое воспитаніе, ея передовые элементы, ея „идеологи" по необходимости будутъ подпадать подъ вліяніе болѣе зрѣлыхъ элементовъ революціонной „интеллигенціи". Кто понимаетъ важность одного этого обстоятельства для нашего соціалистическаго движенія, тотъ не скажетъ, что мы можемъ *не обращать вниманія на буржуазію.*

Но важнѣе этого другое, только что высказанное мною соображеніе. Пока мы „углублялись въ историческое созпаніе русскаго народа", окончательно исчезла та экономическая почва, на которой оно выросло. Дѣло тутъ не въ томъ, что народъ бѣднѣлъ все болѣе и болѣе, какъ ни важно само по себѣ это явленіе. Дѣло въ томъ, что *количественныя измѣненія* въ положеніи земледѣльца, безпрерывно накопляясь, привели къ глубокому *качественному* его измѣненію. Теперь русскій земледѣлецъ совсѣмъ не тотъ идеализованный крестьянинъ, съ которымъ собирались имѣть дѣло революціонеры-народники 70-хъ годовъ. Совершенно выбитый изъ своего стараго, вѣками завѣщаннаго крестьянскаго обихода онъ поневолѣ приходитъ въ движеніе и поневолѣ начинаетъ расшатывать зданіе абсолютизма, прочно покоившееся на его широкой спинѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Вотъ почему было бы величайшей нелѣпостью, невѣроятнѣйшимъ позорнѣйшимъ доктринерствомъ думать, что русскіе соціалъ-демократы *не должны воздѣй-*

ствовать на крестьянство. Совершенно наоборотъ. Мы *обязаны* воздѣйствовать на крестьянство, мы *обязаны* употребить всѣ усилія, чтобы внести въ его среду революціонное сознаніе, заботясь только о томъ, чтобы *крестьянство перестало воздѣйствовать на насъ*, т. е. чтобы воспоминаніе объ его „историческомъ сознаніи“ не поддерживало „интеллигентской“ склонности къ утопіямъ. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что воздѣйствуя на крестьянство, интеллигенція должна *твердо держаться точки зрѣнія пролетаріата.* А кому ясенъ этотъ смыслъ нашихъ словъ, тотъ понимаетъ, что *„много“* или *„мало“* у насъ *„рабочихъ“*, но правильная оцѣнка современныхъ нашихъ общественныхъ отношеній можетъ быть дана только современнымъ научнымъ соціализмомъ, и что дѣло не въ числѣ рабочихъ, существующихъ въ данное время, а въ общемъ направленіи нашего экономическаго развитія *).

Въ Россіи есть люди, уже ставшіе на точку зрѣнія научнаго соціализма, но еще не рѣшающіеся признать себя *соціалъ-демократами.* Это происходитъ потому, что намъ приписываютъ стремленіе ввести у насъ *тактику* нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Само собою понятно, что мы были бы сумасшедшими, если бы помышляли о чемъ-нибудь подобномъ. Мы назвали себя *соціалъ-демократами* не потому, что хотѣли обезьянить нѣмцевъ, а потому, что, по нашему мнѣнію, русскимъ революціонерамъ слѣдовало перестать *обезьянить Бакунина*, считавшаго соціалъ-демократію воплощеніемъ *реакціи.* Мы убѣждены, что этотъ предразсудокъ долженъ быть уничтоженъ въ интересахъ русскаго рабочаго класса, который даже по легальнымъ изданіямъ можетъ отчасти слѣдить за огромными успѣхами пролетаріата сосѣдней страны. Каждая побѣда нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ должна напоминать русскому рабочему, что по обѣ стороны границы борьба ведется, несмотря на различіе мѣстныхъ условій, за торжество того же самаго принципа. Этого, разумѣется, не достигнете *однимъ названіемъ*; къ этому должна вести *вся наша дѣятельность*, но этому не должно и мѣ-

*) Уже въ *„Нашихъ Разногласіяхъ“* я показалъ, до какой степени неосновательны разсчеты, приводящіе къ выводу: у насъ мало рабочихъ. Но, повторяю, каково бы ни было число ихъ въ настоящее время, изъ него никакъ нельзя вывести нашего права на предразсудки.

шать и различіе партіонныхъ названій, способное лишь сбивать съ толку людей не совсѣмъ подготовленныхъ.

Мы будемъ... Но мнѣ могутъ замѣтить, что если кому-нибудь интересны мои *взгляды*, то ни для кого не убѣдительны мои ручательства за *будущее*, и что поэтому мнѣ слѣдуетъ говорить: *мы должны, а не мы будемъ*. Я согласенъ признать справедливость подобнаго замѣчанія и говорю: *мы должны* поступать вышеуказаннымъ образомъ подъ страхомъ революціоннаго *вырожденія*, подъ страхомъ превращенія въ секту, *замѣчательную только своимъ безплодіемъ*, въ доктринеровъ въ родѣ блаженной памяти лавристовъ...

Въ Вашемъ письмѣ Вы спрашиваете меня, товарищи, какова *организація* русскихъ соціалъ-демократовъ. Я не хочу вводить Васъ въ заблужденіе; бесѣдуя съ Вами, я считаю своею святою обязанностью, по выраженію Лассаля, *aussprechen was ist*, и потому я отвѣчу Вамъ, что со стороны организаціи наше положеніе оставляетъ желать очень и очень многаго. Въ Россіи вообще, а не только между соціалъ-демократами пока еще нѣтъ сильной революціонной организаціи. Остается говорить лишь о нашихъ *пожеланіяхъ* на этотъ счетъ. А пожеланія наши сводятся къ созданію подвижной боевой организаціи, въ родѣ общества *„Земля и Воля“* или *„Партіи Народной Воли“*, организаціи, являющейся *всюду, гдѣ можно нанести ударъ правительству, поддерживающей всякое революціонное движеніе противъ существующаго порядка вещей, и въ то же время ни на минуту не упускающей изъ виду будущности нашего движенія*. Скоро ли намъ удастся осуществить такой идеалъ? Не знаемъ. Но то несомнѣнно, что мы тѣмъ скорѣе придемъ къ его осуществленію, чѣмъ скорѣе и полнѣе усвоятъ наши революціонеры принципы *научнаго соціализма*.

Нынѣшнее положеніе Россіи какъ нельзя болѣе революціонно. Помѣшать успѣшному дѣйствію революціонеровъ могли бы развѣ лишь два врага: не совсѣмъ еще исчезнувшіе старые предразсудки или плохое, *узкое пониманіе новой программы*. Справившись съ этими врагами, революціонная партія можетъ не бояться за свое будущее. Всѣ объективныя условія ея успѣха находятся на лицо, а въ субъективномъ отношеніи ей нужны будутъ тогда только три вещи: *de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace!*

Май 1893 года.

Г. Плехановъ.

Нѣкоторыя примѣчанiя П. Л. Лаврова

къ польскому изданiю А. Туна.

Стр. 38. Я былъ профессоромъ въ артиллерiйской академiи, а не въ военной (такъ назыв. обыкновенно академiя генеральнаго штаба).

Стр. 38. Именно мой рефератъ объ анабаптистахъ не имѣлъ особеннаго успѣха: онъ былъ слишкомъ длиненъ; другiе рефераты имѣли большiй успѣхъ.

Стр. 38. Между мной и каракозовцами не было рѣшительно никакой связи. Ни во время слѣдствiя, ни въ приговорѣ обо мнѣ совершенно не упоминается. Хотя меня арестовали и сослали тогда же, когда разбиралось ихъ дѣло, но противъ меня были другiе пункты обвиненiя.

Стр. 38. Я былъ сосланъ не въ Архангельскую, а въ Вологодскую губернiю.

Стр. 38. Въ Парижской Коммунѣ я, собственно говоря, не принималъ участiя, хотя имѣлъ не мало друзей въ числѣ ея участниковъ (въ особенности Варлена). Имѣя въ виду содѣйствiе коммунарамъ, я по своей инициативѣ поѣхалъ въ Лондонъ и Брюссель, когда уже дѣла Коммуны шли плохо (я, однако, сообщилъ объ этомъ Варлену и его товарищамъ). Но сомнѣваюсь, чтобы все это можно было назвать дѣятельнымъ участiемъ въ возстанiи.

Стр. 39. О различныхъ программахъ „Впередъ" до его выхода въ свѣтъ Тунъ не могъ имѣть подробныхъ свѣдѣнiй, такъ какъ никто не могъ ихъ имѣть, кромѣ меня.

Когда мнѣ предложили въ началѣ весны 1872 г. основать революцiонный органъ, я совсѣмъ не зналъ группировки революцiонныхъ силъ въ Россiи. Съ группами чайковцевъ (тогда уже несуществующими) какъ и съ другими подобными группами я не имѣлъ никакихъ связей; я зналъ только оппозицiонныя стремленiя моихъ личныхъ друзей, литераторовъ радикаловъ и либераловъ. Первый проэктъ программы, составленный втеченiе двухъ дней былъ только проэктомъ—какъ приступить къ изданiю органа и ничѣмъ больше. Проэктъ былъ приноровленъ къ лицамъ, ко-

торыхъ я считалъ будущими сотрудниками. Вопреки моему желанію, проэктъ былъ отлитографированъ раньше, чѣмъ я могъ убѣдиться, насколько правильны мои предположенія. Въ сентябрѣ 1872 г. я убѣдился, что они были неправильны, что никто изъ литераторовъ, хотя бы радикальнѣйшихъ, не присоединится къ этой программѣ, но за то я узналъ, что революціонныя стремленія и даже начала организаціи развились среди молодежи гораздо болѣе, чѣмъ я предполагалъ во время моего пребыванія въ Россіи въ 1870 г., и что слѣдовало разсчитывать на сотрудниковъ именно изъ этой среды. Въ этомъ духѣ была составлена другая программа, которую друзья повезли въ Россію. Когда весной 1873 г. дѣло касалось изданія № 1 „Впередъ", тогда программа эта была еще разъ исправлена (незначительно), принимая во вниманіе тѣ литературныя силы, которыя были уже тогда въ дѣйствительности моими помощниками въ этомъ дѣлѣ. Вообще было бы довольно ошибочно принимать эту программу за программу партіи уже организованной, между тѣмъ какъ это была скорѣе программа изданія, которое въ будущемъ могло сдѣлаться органомъ партіи, если бы послѣдняя организовалась и начала дѣйствовать въ самой Россіи. Дѣло выяснилось лишь въ эпоху „хожденія въ народъ", т. е. лѣтомъ 1873 г.

Стр. 40. Совершенно неправильно утвержденіе, что въ журналѣ „Впередъ" осуждалась политическая дѣятельность. Даже въ № 1 статья „Счеты русскаго народа" прямо носитъ политическій характеръ.

Стр. 50. Изъ выраженій Туна можно было бы вывести, что всѣ перечисленныя имъ группы образовались одновременно, а не на почвѣ первоначальнаго движенія чайковцевъ. Это было бы неправильно, и самъ Тунъ на это указываетъ ниже.

Стр. 220—221. Я принадлежалъ и принадлежу къ организаціи, которая существовала и существуетъ подъ именемъ „Краснаго Креста Народной Воли". Я не знаю ни объ одномъ случаѣ, чтобы деньги собранныя для этой цѣли (т. е. для помощи сосланнымъ въ Сибирь, сидящимъ въ тюрьмахъ и т. д.) были обращены на террористическую дѣятельность.

Изданія „Библіотеки для всѣхъ“.

№ 1. Н. Гаринъ. „На практикѣ“, ц. 5 к. (разошлось).
№ 2. С. Елпатьевскій „Служащій“, ц. 10 к. (разошлось).
№ 3. Его-же. „Апельсинщикъ“, ц. 3 к. (разошлось).
№ 4. С. Елпатьевскій. „О. Кириллъ“, ц. 5 к. (разошлось).
№ 5. Ив. Наживинъ. „Дымъ“, ц. 1 к.
№ 6. Его-же. „Два старика“, ц. 3 к.
№ 7. В. Измайловъ. „Уловительницы“, ц. 1 к. (разошлось).
№ 8. Его-же. „Междоусобица“, ц. 4 к. (разошлось).
№ 9. И. Наживинъ. „Въ госпиталѣ“, ц. 3 к.
№ 10. Его-же. „Бабушка“, ц. 4 к. (разошлось).
№ 11. В. Беренштамъ. „Въ одиночку“, ц. 3 к.
№ 12. И. Наживинъ. „Въ степяхъ“, ц. 10 к. (разошлось).
№ 13. Л. Мельшинъ. „На китайской рѣкѣ“, ц. 10 к.
№ 14. С. Гусевъ-Оренбургскій. „Чужая вина“ (Кузьма), ц. 4 к.
№ 15. В. Измайловъ. „Непримиримые“, ц. $1^1/_2$ к.
№ 16. И. Наживинъ. „Въ курьерскомъ поѣздѣ“, ц. 3 к.
№ 17. Его-же. „Среди могилъ“, ц. 25 к.
№ 18. Гусевъ-Оренбургскій. „Казакъ Колодинъ“, ц. 7 к.
№ 19. Генри Джорджъ. „Моисей“, ц. 7 к.

В. Беренштамъ. „За право!“. I изданіе (разошлось).
„ПѢСНИ СВОБОДЫ“, сборникъ стиховъ, ц. 30 к.
Дм. Сѣдой. „Промышленная жизнь Англіи въ XVIII и XIX ст.“, ц. 30 к.
Ф. Данъ. „Всенародное учредительное собраніе“, 15 к.
А. Бебель. „Общество будущаго“, ц. 20 к.
В. Беренштамъ. „За право!“. II исправл. и дополн. изд., ц. 90 к.
По Лиссагарэ. „Исторія Парижской коммуны“, ц. 20 к.
Р. З. „Великая французская революція“. ц. 10 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Л. Браунъ. „Женскій трудъ и домашнее хозяйство“.
А. Бебель. „Соціализмъ и всеобщее избирательное право“.
Роландъ-Гольстъ. „Всеобщая стачка и соціалъ-демократія“.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ—Аптекарскій проспектъ, д. 10, кв. 1.

ОТДѢЛЕНІЯ:

ПЕТЕРБУРГЪ. Книжный складъ Соловьевой и [illegible]—Троицкая, 3.
МОСКВА. Книжный магазинъ „Трудъ“ — [illegible], 28.
Книжный магазинъ П. Д. [illegible]—[illegible], 17.
ТОМСКЪ. Книжный магазинъ Макушина.

